

Э. А. Орлова

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

2-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2016

УДК 316(075.8)

ББК 60.5я73

О66

Автор:

Орлова Эльна Александровна — доктор философских наук, профессор, директор Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры, профессор кафедры общей социологии социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, академик Российской академии естественных наук.

Рецензенты:

Межуев В. М. — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук;

Данилова О. Н. — доктор философских наук, заведующая сектором культурной семантики Российского института культурологии.

Орлова, Э. А.

О66 Социальная и культурная антропология : учебник и практикум для академического бакалавриата / Э. А. Орлова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 336 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-6189-8

Данный учебник представляет собой введение в социальную и культурную антропологию, науку, в рамках которой с конца XIX века изучается содержание совместной жизни людей. Здесь рассматриваются ведущие научные направления, сложившиеся в рамках этих областей социальнонаучного знания. Однако сделано это несколько по-иному, чем принято в отечественной литературе. Вместо изложения законченной теоретической системы автор останавливается на тех исходных основаниях и аналитических линиях, которые имеют отношение к современному изучению динамики общества и культуры.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Учебник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, изучающих человека, общество и культуру.

УДК 316(075.8)

ББК 60.5я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

© Орлова Э. А., 2004

© Орлова Э. А., 2015, с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2016

ISBN 978-5-9916-6189-8

Оглавление

Предисловие	10
-------------------	----

Раздел I

ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1. Социальная и культурная антропология как область научного исследования динамики культуры	17
--	-----------

1.1. Факторы, обуславливающие развитие социальной и культурной антропологии.....	18
---	----

Политические факторы

Социально-экономические факторы

Мировоззренческие факторы

Научные факторы

1.2. Предметная область и объект социальной и культурной антропологии	20
---	----

Предметная область социально- и культурно-антропологических исследований

Объект и направление социально- и культурно-антропологических исследований

1.3. Определение понятия «культура»	23
---	----

Культура как содержательный аспект социальной жизни

Искусственность культурных феноменов

Вещи

Образцы человеческих отношений

Технологии

Символические объекты

1.4. Отличие социальной и культурной антропологии от других наук о человеке	28
--	----

Социальная и культурная антропология и социология

Психологическая антропология и психология

1.5. Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии.....	30
--	----

Изменения в исследовательских акцентах

Тема «униформность и многообразие» в изучении культуры

Теории и концептуальные направления в социальной и культурной антропологии

<i>Выводы.....</i>	<i>36</i>
--------------------	-----------

<i>Контрольные вопросы</i>	<i>38</i>
----------------------------------	-----------

Глава 2. Социобиологические и этологические основания изучения динамики культуры.....	39
--	-----------

2.1. Этологическая и социобиологическая трактовка социальной организации ...	41
--	----

Общая концепция социальной организации

Стратификация и территория

<i>Агрессивность и социальная организация</i>	
<i>Альтруизм и социальная организация</i>	
2.2. Сигнальное поведение и социальность.....	48
2.3. Обучение и его адаптивная функция.....	50
2.4. Исследовательское поведение в освоении окружения.....	53
2.5. Игра и ее влияние на изменение поведения.....	55
<i>Выводы.....</i>	<i>56</i>
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>57</i>

Раздел II

ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Глава 3. Порождение и функционирование систем социального взаимодействия.....	61
3.1. Основания структурно-функционального анализа.....	61
3.2. Концепция потребностей.....	64
3.3. Концепция социального действия.....	66
3.4. Концепция социальной системы.....	68
<i>Однофакторная концепция социальной системы</i>	
<i>Мультикаузальная (многофакторная) модель социальной системы</i>	
<i>Структурно-функциональная модель социальной системы</i>	
<i>Стратифицированная модель социальной системы</i>	
3.5. Структурный функционализм. Общие представления.....	71
3.6. Структура социальной системы.....	73
3.7. Концепция социального института.....	74
3.8. Моральные нормы и их институциональные динамические функции.....	76
3.9. Нормы и дополнителность.....	78
3.10. Социальная дифференциация как процесс.....	81
3.11. Источники динамики социальной системы.....	84
<i>Отклонения элементов системы от исполнения предписанных им функций</i>	
<i>Взаимозависимость и функциональная автономия</i>	
<i>Отношения эксплуатации</i>	
<i>Индивид и социальные системы</i>	
<i>Социальное неравенство</i>	
<i>Сдвиг социальных порядков</i>	
<i>Власть и социальные изменения</i>	
3.12. Эвристические возможности структурно-функционального анализа.....	88
<i>Выводы.....</i>	<i>89</i>
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>91</i>
Глава 4. Исследование принципов символической организации культуры. Структурализм.....	92
4.1. Трансформация стимулов в представления (образы и внутренние концепты).....	93
<i>Формирование представлений</i>	
<i>«Фантазмы»</i>	
4.2. Трансформация представлений в знаки и символы.....	97
<i>Формирование знаков</i>	

<i>Связь знака и представления</i>	
<i>Происхождение связи между означаемым и означающим</i>	
<i>Формы связи между означаемым и означающим</i>	
<i>Надежность связи между означаемым и означающим</i>	
4.3. Формирование символических объектов.....	101
4.4. Языки культуры и культурные порядки	103
<i>Концепция культурного порядка</i>	
<i>Языки культуры и их функции</i>	
<i>Построение высказывания</i>	
<i>Язык телодвижений (мимика, жестикация, позы)</i>	
<i>Пространственный порядок</i>	
<i>Институциональный порядок</i>	
<i>Познавательный порядок</i>	
<i>Письмо как порядок</i>	
<i>Реальное и несуществующее</i>	
4.5. Эвристические возможности структурализма	
в изучении динамики культуры	115
<i>Выводы</i>	116
<i>Контрольные вопросы</i>	118

Раздел III

ДИНАМИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

Глава 5. Коммуникативные процессы как функциональная и символическая культурная среда	123
5.1. Общая концепция коммуникации	125
<i>Внешние детерминанты коммуникативных процессов</i>	
<i>Внутриличностные детерминанты коммуникативных процессов</i>	
5.2. Субъекты социокультурной коммуникации.....	130
<i>«Я-концепция»</i>	
<i>Личностная идентичность</i>	
<i>Лицо</i>	
<i>Социальная идентичность</i>	
<i>Представление о других</i>	
5.3. Коммуникация как средство снижения уровня неопределенности ситуации.....	133
<i>Коммуникативные нормы</i>	
<i>Коммуникативные правила</i>	
<i>Роли в коммуникативном процессе</i>	
<i>Коммуникативные сети</i>	
<i>Неопределенность и концепция времени в процессах коммуникации</i>	
5.4. Речь в структуре социального взаимодействия и коммуникации.....	136
<i>Язык и речь</i>	
<i>Структура коммуникаций в системе социального взаимодействия</i>	
5.5. Структура построения дискурса в ситуации социального взаимодействия	139
<i>Код</i>	
<i>Нормы взаимодействия</i>	

<i>Речевые жанры</i>	
<i>Формы речи</i>	
<i>Нормы интерпретации</i>	
<i>Каналы передачи информации</i>	
<i>Говорящий</i>	
<i>Адресат</i>	
<i>Слушатели или аудитория</i>	
<i>Цели коммуникации</i>	
<i>Формы сообщений</i>	
<i>Содержание сообщения</i>	
<i>Обстановка коммуникации</i>	
<i>Сцена речевого акта</i>	
<i>«Ключ» коммуникативного процесса</i>	
5.6. <i>Стиль речи (или вербальной коммуникации).....</i>	142
<i>Прямой и непрямой речевые стили</i>	
<i>Выразительность стиля</i>	
<i>Инструментальный и экспрессивный (аффективный) стили</i>	
<i>Стиль коммуникатора</i>	
5.7. <i>Невербальные аспекты социокультурной коммуникации.....</i>	144
<i>Межличностная дистанция в процессе коммуникации</i>	
<i>Стили невербального поведения</i>	
<i>Объекты обмена в процессах коммуникации</i>	
5.8. <i>Концепция коммуникации в изучении динамики культуры.....</i>	148
<i>Выводы.....</i>	150
<i>Контрольные вопросы.....</i>	151
Глава 6. Проблемы освоения культуры	153
6.1. <i>Тема «культура и личность»: основные направления исследования.....</i>	155
6.2. <i>Формирование личности: общие представления</i>	
<i>о социализации и инкультурации.....</i>	157
<i>Роль детского опыта в формировании личности</i>	
<i>Понятия «социализация» и «инкультурация»</i>	
6.3. <i>Первичная социализация/инкультурация (ранний этап).....</i>	160
<i>Предпосылки формирования коммуникативных навыков (контакты с родителями)</i>	
<i>Основные предпосылки научения</i>	
<i>Культурная активность ребенка</i>	
6.4. <i>Социализация после раннего детства.....</i>	165
<i>Уровни освоения окружения</i>	
<i>Культурно-пространственное измерение социализации/инкультурации</i>	
<i>Временное измерение социализации/инкультурации после раннего детства</i>	
6.5. <i>Этологические основания идентичности.....</i>	170
6.6. <i>Норма и отклонение</i>	172
6.7. <i>Парадигмы взаимодействия в напряженных ситуациях.....</i>	175
<i>Консолидация</i>	
<i>Конфликт</i>	
<i>Переговоры</i>	

6.8. Проблемы социализации и инкультурации в изучении динамики культуры	179
<i>Выводы</i>	181
<i>Контрольные вопросы</i>	182

Раздел IV

ИДЕИ НЕОБРАТИМОСТИ И ОБРАТИМОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Глава 7. Концепция развития культуры. Идеи эволюционизма	189
7.1. Основания классического эволюционизма	193
7.2. Характеристики культурной эволюции.....	194
<i>Психическое единство человека</i>	
<i>Движение от простоты к сложности</i>	
<i>Закономерность культурного развития</i>	
<i>Форма культурного развития</i>	
<i>Скорость эволюции</i>	
<i>Представления о доисторическом обществе</i>	
<i>Детерминанты культурной эволюции</i>	
7.3. Антропологические, имманентные детерминанты эволюционного процесса	199
<i>Идеи как побудители культурной эволюции</i>	
<i>Расовый (этнический) детерминизм</i>	
<i>Индивиды как детерминанты культурной эволюции</i>	
7.4. Внешние детерминанты эволюционного процесса.....	202
<i>Факторы окружения</i>	
<i>Жизнеобеспечение</i>	
<i>Экономические факторы</i>	
<i>Социальные факторы</i>	
<i>Завоевания</i>	
<i>Диффузия и эволюция</i>	
<i>Естественный отбор</i>	
7.5. Общие направления современных эволюционистских исследований	205
<i>Культурная единица (система) как объект эволюционного анализа</i>	
<i>Механизмы эволюции культурной единицы (системы)</i>	
7.6. Экологическая антропология.....	208
<i>Общая и специфичная эволюция</i>	
<i>Адаптация и эволюция</i>	
7.7. Культурная единица в исследовании специфичной эволюции. Этнос	211
<i>Этническая группа</i>	
<i>Этническая идентификация</i>	
<i>Формирование этнической группы</i>	
<i>Механизмы сохранения этнической единицы</i>	
7.8. Культурная черта в изучении общей эволюции. Эволюционная универсалия.....	216
<i>Концепция эволюционной универсалии</i>	
<i>Эволюционные универсалии и технология</i>	

7.9. Пределы роста.....	219
<i>Кризис роста</i>	
<i>Рационализация адаптационных процессов как черта общей эволюции</i>	
7.10. Использование эволюционистских идей	
в исследовании динамики культуры	222
<i>Выводы</i>	223
<i>Контрольные вопросы</i>	224

Глава 8. Волнообразные (циклические) концепции социокультурной динамики..... 226

8.1. Общая характеристика волновых процессов.....	228
<i>Концепция ритмичности изменений</i>	
<i>Выявление формы изменений</i>	
8.2. Гуманитарная трактовка социокультурных циклов.....	233
<i>Идеи циклизма в концепции истории</i>	
<i>Концепции цивилизационных циклов</i>	
<i>Цикл социокультурной системы</i>	
8.3. Концепция длинных экономических волн	237
8.4. Модель «длинной» экономической волны	239
<i>Фаза подъема («повышательная»)</i>	
<i>Переломная фаза</i>	
<i>Фаза депрессии («понижательная»)</i>	
<i>Фаза перехода</i>	
8.5. Направления изменений социальной структуры в разных фазах длинных экономических волн.....	241
<i>Интенсификация социокультурных процессов</i>	
<i>Укрепление социальной структуры</i>	
8.6. Закономерности длинных волн	243
8.7. Волновые процессы технологических инноваций	245
<i>Механизмы связи между экономическими и технологическими изменениями</i>	
<i>Концепция технологической парадигмы</i>	
8.8. Эвристический смысл обращения к волнообразным процессам.....	248
8.9. Познавательные возможности изучения волнообразных процессов в обществе и культуре	250
<i>Выводы</i>	251
<i>Контрольные вопросы</i>	253

Раздел V СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Глава 9. Пограничные области познания социокультурной динамики. Постмодерн 259

9.1. Постмодерн как интеллектуальное течение.....	260
9.2. Плюральность жизненного мира человека.....	263
<i>Отказ от идеи целостности человеческого мира</i>	
<i>Децентрированность динамического жизненного пространства</i>	
9.3. Неоднородность социокультурного пространства	267
<i>Детерриториализация, маргинализация пространства</i>	

Форма маргинального пространства

*Механизмы самоорганизации в условиях децентрации и
плюральности пространства*

9.4. Многослойность символических объектов	271
<i>Указание на отсутствие</i>	
<i>Указание на инобытие</i>	
<i>Указание на несуществующее</i>	
<i>Указание на невидимые порядки</i>	
9.5. Концепция децентрированной (расщепленной) личности.....	276
<i>Индивид как первоначало социокультурных процессов</i>	
<i>Внешняя (социокультурная) обусловленность многомерности личности</i>	
<i>Внутренняя (психическая) обусловленность многомерности личности</i>	
<i>Способ существования децентрированной личности в динамичном пространстве</i>	
9.6. Неоднородность отношения членов общества к моральным нормам.....	281
<i>Отклонения от нормы и власть</i>	
<i>Власть и мораль</i>	
9.7. Идеология постмодерна	286
9.8. Новые акценты в изучении социокультурной динамики.....	289
<i>Выводы.....</i>	291
<i>Контрольные вопросы</i>	293

Глава 10. Некоторые основания типологии культур и культурных

единиц	294
10.1. Типология по антрополого-философским основаниям	295
10.2. Типология по основанию социального действия.....	296
10.3. Типология по основанию форм построения суждений	297
10.4. Типология по шкале «индивидуализм — коллективизм».....	298
10.5. Зависимость от контекста как основание типологии	298
10.6. Толерантность к неопределенности.....	299
10.7. Дистанция власти.....	300
10.8. Мужественность — женственность	300
10.9. Познавательные возможности типологии культур.....	302
<i>Выводы.....</i>	303
<i>Контрольные вопросы</i>	304
Заключение	306
Тесты.....	308
Темы для рефератов и эссе	321
Глоссарий	323
Список литературы.....	334

Предисловие

Изучение общества и культуры в XX в. постепенно трансформировалось из академического познания в необходимую компоненту практической деятельности. В настоящее время во всех развитых странах социальные и культурные переменные включаются в структуру выработки и реализации решений, касающихся почти любого из значимых секторов общественной жизни. Современная экономическая политика строится с учетом социокультурного расслоения и групп интересов. В организационных исследованиях принимаются во внимание особенности поведения людей, а также влияние межличностных отношений на формально-ролевые связи. В структурах локального управления применяются социальные технологии, связанные с активизацией участия граждан в выработке и реализации решений, имеющих отношение к территории их проживания.

Но не только это. Сегодня в развитых странах любой профессиональный политик или крупный менеджер обязательно изучает в достаточном объеме курс социальнонаучных дисциплин. Социология, социально-культурная антропология и их производные — урбанистическая социология и антропология, социология культуры, психологическая, политическая антропология и т.п. — все эти области познания помогают будущим руководителям понять, в каком обществе, в каком мире они живут, каковы их возможности в отношениях с окружением. Разработка международной политики также базируется на знании об обществах и культурах других стран, о культурных различиях этнических групп в своей стране. Из практики известно, что владение такой информацией и умелое ее использование при построении внешней политики повышают эффективность действий более осведомленной стороны.

Изучение социокультурной реальности важно начать с самых общих представлений о культуре, о науках, связанных непосредственно с ее изучением, а сегодня и о том, что и как обуславливает ее динамику. Учебник представляет собой введение в *предметную область социальной и культурной антропологии*, где с конца XIX в. изучается содержание совместной жизни людей. *Задача* курса заключается в том, чтобы представить ведущие теоретические направления, сложившиеся в рамках этой предметной области и используемые в изучении человека, общества и культуры в настоящее время. В то же время обучающийся заметит, что это сделано несколько по-иному, чем принято в отечественной литературе. Они не описываются целиком и подробно как законченные теоретические системы. Выделяются их исходные основания, и отбираются лишь те аналитические линии, которые имеют отношение к изучению динамики общества и культуры. Далее, здесь отсутствует критика несовершенств представляемых направлений.

Выделены их инструментальные, работающие элементы и обозначены границы применимости через приводимые в конце каждой главы основные классы задач, решаемых с их помощью. Наконец, эти направления излагаются в определенной, не исторической, последовательности, обусловленной логикой изучения динамики общества и культуры. На структуре книги следует остановиться подробнее.

Раздел I «Динамика культуры: антропологические основания исследования» представляет социальную и культурную антропологию как область научного исследования социокультурной жизни и развернутое современное определение категории «культура». В этом же разделе излагаются социобиологические фундаментальные основания, на которых в настоящее время базируются представления о человеке как природном существе и врожденных свойствах, составляющих предпосылки его активных связей с окружением, делающих возможным создание искусственной, культурной среды. В дальнейшем эти предпосылки и основания читатель обнаружит в каждой главе применительно к тем аспектам социокультурной жизни, которые в ней представлены. На этих основаниях далее разворачивается логика исследования динамики культуры: от факторов и механизмов порождения изменений до их макроисторической трансляции.

В разделе II «Основания изучения порождения культурных феноменов» рассматриваются теоретические представления о возникновении и формировании элементов культуры. Здесь выделяются два их основных класса, близких по своему содержанию к традиционной дихотомии материального и идеального. Во-первых, это артефакты, порождаемые адаптационными императивами, которые связаны с жизнеобеспечением и социальным взаимодействием. Они изучаются в рамках структурно-функционального направления, представленного здесь в его исходных основаниях, позволяющих проанализировать весь путь социокультурных единиц от момента их зарождения через упорядочение и установившееся состояние до момента структурных изменений. Во-вторых, рассматриваются артефакты, порождаемые социобиологической необходимостью наделять значениями объекты, с которыми приходится иметь дело людям. Они изучаются в рамках структурализма. В книге показаны последовательные стадии формирования внутренних концептов, или представлений, и их трансформации в знаки и символы.

В разделе III «Динамическое коммуникативное поле культуры» представлена концептуальная модель социокультурной среды, где прослеживается, как функциональные и символические образования трансформируются в культурные единицы, т.е. конвенционально установленные и используемые в процессах социального взаимодействия и коммуникации. Здесь выделяются два основных направления изучения такого рода процессов, характерных для социально- и культурно-антропологических исследований (особенно для психологической, когнитивистской антропологии). Во-первых, рассматриваются коммуникативные процессы, складывающиеся на базе социального взаимодействия. В их ходе люди представляют друг другу функциональные и символические артефакты, которые через апробации и оценки могут стать общественным достоянием, социокультур-

ными образцами. Во-вторых, речь идет о трансляции культурного опыта от поколения к поколению, об освоении людьми социокультурного окружения на протяжении жизненного цикла. Таким образом, на уровне, представленном в разделе, можно проследить тот аспект динамики культуры, который связан с формированием социокультурных фактов и их циркуляцией в общественной жизни.

Раздел IV «Идеи необратимости и обратимости культурных процессов» содержит описание того, как культурные единицы и формы могут передаваться и изменяться в историческом времени. Идея необратимости социокультурных процессов представлена в одном из самых влиятельных культурно-антропологических теоретических направлений — эволюционизме в его классическом и обновленном вариантах. Культурные единицы показаны как объекты, на которых эволюционные процессы могут быть прослежены, а культурные черты — как конкретные носители эволюционных изменений в историческом времени. Идея обратимости отображена в теоретической модели волнообразных социокультурных процессов. Показаны ее познавательные возможности и дополнительность по отношению к эволюционизму при изучении динамики общества и культуры.

Таким образом, II, III, IV разделы книги представляют три основных уровня социокультурной динамики: формирование функциональных и символических элементов; коммуникативные процессы, где они трансформируются в культурные единицы; их существование в историческом времени. Показано, каким образом могут быть использованы существующие теоретические модели в качестве инструментов изучения трансформационных процессов, обуславливающих их факторов и механизмов на каждом из рассматриваемых уровней анализа динамики общества и культуры.

Раздел V «Современные проблемы в изучении динамики культуры» посвящен обсуждению вопросов, связанных со сменой познавательной парадигмы, начавшейся в социальных науках примерно в середине 1960-х гг. Сегодня новый взгляд на социокультурные явления и процессы имеет общепринятое название «постмодерн», и уже отрефлексированы некоторые исходные основания этого мировоззрения. В его рамках сложились проблемные области изучения социокультурной реальности, которые не затрагивались, либо не считались достойными изучения в предыдущий период: плюральность личности и культуры, социокультурная микродинамика, децентрированность социокультурного пространства, значимость нестационарных культурных объектов и процессов. Наличие этого раздела представляется важным, поскольку речь идет по крайней мере о ближайших перспективах научных поисков в изучении динамики общества и культуры.

Особое место в рамках раздела занимает глава «Некоторые основания типологии культур и культурных единиц». Она иллюстрирует, как существующие в социальной и культурной антропологии теории могут быть использованы в изменяющихся логических и мировоззренческих рамках. Демонстрация неонтологичности, инструментальности типологических построений, позволяющих с прагматическими целями организовать многообразные культурные черты, кажется значимой в сравнении с доминиру-

ющими в отечественных социальных науках представлениях о «реально существующих» однозначных типах «целостных» культур и цивилизаций.

Учебник рассчитан на преподавателей, студентов бакалавриата, магистрантов и аспирантов, изучающих человека, общество и культуру научными средствами и стремящихся преодолеть пределы традиционного гуманитарного познания. Он может быть полезным для изучения таких смежных дисциплин, как социология культуры, психология, культурология. В заключение хотелось бы отметить, что представленные в учебнике основы социальной и культурной антропологии существенным образом расширяют кругозор тех, кто занимается социологическими, культурологическими, психологическими исследованиями. Следует еще раз подчеркнуть, что изложенные здесь теории и концептуальные модели активно применяются в наиболее актуальных и инновативных исследованиях социокультурной реальности в ее современных проявлениях. Задачей было показать в относительной концептуальной полноте, как можно использовать существующие теоретические конструкции для изучения динамики социокультурных процессов.

В результате освоения курса обучающийся должен:

знать

- предмет, проблематику и статус современной социальной и культурной антропологии в контексте социальнонаучного и гуманитарного знания;
- ключевые понятия, используемые в ее рамках;
- основные положения изучаемых теорий и возможности их использования для решения актуальных социокультурных проблем;
- особенности социальных и культурных процессов в современной России;
- механизмы порождения, поддержания и изменения социокультурных процессов различного масштаба;

уметь

- применять полученные знания на практике при решении теоретических и прикладных задач, связанных с диагнозом и прогнозом состояний отдельных областей социокультурного пространства;
- отбирать, обрабатывать и анализировать информацию о социокультурных процессах в обществе, репрезентировать ее в убедительных формах;
- работать с научной литературой, отбирая из нее то, что относится к социальной и культурной антропологии;

владеть

- практиками использования фундаментальных знаний из области социальной и культурной антропологии для решения социокультурных проблем;
- навыками выделения основных проблем, являющихся темами научной полемики в современной социальной и культурной антропологии;
- многообразием теоретических направлений, сложившихся в современной социальной и культурной антропологии.

По сравнению с первым изданием в учебник были внесены определенные дополнения:

— каждая глава начинается списком компетенций, которые соответствуют рассматриваемой теме;

— к каждой главе предлагается совокупность контрольных вопросов, которые относятся как к материалу, изложенному здесь, так и к более широкому предметному контексту, предполагающему его применение;

— в конец учебника вынесены тесты, связанные со всем материалом, представленным здесь;

— в конец учебника вынесены темы для самостоятельной работы студентов, результат которой представляется в форме эссе.

Итак, из сказанного следует, что высококачественные научные знания об обществе и культуре сегодня в России необходимы. Для того, чтобы они эффективно использовались в социокультурной практике, требуется несколько важных предпосылок. Во-первых, важно, чтобы желание людей получить такие знания превзошло привычку довольствоваться только стандартными представлениями. Во-вторых, нужны учебные пособия, представляющие учащимся знание о человеке, обществе и культуре без упрощений. В-третьих, следует так построить курс, чтобы учащийся получал знание, необходимое для формулирования и решения теоретических и прикладных проблем.

Раздел I

ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение динамики культуры представляет собой одно из важнейших направлений в социальном познании. Представление о том, что социокультурная жизнь подвижна, сегодня стало массовым. Разумеется, оценка этого факта не одинакова в разных культурах, группах людей. Одни полагают, что так было всегда, и движение есть неотъемлемая часть повседневного человеческого существования. Другие считают, что неустойчивость культурных феноменов характеризует лишь переходные периоды между стабильными состояниями общества. Третьи рассматривают современную степень изменчивости событий как историческую аномалию. Так или иначе, динамика общества и культуры в настоящее время стала предметом философской и научной рефлексии.

Границы социальной и культурной антропологии определяют область научного познания, предметом которого стала социокультурная жизнь. За время существования в этих рамках сконцентрировался обширный теоретический и эмпирический материал, относящийся к динамическим характеристикам культуры. Часть исследований была ориентирована на изучение их изменчивости специально. В других работах эта тема затрагивалась как второстепенная по отношению к выявлению устойчивых культурных образований. Сравнение и обобщение полученных эмпирических результатов и теоретических моделей позволяет утверждать наличие исходных концептуальных оснований, позволяющих ставить и решать рациональным образом задачи, связанные с изучением динамики культуры.

В этом разделе представлены некоторые общие принципы социально- и культурно-антропологического познания и исходные «природные» основания теоретических моделей порождения, существования и изменения культурных феноменов.

В результате освоения темы «Динамика культуры: антропологические основания исследования» студент должен:

знать

- основные характеристики и статус социальной и культурной антропологии как области исследования динамики культуры;
- фундаментальные основания изучения динамики культуры;

уметь

- характеризовать место социальной и культурной антропологии в пространстве наук о человеке, обществе и культуре;
- определять предметную область и объекты изучения, характерные для социальной и культурной антропологии;
- опираться на социобиологические и этологические основания изучения динамики культуры;
- относить конкретные артефакты (культурные объекты) к определенным классам;
- выделять современные проблемы изучения динамики культуры в рамках социальной и культурной антропологии;

владеть

- техникой преобразования общего определения культуры в более частные и частных определений культуры в более общее;
 - навыками соотношения социально- и культурно-антропологических явлений с социобиологическими и этологическими основаниями.
-

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Антропология как область научного познания сложилась в европейской культуре в XIX в. Окончательно она оформилась в течение последней четверти XIX в. и связывалась с задачей полного изучения человека. Здесь объединялись: собственно антропология, или естественная история вида *homo sapiens*, включая эмбриологию, биологию, анатомию, психофизиологию; палеоэтнология — ранние стадии распространения человечества на Земле, его активности и обычаев; социология — отношения людей между собой; лингвистика — образование и существование языков, фольклор; мифология — возникновение, история и взаимодействие религий; социальная география — воздействие на человека климата и природных ландшафтов; демография — статистические данные о составе и распределении человеческой популяции.

В истории становления научной антропологии обычно выделяются следующие периоды: этнографический (1800—1860), эволюционистский (1860—1895), исторический (1895—1925). В это время происходило накопление знаний, формирование представлений о предмете и границах этой познавательной области, кристаллизация исходных оснований и ключевых категорий. С конца XIX в. выделяется самостоятельная ее составляющая, которая в США получила название культурной антропологии, в Великобритании — социальной антропологии, а во Франции — этнологии.

В настоящее время эта область социальнонаучного знания считается самой мощной среди других по своим ресурсам. За период после Второй мировой войны здесь продолжается тенденция к дифференциации и специализации знаний о человеке и культуре. Так, в настоящее время Американская антропологическая ассоциация на автономных началах объединяет общества культурной, лингвистической, медицинской, биологической, психологической, гуманитарной, урбанистической, латиноамериканской, визуальной антропологии, Американское этнологическое общество, Национальную ассоциацию практической антропологии, Совет по антропологии и образованию. Независимо от Ассоциации существуют Общество прикладной антропологии, Лингвистическое общество Америки, Общество исторической археологии¹.

¹ Этнология США: условия и тенденции развития // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 3.

Теперь сфера занятости специалистов — культурных антропологов — более не ограничивается университетами и музеями. Они работают в отраслях экономики, международного бизнеса, права, здравоохранения, социальной помощи. Университетские программы по культурной антропологии в США, по традиции, заложенной Ф. Боасом и А. Крёбером, включают в себя такие дисциплины, как собственно культурная антропология, физическая антропология, археология, лингвистика.

1.1. Факторы, обуславливающие развитие социальной и культурной антропологии

Новые стимулы социальная и культурная антропология получила после Второй мировой войны. Их можно разделить на следующие основные категории.

Политические факторы. В этот период начались глобальные процессы, во многом определившие мировую ситуацию второй половины XX в. В-первых, завершилась эпоха колониализма; по крайней мере на официальном уровне подавляющее большинство бывших колоний приобрели политическую самостоятельность. Между развитыми и развивающимися странами начали формироваться новые отношения и в то же время возникли специфичные напряжения. Развивающиеся страны оказались перед выбором путей движения, партнеров и т.п. Соответственно возникла необходимость осмыслить изменившийся контекст международных связей, наметить стратегии взаимодействий в его рамках. Это расширило сферу познания, связанного с культурным многообразием и динамизмом стран, регионов, этнических групп. Во-вторых, активизировались националистические движения, обострились межрегиональные, межэтнические, межконфессиональные конфликты, участились локальные войны, интенсифицировались международные терроризм и преступность. Это стимулировало антропологические исследования политических отношений, войн, агрессивности и преступности.

Социально-экономические факторы. После Второй мировой войны начался переход от индустриализма к постиндустриализму в развитых странах и интенсифицировались процессы модернизации в развивающихся. Это вызвало ряд глобальных социальных и культурных последствий. В-первых, ускорились процессы формирования транснациональных корпораций, международных политических и экономических сообществ и т.п. Реакцией на это стало выделение политической, организационной и правовой антропологии. Во-вторых, возросла динамичность урбанизационных процессов, в частности, за счет миграции значительных групп населения, в основном бедных и малообразованных. Благодаря этому сформировалась урбанистическая антропология, включающая в себя, в частности, исследования культур бедности, субкультур городских сообществ, групп риска, а также возможностей социального участия. Изменения в мировой экономике породили ряд новых социокультурных проблем, связанных с увеличением общего объема свободного времени, переменами в структуре про-

фессиональной подготовки и переподготовки, ростом безработицы. Соответственно в области наук о человеке усилился интерес к теме образа, стиля, качества жизни; проблемам молодежи и «третьего возраста»; изменениям гендерных отношений и ролей; развитию индустрии досуга.

Мировоззренческие факторы. Вторая половина XX в., как известно, характеризуется усложнением социокультурной жизни в глобальном масштабе. Изменение традиционных нормативных структур, распространение аномических процессов, релятивизация культурных ценностей обусловили кризис социальной, культурной идентичности, если и не в массовом, то в весьма значительном масштабе. Это стимулировало научные поиски в области психологической антропологии, социализации и инкультурации, отклоняющегося поведения. Далее, благодаря превращению массовой культуры в глобальный феномен множество людей погрузилось в пространство унифицированного языка, стандартизованных образов и эстетических форм, упрощенных алгоритмизированных образцов суждений, поведения, отношений. Однако в таких условиях люди ощущают, что их переживания не укладываются в предлагаемые стереотипные рамки, и за этими пределами остается многое, чему пока еще не найдено приемлемых выразительных средств. Отсюда тяга к более сложному социальному и культурному самоопределению, которое люди ищут в обращении к этническим, историческим, конфессиональным корням. В рамках культурной антропологии ответом на это стали исследования проблем идентичности, типов и форм реакции на процессы унификации в культуре; изучение закономерностей существования массовой культуры и ее связей с более широким культурным контекстом.

Научные факторы. В этот период происходят серьезные изменения в сфере философского и научного познания, которые распространились на социальную и культурную антропологию не в меньшей степени, чем на другие науки. Примерно с середины 60-х гг. XX в. постепенно становилось очевидным, что начался процесс, обозначенный Т. Куном как смена научных парадигм, а М. Фуко как изменение эпистемы. Рефлексия к основаниям теорий и методологий, относящихся к изучению человека, общества и культуры, привела к обнаружению сомнительности, несоответствия, устаревания некоторых из них по отношению к необходимости решать накопившиеся в этой области проблемы. Так, неадекватными для объяснения функционирования и динамики социокультурных систем оказались практически все теории, авторы которых претендовали на универсальность интерпретаций. Соответственно в качестве проблемной зоны высветилась социокультурная микродинамика, ее движущие силы и их организация в механизмы формирования моделей исторических процессов. Исчерпал свой эвристический потенциал принцип тотальной взаимосвязанности, непрерывности, целостности общества и культуры, системного априоризма. Пришлось признать, что автономность, дискретность и множественность являются столь же значимыми параметрами совместной жизни людей. Но для того, чтобы иметь дело с ними, в социальных науках нет надежных теорий, и они до сих пор не созданы. Наконец, стало понятным, что общество и культура — это категории или концептуальные, но отнюдь

не реальные объекты. Соответственно вопрос о расхождении в представлениях о социокультурной реальности между профессиональными исследователями и непрофессионалами перестал однозначно решаться в пользу абсолютной правоты ученого. Оказалось, что культурные представления, сколь бы фантастичными и далекими от эмпирической верификации они ни были, составляют элементы реальности для разделяющих их людей. В то же время самые рационально выстроенные и эмпирически проверенные суждения ученых могут встречаться с недоверием и пренебрежением; окружающие могут сопротивляться предлагаемому знанию, даже если это приносит им вред. Соответственно стали актуальными вопросы о том, как формируются, существуют подобные представления; почему люди предпочитают их позитивному знанию. Вообще, картезианский образ человека ныне поставлен под сомнение.

Для решения перечисленных проблем не существует ни развитых теорий, ни надежных методологических принципов. Способы извлечения информации, имеющиеся в социальных науках, базируются на представлении об объектах изучения как об устойчивых, самостождественных целостностях, к которым вполне применимо правило экспериментальной логики. Однако из-за накопления ошибок в объяснениях и прогнозах стало очевидным, что классическая методология неприменима к эмпирическому исследованию новых проблем. На этой почве появилось интеллектуальное течение постмодерна, в рамках которого они хотя и не решены, но по крайней мере очерчены.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что в течение XX в. в рамках социальной и культурной антропологии сконцентрировался богатейший эмпирический и теоретический материал. И не только благодаря научному переосмыслению результатов многочисленных и разнообразных исторических изысканий. Теперь основными источниками систематизированных данных стали результаты многочисленных полевых исследований. И если в первой половине века такие исследования носили, в основном, академический характер и побуждались стремлением сохранить информацию об уходящих в прошлое «примитивных» культурах, то со второй его половины ситуация меняется. Стала очевидной прагматическая ценность знаний об истоках общего и специфичного, устойчивого и меняющегося в культуре. Такого рода знания начали эффективно применяться в сферах массовой коммуникации, торговли, в практике транснациональных корпораций, дипломатии и т.п. Соответственно социально- и культурно-антропологические исследования стали лучше финансироваться, что способствовало как росту объема эмпирических данных, так и развитию теоретической и методологической оснащенности дисциплины.

1.2. Предметная область и объект социальной и культурной антропологии

Социальная и культурная антропология представляет собой область познания, в рамках которой человеческое существование стало предметом анализа и объяснения, а не только описания и оценки, как это было в про-

шлом. Ее содержание можно охарактеризовать двумя хорошо известными в истории европейской мысли формулами. В философском смысле границы очерчиваются знаменитыми вопросами И. Канта, на которые должна ответить антропология: что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться? наконец, что есть человек? На прагматическом уровне она должна соответствовать требованиям О. Конта: знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы мочь; мочь, чтобы предупреждать.

Предметная область социально- и культурно-антропологических исследований. С начала становления этой науки и по настоящее время важной темой исследования является генезис культуры и общества. На основании крайне ограниченной и разрозненной информации о ранних периодах существования человека как вида исследователи строили и продолжают строить крупномасштабные теории. И хотя их авторы претендуют на реконструкцию исторической и преисторической реальности, такие построения не следует отождествлять с тем, «что было на самом деле». Это не более чем концептуальные модели, которые в лучшем случае представляют собой упрощенные идеализированные схемы, служащие точкой отсчета при организации и интерпретации эмпирического материала. Концепции «первобытного общества» могут быть удобным инструментом для сравнения вариаций однородных явлений культуры, обнаруживаемых в достаточно простых сообществах; для оценки ранних стадий формирования личности или межличностных отношений; для объяснения перехода от сложных социокультурных форм к более простым и т.п., но не более. В настоящее время в науках об обществе и культуре отношение к таким моделям как к реальности (их онтологизация, реификация) встречается все реже.

Сейчас стало очевидным, что более эвристично для познания культуры рассматривать человека внутри современных институциональных, межличностных связей и в этом контексте проследивать те представления о желаниях, намерениях и проблемах, которые побуждают его поддерживать, нарушать и создавать элементы собственной социокультурной реальности. По-видимому, это может дать более достоверные сведения о генезисе культурных явлений, процессов, форм, нежели фантазии о прошлом, основанные на скудном эмпирическом материале.

Распространение антропологической идеологии на изучение процессов и явлений, происходящих в «индустриальных» обществах, ускорило развитие социальной и культурной антропологии. Работы, выполненные в США в 1920-х гг. в рамках Чикагской школы, определили формирование урбанистической антропологии с акцентом на исследовании неформальных объединений. Исследовательское направление «человеческих отношений», сложившееся в США в 1930-х гг., стимулировало изучение антропологических аспектов формальных организаций. Работы, связанные с неудачными попытками идентифицировать культуру через идею «национального характера» (1940—50-е гг.), способствовали становлению более тонких подходов в психологической антропологии. Изучение лингвистической коммуникации в модернизированных обществах (1960—70-е гг.) обусловило расширение спектра тем в области культурной семантики.

В настоящее время социальная и культурная антропология — это область научного познания, предназначенная для изучения содержания совместной жизни людей. Ее познавательную направленность можно определить следующим образом:

- изучение созданных людьми объектов, или, как их принято называть, артефактов (вещей, идей, образов, технологий, нормативных образований, оценочных критериев); их порождения, складывающихся вокруг них отношений и взаимодействий;
- построение теоретических моделей для организации, интерпретации, объяснения фактов, характеризующих активность людей в природном и искусственном окружении, проявляющуюся в общих (культурно-антропологические универсалии) и специфичных (культурное многообразие) проявлениях и формах;
- построение теоретических моделей макро- и микродинамики культурных процессов.

В соответствии с такого рода познавательными задачами сформировались основные предметные области социальной и культурной антропологии:

- биологические, психические, социальные механизмы порождения, поддержания, изменения создаваемых людьми объектов и технологий, помогающих им регулировать отношения с окружением;
- способы поддержания и изменения искусственной жизненной среды в синхронном и диахронном измерениях;
- процессы порождения и динамики знаковых систем;
- способы формирования и поддержания внутрикультурной и межкультурной коммуникации;
- предпосылки, формы и технологии трансляции, освоения и использования культурного опыта;
- функциональные и динамические механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений;
- условия воспроизведения во времени специфичных характеристик совместной жизни людей на уровне обществ и сообществ.

Объект и направление социально- и культурно-антропологических исследований. В качестве исследовательских объектов культурой и социальной антропологии к настоящему времени сложились следующие:

- культурно-исторические регионы, поселения различных типов;
- специализированные области культуры, исследование которых обусловило формирование таких субдисциплин, как экономическая, политическая, правовая антропология, антропология религии, антропологические направления в изучении науки, искусства, массовой культуры, образования;
- социокультурные слои (например, антропологический анализ элит в обществе, «культура бедности»), группы (субкультуры), организации (корпоративные нравы, обычаи, кодексы поведения, ценности, предрассудки, мифология);
- индивиды (культурно-антропологический анализ образа жизни людей, его изменений на протяжении жизненного цикла; внешней обуслов-

ленности нарушений физического и психического здоровья, отклоняющегося поведения; индивидуальных побуждений к изменениям и способов их реализации).

Что касается принятых сегодня основ организации эмпирических данных и объяснения культурных фактов, динамики и многообразия культурных феноменов, то их можно свести к следующим доминирующим теоретическим направлениям:

- эволюционная теория, где считается, что совокупности социокультурных феноменов различаются по степени упорядоченной сложности, и возможно движение по этой шкале вверх и вниз;
- культурный материализм, где считается, что совокупности социокультурных форм различаются по их адапционным преимуществам;
- диффузионизм, где считается, что совокупности сходных социокультурных феноменов имеют общий источник или связаны друг с другом через механизм заимствования;
- функционализм, где считается, что различные социокультурные образования в пределах одной группы являются взаимоподкрепляющими;
- французская социология, где считается, что совокупности социокультурных образований отличаются друг от друга внутренней последовательностью, гармоничностью, степенью взаимности;
- британский социальный структурализм, где считается, что сходные по внутренней структуре социокультурные явления могут быть внешне совершенно различны, а кажущиеся сходными феномены могут различаться в некотором существенном отношении, и один из них может быть детерминантой другого;
- психологическая антропология, где считается, что некоторые виды социокультурных феноменов представляют собой вариации на определенную тему (например, удовлетворение человеческих потребностей) или некоторое социальное измерение (например, социальная дифференциация);
- французский структурализм, где считается, что все человеческие феномены определенного типа детерминированы некоторым набором врожденных принципов (пределов), прямо не наблюдаемых в самих феноменах.

Таковы сегодня источники объяснительных принципов и моделей, которые могут быть использованы для интерпретации динамики и многообразия культурных феноменов различного масштаба и различной степени устойчивости во времени.

1.3. Определение понятия «культура»

Понятие «культура» является центральным в социальной и культурной антропологии. Это понятие в его современном значении начало применяться в Европе в XVIII в. благодаря работам таких мыслителей, как Дж. Вико, И. Г. Гердер, Ш. Монтескье. В этот период волна географических экспансий, как неоднократно бывало и прежде в истории, привела к обострению интереса людей к сравнению собственных культурных ценностей,

стереотипов, образа жизни с теми, что свойственны другим странам; к дискуссиям о правомерности культурного многообразия.

Со второй половины XIX в. практически утрачивается прогрессивистский оценочный акцент, индуцированный идеями Просвещения и подчеркивающий «высокий» уровень социокультурного развития. Понятие «культура» постепенно приобретает научный (а не только философский) статус. Оно стало пересекаться с категориями цивилизации, общественно-экономической формации, глобальной регионализации. Его стали определять как «биологически ненаследуемую память человечества»; через системы локальных стереотипов поведения и представлений, через наборы антропологических и «эволюционных» универсалий и т.п. В XX в. из научных представлений о культуре уходят обертоны романтизма, придающие им сопутствующие значения уникальности, творческого порыва, духовности, освобождения от бремени повседневности. Как отмечал Ж.-П. Сартр, культура никого и ничего не спасает и не оправдывает. Но она — дело рук человека, в ней он ищет свое отражение, в ней он узнает себя, только в этом критическом зеркале он может увидеть свое лицо¹.

Понятие «культура» употребляется сегодня во множестве значений. Однако, несмотря на кажущееся разнообразие определений, есть некоторые общие позиции, которые присутствуют или ясно подразумеваются в каждом из таких определений. Исходные общие представления, существующие в антропологии, не дают ответа на вопрос, «что в реальности есть культура». Они налагают ограничения на процессы и явления, включаемые в сферу изучения, служат основанием для поиска и интерпретации связей между «материальными» и «идеальными» толкованиями человеческой активности на уровне микро- и макровременных процессов социальной жизни. С этой точки зрения понятие «культура» подразумевает не теорию или модель, позволяющую поступательно двигаться к «правильному» объяснению человеческих феноменов, но такое теоретическое поле для их толкования, которое предупреждает неадекватный редукционизм либо только к «материальным», либо только к «идеальным» феноменам.

Важно запомнить!

Говоря о современной концептуализации понятия «культура», целесообразно отметить, что она осуществляется по двум различным, хотя и взаимосвязанным направлениям. Первое из них было достаточно подробно разработано в пределах школы Т. Парсонса. Здесь культура считается всего лишь одним из измерений, предназначенных для анализа социального действия. Категория обеспечивает «аналитическую плоскость» структурирования для ценностей наряду с биологией, выполняющей ту же роль для требований организма, с психологией — для индивидуальных потребностей и обществом — для институтов. Второе направление возродилось в работах К. Леви-Стросса. Культура считается особой упорядоченной селективной областью феноменов, противопоставляемой «природному». «Природное» рассматривается как материал для «культуры» — реализованной способности человека специфичным образом «метить» окружение как свою «среду».

¹ Емельянов Ю. Н. Введение в культурантропологию. СПб., 1992. С. 25.

Различия между этими толкованиями не абсолютны. Речь идет об акцентах в выборе предмета и объекта изучения при наличии более общих разделяемых представлений о культуре. В данной работе категория понимается во втором смысле, широко, как акцентирующая искусственное начало в совместной жизни людей.

Культура как содержательный аспект социальной жизни. Под культурой понимается содержание социальной жизни людей. На это указывал еще Ч. Моррис¹. В его работах постоянно присутствуют свидетельства того, что одни и те же «естественные» процессы (например, отношения полов, поглощение пищи) в разных обществах имеют разные внешние социально санкционированные формы; члены одного и того же общества, существующие в рамках одних и тех же социальных структур, могут ориентироваться на различные эталоны поведения, действий, взаимодействий, оценок. Странники концепции культурной системы — Л. Уайт, К. Клакхон, А. Крёбер и другие говорили об обществе как о структурном аспекте рассмотрения совместной жизни людей, а о культуре — как о содержательном наполнении этой структуры. Многие теоретики отмечали, что культура материализуется в многочисленных объективированных формах, относящихся к прошлому и настоящему, но ее реальное существование проявляется только во взаимодействии, информационном содержательном обмене между людьми. Это означает также, что каковым бы ни было происхождение культурных объектов, понятие подразумевает, что речь идет о социальном, а не об индивидуально-специфичном явлении.

Искусственность культурных феноменов. Культурные явления определяются как искусственные и созданные людьми. Их противопоставление природным, естественным можно считать классическим. А. Гелен, Дж. Вико, Ш. Монтескье рассматривали культуру как природу, преобразованную в процессе человеческой деятельности. Б. Малиновский связывал соответствующие представления с искусственными средствами удовлетворения и регулирования природных человеческих потребностей. М. Вебер полагал, что категория указывает на разумный и имеющий значение разрыв «бессмысленной бесконечности происходящих в мире событий». Культура рассматривается как биологически ненаследуемая информация, а также способы ее организации и хранения. Как заученное поведение ее определяли К. Кун, Д. Бидни, Р. Линтон². Наряду с широким толкованием искусственности существует более узкое (гуманитарное), в котором она ограничивается знаковым, символическим уровнем.

Вещи. В понятие культуры включаются вещи, предметный мир, который всегда был основным материалом для ее изучения. В археологии даже сложился специальный термин «материальная культура», обозначающий разного рода вещественные объекты: строения, средства передвижения, орудия труда, предметы быта и т.п.

¹ *Morris C.* Signs, Language and Behavior. N. Y., 1950. P. 205.

² *Conn C. S.* The Theory of Man. N. Y., 1954. P. 5; *Bidney D.* Theoretical Anthropology. N. Y., 1964. P. 131; *Linton R.* Tree of Culture. N. Y., 1955. P. 29.

Образцы человеческих отношений. Считается, что понятие культуры включает в себя образцы человеческих отношений. В свое время Дж. Хонигман выделял два рода соответствующих образований. Во-первых, социально стандартизированное поведение в сообществах. Во-вторых, материальные продукты групповой активности. Из единиц такого рода складываются определенные образцы, конфигурации, стереотипные формы («паттерны»), которые определяются как относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, поведения. Они могут быть универсальными для данной культуры (например, государственные торжества), а могут быть специфичными для региона (например, способ обработки земли) или группы (например, жаргон). Культурные образцы могут носить характер реальных действий и отношений или же воображаемых представлений. К числу последних относятся идеалы, т.е. желаемые, но недостижимые положения дел¹. Как отмечал Л. Уайт, «культуру следует объяснить в специфичной для этого терминологии. И сколь бы парадоксальным это ни казалось, непосредственным объектом изучения человечества оказывается вовсе не человек, а культура. Наиболее реалистичной и научно-адекватной интерпретации культуры можно достичь, лишь отвлекаясь от существования человека» и обращаясь к продуктам его деятельности².

Технологии. Представления о культуре связываются с технологиями, или специально организованными процессами взаимодействия, ориентированного на достижение определенных результатов. Значимость их выделения в особую предметную область изучения искусственной жизненной среды сегодня не вызывает сомнения. Принято даже разделять технологии в зависимости от типов объектов, на создание которых они ориентированы: создание физических объектов; организация социального взаимодействия; порождение и трансляция символов³.

Символические объекты. Понятие культуры включает в себя символические объекты, в том числе ценности и нормы. В свое время Крёбер и Клакхон писали: «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов; она возникает в результате деятельности групп людей, включая ее воплощение в средствах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, особенно те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы»⁴. Позже Л. Уайт писал: «Культура представляет собой организацию явлений, видов и норм активности, предметов (средств, вещей, созданных с помощью орудий), идей (веры, знания) и чувств (установок, отношений, ценностей), выраженных в символической форме»⁵. В том же ключе У. Гудинаф полагал, что «культура обще-

¹ См.: *Honigman J. J.* Culture and personality. N. Y., 1954.

² *White L.* The Science of Culture. N. Y., 1949. P. 141.

³ См.: *Витаньи И.* Общество, культура, социология. М., 1984.

⁴ См.: *Kroeber A. L., Kluckhohn C.* Culture. A Critical Concepts and Definitions // Papers of Prabody Museum of American Archeology and Ethnology. 1952.

⁵ См.: *White L. A.* Culturological and psychological interpretations of human behavior // American Sociological Review. December. 1947.

ства состоит из того, что необходимо знать и во что необходимо верить его членам, чтобы действовать взаимоприемлемым способом и исполнять любые значимые для них роли»¹.

При определении культуры в одном из сравнительно недавних антропологических словарей акцентируются надбиологические и социально транслируемые феномены, социальные образцы и техники освоения среды².

Обобщая все наиболее значимые характеристики, которые выделялись в приведенных весьма авторитетных высказываниях о содержании понятия культуры, можно сформулировать интегральное определение, объединяющее эти характеристики.

Категория «культура» обозначает содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Под культурой понимаются организованные совокупности материальных объектов, идей и образов; технологий их изготовления и оперирования ими; устойчивых связей между людьми и способов их регулирования; оценочных критериев, имеющихся в обществе. Это созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения.

Их составляющие – артефакты (искусственные объекты) представлены в табл. 1.1.

Таблица 1.1

Артефакты (искусственные объекты) и их функциональное предназначение

Наименование культурного объекта (артефакта)	Функции культурного объекта (артефакта) в контексте социокультурных отношений
Вещественные объекты	Используются как инструменты, предметы быта, предметы широкого потребления
Образы, объективированные в произведениях искусства, в экстралингвистической коммуникации	Используются для передачи настроений, эмоциональных состояний, переживаний в невербальной форме
Идеи, объективированные в устной и письменной форме	Используются для передачи представлений об устойчивых, повторяющихся, адаптационно значимых отношениях человека с окружением в фиксированных интересубъективных вербальной или письменной формах
Технологии	Используются как устойчивые стереотипные последовательности целенаправленных действий

¹ *Godenough W.* Cultural anthropology and linguistics // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology. N. Y., 1964. P. 36.

² *Winick Ch.* Dictionary of Anthropology. Wittlefield, 1975. P. 144.

Наименование культурного объекта (артефакта)	Функции культурного объекта (артефакта) в контексте социокультурных отношений
Регулятивные образования (нормы, правила)	Используются для организации согласованных действий и актов поведения людей; выход за их пределы сопровождается неодобрением окружающих (в отношении правил) и социальными санкциями (в отношении норм)
Оценочные критерии	Используются для ранжирования артефактов (культурных объектов) любого типа в соответствии с определенными основаниями (этическими, познавательными, эстетическими, прагматическими)

1.4. Отличие социальной и культурной антропологии от других наук о человеке

Вокруг познавательного статуса социальной и культурной антропологии в свое время разворачивались острые дискуссии. Одни считали ее областью гуманитарного познания, другие — научного. Одни утверждали, что она ограничивается лишь описанием наблюдаемых явлений; другие находили в ней начала для объяснения генезиса и динамики таких явлений.

Важно запомнить!

В настоящее время принято считать, что социальная и культурная антропология — это область социальнонаучного знания и учебная дисциплина, в рамках которых человек изучается через анализ его взаимодействия с природным и искусственным окружением; через исследование причин, факторов и механизмов, обуславливающих порождение, поддержание и изменение людьми создаваемых ими объектов (артефактов).

Научный статус социальной и культурной антропологии подтверждается наличием прикладной ветви. Сегодня с ее помощью успешно решается целый ряд практических задач, связанных с социальным участием и анимацией, административной деятельностью, адаптацией, с разработкой таких программ, как «развитие общностей», «региональное развитие».

Социальная и культурная антропология, как было показано выше, имеет собственные познавательные задачи и исследовательский предмет. Соответственно она отличается от таких близких к ней социальных наук, как социология и психология.

Социальная и культурная антропология и социология. Социология складывалась как наука о формах совместной жизни людей: социальные группы и слои, социальная структура, социальные институты, социальные связи, социальные механизмы их поддержания и изменения, основные формы социальности. Центральная категория социологии — общество (понимаемое как социальная система) — обозначает формы связей между

совместно живущими и взаимодействующими людьми, как правило, на общей территории.

Как отмечали А. Крёбер и Т. Парсонс, долгое время понятия «общество» и «культура» использовались как практически синонимичные. Культура в работах Тайлора и Боаса и общество в работах Конта, Спенсера, Вебера, Дюркгейма означали примерно одно и то же — биологически ненаследуемые аспекты совместного существования людей. Но наступил период, когда проведение терминологических различий оказалось необходимым, и авторы вносят свои предложения. Понятие «культура» они относят к порождаемым и транслируемым символическим системам, в том числе ценностям, идеям, как факторам, организующим отношения людей с окружением. Понятием «общество» («социальная система») они обозначают системы (структуры) отношений между индивидами и коллективами¹.

Социология связана с изучением форм человеческой социальности. Здесь люди рассматриваются как работающие, производящие, потребляющие существа, вписанные в систему общественного разделения труда и стратификации. Соответственно, строится концепция общества, представленная через структуры воспроизведения социальных действий и расчленения социокультурных групп. В этих рамках выделяются формы межличностных и межгрупповых отношений, значимые с точки зрения поддержания и разрушения «ткани» социальности (кооперация, конфликт, интеграция, диссипация и т.п.) и механизмы их целенаправленного регулирования (институты, нормы в их структурно-функциональном, но не конкретно-содержательном плане). Социальная и культурная антропология стала наукой о содержании совместной жизни людей: сходные и специфичные для различных человеческих сообществ способы адаптации к природному окружению, друг к другу, технологии жизнеобеспечения, формы взаимодействия и коммуникации, символические системы и оценочные критерии.

Различие между дисциплинами, как его обозначил Л. Уайт, состоит в следующем: «Социология — наука о взаимодействии человеческих индивидов и обществ, формируемых этим взаимодействием. Культурология же изучает взаимодействие не человеческих индивидов, а элементов культуры (обычаев, институтов, кодов, технологий, идеологий и др.)». Иными словами, она имеет собственный предмет исследования — содержание общественной жизни².

Социологи обычно рассматривают культуру в качестве производной от состояния социальных систем. В социальной и культурной антропологии социальная система (как порожденное людьми образование) считается лишь одной из составляющих более масштабного искусственного мира — культуры.

Психологическая антропология и психология. Различие между психологией и психологической антропологией заключается в предмете изуче-

¹ *Kroeber A., Parsons T.* The concept of culture of social system // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 23. P. 583.

² *White L.* The Concept of Cultural Systems. N. Y., 1975. P. 128–129.

ния. Психология связана с изучением типичных психических состояний и процессов, с одной стороны, и уникальных особенностей личности — с другой. В психологической антропологии разделяемые членами сообщества психические характеристики — личностные черты, стереотипы поведения, психические отклонения — исследуются в их соотношении с антропологическими универсалиями. Психологов интересует психика человека в ее собственных закономерностях. Для психологических антропологов особый интерес представляют общевидовые психические аспекты связей людей с окружением. И если объектом изучения в психологии является индивид, то в рамках психологической антропологии — это человек как представитель вида в среде своего существования.

М. Фуко считает, что место психологии в познании человека «там, где живое существо, расширяя область действия своих функций, своих нейромоторных форм, своих физиологических закономерностей и в то же время приостанавливая и ограничивая их, открывает себя к самой возможности представления»¹. Иными словами, здесь речь идет о внутриличностных процессах. С позиции психологической антропологии для понимания человека важно изучать не столько его личностные характеристики, сколько причины и значимость его действий. Это возможно определить только в ситуационном контексте. Люди принимают участие в межличностных ситуациях для достижения тех целей, реализации тех интересов и потребностей, которые неосуществимы без взаимодействия с другими. Значимость одновременного удержания в поле исследовательского внимания характеристик как индивида, так и среды, обнаруживается уже в работах Л. С. Выготского, А. Валлона, Ж. Пиаже при изучении формирования личности в динамике познавательных процессов. Позже, в начале 60-х гг. XX в., Р. Вудворс и Р. Уайт показали, что мотивационные факторы, считающиеся движущей силой поведения, следует искать в области связей индивида со средой; что их актуализация, выражающаяся в поведении, порождает условия и предпосылки для личностного развития. Таким образом, предметная область психологической антропологии — это не компоненты психики, но взаимодействие человека как представителя вида со своей жизненной средой.

1.5. Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии

Область познания, ограничиваемая сегодня науками о культуре и отделенная от других наук о человеке, определяется спецификой ее предметной области изучения. Как уже отмечалось, это связи человека с его природным и социальным окружением, однако не врожденные, но структурированные им самим и объективированные в форме физических вещей, отношений и представлений; это искусственная среда, задающая жизненно важные параметры совместного существования людей.

¹ Фуко М. Слова и вещи. М., 1977. С. 452.

Сегодня исходные основания наук о культуре составляют современные представления о человеке в его природной данности (биология, психобиология, социобиология). Однако зона социально- и культурно-антропологических исследований простирается между представлениями о позитивных формах существования человека (жизнеобеспечение, социализация, коммуникация, рекреация), о вещественном и символическом окружении как источнике ресурсов и материалов для реализации этих форм. Соответственно задачи исследователя заключаются в том, чтобы определить, каковы способы и механизмы порождения представлений людей об окружении; как они расчленяют его; как они создают и используют вещи; строят жизненную среду; формируют структуры социального взаимодействия. Цель наук о культуре состоит также в необходимости выявить, каким образом индивиды или группы представляют себе своих партнеров по производству или обмену; выявляют, скрывают или теряют из виду эти представления в отношениях с другими; интегрируются в общество или изолируются от него, ощущая себя зависимыми, подчиненными или же свободными¹. В таком контексте предметы, высказывания, отношения людей обеспечивают внешние, наблюдаемые следы более глубоких человеческих связей с окружением, указывающие на то, что люди демонстрируют, скрывают, к чему они безразличны и т.п. Подобные проявления могут рассматриваться как признаки и показатели стабильности или изменчивости, интегрированности или дисперсности, интенсивности или медлительности совместной жизни людей. На протяжении XX в. в мировой социальной и культурной антропологии эти задачи решались в рамках таких теоретических ориентаций, как эволюционистские и неэволюционистские идеи динамики культуры и многолинейности развития; концепции культурных ареалов и культурной диффузии; функционалистские, системные теории культурно-экологической адаптации; структуралистский анализ символических форм; постмодернистский неиндуктивизм и программный эклектизм.

Изменения в исследовательских акцентах. В 1980-е гг. наблюдается тенденция к укрупнению объекта исследования: интерес перемещается от процессов, характерных для локальных сообществ (клановых, этнических, конфессиональных и т.п.), к тенденциям динамики больших социальных систем — городов, обществ — к глобальным проблемам (экономические последствия модернизации, конфликты и милитаризм, транснациональные институты и т.п.). В то же время предметная область исследования становится более утонченной: макродинамические, исторические процессы отошли на второй план по отношению к микродинамическим механизмам культурных изменений; от изучения функционирования обобщенных стереотипных культурных образований фокус внимания переместился к процессам их порождения и становления; изучение идеологий сменилось активным вниманием к неосознаваемым и к невыраженным в терминах рациональных категорий явлениям, отысканием их места в концепциях культуры.

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 448.

Особое внимание уделяется влиянию разрастания глобальных коммуникативных связей (автомобильные, железнодорожные, воздушные пути, телевидение, компьютеризация) на процессы межкультурного взаимодействия и формирование унифицированных алгоритмов массовой культуры. Интенсифицировались исследования в области урбанистической антропологии (в США, например, создано Общество урбанистической антропологии с журналом «Urban Anthropology»). Иными словами, в последние десятилетия XX в. глобальные антропологические исследования изменились по содержанию: изучение пространственно-географического распределения культурных черт (устойчивых культурных паттернов) сменилось вниманием к распределению социокультурных проблем.

Завершился этап реификации¹ понятий: «культура как система», «культурный тип», «модальная личность» («национальный характер») и т.п. Сейчас стало очевидно, что такого рода построения эвристичны лишь в той мере, в какой они используются инструментально, т.е. как модели соотнесения при исследовании реальных явлений и процессов. Соответственно центр исследовательского внимания сместился к тому, что ранее называлось «деформацией», «деградацией», «отклонениями», «патологией» в культуре и т.п.

Культура по определению понимается как производная совместной человеческой активности. Чтобы схематично представить себе, как сегодня стоит вопрос о генезисе культурных феноменов, можно обратиться к схеме Прибрама, Галантера и Миллера, описывающей универсальную закономерность формирования стереотипных моделей поведения: «проба — оценка — проверка — выход». Схема предполагает два плана активности: связанный с взаимодействием и связанный с коммуникацией. В первом случае складываются реальные последовательности совместных действий, каждая из которых приводит к какому-либо результату. Этот план можно рассматривать как область порождения технологий и вещей. Во втором складывается оценка эффективности действий, схемы их сочетания для достижения желаемого результата. Соответственно речь идет об области порождения образов и моделей действий, а также ценностных представлений. При условии, что человек рассматривается как существо социальное и формирует их в контексте общественного разделения функций, можно говорить о форме организации взаимодействий. Таковой принято считать коммуникативные сети как место циркуляции информации, единицы которой составляют знаки. Они в свою очередь образуются в процессах социального взаимодействия. Ведь в науках об обществе и культуре люди сегодня представлены не как изолированные единицы, но как участники совместной активности, порождающей и поддерживающей среду для их воспроизведения. В этом контексте они преобразуют свои представления в общие для них знаки и символы, благодаря которым фиксируют адекватность своего отношения к окружению и координируют свои действия при использовании его элементов в различных ситуациях. Так формируется

¹ Реификация (англ. *reify*) — отношение к категории как к реально существующему объекту.

социокультурная среда, в пределах которой «Я» обращается к «Другому», постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это»¹. Соответственно уточняется представление о культурных параметрах типичных ситуаций социального взаимодействия и коммуникации: цели, правила, наборы ролей и соответствующих им действий, конфигурации («паттерны») взаимодействий, разделяемые категории, дискурсивные практики, соотносимость с окружением. В этом теоретическом контексте можно с достаточной точностью проследить порождение устойчивых связей между действиями и их значениями в рамках таких ситуаций.

Тема «униформность и многообразие» в изучении культуры. Продолжаются исследования культурной специфики в пределах этнокультурных единиц. Такие исследования конкретизируют процессы совместной активности людей применительно к локальным устойчивым условиям существования сообществ.

Считается, что этноспецифичные черты культуры складываются исторически в ходе адаптации определенных сообществ в условиях сосуществования, формирования устойчивых сетей межличностного и межгруппового взаимодействия. Они передаются от поколения к поколению с помощью механизма традиции и поддерживаются за счет коллективной реализации в социокультурном пространстве. Приобретение такого опыта принято относить к раннему детству в контексте непосредственной жизненной среды, воспринимаемой в этот период в качестве естественной и единственно доступной. Следовательно, речь идет о том, что многое осваивается на неосознанном уровне и может оставаться неотрефлексированным всю жизнь. Пониманию механизмов порождения и удержания специфичных для этноса черт культуры способствует исследование литератур и мифов, анализ разнообразных дискурсивных практик и письменных документов, характерных для этих культурных единиц. В них можно обнаружить следы формирования и сохранения культурной специфики.

В ходе исследований стало очевидным, что понятие «традиция», часто встречающаяся в литературе о культуре, оказывается по смыслу неопределенным. Сегодня оно несет в себе два взаимоисключающих значения. Во-первых, этимологическое, указывающее на механизм, процесс передачи культурного опыта во времени. Во-вторых, более раннее объектное, предполагающее отображение истории конкретной общности. Однако в этом смысле термин не имеет субстанционального значения, т.е. нельзя указать на объект, который можно назвать «традицией». Скорее это атрибут, т.е. о феномене можно сказать, что он традиционен, последовательно, непрерывно передается из далекого прошлого.

В связи с развитием темы этнических культур начал отходить на задний план принцип описательного обобщения («дескрептивной интеграции»), который достаточно долго доминировал в социальной и культурной антропологии. В этом случае цель исследования заключалась в том, чтобы представить отдельную культуру как целое, объединяющее множество разрозненных наблюдений и сведений. И лишь ближе ко второй половине XX в.

¹ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 215.

антропологи вернулись к мысли о том, что исторические обобщения можно построить так, что они окажутся сравнимыми с естественнонаучными генерализациями. Это происходит тогда, когда исследователь переходит от повествования о культуре «в целом» к диагнозу состояния составляющих ее институтов, правил поведения, отношений или ценностных ориентаций.

Итак, одной из центральных тем социальной и культурной антропологии продолжает оставаться дихотомия «универсальное — специфичное», «униформность — многообразие». Наблюдения, относимые к каждому из полюсов, зафиксированные практически в любой классической антропологической работе, сопровождались постоянными попытками интерпретировать соответствующие проявления. В ход пускались такие общие концепции, как моногенез и полигенез, эволюция и деградация, развитие и мутации, исследователи обращались к расовым, гендерным, этническим и т.п. факторам. Свидетельства надежности объяснений отыскивались в рамках таких наук, как биология, география, история, археология.

При сравнительном изучении культур осуществлялись количественные измерения сопоставляемых характеристик в соответствии со шкалами «меньше — больше» и «проще — сложнее». В первом случае рассматриваемые переменные сравниваются по количеству, интенсивности, динамичности их присутствия в изучаемых ситуациях. Во втором случае сопоставляются не только количество элементов, но и порядок их связи, структура и правила взаимодействия. Однако причины культурных сходств и различий до сих пор составляют предмет научных исследований.

Теории и концептуальные направления в социальной и культурной антропологии. В заключение следует кратко охарактеризовать ту информацию, которая будет представлена в дальнейшем. Из существующих культурно-антропологических теорий и теоретических направлений выделяются принципы, позволяющие с высокой степенью достоверности интерпретировать многообразие и изменчивость в культуре. Наука о культуре, в отличие от гуманитарного знания, имеет целью построение теорий, подвергаемых верификации и фальсификации. Они представляют собой логические конструкты, основанные на результатах выявления относительно устойчивых характеристик искусственной реальности и предназначенные для систематического описания, объяснения, диагноза и прогноза значимых в исследовательском отношении явлений, процессов, их совокупностей.

Важно запомнить!

По отношению к фактам или наблюдаемым явлениям, интересующим исследователя, теория выполняет следующие основные функции. Во-первых, их организация в общую систему, обоснованную как целостность, соответствующую решаемой проблеме. Следует отметить, что теории могут интегрировать однопорядковые и разнопорядковые факты. В первом случае указывается на однородность явлений, кажущихся различными (например, структуралистские теории). Во втором — демонстрируются взаимосвязи явлений, кажущихся несвязанными (например, функционалистская системная теория). Во-вторых, проведение границ между частью реальности, ограниченной теорией, и другими явлени-

ями и процессами. Теория позволяет распознавать и отбирать, дифференцировать из реальности все те факты, которые имеют специально выделенную общность, задаваемую гипотезой исследования. В-третьих, теория обеспечивает основания для сопоставления выделяемых ею явлений в разнородных ситуациях реальности. Речь идет о четком определении, эксплицировании оснований для отбора, сопоставления, установления однородности фактов, подлежащих сравнению. В-четвертых, теория позволяет проследить смену состояний определяемого ею объекта (параметрированные изменения) или существенные отклонения в его функционировании (непараметрированные изменения).

Иными словами, теория обеспечивает основания для выявления динамических и устойчивых характеристик соответствующей ей предметной области и применительно к решаемой проблеме, отнесения их к рангу нарушающих или не затрагивающих формообразующих структурных компонент изучаемых объектов и предсказания их существования во времени при возможных последствиях внешних изменений.

Теории, имеющие общие исходные основания, образуют *научные направления*, представляющие собой определенную область рационального познания, для которой характерны специфичная «позиция наблюдателя» по отношению к реальности и особые основания объяснения полученных результатов. Специфика научного направления может быть определена рядом параметров:

- совокупность исходных допущений, общих принципов, чаще всего сформулированных в явном виде, определяющих мировидение, представления об изучаемой области реальности, обоснованных как существенные для ее понимания;

- класс явлений и процессов, выделенных в рамках направления в качестве познавательно значимых, наилучшим образом представляющих изучаемую область реальности;

- принципы интерпретации, объяснения и предсказания событий, явлений, процессов, происходящих в соответствующей области реальности;

- примерно однородные результаты и теоретические модели, предлагаемые в качестве достоверной и обоснованной представленности реальности;

- классы фундаментальных проблем, теоретических и прикладных задач, решаемых в этих рамках.

Научное направление, как правило, представляет собой то, что А. Радклифф-Браун назвал «невидимым колледжем», т.е. оно объединяет единомышленников из разных исследовательских центров и даже стран вне зависимости от характера образования, личных контактов, индивидуальных исследовательских предпочтений. Его границы и внутренняя структура поддерживаются, характерные для него исходные принципы отбора, организации и интерпретации соответствующих фактов добровольно принимаются. В самом общем виде его можно рассматривать как определенную динамическую ситуацию познания и воздействия в отношении конкретной области реальности, обоснованной как значимая (в научном или социальном смысле).

Все сказанное выше позволяет выделить и охарактеризовать исходные допущения («основания»), которые сегодня обуславливают направления исследования культуры, рациональных научных способов познания и объяснения культурных феноменов. Они объединяются в парадигму (Т. Кун), или эпистему (М. Фуко), и определяют базовые параметры социально- и культурно-антропологического познания.

Парадигма (эпистема) представляет собой нормированную область познания и включает в себя следующие компоненты:

- исходные допущения о человеке, обществе, культуре, составляющие базу теоретических построений и объяснений;
 - области особого исследовательского интереса, которые определяются как социокультурными, так и внутринаучными факторами;
 - общие теоретические суждения и закономерности, прошедшие проверку на познавательную адекватность (эмпирическая подтвержденность, неопровержимость логическим или эмпирическим путем, логическая последовательность и непротиворечивость и т.п.), которые принимаются в качестве организующих или объяснительных принципов по отношению к информации, получаемой в исследованиях;
 - способы получения и обоснования надежности данных о культуре.
-

Направления познания внутри такой эпистемы, или парадигмы, могут быть выделены по разным основаниям в зависимости от того, какой аспект предметной области интересует исследователя. В данном случае речь пойдет об интерпретации (объяснении) динамики и многообразия культурных порядков, способов организации информации в человеческих сообществах. Этому соответствует трехмерная познавательная модель. Одно измерение выделяет порождение культурной активности на индивидуальном уровне, где порядок означает последовательность преобразования внутренних или внешних побуждений в выбор физического действия или символа. В другом измерении располагается область коммуникации, которую можно считать первостепенной для понимания того, как существует и транслируется культурная информация, упорядочиваются дискретные, отдельные сходные и различные элементы. Это позволяет зафиксировать устойчивые структуры, образуемые этими элементами, и проследить отношения между ними. Третье измерение акцентирует процессы, динамические порядки во времени и обоснование их соответствия решаемым проблемам.

Выводы

1. Антропология как область научного исследования сложилась в европейской культуре в XIX в. В истории ее становления принято выделять следующие периоды: этнографический (1800—1860), эволюционистский (1860—1895), исторический (1895—1925). С конца XIX в. из этой области знания выделяется самостоятельная социальная наука и учебная дисциплина, которая в США получила название культурной антропологии, в Ве-

ликобритании — социальной антропологии, а в Германии и во Франции — этнологии.

2. Новые стимулы развития социальная и культурная антропология получила после Второй мировой войны благодаря действию ряда факторов. Политических, связанных прежде всего с деколонизацией и становлением новых государств. Социально-экономических, обусловленных переходом от индустриализма к постиндустриализму в развитых странах и активизацией модернизационных процессов в развивающихся. Мировоззренческих, определяемых усложнением, ускорением, плюрализацией социокультурных процессов в глобальном масштабе. Эти факторы стимулировали общественный интерес к культуре, развитие наук о культуре, прикладное использование полученного знания.

3. Основные познавательные направления социальной и культурной антропологии: изучение артефактов и складывавшихся вокруг них отношений; построение теоретических моделей объяснения (интерпретации) отношений людей с окружением; построение теоретических моделей культурной макро- и микродинамики. Предметная область социальной и культурной антропологии: механизмы динамики артефактов; способы поддержания и изменения жизненной среды; знаковые системы и межкультурная коммуникация; освоение социокультурного опыта; механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений. Объекты исследования в социальной и культурной антропологии: культурно-исторические регионы и отдельные культуры; специализированные области культуры; социокультурные слои (субкультуры); образ жизни людей.

4. Категория «культура» обозначает содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты); организованные совокупности вещей, идей и образов, технологий их изготовления и оперирования ими; оценочных критериев, имеющихся в обществе. Это созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и коммуникации.

5. Наука о культуре, в отличие от гуманитарного знания, имеет целью построение теорий. Теории представляют собой набор исходных допущений, соответствующих содержанию решаемой проблемы, определяющих предметную область изучения и построенных на их базе закономерностей ее существования в том аспекте, который определяется «позицией наблюдателя». Соответственно открывается возможность интерпретировать (объяснять) исследуемые явления и процессы. Теории, имеющие одинаковые исходные допущения, образуют научное направление, характеризующееся общими: точкой зрения на изучаемую область познания, классом изучаемых феноменов, принципами их интерпретации, концептуальными моделями реальности, классами решаемых проблем. В определенный период теории считаются достоверными, если они соответствуют принятой познавательной парадигме. Парадигма, как нормативная модель познания человека, общества, культуры, включает в себя следующие компоненты: исходные допущения о природе человека и социокультурной реальности; области исследовательского интереса, детерминированные социокультурными

и внутринаучными факторами; способы получения достоверной информации о культуре; способы построения обоснованных интерпретаций (объяснений) социокультурных фактов.

Контрольные вопросы

1. В какое время и в каких исторических условиях начала формироваться социальная и культурная антропология?
2. Какие внутринаучные и общекультурные факторы обусловили формирование социальной и культурной антропологии, ее развитие на протяжении XX в. и в настоящее время?
3. Каким образом и благодаря чему складывалась проблематика социальной и культурной антропологии?
4. Каковы основные составляющие предметной области социальной и культурной антропологии?
5. Какими внутринаучными и социокультурными факторами обусловлена совокупность объектов изучения в рамках социальной и культурной антропологии?
6. Чем содержательно отличается социальная и культурная антропология от других социальных наук?
7. Каковы основные направления социально- и культурно- антропологических исследований.
8. Как можно в самом общем виде сформулировать определение культуры, исходя из многообразия трактовок этого понятия?
9. Какие классы культурных объектов (артефактов) Вы знаете?
10. Каковы базовые уровни изучения артефактов (культурных объектов)?
11. Каково познавательное значение понятия «артефакт» (культурный объект)?
12. Как изменилась предметная область социально- и культурно-антропологических исследований во второй половине XX в.?
13. Как менялись ключевые темы социально- и культурно-антропологических исследований на протяжении XX в.?
14. Какими внутринаучными и социокультурными факторами были обусловлены эти изменения?
15. Как в результате развития социальной и культурной антропологии изменился познавательный статус существующих здесь теорий?
16. Какие теоретические направления сохранили свою познавательную значимость в современном пространстве социальной и культурной антропологии?

Глава 2

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Долгое время в социальной и культурной антропологии доминировало представление о том, что культура представляет собой уникальную характеристику человека. Основанием ее считалась способность людей с помощью символизации распознавать и разграничивать, а с помощью целенаправленной активности, деятельности придавать искусственные формы своему окружению. Символизация предполагает механизм формирования представлений, связывающих внутренний опыт с внешними стимулами, объектами, элементами окружения (референтами). Деятельность же является тем преобразующим началом, которое позволяет трансформировать материал, почерпнутый из окружения, в элементы искусственной среды. Во взаимодействии с ней формируются специфично человеческие, культурные характеристики как личности, так и индивидуальной и социальной активности. Особое внимание сторонники такого взгляда на культуру придают свойству людей целенаправленно создавать искусственные объекты, способности так использовать природные материалы и комбинировать искусственные формы, чтобы они оказались пригодными для удовлетворения потребностей и желаний людей.

В современной науке взгляд на культуру как на специфично человеческий феномен оказывается слишком ограниченным. Данные археологии, этологии, приматологии свидетельствуют о том, что искусственные формы организации отношений с окружением есть практически у всех видов животных. В рамках археологии предполагается, что прегоминиды жили социальными группами, превышающими по размерам нуклеарную семью, и что им была свойственна тенденция удерживать за собой одну и ту же территорию из поколения в поколение. Данные приматологии об устойчивых и передающихся во времени: нуклеарной формы семьи у приматов, «ролевых» структур групповой жизни, территориальной привязанности - породили гипотезу о наличии элементов социального научения, необходимых для передачи соответствующего опыта. Результаты исследований подтверждают, что у приматов действительно есть различные заученные навыки и своего рода «традиционная» трансляция технологического знания: они распознают и не употребляют в пищу ядовитые растения; используют, хотя и редко, предметы в инструментальных целях; строят жилища и живут в них, следят за их благоустройством; вступают друг с другом в коммуникацию с помощью знаков, таких как жесты и звуки; живут

в группах, превышающих по размерам нуклеарную семью, и потому содержащих наборы «социальных ролей», выполняемых индивидами. По словам известного американского культурного антрополога А. Холлоуэлла, такие системы заученного поведения могут поддерживаться лишь организмом, способным к формированию внутренних концептов и символов. Обычно наличие символов, таких как речь, отмечалось в качестве существенной характеристики культуры, а способность к их формированию считалась исключительно человеческой. Однако данные современных этологических исследований ставят под сомнение такие представления. Есть достаточные основания считать, что животные формируют и репродуцируют концепты, связывают их со знаками, что выражается в звуковых, проксемических (пространственное поведение) и пластических (телодвижения, позы) сигналах.

Таким образом, в приведенной выше трактовке культуры нет ничего специфичного для человека, что отличало бы его от животных радикальным образом. Речь идет об опыте, который приобретается внегенетическим путем, с помощью научения, и применении этого опыта в отношениях представителей вида с окружением. Подобные формы жизнедеятельности обнаруживаются у всех животных. Для обозначения такого рода универсальных феноменов стал использоваться термин «протокультура» (предложенный А. Холлоуэллом и уточненный А. Уоллесом), независимый от биологической таксономии и обозначающий любую систему социально заученного поведения. И считается, что им обозначаются общие предпосылки для формирования и передачи от поколения к поколению искусственных форм отношений живых существ с окружением, заученного опыта. Таким образом, сейчас в социальной и культурной антропологии понятие «культура» не отождествляется только с миром человека. Это общее положение открывает новые возможности в объяснении генезиса и функционирования культурных феноменов.

Далее, в настоящее время практически общепринятым среди антропологов является представление о том, что любая теория, связанная с объяснением или предсказанием динамики культурных феноменов, должна включать в свои формулировки явления, не относящиеся к этому уровню. Иными словами, они не могут быть объяснены в их собственных терминах, и методологически вопрос заключается в том, на каком уровне в теорию следует включать внекультурные явления. В исследовании генезиса искусственных и заученных форм отношений с окружением существенная роль отводится биологическим факторам. Практически общепризнана корреляция между культурной эволюцией, с одной стороны, и развитием мозга, центральной нервной системы — с другой. С биологическими и материальными факторами связываются объяснения и современных культурных феноменов. Речь идет о выявлении механизмов взаимодействия между биологическими факторами и социокультурным опытом на уровне групповой жизни и в процессе становления личности; изучается сходство и различие в отношении восприятия и поведения в социально значимых ситуациях; анализируется влияние материального окружения людей на их образ жизни. Общепринято также при объяснении культурной динамики

(включая процессы, благодаря которым, как считается, возникла человеческая культура) обращаться к природным свойствам человека как вида или структурным характеристикам коллективов, к их физическому окружению.

Понятие «культура», таким образом, определяется широким кругом форм активности и символических систем у человека и животных, генезис и динамика которых обусловлены не только имманентными закономерностями движений самой культуры, но и внекультурными процессами и явлениями.

2.1. Этологическая и социобиологическая трактовка социальной организации

Объяснение культурных вариаций, их порождения, распространения, последствий в настоящее время связывается с социобиологическими и этологическими моделями изучения социальной жизни. Именно на этом уровне открывается возможность получить ответы на значимые для познания человека вопросы: что культурно уникально; что человечески универсально; что специфично для человеческого вида; что общего у человека с другими формами живого.

В этих концептуальных рамках углубляется знание о таких фундаментальных элементах организации социальной жизни, как порождение популяционно значимых адаптационных искусственных приспособлений (орудий, символов, структур взаимодействия), внутри- и межвидовые коммуникативные процессы. Важные исследования осуществляются в области социально значимых проявлений и контролирования агрессии, страха, привязанности, альтруизма. Интересные результаты получены в связи с изучением организации процессов ненаследственной трансляции культурного опыта. В такого рода исследованиях чаще всего используется метод непосредственного наблюдения в естественных условиях. Сравнение поведения человека и животных обнаруживает много сходных черт, хотя также и множество различий. В настоящее время акцент чаще делается на общих характеристиках, поскольку таким образом удастся более точно определить границы социальных и культурных закономерностей. Ведь многое из того, что считалось регионально-культурно специфичным (как, например, в свое время табу) или характерным для человека (например, порождение искусственных знаков), сегодня признано социально универсальным. Таким образом, расширяются и уточняются знания о природе сообществ, о границах и возможностях изменчивости искусственных объектов. Соответственно, если речь идет о применении определенных социальных технологий, о попытках внести изменения в ситуации социального взаимодействия и т.п., сегодня эффективность таких намерений в значительной степени определяется соответствием спектра человеческих возможностей этологическим, социобиологическим закономерностям.

Общая концепция социальной организации. Следствия, вытекающие из взаимодействия членов любой сложной социальной системы, можно разделить на три основные категории анализа и наблюдения. Во-первых,

функции, т.е. формы активности составляющих ее индивидов, которые способствуют их адаптации в окружении. Во-вторых, дисфункции, или проявления активности, уменьшающие адаптационный потенциал или затрудняют его эффективное использование. В-третьих, нефункциональные следствия, безразличные для существования системы.

Еще Ч. Дарвин постоянно подчеркивал, что естественный отбор не является единственным механизмом эволюции, что многие звенья биологической системы обязаны своим существованием и функционированием не прямому его действию, а разного рода опосредованным, вторичным взаимодействиям между элементами, сохраненными в результате селекции. В любой социальной системе активность каждой из ее составляющих влечет за собой ряд побочных следствий функционального, дисфункционального и нефункционального характера. Это порождает вопрос о сложных соотношениях «пользы» и «вреда» для ее существования; такие отношения рассматриваются в сегодняшних социобиологических концепциях в терминах «выгод» и «затрат», обеспечиваемых социальной организацией популяции.

Основатель этологии К. Лоренц (а до него многие последователи Ч. Дарвина) большое значение придавал организационному контролю агрессивного и конкурентного поведения в животном мире, что породило стереотипное мнение о нем как о поле непрекращающейся борьбы за существование. Однако не менее важными в понимании законов социальной жизни считаются организующие начала кооперации, дружелюбности. Любая экосистема представляется сочетанием живых организмов и их среды как источника жизнеобеспечения, как жизненного пространства. Им необходимо объединяться в своей активности, чтобы извлекать ресурсы из окружения и противостоять его неблагоприятным воздействиям.

Соответственно для описания целенаправленного регулирования функциональных и дисфункциональных последствий социальной активности нужны общие категории, понятие универсалий, которые могут применяться в различных исследовательских ситуациях, к различным объектам, делая их сравнимыми и сопоставимыми. Обычно взаимодействие принято представлять в терминах пяти основных категорий: причина, функции, состояния, поведение, социальная организация. Важнейшими состояниями индивидов, которые контролирует социальная организация, считаются агрессия, страх. В то же время она необходима для сотрудничества и коммуникации. Таким образом, понятие объединяет в систему названные категории, и это позволяет рассматривать и сравнивать в обобщенном виде адаптационно значимые ситуации, где особь, как и популяция, подчиняются закону относительной приспособленности. Многие черты индивидуального поведения могут быть дисфункциональными и нефункциональными. Поэтому при анализе социального взаимодействия на уровне популяции не следует полагать, что в каждой ситуации индивид способен к оптимальному выбору своего поведения. Оно обусловлено целым рядом не только рациональных, но и иррациональных факторов.

Социальная организация в рамках социобиологии и этологии рассматривается прежде всего с адаптационной точки зрения; соответственно

социальная структура популяции считается обусловленной в первую очередь устойчивыми формами совместной активности и взаимозависимости. Выделяются три основных блока такой организации. Во-первых, это объединение для использования элементов окружения и для кооперирования усилий с целью жизнеобеспечения. Во-вторых, это координация действий, связанных с воспроизведением популяции: семейные отношения, социализация новых поколений, контроль над численностью сообщества. В-третьих, это регулирование активности особей в их самоопределении по отношению друг к другу и к «чужим», т.е. контроль над агрессивным поведением.

Форма социальной организации не является жестким видоспецифичным признаком. Это скорее лабильный, обратимый во времени механизм адаптации популяции по отношению к существующему состоянию окружения. Соответственно адекватное понимание сущности и функциональной значимости социальных процессов, происходящих в пределах популяции, возможно при условии их анализа по крайней мере на двух уровнях биологической интеграции: особей и их группировок. Каждый может быть описан в терминах соответствующих ему закономерностей, и «какой-либо простой способ экстраполяции от одного уровня к другому не может быть обоснован»¹. Иными словами, пытаясь дать функциональное объяснение определенным событиям на макроуровне (группы, популяции в целом), следует помнить, что в сфере индивидуального поведения действуют иные механизмы.

Стратификация и территория. Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что любая популяция всегда стратифицирована. Стратификация (расслоение) представляет собой неотъемлемое свойство животной популяции. Основу страт составляют элементарные единицы — особи, распределяемые по признакам пола, возраста, функциональных ролей, активности и т.п. Страты состоят из различного рода групп, под которыми понимаются любые наборы особей, взаимодействующих друг с другом и различающихся по количественному составу, длительности существования, структурной сложности, интенсивности контактов и т.п. Популяция, таким образом, рассматривается как многоуровневая иерархическая целостность, которая имеет физическое, пространственное воплощение.

Пространственный контакт, ведущий к персонализации отношений между индивидами, считается первым условием для становления устойчивых социальных связей. Более того, если разные способы размещения индивидов в пространстве определяют характер их последующей совместной активности, то и типы взаимодействий, характерные для популяции, обуславливают ее пространственную упорядоченность. Распределения по территории представлены различными формами. Когда особи не склонны к постоянным контактам, они случайны. При враждебных отношениях они носят регулярный, равномерный характер. Если преобладает тенденция к совместности, они определяются как группы. Враждебные отноше-

¹ Месарович М. Теория систем и биология: точка зрения теоретика // Теория систем и биология. М., 1971. С. 112.

ния увеличивают дистанции между компонентами популяции. В случае позитивных отношений участки повышенной локальной плотности разделяются пустующими пространствами¹.

Стратифицированность популяции, таким образом, закрепляется в проявлениях территориальности, под которой принято понимать любой активный механизм разобщения особей. В этом смысле понятие означает то же, что и «рассредоточение», при условии, что неприкосновенность границ и заключенного в них участка пространства обусловлена постоянной защитой.

Территориальность не рассматривается как диагностический видовой признак. Разнообразие ее проявлений в пределах одного вида, способность индивидов переходить от территориального к нетерриториальному существованию позволяют рассматривать ее как механизм быстрого приспособления к непосредственному окружению. По мнению исследователей, этот тип пространственного поведения характеризуется постоянной изменчивостью. Однако множество соответствующих тактических решений ограничивает видовые генетически обусловленные рамки. Одним из универсальных механизмов рассредоточения особей является установление и поддержание индивидуальных дистанций, представляющих собой «радиус» так называемого личного пространства, в центре которого находится охраняющий его индивид. Оно не имеет фиксированной локализации и регламентированных границ, и тем не менее выполняет социально-организационную функцию.

Итак, понятием «территориальность» обозначают пространственный способ социальной организации и стратификации с двумя типами следствий для динамики популяции:

- ограничение численности популяции;
- адекватное размещение особей и субпопуляций по разнокачественным местам обитания.

Эти функции позволяют рассматривать территориальное поведение как гомеостатический механизм, поддерживающий популяцию в состоянии равновесия с ее окружением.

Запас степеней свободы в расслоении и пространственном строении социальных систем позволяет им существовать в средах, имеющих совершенно различные параметры. В этих условиях отбору подлежат не какие-то их частные особенности, а интегральные свойства организации, не элементарные акты индивидуального поведения, а постоянный поиск компромиссов в отношениях с окружением. Соответственно динамика популяции представляется в этом свете не как поступательное, целенаправленное накопление адаптивных дискретных поведенческих признаков, но в виде значительно более сложной совокупности процессов, связанных с социальной организацией.

Агрессивность и социальная организация. Агрессивность и связанные с ней формы поведения, начиная с работ К. Лоренца и Н. Гинбергена, за-

¹ *Панов Е. Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций. М., 1983. С. 92–94.

нимают в этологических исследованиях одно из ведущих мест. Это объясняется их социальной значимостью как для особей внутри популяции, так и на уровне отношений между сообществами. Агрессивность не имеет точного однозначного определения. Однако «обычно, употребляя этот термин, имеют в виду адресованное другой особи поведение, которое может привести к нанесению повреждений и часто связано с установлением определенного иерархического статуса, превосходства, с получением доступа или права на какую-то территорию»¹.

Пока вопрос о природе этого феномена однозначно не решен. Часть исследователей считают его инстинктом, т.е. врожденным структурированным способом реагирования на определенные классы жизненно важных стимулов, не связанным с процессами обучения. Другая часть видит в нем определенное свойство животных, которое проявляется в некотором классе ситуаций как побуждение, но не predetermined акт. Согласно этой точке зрения, такому поведению научаются, как и любому другому, и соответствующее состояние совсем не обязательно реализуется в агрессивных формах. К последним Э. Уилсон относит защиту и захват территории; борьбу за доминирование в пределах организованных групп; попытки насильственно отобрать чужое; враждебное отношение к жертве; контратаки против агрессора; «моралистическое» и «дисциплинарное» давление (осуществляется внутри сообщества в «воспитательных целях»)².

Социобиологи полагают, что агрессивность свойственна человеку и является одним из важных конституирующих факторов культуры; она удерживает его общую адаптированность в окружении. Считается, что определенные побуждения и стереотипы поведения такого рода выполняют роль своеобразных клапанов, снижающих избытки энергии, не находящие функционального выхода. Сообществам людей даже удается находить культурные, социально приемлемые формы связывания агрессивности посредством катарсиса (очищения), как, например, в эстетике трагического, или сублимации (перенесения в приемлемую область социального действия), например, в спорте.

Нередко наследственная природа агрессивности человека обосновывается такими всеобщими отношениями в мире живого, как соперничество и сотрудничество. Соперничество, конкуренция, как одна из фундаментальных форм социального взаимодействия, имеет большое значение для существования индивидов и социальных систем в их отношениях к ресурсам. Именно поэтому одной из важнейших функций социальной организации является контроль над доступом к ним и их распределением, который сдерживает проявления агрессии. В то же время организованные формы такой групповой активности, например, войны, нельзя считать наследственно обусловленными. Предполагается, что у людей есть врожденная предрасположенность к обучению агрессивному поведению. Оно оказывается значимым и самовоспроизводящимся, если в обществе возникает необходимость бороться с окружением за дефицитные ресурсы, необходимые для выживания, или же традиционно сохраняется культ борьбы и силы.

¹ Хайнд Р. Поведение животных. М., 1975. С. 360.

² Wilson E. O. Human nature. Cambridge (Mass.) ; L., 1978. P. 101—102.

В рамках социобиологии подчеркивается адаптационное значение агрессивного поведения, которое представляется как генетически детерминированные и отобранные на уровне протокультуры и культуры образцы реакций на негативно воспринимаемый стимул. Этот тип активности обусловлен способностью животных выделять в окружении «своих» и «чужих». По отношению к «чужим» он считается эволюционно целесообразным, поскольку от них на ранних стадиях развития животных видов нередко исходила угроза физическому выживанию особей и даже популяций.

В то же время агрессивность у людей — это качественное состояние, которое ухудшает процесс коммуникации, разрушает структуры социального взаимодействия. Поэтому напряженные ситуации, акции, связанные с этим феноменом, являются объектом пристального исследовательского внимания. Рассматривают различные источники таких напряжений: социологические, психологические, экологические, логические, биологические, экономические, идеологические. Проясняются соотношения понятий «агрессия», «конфликт», «насилие». Агрессивность связывается с односторонним проявлением враждебности, а конфликт с типом взаимодействия, при котором участвующие стороны демонстрируют ее по отношению друг к другу. Оба типа активности могут принимать форму насилия.

Значительное внимание уделяется изучению способов нейтрализации агрессии. Изучаются пути предупреждения, купирования, компенсации соответствующих состояний и проявлений; определяются социокультурные механизмы их торможения; анализируются исторически сложившиеся культурные формы их регулирования.

Альтруизм и социальная организация. Многие компоненты социального поведения относятся к категории так называемых конгруэнций, т.е. признаков поведения, не столько удовлетворяющего интересы особи, сколько способствующего поддержанию целостности группы. Оно не только не приносит пользы актору, но может быть ему во вред.

В попытках объяснить такое поведение У. Гамильтон в 1960-х гг. предложил гипотезу эволюции «альтруистического поведения» и ввел понятие «итоговой приспособленности», ставшее одним из центральных в социобиологии. Альтруистическим называется любой тип поведения, включающий в себя принесение особью в жертву своих интересов и приводящий к «выгодам» для других (группы особей), иными словами, к увеличению их адаптированности за ее счет. У. Гамильтон сделал гипотетический вывод о том, что такое поведение становится объектом естественного отбора не во всех случаях, но лишь тогда, когда выгода для сообщества от него превышает возможные потери. Считается, что оно проявляется прежде всего в сфере родственных отношений, и это способствует генетическому закреплению его биологических предпосылок. Кроме того, согласно Гамильтону, альтруистическое поведение, которое приносит выгоду сообществу вне зависимости от родственных связей, будет возникать, если риск погибнуть, не подав сигнала, или невыгодность молчать совершенно очевидны, а соседи слишком удалены. Если же акт такого поведения заканчивается гибелью

лю «альтруиста», то остальные члены сообщества как-то «компенсируют» утрату его родственникам.

Чтобы обосновать значение этого феномена для социальной организации, Р. Триверс предложил концепцию реципрокного (взаимного) альтруизма. Он полагает, что акт, невыгодный одной особи (группе), но выгодный другой, неродственной и даже принадлежащей к иному виду, может все же осуществиться в расчете на аналогичную услугу в будущем или на вознаграждение. Такое поведение будет тем более вероятным, чем жестче будут санкции по отношению к тем, кто извлекает выгоду из жертвенного поведения других, но избегает ответных действий.

Альтруизм, по Э. Уилсону, может носить неосознанный характер, и в этом случае субъект не ожидает за него никакой награды. Это «подлинный» альтруизм («альтруизм с твердым ядром»), который развился при эволюции живого посредством естественного отбора. Но он может быть и осознанным («альтруизм с мягким ядром»), или «мнимым», имеющим эгоистические причины. Такое поведение включает в себя ожидание ответных благ для самого субъекта или его родственников.

Роль этого феномена в эволюции рассматривается на индивидуальном и популяционном уровнях. Обнаружены факты, свидетельствующие о том, что популяции с выраженным альтруистическим поведением оказываются в более выгодных условиях, чем те, в которых оно выражено слабо.

О наличии взаимного альтруизма во всех человеческих культурах пишет Р. Триверс и выделяет следующие его формы:

- взаимопомощь во время опасности — катаклизмов, внутривидовой агрессии и т.п.;
- справедливое распределение жизненно необходимых благ;
- поддержка больных, беспомощных, очень молодых и очень старых;
- помощь посредством орудий;
- помощь посредством знаний.

Во всех этих случаях принимающая сторона получает большее вознаграждение, большую выгоду, чем дающая. В таком контексте формируется особое отношение к тем, кто пытается получить выгоду от соответствующих проявлений других, но не отвечать взамен тем же. Обычно в сообществе, где обитают такие особи, разрывающие цепочки взаимного альтруизма, складываются механизмы защиты от них, вплоть до изгнания из общества.

Разумеется, речь во всех этих случаях идет о гипотетических моделях и схемах, о самых общих принципах поддержания социальности на фундаментальном уровне «законов жизни». Однако это шаг вперед в познании социальности по сравнению с противопоставлением «материального» и «духовного», «человеческого» и «животного». Если животные проявляют «моральное» поведение, то исчезает одно из важнейших различий, которое отделяло человека от других видов при изучении как этических норм, так и общих принципов социальной организации. Разумеется, к исследованиям такого рода следует подходить с предельной осторожностью, не делать поспешных выводов, не совершать необоснованных переносов.

2.2. Сигнальное поведение и социальность

Сигнальное поведение имеет множество проявлений: действия, позы, звуковые сигналы, ритуалы. Однако у человека оно пока недостаточно изучено. Н. Тинберген полагает, что это обусловлено отсутствием систематических сравнений поведения людей и животных других видов. И хотя здесь не может быть полного тождества, возможно «применить в исследованиях человечества те способы, которые показали свою плодотворность при изучении поведения животных»¹. В первую очередь это относится к способам социализации.

Социобиологическая концепция порождения воспроизводящихся сигналов занимает в интерпретации социальной жизни значительное место. Так, Р. Докинз в работе «Эгоистический ген» утверждает, что все наблюдаемые единицы существования — молекулы, клетки, животные организмы, человек — несут в себе воспроизводящее начало. Оно объясняется тем, что основу всего живого составляют молекулы ДНК со встроенным в них механизмом самовоспроизведения. Соответственно эволюция обусловлена тем, что они сохраняются путем естественного отбора и порождают все новые организмы как «машины для выживания генов».

На этой идее реплицирования выстраивается иерархия систем по сложности — от молекулы ДНК до человека и его культуры, где механизм воспроизведения связывается с мимесисом (подражанием). Выделяется «мим» — единица подражания и трансляции, которая может обозначать идеи, удачные фразы, феномен моды, способы действий. Соответственно предполагается, что человек как сложная «машина для выживания генов» не может быть абсолютно свободным в выборе поведения и ограничен генетическими рамками врожденных механизмов мимесиса.

Важным аспектом социальной жизни считаются эмоции, которые не просто переживаются, но в коммуникативных ситуациях выражаются в определенных знаковых формах. Например, агрессивный импульс можно как почувствовать — гнев, так и выразить — угроза, нападение. Соответственно в исследованиях необходимо проводить различие между эмоциональными состояниями, их знаковой репрезентацией и поведенческими следствиями.

Другим основанием коммуникативного поведения животных, предпосылкой обмена информацией с помощью знаков считается в этологии ритуал — серия наследственно обусловленных и закрепленных в генотипе стандартных телодвижений, повторяющихся последовательностей двигательных реакций, их формы и скорости. В свое время Дж. Хаксли «замечил, что определенные образцы движений утрачивают в процессе филогении свои оригинальные функции и превращаются в чисто “символические” церемонии. Он назвал этот процесс ритуализацией и использовал термин без кавычек; иными словами, он уравнивал культурные процессы, ведущие к формированию обрядов (церемоний) у человека с филогенетическими процессами возникновения таких удивительных “церемоний” у животных.

¹ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969. С. 166.

С чисто функциональной точки зрения такое уравнивание справедливо, даже если принимать во внимание различие между культурными и филогенетическими процессами»¹.

Содержание понятия «ритуал» в этологии и социобиологии отличается от принятого в социальной и культурной антропологии. «Ритуалы — это модели поведения, которые выполняют коммуникативную функцию и в процессе ее осуществления испытывают изменения, повышающие их коммуникативную ценность... Иными словами, ритуалы имеют сигнальную функцию реализуемую в процессе, названном ритуализацией». Понятие «выразительные движения», связанное с таким поведением, означает, составляющие его элементы, выполняющие сигнальные функции. По происхождению они могут быть врожденными, культурными, индивидуально специфичными. С социокультурной точки зрения ритуализация «есть процесс, в котором некомуникативные модели поведения эволюционируют в сигналы»²; ее роль состоит «в создании независимых символов, которые становятся общепринятыми и рассматриваются как часть общества»³. Ей приписывается три важнейших коммуникативных аспекта.

Во-первых, это такие двигательные реакции, которые первоначально служили виду как функции, необходимые для выживания. В процессе филогенеза они постепенно приобретали новое значение — сигнальное. Такое преобразование любой прежней функции, которая, кстати, может сохраняться, заключается в том, что ритуал становится стимулом для образования межиндивидуальных связей или средством канализации агрессивности.

Во-вторых, по мере приобретения сигнальной функции прототип трансформировался для лучшего ее выполнения. Можно предположить, что в процессе естественного отбора наиболее заметные характеристики сигнала сохранялись и усиливались, а менее распознаваемые и нечеткие редуцировались или совсем исчезали. Таким образом, ритуал приобретал свою компактную и легко распознаваемую знаковую форму.

В-третьих, такого рода сигнальные акты принимали все характерные черты автономного, независимого от ситуации движения. Этот акт проявляется спонтанно, имеет собственную коммуникативную значимость и особое привлекающее значение. Таким образом, в процессе ритуализации рождается механизм, подобный инстинкту, который влияет на поведение индивидов не менее, чем базовые инстинкты — голод, секс, страх. Он «обслуживает» социальность, поскольку обуславливает возникновение межиндивидуальных контактов и подавление агрессивных импульсов⁴.

Таким образом, ритуалы в социокультурных системах выполняют ряд важных функций: коммуникации, контроля агрессивности, объединения. Следовательно, они способствуют поддержанию связей внутри общностей и между ними.

¹ Lorens K. On Agression. N. Y., 1967. P. 54–55.

² Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and ritualization from biological perspective // Human Ethnology. M. Van Cranach et al. (eds). Cambridge, etc., 1979. P. 4, 14.

³ Lorens K. Behind the Mirror. L., 1977. P. 210.

⁴ Lorens K. On Agression. P. 46–47.

Базой для формирования ритуалов является инстинктивная знаковая активность. Она представляет собой поток эфферентных (направленных вовне) импульсов центральной нервной системы, которые находят выражение в ритмизованных и координированных движениях — в «ауторитмии», «стереотипных наборах действий». Несмотря на эндогенное происхождение они не проявляются спонтанно, вне связи с окружением. Когда нет необходимости, они подавляются на уровне центральной нервной системы. Их проявление побуждается особыми пусковыми механизмами при наличии ключевых знаковых стимулов. «Знаковые реакции» в большинстве случаев просты. Они состоят из одного или нескольких актов, но могут носить и более сложный характер, когда «включается» целая система (паттерн) внешних проявлений, как это происходит при ритуализации.

2.3. Обучение и его адаптивная функция

Термином «обучение» представители различных социальных наук обозначают неодинаковые, хотя и близкие по содержанию феномены. Психолог подразумевает некоторые относительно долговременные изменения поведения; физиолог — значимые сдвиги в нервном субстрате; биолог — приобретение приспособительных реакций и т.п. Однако основу большинства таких определений составляет принцип исключения: имеются в виду изменения, которые нельзя объяснить ни процессами созревания организма, ни утомлением, ни сенсорной аккомодацией¹. В то же время подчеркивается общая адаптационная значимость обучения. Оно часто подразделяется на следующие типы: кратковременное и долговременное запоминание, классический и инструментальный условные рефлекс, развитие «способностей». Торн предлагает более широкую классификацию: привыкание, классические условные рефлекс, результаты проб и ошибок, латентное освоение и инсайт. Эти два набора категорий в значительной мере перекрываются. Экспериментальные ситуации позволили выделить такие феномены, как сенсорная предобусловленность обучения, такие его виды, как перцептивное, двустадийное, связанное с различением, с пространственным расположением объектов, а также роль подкрепления в этих процессах.

Современные данные свидетельствуют о том, что при определенных уровнях мотивации и подкрепления обучение решению простых задач мало зависит от возраста, тогда как запоминание с возрастом улучшается. Решение более сложных задач зависит от характера предшествующего опыта особи. Возрастные изменения в отношении обучения определяются как состоянием организма, так и влиянием схем восприятия и движений, приобретенных в прошлом. В пределах жизненного цикла существуют определенные стадии, на которых этот процесс осуществляется с наибольшей легкостью. Они называются сензитивными периодами и не разделяются резкими границами. Способности животных к обучению имеют пре-

¹ Хайнд Р. Поведение животных. С. 605.

дела. Ограничения налагаются возможностями сенсорно-перцептивных механизмов, предрасположенностью к определенным реакциям, видовыми и индивидуальными особенностями, созреванием организма и влиянием среды. Обучение редко сводится лишь к простому изменению реакций организмов на внешние стимулы. Многие исследователи заполняют концептуальное пространство между ними различными гипотетическими механизмами трансформации определенных «входов» в конкретные устойчивые поведенческие «выходы». Существует предположение о перестройке процессов в центральной нервной системе, не проявляющейся непосредственно в поведении, но сохраняющейся в виде внутренних «концептов», регулирующих связи организма с воздействиями окружения.

Эксперименты обнаруживают, что организмы обладают изначальным, врожденным свойством к установлению связей между безразличными для организма сигналами, или единицами восприятия. Такое свойство получило название сенсорного предобусловливания, а его проявление связывается с ориентировочной реакцией. На базе этой способности происходит формирование внутренних концептов, представляющих собой сложные композиции представлений о внешних событиях и внутренних состояниях, значимых для организма. Их формирование обусловлено действием ряда достаточно изученных механизмов.

Во-первых, это перцептивное обучение, под которым понимается совокупность процессов, увеличивающих готовность или способность организма отвечать на различные изменения внешней стимуляции. Существуют экспериментальные свидетельства того, что организм соотносит даже самый простой стимул с другими, а потому восприятие всегда охватывает эти отношения. Перцептивное обучение способствует формированию представлений о значимых сигналах, исходящих из среды, и развитию способности адекватно реагировать на них. О нем можно говорить в том случае, если организм реагирует на определенный тип стимула все более избирательно. Это отличает его от условной реакции, постепенно генерализующей ответ на близкие по значению стимулы.

Во-вторых, развитие способности к различению. Существует предположение, что процесс обучения различению состоит из двух стадий. Вначале животные приобретают навыки реагировать на те качественные признаки сравниваемых ситуаций, по которым они более всего различаются. Затем они осваивают определенные поведенческие реакции, связанные с этими признаками.

В-третьих, построение образа, фиксирующего расположение объектов по отношению друг к другу. Его связывают с так называемым пространственным навыком. Экспериментально подтверждается, что возможно развивать способность к формированию представления о границах, внутренней структуре, протяженности пространства, в котором реализуется поведение. Причем, это происходит, когда в пределах восприятия существуют референты, свидетельствующие о наличии иных пространственных конфигураций, и объясняется действием набора следующих универсальных свойств животных.

- Ориентация, предполагающая существование контрольной системы, обуславливающей фиксированную направленность движения.
- Образ искомого объекта, ожидание подкрепления, избирательное внимание, что в совокупности определяет поисковое поведение. Это сканирование окружения, которое продолжается до тех пор, пока индивиды не столкнутся с приемлемым набором стимулов.
- Привыкание, определяемое как внутреннее состояние организма, которое, сформировавшись, начинает способствовать угасанию ориентировочного рефлекса.
- Подгонка под модель, предполагающая способность к формированию внутреннего образа эффективного поведения, а затем к сближению действий с этой моделью до удовлетворительного соответствия ей.
- Запечатление, связанное с целостным стереотипным восприятием стимула, позволяющим однозначно реагировать на него в любых ситуациях.
- Формирование понятий, т.е. способность строить обобщения на основе немногочисленных критериев и пользоваться такими обобщенными познавательными единицами для распознавания реальных ситуаций и манипулирования в качестве заместителей объектов при «планировании» поведения.

Э. Толмен попытался свести действия животных в более или менее стандартных ситуациях обучения, обуславливающих устойчивые изменения поведения, к типам способностей:

- предвидеть результат собственной активности, т.е. ожидать появления стимула и действовать в соответствии с этим ожиданием;
- прогнозировать случаи альтернативного выбора поведения и свои реакции в этих случаях;
- различать элементы собственного опыта и окружения и манипулировать ими;
- формировать представления, создавать заместители объектов и состояний организма, переживаний;
- сохранять опыт;
- проявлять «творческую гибкость».

Развитие этих способностей повышает уровень адаптированности особи в окружении.

У. Торн при описании процессов обучения также обращается к классификации механизмов приобретения жизненно полезного опыта.

- Привыкание. Это относительно устойчивое специфичное ослабление реакции вследствие многократного предъявления определенного стимула без подкрепления. Оно отличается от утомления и сенсорной адаптации.
- Классический условный рефлекс. В этом случае речь идет об идеальном теоретическом конструкте, базирующемся на искусственном или естественном подкреплении специфичного класса поведенческих реакций на определенные стимулы.
- Обучение методом проб и ошибок. Оно определяется как образование ассоциации между стимулом или ситуацией и независимым двигательным актом в результате подкрепления поискового поведения. При этом стимул

и реакция должны предшествовать подкреплению, а реакция не обязательно является врожденной.

- Латентное обучение. Предполагается постепенное образование ассоциации между безразличными для организма стимулами или ситуациями в отсутствие явного подкрепления. Это своеобразное определение условных вероятностей связей между стимулами.

- Обучение по типу инсайта. Инсайт определяется как «улавливание связей» между объектами и событиями.

- Подражание. Его иногда также относят к обучению и выделяют три типа. Во-первых, выполнение определенных поведенческих актов вслед за другими особями. Во-вторых, усиление тенденции реагировать на определенный элемент окружения в результате реакции на него других особей. В-третьих, «истинное подражание», или копирование поведенческих актов или звуков, не имеющих в индивидуальном наборе заученного поведения. Причем такие акты, помимо заимствования, не могут быть приобретены никаким иным путем.

Разумеется, эти типы механизмов обучения носят аналитический характер. Во-первых, между приведенными категориями нет четких границ, и они частично перекрываются. Во-вторых, в каждой из них можно обнаружить примеры, сильно различающиеся по сложности.

2.4. Исследовательское поведение в освоении окружения

Исследовательское поведение проявляется у всех животных при встрече с новыми стимулами и ситуациями. Животные обычно приближаются к неизвестному объекту и знакомятся с ним, используя все возможности своего рецепторного аппарата. Оказавшись в новой обстановке, они начинают ненаправленно передвигаться, включая «ориентировочную реакцию», т.е. проявляя внимание ко всему, что их окружает. Такой тип поведения многообразен в проявлениях, и К. Лоренц объясняет его порождение через трансформацию ауторитмии, т.е. через внутреннюю упорядоченную активность организма, которая приводит к накоплению в нервных центрах своеобразной «энергии действия». В силу этого особь начинает поисковое поведение. В случае успеха — встречи с ключевым стимулом — оно завершается актом консуммации, приносящим удовлетворение, разрядку первоначального импульса. Такое поведение строится на наследственной базе, но включает в себя и элементы индивидуального научения. Оно является пусковым механизмом целенаправленных действий. «Взаимодействие между врожденными пусковыми механизмами и обучением ограничено строго определенной фазой в онтогенетическом развитии организма... Эти врожденные пусковые механизмы отличаются исключительной простотой, и поэтому их избирательность очень низкая. Но отсутствие избирательности компенсируется ограничением времени, в течение которого действие врожденных пусковых механизмов оказывается эффективным. В этот короткий период врожденные пусковые механизмы успевают при естественных обстоятельствах выработать обуслов-

ленный ответ по отношению к своему объекту. Этот ответ оказывается в таком случае значительно более избирательным, чем любые врожденные пусковые механизмы, а также все ответы, получаемые в результате обучения»¹.

В исследовательском поведении, обусловленном действием таких механизмов, принято выделять два основных аспекта. Во-первых, это ориентировочная реакция, которая связана с неподвижным наблюдением за окружением. Во-вторых, активное исследование, при котором животное движется относительно незнакомого участка пространства или объекта. Считается, что эти два типа поведения несовместимы и взаимно подавляют друг друга. Проводится также различие между «поверхностным» и «глубоким» исследовательским поведением. В первом случае речь идет о ситуации, отличительные признаки которой полностью выражены. Во втором случае они скрыты от животного, и их следует отыскивать специально.

Наблюдения свидетельствуют о том, что интенсивность исследовательского поведения зависит от степени новизны ситуации. Соответственно выдвигается гипотеза, что речь идет о степени несоответствия между ее восприятием в данный момент и тем представлением о ней, которое сложилось у животного на основе прошлого опыта. Такие ее признаки, как сложность и сила воздействия внешних стимулов, помимо новизны, часто усиливают исследовательское поведение.

Имеются данные, позволяющие предположить, что страх нередко подавляет исследовательскую активность, и, следовательно, это независимые типы реакций. Какая из них проявится в ситуации, зависит от интенсивности воздействия или непривычности характеризующих ее стимулов. Небольшие изменения этих параметров побуждают к исследованию, значительные — вызывают страх. Тип реакции зависит также от эмоционального состояния животного — чем оно благоприятнее, тем выше вероятность исследовательского поведения, — а также от степени обученности — чем более опытно животное, тем более оно склонно проявлять интерес к неожиданному.

Есть основания предполагать, что поведение такого типа не просто вызывается неизвестным стимулом и продолжается до «насыщения». Некоторые исследователи полагают, что его своеобразие состоит в побуждающем значении для животного: по-видимому, оно направлено на преодоление несоответствия между представлением о знакомой ситуации и следами восприятия новой. Соответственно предполагается перестройка внутреннего концепта, после чего он начинает соответствовать ключевым характеристикам осваиваемой ситуации.

Согласно «центральной теореме социобиологии», каждая форма социального поведения обязательно имеет генетическую основу, которая побуждает индивидов действовать так, чтобы максимально обеспечить успех для себя и родственников. Это характерно для всех видов поведения, включая исследовательское.

¹ Развитие ребенка. М., 1968. С. 108.

2.5. Игра и ее влияние на изменение поведения

Игра — особая форма поведения, включающая в себя движения, значимые для других его форм (агрессия, перемещения, поисковая активность и т.п.), но не вызывающая у наблюдателя впечатления, что действия совершаются «серьезно». Можно выделить некоторые основные признаки игры.

- Незавершенные последовательности действий. Компоненты игрового поведения, обычно отличаются от тех, которые часто встречаются у данного вида в функционально значимых ситуациях жизнеобеспечения, размножения, защиты, агрессии и т.п. Однако в игре последовательность движений чаще всего не завершается реализацией функции.

- Выработка новых комплексов движений. У животного могут в игре вырабатываться новые движения, не имеющие функционального значения за пределами игровой ситуации.

- Смешение функционально различных типов поведения. Игра строится из произвольных комбинаций различных функциональных движений, относящихся к другим типам поведения.

- Несоответствие интенсивности отдельных движений всей их последовательности в целом. В игре часто проявляется преувеличенная активность, функционально не обоснованная и как бы самоцельная. Наблюдаются также многочисленные повторы какого-либо движения, не приводящие к следующему элементу последовательности, частью которой оно является в других типах поведения.

- На групповые игры другие особи обычно не реагируют «серьезно». Более того, у некоторых животных игре предшествует особый сигнал, выделяющий ситуацию или поведение из «обычного» контекста.

- В игровом поведении объекты используются не в их прямой функции. Часто в игровых ситуациях животные манипулируют предметами, которые в других ситуациях либо не используются, либо используются в совершенно иных функциях.

- У высших млекопитающих игру молодняка часто начинает взрослое животное.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что хотя игры могут напоминать другие виды поведения, побуждения, обуславливающие их, различаются. Игровое поведение в отличие от других его типов не направлено на достижение конкретного результата. Действия в игре часто не приводят к реализации соответствующих им функций. Они легко прерываются другими видами активности, например, связанными с голодом или страхом. В то же время игра самоценна; это не просто занятие праздных животных, возникающее в период бездеятельности. Животное может выбрать игру и при наличии одновременно существующих других побуждений.

Главный интерес социобиологов сосредоточен на эволюции социальных форм существования организмов. Поэтому предметом исследования становятся взаимодействие, взаимосвязь между особями. Их изучение позволяет реконструировать структурные формы связей (иерархичность и горизон-

тальность) и таким образом понять эволюционный смысл определенной организации сообщества.

Выводы

1. В настоящее время в культурной антропологии понятие «культура» не отождествляется с миром только человеческих отношений. Объяснение культурных фактов связывается с социобиологическими и этологическими моделями изучения социальной жизни. Это позволяет получить ответы на значимые для познания человека вопросы: что культурно уникально; что универсально с социобиологической точки зрения; что специфично для человеческого вида; что общего у человека с другими видами животных. Определяются характеристики социальной жизни, общие для всех видов и имеющие адаптационную значимость.

2. В социобиологии и этологии существенное адаптационное значение придается социальной организации. Выделяются типы поведения, которые поддаются координации и в совокупности обеспечивают устойчивые рамки для существования популяции. Прежде всего, стратификация, которая считается ее неотъемлемым свойством и означает распределение особей по функциональным признакам, связанным с жизнеобеспечением. Далее, территориальность и контроль над агрессией, поддерживающие согласованность действий составляющих ее особей. Наконец, альтруизм, т.е. поведение, не столько удовлетворяющее индивидуальные интересы, сколько способствующее поддержанию целостности группы. Адаптационный смысл социальной организации состоит в объединении популяции для извлечения внешних ресурсов и противостояния неблагоприятным воздействиям окружения.

3. Отмечается значимость коммуникативных процессов для поддержания жизнедеятельности популяции. Подчеркивается фундаментальный характер способности животных к сигнальному поведению. Важной содержательной чертой коммуникативных процессов принято считать эмоции, и проводится различие между эмоциональными состояниями, их знаковым и поведенческим выражением. Другим основанием обмена информацией с помощью знаков этологи считают ритуал — серию наследственно обусловленных и закрепленных в генотипе стандартных телодвижений. Оба аспекта коммуникации создают базу для построения достаточно сложных сообщений, позволяющих животным лучше адаптироваться в меняющемся окружении.

4. В рамках социобиологии акцентируются адаптационные возможности обучения. Способность к освоению окружения базируется на врожденном свойстве организма устанавливать связи между безразличными для него сигналами или единицами восприятия и реагировать на них. На этой основе формируются внутренние концепты и поведенческие стереотипы с помощью известных механизмов. Адаптационная значимость обучения состоит в том, что оно повышает степень контроля над жизненной средой.

5. Предполагается, что адаптации животных в окружении во многом способствует исследовательское поведение. Оно строится на наследственной базе, включает в себя элементы индивидуального научения и является пусковым механизмом целенаправленных действий. Оно ориентировано на преодоление несоответствия между представлением о знакомой ситуации и следами восприятия новой. Адаптация состоит в перестройке внутреннего концепта таким образом, чтобы он соответствовал ключевым характеристикам незнакомой ситуации.

6. Этологи выделяют адаптационные функции игры. Прежде всего, с ней связывают элементы обучения. Далее, отмечается, что игровое поведение имеет ряд общих черт с исследовательским. Наконец, подчеркивается его рекреационный характер. Таким образом, адаптационный смысл игры можно определить как безопасное экспериментирование с элементами окружения.

Контрольные вопросы

1. Что по содержанию представляют собой этологические и социобиологические исследования?
2. Почему этологические и социобиологические основания важны для изучения динамики культуры?
3. В чем состоит сходство форм социальной организации у людей и других видов социальных животных?
4. Почему концепцию социальной стратификации можно считать социобиологической и антропологической универсалией?
5. Что с точки зрения методологии дает знание о сигнальном поведении животных для понимания человеческих коммуникативных процессов?
6. Каким образом можно связать базовые концепты альтруизма и агрессии с ключевыми формами социальности у людей?
7. Как сегодня в рамках этологии и социобиологии трактуется приобретение особями навыков адаптации в окружении?
8. Почему в рамках этологии и социобиологии специально выделяется исследовательское поведение?
9. Каковы функции игры в процессе социализации животных?
10. Как можно определить понятие адаптации биологических видов в окружении, и какова связь между понятиями адаптации и культуры?

Раздел II

ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В соответствии с социобиологическими основаниями рассмотрения культуры становятся очевидными два фундаментальных направления формирования «искусственных» феноменов, обеспечивающих совместное существование индивидов, их социальное взаимодействие.

Во-первых, необходимость жизнеобеспечения (пища, кров, продолжение рода и т.п.) обуславливает порождение того, что принято называть социальными функциями. Имеется в виду последовательность побуждений, организованных действий и наборов конечных результатов, приводящих к удовлетворению базовых потребностей. Способы их реализации меняются в зависимости от изменчивости условий существования популяции. Поскольку в рамках любого вида жизнеобеспечение осуществляется коллективно, в каждом сообществе существует разделение функций. Таким образом, можно говорить о порождении функциональных единиц в качестве культурных, т.е. искусственных и интерсубъективных феноменов, обеспечивающих выживание популяции.

Во-вторых, общественное разделение функций базируется на взаимодействии индивидов, их объединении для обеспечения благоприятных условий совместной жизни. Это предполагает коммуникацию между ними, т.е. обмен информацией о намерениях, направлениях действий, предполагаемых результатах. Иными словами, необходимыми являются разделяемые информационные коды и внешние стандартизированные сигналы, которые люди используют в процессе коммуникации для координации совместных действий. Соответственно другую область порождения культурных феноменов обуславливают трансформации внешних или внутренних для организма стимулов в выразительные единицы, которые могут быть

транслируемы в процессах коммуникации, сопровождающей социальное взаимодействие.

Этот раздел посвящен рассмотрению процессов формирования, во-первых, социальных функций, которые в процессах взаимодействия обеспечивают удовлетворение жизненно важных для человека потребностей и желаний; во-вторых, символических образований, используемых людьми при совместной активности.

В результате освоения темы «Основания изучения порождения культурных феноменов» студент должен:

знать

- возможности и способы применения функционального анализа при изучении динамики культуры;
- возможности и способы применения структурализма при изучении динамики культуры;

уметь

- определять культурное значение функций, выполняемых институтами различных видов;
- выделять из многообразия изменчивых культурных явлений их устойчивые общие характеристики;
- проследить процесс трансформации переживаний людей в разделяемые знаки и символы;
- реконструировать процессы формирования и существования различных языков культуры;

владеть

- стратегиями функционального анализа при изучении устойчивых культурных явлений, культурной изменчивости;
 - стратегиями структурного анализа при изучении формирования представлений, знаков и символов, языков культуры, культурных порядков, а также их динамики.
-

Глава 3

ПОРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

3.1. Основания структурно-функционального анализа

В рамках социальной и культурной антропологии исследователь имеет дело не только с описанием уникальных явлений, специфичных культурных характеристик, но и с выявлением универсалий, родовых свойств человека, регулярно повторяющихся событий. В этом случае возникают следующие вопросы: как формируются и воспроизводятся социальные отношения; каковы механизмы их поддержания; как они работают. Чтобы найти соответствующие ответы, следует обратиться к функционализму (структурному функционализму), социальнонаучному направлению, позволяющему изучать порождение форм социальной активности. В этих рамках основное внимание уделяется способам и структурам процессов удовлетворения потребностей, реализации желаний, интересов людей.

Функционализм как способ познания существовал на протяжении всей истории культуры. Тело и его жизненные проявления были постоянным источником метафор, аналогий, моделей для различных аспектов совместной жизни людей. Корни функционального изучения общества и культуры, специфичного для XX в., прослеживаются в работах французов О. Конта и Э. Дюркгейма, англичан Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна. Эти авторы равно причисляются к классикам как социологии, так и социальной и культурной антропологии, поскольку в их время границы между двумя науками только начали устанавливаться. Позже дань функционализму отдали такие ученые, как М. Мид, Э. Мейо, Л. Уорнер, Р. Фирт, И. Иванс-Причард, М. Уилсон, С. Нейдел, М. Глюкоман и др.

Возникновение функционализма побуждалось стремлением установить «общие социологические законы». Соответственно еще Б. Малиновский проводил различие между «этнографией как наукой, связанной с простым коллекционированием, описанием и классификацией (данных), и этнологией, целью которой может быть построение законов и объяснение феноменов»¹, применение абстрактных теорий к различным типам обществ. Ключевые концепты функции и структуры были прямо заимство-

¹ *Malinowski B. Review of G. C. / Wheeler. «The tribal and intertribal relations in Australia».* *Man*, 11 (15), 1911. P. 25–26.

ваны у Г. Спенсера, который часто использовал их и выводил из органических аналогий, связанных с его идеей социальной системы. Он предполагал, что в обществе, как и у индивида, «различие функций предопределяет дифференциацию и разделение выполняющих их частей», а также «взаимную зависимость частей», которую считал источником организации вообще, общим законом социальности¹.

Начиная с работ Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна, функционалистская трактовка прочно закрепились в изучении общества и культуры. И с самого начала обоснование функциональных социокультурных единиц — норм, институтов, ролей — имело двойную природу. С одной стороны, такие единицы выводились из удовлетворения врожденных человеческих потребностей. С другой стороны — из необходимости поддерживать социальные связи и отношения. Истоки первого направления обнаруживаются в работах Б. Малиновского, второго — в работах А. Радклифф-Брауна.

Оба ученых преуспели в том, чтобы создать теоретические рамки для анализа и обобщений данных, полученных в ходе полевых исследований. Они сформировали адекватную базу как для изучения конкретных обществ, так и для построения социальной (а нередко и психологической) теории. Благодаря успешности их работ концепты социальной системы, структуры, функции, общего закона, института вошли в словарь (тезаурус) социальных наук в качестве устойчивых категорий. Влияние Б. Малиновского на формирование функционализма как исследовательского направления сказалось на двух уровнях познания. Во-первых, интерес к систематическим связям, в частности, ролевым, как внутри общества (функциональная связь), так и между обществами (сравнительная связь). Во-вторых, попытка продвинуть компаративные исследования, стимулировать систематическое сравнение социальных и культурных переменных в различных обществах (социальных системах).

В функционалистской трактовке социальных и культурных явлений сама концепция функции подразумевает биологические и психические предпосылки действий людей, направленных на окружение. Последнее включает в себя не только экологическое измерение, но и созданные человеком объекты. Кроме того, значительное место в концепции функции занимают технологии, в том числе машинные, как продукты и посредники социокультурного взаимодействия и коммуникации, инструменты трансляции культурного опыта, которые делают возможным обуславливающий удовлетворение потребностей и запросов людей взаимообмен между компонентами социальных и культурных систем.

Таким образом, считается, что «в жизни определенной общности каждый культурный элемент занимает свое место и выполняет особую функцию. Обнаружение этих функций является задачей науки, которую можно назвать ‘социальной физиологией’. Исходный постулат функционального

¹ *Goody J.* British functionalism. Main Currents in Cultural Anthropology. Naroll R., Naroll F. (eds). N. Y. 1973. P. 190.

метода состоит в том, что существуют общие «физиологические», или функциональные, законы одинаковые для всех обществ и культур. Целью функционального метода является обнаружение этих общих законов и объяснение с их помощью любого элемента любой культуры»¹.

Наиболее развитая форма структурного функционализма выражена в концепции общества и культуры как системы. Она широко представлена в социологии такими фигурами, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шиллз, М. Леви, Д. Белл и др. Но соответствующие теоретические принципы использовались и в культурной антропологии (в рамках неозволюционизма для интерпретации адаптационных структур, в рамках психологической антропологии как основания для психоаналитической трактовки социализации и инкультурации). Более того, начиная с 60-х гг. XX в. структурный функционализм стал одной из ведущих общих теорий для изучения общества и культуры.

Существенным исходным допущением структурного функционализма остается классическая идея «единства мира», т.е. представление о том, что любое явление имеет значение только в связи с его целостностью. Концептуальное различение функций и элементов представляет собой познавательный инструмент для понимания и описания порождения, существования, изменения социальной системы, которая трактуется как воплощение такой целостности в функционально значимой взаимозависимости людей.

Следует подчеркнуть, что само по себе понятие «система» формально и не имеет эмпирического содержания. Применение этого концепта к определенной предметной области, а именно к социокультурным феноменам, означает его интерпретацию. Вопрос заключается в том, какой «позиции наблюдателя» она соответствует в каждом конкретном случае. Например, такие характеристики системы, как равновесие и взаимосвязь, могут приниматься как измерения, т.е. как имеющие варьирующееся значение. Тогда изучается ее динамика, смена состояний, и акцент помещается на механизмах, действие которых обуславливает изменение значений этих переменных. Однако же эти характеристики могут считаться инвариантными, т.е. свойствами системы. Тогда она рассматривается в одном из возможных состояний — равновесном — и предметом интереса становятся механизмы его поддержания. В первом случае исследователь имеет дело с системностью как качеством, во втором — с сохранением самоидентичности целого.

С развитием концептуального аппарата и утверждением системы в качестве интегрирующей познавательной категории структурный функционализм как теоретическое направление установился благодаря трем основным причинам. Во-первых, он сложился как обобщенная интеллектуальная позиция, базирующаяся на концептах функции, действия, структуры и ассоциирующихся с ними идеях. Во-вторых, на такой основе можно строить специфичные гипотезы о значении процессов и результатов совместной активности людей. В-третьих, в его рамках есть метод проверки таких гипотез. Эта теоретическая позиция породила важные для понима-

¹ *Radcliff-Brown A. R. Method in social Anthropology. L., 1968. P. 41.*

ния общества и культуры концептуальные построения, многие из которых нашли убедительное эмпирическое подтверждение. И хотя такое направление исследований отнюдь не универсально, имеет свои ограничения и несовершенства, оно оказывается необходимой современной составляющей в области познания динамики социокультурной жизни.

В качестве исходных порождающих компонент, на которых строится концепция социальной системы, будут рассмотрены: потребности как универсальные побуждения человеческой активности; социальное действие как ее функциональная организация.

3.2. Концепция потребностей

Функционализм формировался как реакция на неадекватные интерпретации социокультурных процессов в рамках классического эволюционизма. Заложена здесь идея развития характеризуется усложнением искусственного мира. Концепция культурного разрыва между традиционными и модернизированными обществами и частями общества предполагала, что прогресс стимулируется совершенствованием организационных технологий. В то же время факты свидетельствовали о том, что это отнюдь не препятствует общественным беспорядкам, конфликтам, войнам. Акцент функционализма переместился с порядков, обеспечивающих адаптацию людей в природном окружении, связанную с биологическим выживанием, на социокультурные порядки, поддерживающие общественное разделение функций и их интеграцию. Исходные допущения Э. Дюркгейма, что потребности, желания людей в принципе беспредельны, а также О. Конта и Э. Дюркгейма о дестабилизирующем влиянии технологического развития обусловили трактовку моральных ценностей как механизмов, сдерживающих и ограничивающих эти побуждения, сохраняющих общество в гомеостатическом состоянии.

В функционализме вопрос о культурных универсалиях связывается с универсальностью человеческих потребностей. Социокультурная специфика относится не к характеру потребностей как таковых, но к их распределению по приоритетности и способам удовлетворения в определенном обществе. Такая трактовка общих и специфических характеристик в различных культурах прослеживается, начиная с работ Б. Малиновского. Он строил свои объяснения на выделении базовых (первичных) потребностей человека, которые считал врожденными, в сопоставлении с наиболее характерными для изучаемого сообщества условиями их удовлетворения. Из этого выводилось формирование своеобразных конфигураций побуждений, так называемых вторичных потребностей. (Их, по-видимому, лучше называть желаниями, запросами, интересами). Соответственно, множественность проявлений совместной жизни людей могла быть упрощена, упорядочена путем сведения (редукции) к первичным потребностям. В свою очередь их удовлетворение, а также сопровождающие представления и оценки трактовались как определенные «темы»: обеспечение крова и безопасности, утоление голода и жажды, удовлетворение сексуальной по-

требности и т.п. Тогда культурные универсалии могут быть представлены как функциональные единицы, обеспечивающие удовлетворение первичных потребностей и определяющие фундаментальные «темы». Культурное же разнообразие можно интерпретировать как их специфичные вариации, проявляющиеся в различиях конфигураций потребностей и способов их удовлетворения.

Концептуализацию потребностей и их внутренней дифференциации можно свести к двум основным типам: как состояние и как отношение. Динамическая теория потребностей, разработанная А. Маслоу, относится к первому типу¹. Речь идет о состояниях индивида как активной целостности, расположенных на шкале из пяти последовательных ступеней.

- Физиологические потребности, обусловленные метаболическими процессами (обмен организма со средой веществами и энергией: пища, воздух, выделения организма, температурный баланс, размножение).
- Потребность в безопасности, связанная с защитой индивидом своей жизненной среды в физическом (жизненное пространство) и социокультурном (защита от посягательств на личность, ее семью, положение в обществе и т.п.) смысле. Она соответствует выделенному этологами у всех животных, включая человека, так называемому инстинкту территориальности. Антропологически он проявляется как стремление к освоению пространства, закреплению на нем, его ограждению и защите в предметно-пространственных знаковых формах. По мнению А. Леруа-Гурана, освоение человеком пространства и времени (доместикация) составляет более важный шаг в его эволюции, чем даже изготовление орудий труда².
- Потребность в социальных связях, т.е. в отношениях с другими людьми, межличностной привязанности и любви; она выражается в стремлении принадлежать к какой-либо общности, которую индивид воспринимает как «свою».
- Потребность в признании, уважении, которая имеет два аспекта: самоуважение и признание со стороны других; в первом случае речь идет о соответствии поведения личности ее принципам, об уверенности в себе, в своей компетентности, о личной независимости; во втором — о проявлении знаков уважения со стороны окружающих, о стремлении занять высокое положение в обществе, обеспечивающее определенные социокультурные привилегии.
- Потребность в самореализации, связанная с актуализацией индивидуальных способностей, склонностей, свойств.

Согласно А. Маслоу, эти типы потребностей иерархичны, т.е. каждая последующая ступень возникает после удовлетворения предыдущей. Хотя есть определенные свидетельства тому, что если исключить обеспечение жизнедеятельности организма, все остальное не выстраивается в жесткую последовательность.

¹ *Maslow A. Dynamic theory of human motivation // Psychological Review. 1943. V. 50.*

² *Бродель Ф. Структура повседневности. М., 1986. С. 17.*

Маслоу выделяет также потребности, связанные с организацией человеком представлений о своем окружении и выводящие человека за пределы самого себя:

- стремление к познанию во имя самого познания;
 - стремление построить стройную картину мира, или потребность в систематизации представлений;
 - стремление к симметрии, гармонии, красоте, порядку, т.е. к эстетическому упорядочению представлений об окружении.
-

Поскольку функционализм базируется на концепции биологического человека, его базовых, первичных, «природных» потребностей, активность не ограничивается здесь только рациональной обусловленностью. Нерациональные, бессознательные факторы также учитываются как значимые детерминанты социокультурных процессов. Соответственно типы действий, желаний, целей людей оказываются многообразными с точки зрения не только их объективации, предметной представленности, но и источников порождения. Следует подчеркнуть, однако, что в отличие от классического функционализма структурный функционализм ограничивается рассмотрением только тех целей, ценностей и норм, которые характеризуют систему как целое, выделены и санкционированы как существующие и социально необходимые. Иными словами, человек рассматривается только в его социализованном аспекте, а значимыми для изучения считаются только те его усилия, которые направлены на достижение внешних, извлекаемых из социальной системы целей. В таких ситуациях человеку нечего и незачем противопоставлять этой системе и возможность конфликтов между ними сведена к минимуму.

3.3. Концепция социального действия

Структурно-функциональный анализ начинается с единого общего пластичного измерения, лежащего в основе всего социального мира, — социального действия, которое представлено через цели, средства, условия и результаты. Действия направлены на удовлетворение потребностей или достижение целей. Они могут быть элементарными и составными, разграниченными и перекрывающимися друг друга в зависимости от сложности процесса целедостижения. Из этих первичных целостностей формируется дифференциальная система функций, взаимосвязей и их устойчивых объединений — институтов.

По отношению к достижению целей Т. Парсонс делит человеческие действия на инструментальные и неинструментальные. К первым относятся те, что базируются на рациональных основаниях, имеют последовательную логическую структуру, соответствуют кантовскому представлению о разуме, интеллекте. Вторые обусловлены бессознательными импульсами. В соответствии с источником побуждений различие действий про-

водится по измерениям мотиваций и ценностных ориентаций. Ценностно ориентированные действия структурируются культурно установленными стандартами, нормами и ранжируются в соответствии с ними. Мотивационные действия стимулируются освоенными, интернализированными побуждениями или желаниями. По функции такие действия подразделяются на следующие формы: когнитивные, соответствующие формированию представлений; катектические, связанные с осуществлением желаний, влечений; оценочные, направленные на достижение морально санкционированных результатов. Применение такой концепции потребностей целесообразно при построении идеально-типической структурной модели организации функциональных единиц общества.

Бельгийскому психологу Ж. Нюттену принадлежит «относительная теория потребностей, представляющая второй тип их трактовки»¹. Он полагает, что понятие обозначает не состояние организма, но динамические формы («паттерны») связей человека с окружением. Речь идет о совокупности особых биохимических (инстинктивных) и психических (эмоциональных и когнитивных) отношений организма к среде, «эго» к «миру». Согласно Нюттену, следует принимать во внимание временное измерение, поскольку искомый объект не дан организму непосредственно. Его следует определить, выделить из окружения, а затем овладеть им. Иными словами, возникновение потребности и ее удовлетворение не симультанны (не одновременны), но разведены в пространстве и времени. Благодаря этому избранный объект задает концепт будущего как ожидания желаемого состояния, всего лишь проективного образа возможного ощущения благополучия. Однако удовлетворение потребности как его реализация предполагает построение временной перспективы в качестве осознанно спланированного, последовательно развернутого ряда целенаправленных действий. По определению К. Левина, «временное измерение жизненного пространства» обусловлено возникновением побуждений, «включающих» в действие соответствующие им мотивы. Мотивы в свою очередь считаются пусковым механизмом когнитивной активности, связанной с разработкой последовательности действий, ведущей к достижению результата или целей, с фиксированием промежуточных результатов. Так складывается представление о временной перспективе.

Использование такой концепции потребностей имеет особое значение при изучении порождений и изменений функциональных единиц и их структурных взаимосвязей в обществе.

Парсонс разворачивает концепцию социальных систем вокруг взаимодействия Эго и Альтер, подчеркивая прямое участие индивидов в социальных действиях, делая их носителями культуры этих систем через их дифференциальное ролевое размещение, т.е. распределение функций. Таким образом групповые характеристики связываются с индивидуальным поведением. Это шаг в сторону объяснения существования устойчивых

¹ См.: Нюттен Ж. Мотивация // П. Фресс, Ж. Пиаже Экспериментальная психология. Вып. 5. 1975.

социокультурных образований по сравнению с предыдущими функционалистскими построениями, где культурные и социальные феномены рассматривались как самодовлеющая реальность, а группа людей определялась не столько через дифференциацию функций или ролей, сколько через интегрирующие ее нормы или институты. В структурном же функционализме разделение Альтер и Эго оставляет место для людей в социальной системе, устанавливает предпосылки для рассмотрения того, что обуславливает согласованность и систематизацию их действий.

Изучение социальных систем породило операциональную концепцию социальной роли, содержащую набор действий, правил их реализации, пределов распространения и относящуюся к выполнению человеком определенных общественно значимых функций. Рассмотрение с этой точки зрения людей в системах социального действия означает акцент на способах интеграции личности в их рамки, в процессы их поддержания, в кооперацию с другими их членами. Роли трактуются как механизмы воспроизведения совместной активности, а процессы социализации — как средства освоения соответствующих форм поведения и ожиданий. Не следует, однако, считать, что предполагается полное отождествление людей с ними. Уже потому, что соответствующие культурные нормы многообразны и диффузны, а индивид всегда выполняет целый ряд ролей, он никогда не оказывается в сети безоговорочных обязательств. Отсюда несовпадение понятий роли и личности, которое можно рассматривать как источник функциональной автономности последней по отношению к обществу и культуре. Таким образом, человек представляется в двух аспектах. Во-первых, как «актор», выполняющий значимые для него и для других действия, связанные с поддержанием целостности социальных систем. В этом аспекте он рассматривается как субъект, действия которого контролируются другими в соответствии с определенными обязанностями по отношению к ним, обусловленными выполняемой ролью. Во-вторых, как целостный воплощенный индивид, обладающий потенциями и возможностями помимо всех социальных систем, участвующий в них всегда лишь частично (в настоящее время для этого используется термин «агент»). Такое концептуальное расхождение определяет область порождения изменений и инноваций, «подлежащую» сложившимся и конвенционально признанным социокультурным системам.

3.4. Концепция социальной системы

Представление об обществе и культуре как об устойчивых образованиях, порожденных и поддерживаемых реализацией совокупности функций, необходимых для совместной жизни людей, привело к формированию концепций социальной и культурной систем. Еще А. Радклифф-Браун подчеркивал преимущества подхода Б. Малиновского, который предлагал «считать каждую культуру функционально взаимосвязанной системой» и пытаться обнаружить общие законы функционирования человеческого общества как целого¹.

¹ Radcliffe-Brown A Further note on Ambrym. Man 29 (35). 1929. P. 53.

Рассмотрение социокультурного объекта в системных терминах подразумевает определенные требования к исследователю. Он должен предварительно обосновать или доказать, что действительно имеет дело с системой. Соответственно следует определить ее составляющие, морфологию и только потом анализировать ее функционирование и (или) динамику.

В терминах общей теории систем объект можно называть системой, если о нем известны: границы, входы-выходы, составляющие элементы, структура связей между ними, содержание процессов обмена между элементами и преобразований входов в выходы.

Для того, чтобы определить социальный объект как систему, необходимо априори знать или доказать, что он обладает следующими характеристиками: универсальные функциональные фазы, имманентные состояния объекта; присущие ему формы приспособления к внутренним напряжениям и обменов с соседствующими системами; их устойчивая статусная и ролевая организация; характерные для них нормы и ценности. Выделяются также типы проблем, с которыми приходится иметь дело системным социокультурным объектам: адаптация, достижение цели, поддержание внутренних форм, интеграция.

Когда общество и культура рассматриваются как система, исследователь сталкивается со специфичными познавательными проблемами. Во-первых, поскольку, по определению, фундаментальным свойством системы является взаимосвязанности частей, или переменных, необходимо определить характер зависимости между ними. Во-вторых, если — также по определению — речь идет о целостном устойчивом образовании, возникает вопрос о механизмах ее поддержания. В-третьих, поскольку такая единица внутренне и внешне подвижна, проблемой становятся формы ее изменчивости, т.е. выявление ее собственной динамики и возможных структурных модификаций, обусловленных связями с окружением.

Существует несколько концепций системы, базирующихся на различных исходных допущениях о системообразующих факторах.

Однофакторная концепция социальной системы. В своей «идеально-типической» форме она обусловлена допущением, что какой-то один фактор — экономика, раса, климат — может объяснить системообразование как таковое, а также структуру и функции любой социокультурной целостности и ее составляющих, смену ее состояний. Соответственно выделяется одна независимая переменная и ряд зависимых и устанавливается природа связи между ними. Исследовательская задача состоит в том, чтобы свести множественность наблюдаемых социокультурных явлений, соответствующих различным элементам объекта, к обусловленности и детерминированности определенным (известным) состоянием независимой переменной.

Такая концепция имеет ряд познавательных ограничений. Во-первых, в ней нет места для анализа того, как зависимые переменные влияют друг на друга и игнорируется обратное влияние — единичное или совместное — зависимых переменных на независимую. Во-вторых, предполагается, что именно избранная независимая переменная обеспечивает объяснение для

всех других классов событий, происходящих в системе. В-третьих, не принимается во внимание, что независимый фактор объясняет лишь некоторые, но не все вариации зависимых переменных. Соответственно несводимые к постулированной детерминанте формы изменчивости либо остаются необъясненными, либо — еще хуже — начинают считаться несуществующими.

Мультикаузальная (многофакторная) модель социальной системы. Она предполагает, что все социальные и культурные системы порождаются не одним, а несколькими факторами. Соответственно предполагается, что существует набор разнородных функциональных единиц системы, совместным действием которых объясняется каждое происходящее в ней событие. Задачей исследователя становится выявление всех отдельных переменных, которые повлияли на его свершение. В то время как однофакторная модель служит для объяснения множества событий (зависимых переменных) сведением к определенному состоянию одного фактора (независимой переменной), мультикаузальная объясняет одно событие (зависимую переменную) как обусловленное состояниями нескольких факторов (независимых переменных).

Недостаток ее заключается в том, что изучается воздействие каждой по отдельности независимой переменной на событие, совершающееся в конкретный промежуток времени, тогда как остальные составляют лишь пассивный инвариантный фон. Здесь, как и в первом случае, не учитывается обратное воздействие зависимой переменной на каждую из независимых. Кроме того, количество независимых переменных обычно остается достаточно неопределенным, поскольку не устанавливаются основания для их отбора. Мультикаузальность не предполагает критериев отбора необходимых и достаточных факторов, детерминирующих событие, она подразумевает принципиальную открытость к неожиданным детерминантам. Таким образом, она нарушает канон экономности, считающийся важным критерием отбора научных теорий как адекватных.

Структурно-функциональная модель социальной системы. Здесь все переменные рассматриваются как одновременно зависимые и независимые в отличие от их жесткого разграничения в предыдущих двух моделях. Человеческие объединения трактуются как системы, состоящие из взаимозависимых и взаимовлияющих элементов (переменных). Причем каждый из них считается источником как причин, так и следствий событий, происходящих в ходе социокультурного взаимодействия. Таким образом, при изучении подобных социокультурных единиц эти факторы получают статус равноправных, равно заслуживающих внимания. Однако в этом случае без ответа остается вопрос о том, все ли составляющие имеют одинаковое детерминирующее влияние на состояние системы в целом и ее отдельных частей. Такой тип системного анализа связан с именем Т. Парсонса.

Стратифицированная модель социальной системы. В этом случае принимается исходное допущение, что в системе взаимосвязанных частей не все они в равной степени зависят друг от друга. Одни имеют большую, а другие меньшую степень автономности по отношению друг к другу и к целому. Модель не связывает социальную стратификацию с состоянием

системы, но предполагает, что различные составляющие при совместном действии неодинаково влияют на качество ее функционирования.

В этой модели, как и в других, любая социокультурная форма рассматривается как элемент системы. Однако таким единицам уделяется более детальное внимание. Во-первых, измеряется степень вовлеченности каждой из них в функционирование целого. Во-вторых, определяется, в какой степени их взаимодействие устойчиво и обязательно, т.е. с какой мерой системности исследователь имеет дело. Цель такой модели состоит не столько в том, чтобы объяснить, как сохраняется равновесное состояние системы, сколько определить и интерпретировать ее различные возможные состояния. Это оказывается возможным, поскольку выявляется и взвешивается, в какой степени функционирование различных компонент детерминирует специфику ее состояний.

В отличие от других эта модель с необходимостью предполагает, что такого рода факторы должны быть не просто выделены, но и измерены в своем детерминирующем воздействии.

3.5. Структурный функционализм. Общие представления

Структурный функционализм ассоциируется с представлениями о единстве человеческой группы; реальности социальной системы; согласованности действий акторов. Он ограничен рассмотрением равновесного состояния системы. Здесь все явления и объекты, соответствующие совместной жизни людей, рассматриваются в концептуальном пространстве, определяемом четырьмя измерениями: биологическим, психологическим, социальным и культурным. Каждое измерение представляет собой отдельную независимую аналитическую систему. В рамках этого концептуального пространства все части социокультурной системы (элементы, подсистемы) зависят друг от друга, поддерживают одна другую, имеют значимость благодаря тому, что что-то делают и получают друг от друга. Этому отвечает концепция социальных и культурных функций: элементы (подсистемы) социальных и культурных систем не существуют сами по себе, но только внутри целого (общества, культуры) и для его поддержания. Структурный функционализм как познавательное направление предназначен для того, чтобы установить фундаментальную соотношенность, всех отдельных условий и процессов совместной жизни людей с состоянием социальной и культурной системы как целого. А к ней относятся лишь те образования, которые отвечают названным требованиям. Это в свое время подчеркивал еще П. Сорокин, выделяя «системы» и «скопления», функционально взаимосвязанные, организованные целостности и несистематизированные, неорганизованные образования.

Значимым аспектом структурно-функционального анализа является изучение способов объединения и механизмов поддержания совокупностей

действий, объединений выполняющих их людей, связанных с удовлетворением потребностей и запросов, проявляющихся в совместном существовании.

Соответственно предметной областью исследования становится взаимозависимость членов группы, их конформность к ожиданиям друг друга, их знания и навыки, необходимые для поддержания целостности. Внимание исследователя сосредоточивается на механизмах социальной интеграции, включающих членов группы в поле «социальной солидарности», сокращающих дистанцию между ними, на защитных механизмах, снижающих внутригрупповые напряжения, на адаптивных механизмах, уменьшающих трения между системой и ее окружением.

Для завершенности теоретической картины к изучению таких феноменов следует добавить анализ процессов, предотвращающих полную интеграцию ее частей. В этой связи вводится понятие «организация», которое не отождествляется с идеей структуры, но используется в процессуальном значении, позволяя выделить механизмы, не только интегрирующие систему, но и разъединяющие, поддерживающие дистанцию между составляющими, охраняющие их функциональную автономию. Нормативные, ценностные образования, идентификационные знаки, символы суть те культурные переменные, благодаря которым она приобретает распознаваемую, видимую, коммуницируемую форму.

Социальная система в ее установившемся, «равновесном» состоянии (которое нередко отождествляется с самим представлением о ней) трактуется как совокупность организованных действий с развитой сетью защитных механизмов против напряжений, беспорядков и конфликтов. Ее стабильное состояние может быть вероятностным, но не неопределенным. Такая считающаяся фундаментальной реальность характеризуется внутренней последовательностью и множеством возможностей интегрировать и нейтрализовать возможные нарушения. Все, что ей не соответствует, рассматривается как отклонения, а не неизбежные условия поддержания гомеостаза. Акцент помещается на хорошо социализованных акторах (участниках), которые действуют добровольно, в соответствии с внутренними заученными (интериоризованными) мотивациями и не нуждаются в репрессивных ограничениях. При таком состоянии дефицит ресурсов, социальных позиций, информации легитимизирован, т.е. урегулирован моральным кодексом и правовыми нормами. Это относится и к власти, т.е. принимаемые соответствующими институтами решения имеют авторитет как осуществляющиеся в общих интересах и для достижения коллективных целей. Изменения могут возникнуть лишь под давлением внешних факторов, разрушающих защитные механизмы системы, и являются случайными, не относящимися к ее сущностным характеристикам. Их вариации рождают не критические структурные изменения, но только циклические и ритмические внутренние модификации.

Сторонники такой концепции понимали, что это всего лишь идеальная модель, инструмент анализа и оценки различий в функционировании социокультурных систем.

3.6. Структура социальной системы

В классическом структурно-функциональном анализе социальных и культурных систем акцент помещается на их равновесном состоянии, условиях его возникновения и существования. Так, согласно Т. Парсонсу, Эго и Альтер (идеально-типических участников социального действия) объединяет не просто то, что их поведение является взаимовлияющим и взаимозависимым, но и то, что оно складывается в воспроизводимые, стереотипные, самоподдерживающиеся формы («культурные паттерны»). Их устойчивые сочетания описываются с помощью категории «социальная структура», обозначающей закономерности, которые либо предохраняют систему от возникновения напряжений и конфликтов, либо делают их социально приемлемыми, нормируют. Изучение таких образований предполагает выявление того, каким образом конфигурации взаимодействия превращаются в стабильные.

Когда же речь идет о тенденциях элементов изменить состояние системы, отыскиваются механизмы, возвращающие их к выполнению функций, которые отвечают задачам ее самоподдержания. Концепция структуры указывает на регуляторы напряжений, присущих системе как таковой, ситуативных рассогласований в «поведении» элементов. В культурном плане она акцентирует общность интересов и координацию действий, понимаемых как социальная солидарность. Считается, что в рамках этой социальной формы акторы заинтересованы в решении общей задачи, действуют согласованно, в одном направлении, в общих нормативных рамках. На ней держатся социальные отношения, которые «существуют между двумя или более лицами, если их интересы (в процессе взаимодействия) сближаются из-за начального сходства или ограничения конфликтов при возможном их расхождении»¹. Таким образом, они базируются на взаимной заинтересованности людей, на необходимости кооперации в достижении общей цели или на комбинации обоих факторов. Устойчивость подобных отношений фиксируется в понятии «социальная структура». Это понятие, начиная с Радклифф-Брауна, относится не только к группам, но и ко всем видам отношений между «личностями», т.е. между индивидами, исполняющими социальные роли². Иванс-Причард определял структуру как «связи между группами лиц внутри системы групп»³. Далее он полагал необходимым ввести понятия, означающие связи внутри социальных ситуаций и связи между ними.

Для сравнения и типологии структур по признакам характерных для них соотношений элементов (например, горизонтальные или вертикальные связи) используется понятие структурной формы, позволяющее квалифицировать связи между составляющими в таких целостностях, как нация, племя, род, которые устойчиво сохраняют тождественность, несмотря на изменения в их составе. Однако такая трактовка не является единствен-

¹ Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. L., 1958. P. 169.

² Radcliffe-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. L., 1952. P. 191.

³ Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Oxford, 1940. P. 266.

ной. В более общем понимании понятие «социальная структура» принято относить к любым установившимся отношениям между людьми в процессе их совместной жизни. Например, согласно А. Радклифф-Брауну, «социальную структуру следует рассматривать как постоянно действующую организацию отношений между людьми, определяемых или контролируемых с помощью институтов, т.е. социально установленных норм или образцов поведения»¹. В таком толковании понятия заложена идея системы, определяемой как ограниченная совокупность функционально дифференцированных элементов, находящихся в устойчивых нормативно установленных связях друг с другом и с окружением.

Принято считать, что социальная структура общества в целом (согласно Т. Парсонсу, на социетальном уровне) складывается из взаимодействия структур его компонент. В одних случаях в качестве таких составляющих рассматриваются аспекты социокультурной жизни (например, биологическое, психологическое, социальное, культурное измерения у Т. Парсонса); в других — социальные институты, в третьих — устойчивые социокультурные группы и слои (концепция социальной стратификации). Каждая из дефиниций имеет право на существование, обусловленное характером решаемых задач, которые и определяют взгляд на внутреннее упорядочение общества как объекта изучения. Так, в первом случае основания для него носят антропологический характер; во втором — социально-функциональный; в третьем — культурный. Если термином «структура» обозначаются устойчивые отношения между людьми, то под «организацией» понимаются таким же образом определяемые их действия и взаимодействия. «Социальная организация — это упорядоченная деятельность двух или более лиц, направленная на достижение общей цели»².

Социальная структура и организация в рамках функционализма всегда рассматривались как динамичные, а не статичные конструкты; общественная жизнь обуславливает постоянную их подвижность благодаря имманентной изменчивости отношений, взаимодействий между людьми. Но если они вариативны, то общая структурная форма сообщества может оставаться сравнительно стабильной в течение продолжительного времени³. В то же время она также подвержена изменениям как постепенным, так и быстрым. Но во всех случаях считается, что ее преемственность сохраняется. Таким образом, в рамках функционализма процесс социокультурной динамики рассматривается как сочетание вариаций и постепенного изменения структуры и структурной формы во времени.

3.7. Концепция социального института

Согласно А. Радклифф-Брауну, любое сообщество предполагает согласованность действий его членов в рамках определенной социальной структуры. Каждый решает те социально значимые задачи, которые ему

¹ *Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. P. 98.*

² *Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. P. 169.*

³ *Radcliffe-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. P. 192–193.*

предписаны, внося тем самым вклад в поддержание структурной преемственности¹. Функциональный анализ социокультурной жизни, таким образом, связан с изучением устойчивых форм связей, с помощью которых индивиды включаются в социальную систему, приспосабливаются к ней и поддерживают ее. Генеральная функция каждой такой единицы — института — направлена на решение определенной социально значимой задачи, на удовлетворение конкретной базовой потребности, на осуществление групповых интересов. Такие образования имеют структуру, т.е. определенную упорядоченность, выделенность, устойчивость, специфичность, что позволяет распознавать и различать их как членам общества, так и сторонним наблюдателям. Осуществление особого сочетания взаимосвязанных функций в контексте взаимодействия институтов рассматривается как необходимое условие, способ реализации социокультурной жизни (по аналогии с жизнедеятельностью организма), как порядок которой обеспечивается социальной структурой, и процессы, определяемые в этих рамках сменой событий.

Термин «институт» применяется для обозначения определенных социально установленных и признанных норм и культурных паттернов, относящихся к отдельным аспектам социокультурной жизни. Их функционирование обуславливает возможность реализации взаимных ожиданий индивидов, попадающих в соответствующие ситуации, обмен действиями и вознаграждениями, достижение социально и индивидуально значимых результатов. Таким образом осуществляется формирование и поддержание социальной структуры общества, а институты как нормативные образования контролируют устойчивость связей между функциональными единицами, необходимыми для его существования.

Категория социального и культурного института была разработана Б. Малиновским и А. Радклифф-Брауном. Согласно Малиновскому, большая часть человеческой деятельности выполняется организованными группами людей по правилам, имеющим моральное и правовое закрепление, и с использованием определенной организационной структуры. Эти «приспособления» и носят название института, который определяется как фиксированная часть социальной организации, предназначенная для упорядочения совместной жизни и деятельности людей, для трансляции знаний и традиционных элементов культуры. Как уже говорилось, общество и культуру можно рассматривать как объединение частично согласованных, а частично автономных друг от друга составляющих. В этом смысле институты рассматриваются как координаторы отношений между ними, как сложные системы со специфичным содержанием, используемые для установления и размыкания социальных и культурных связей. В качестве стандартизованных моделей поведения — это механизм, с помощью которого поддерживается существование и преемственность социальных структур и функциональных автономий.

¹ Radcliffe-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. P. 180.

3.8. Моральные нормы и их институциональные динамические функции

С самого начала возникновения функционализма в его рамках большое значение придавалось культурным институтам (устойчивым образованиям, организующим социальное взаимодействие) — нравам, обычаям, ритуалам, моральным нормам. Последние составляют особый предмет изучения, поскольку им традиционно приписывается исключительная роль регуляторов поведения людей на обыденном уровне по аналогии с действием правовых норм на социетально-институциональном.

Начиная с Э. Дюркгейма, Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна, функционалисты постулируют, что назначение моральных норм — ограничивать желания и претензии людей. Они также разделяют допущение Аристотеля о том, что люди получают блага охотнее, чем отдают. Иными словами, эти образования рассматриваются в качестве культурных механизмов закрепления и контроля в отношении выполнения определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей, реализации интересов людей и поддержания их совместного существования. В рамках социокультурной системы людям приходится руководствоваться общим для них набором норм, чтобы согласовывать свои действия в ходе достижения общих результатов, нужных им всем. Это называется «разделяемыми нормами» и означает, что в группе у каждого по отношению к поведению другого существуют определенные ожидания, которые другой считает законными и заслуживающими конформности, т.е. того, чтобы отвечать им. Значительная часть работ функционалистов базируется на допущении о том, что общий моральный кодекс обеспечивает стабилизацию отношений в сообществе, и посвящена изучению способов ее осуществления. Так, согласно Т. Парсонсу, разделяемые нормы поддерживают расположенность Эго быть конформным к ожиданиям Альтер.

Э. Гоулднер¹ предлагает иную модель, представленную ниже. По его мнению, подобные отношения во многом определяются тем, что механизм действия нормы предполагает применение санкций за выход из границ предусмотренного ею поведения. В то же время их поддержание не влечет за собой специального вознаграждения. Поэтому следование моральным установлениям всегда оказывается в какой-то степени вынужденным и ценится со стороны Альтер ниже, чем если бы оно было не предписанной, но добровольной. Конечно, разделяемый моральный кодекс может побуждать Эго отвечать ожиданиям Альтер, который в свою очередь будет отвечать на это определенным поощрением. Однако такое поведение хотя и служит определенным гарантом вознаграждения, но способствует сокращению его размера с течением времени. В рамках классического функционализма мораль рассматривалась только с точки зрения ее функций поддержания взаимной конформности членов определенной социокультурной системы. Напряжения, содержащиеся, поддерживаемые и выражаемые в нормах, не изучались, поскольку соответствующие системы рассматривались в их наличном функционировании, но не в стадии порождения или изменения,

¹ См. Gouldner A. *The Coming Crisis of Western Sociology*. N. Y., 1970.

когда одна сторона взаимодействия стремится получить от другой то, что последняя может не хотеть делать, хотя и умеет. Этим моральные отношения в подобных условиях отличаются от ситуации, когда другая сторона не обладает навыками для выполнения предлагаемых функций, но в принципе не возражает против их выполнения. Тогда возникает вопрос об обучении, не имеющий моральных обертонов.

Функционалистская трактовка роли моральных норм в поддержании социальной системы акцентирует «взаимность вознаграждений», т.е. такую форму обмена ими, при которой обе стороны вполне удовлетворяют свои потребности и запросы. Но Э. Гоулднер подчеркивает, что здесь есть и другая возможность. Стороны могут сохранять отношения из-за неуверенности в том, что они получают желаемое в другом месте. Иными словами, признание общих норм и размер вознаграждения — относительно независимые измерения; их соотношения могут варьироваться. Классические функционалисты сводили позитивное подкрепление нормативного поведения лишь к следованию общему моральному кодексу, и подчеркивали, что именно оно обычно поощряется.

Описывая побуждения, заставляющие индивида быть участником социальной системы (актором), Т. Парсонс подчеркивал принципиальное соответствие между желаниями и морально санкционированными ценностями. Правда, он отмечал возможные несовпадения в этом отношении, но считал, что «они должны рассматриваться главным образом как случаи “отклонения” от интегрированного типа» (социального действия)¹. Однако, с точки зрения Э. Гоулднера, стабильность социокультурной системы зависит не только от полного подчинения предписаниям, но и от отклонения от них. Тем, кто контролирует применение позитивных и негативных санкций в нормативной области, невыгодно ужесточать их по отношению к тем, кто признает свои функциональные обязанности, хотя и не выполняет их должным образом. Но такие люди не отрицают значимость социокультурных установлений, и им невыгодно покидать систему, даже если их наказывают (не слишком сильно). В этом случае открывается поле вариативности поведения в пределах существующих рамок или даже возможность их расширения. Соответственно наряду с механизмами, принуждающими людей действовать определенным образом, важно изучать социокультурные механизмы, побуждающие их оставаться в моральном долгу друг перед другом, предупреждающие достижение полного баланса в их функциональной взаимозависимости.

По мнению Э. Гоулднера, в сравнении с идеально-типической моделью действия моральных норм как механизма поддержания социокультурной системы встречающиеся в реальности отклонения, конфликты, дезинтеграционные процессы требуют специальной интерпретации. Как уже отмечалось, одобрение конформного поведения и удовлетворение или вознаграждение — это независимые переменные. Выполнение социально значимых функций никогда полностью не совпадает с удовлетворением потребностей и желаний людей. Соответственно в рамках социальной системы всегда

¹ *Parsons T. Essays in Social Theory Pure and Applied. N. Y., 1967. P. 168.*

существует вероятность расхождения между действиями, направленными на ее поддержание, и попытками удовлетворить собственные нужды, не совпадающие с системными требованиями. Отсюда возникают двойные стандарты при оценке социокультурного взаимодействия: моральные качества его участников, с одной стороны, и адекватность вознаграждения за их проявление – с другой. Поэтому реакции людей на недостаточность поощрений есть столь же реальный фактор внутренней динамики системы, как и на отклонение от предписаний. Несмотря на то, что нарушение моральных норм публично осуждается, люди активно ищут средства увеличения вознаграждения в их пределах, тем самым невольно способствуя размыванию их границ.

Важно запомнить!

Таким образом, согласно функционализму, в любой социокультурной системе действуют два уровня нормативных механизмов, обуславливающих ее устойчивость во времени. Один из них относится к удовлетворению потребностей, интересов, желаний, входящих в состав системы индивидов, и связан с оценкой ими вознаграждений, получаемых в системе. Другой относится к поддержанию функционирования системы, к обеспечению согласованности взаимодействия участников системы (акторов), имеющей культурное выражение в форме моральных норм. Он связан с одобрением соответствия поведения индивидов установленным в системе требованиям.

Как отмечал Э. Гоулднер, добровольность обмена вознаграждениями между Эго и Альтер зависит не только от того, что последний испытывает чувство долга, но и от того, чего стоит его исполнение. Эта «цена» влияет на размеры, качество вознаграждений со стороны Альтер и зависит от количества и качества адресуемых ему предложений. Соответственно конформность стороны взаимодействия к своим моральным обязательствам есть функция тех вознаграждений, которые она способна обеспечить (их дефицита или обилия), и цены выполнения таких обязательств¹.

3.9. Нормы и дополнительность

Рассматривая механизмы нормативного поддержания равновесия социальной системы, Т. Парсонс выделяет концепцию дополнительности функций и ожиданий в отношениях между Эго и Альтер. Как отмечал Э. Гоулднер, подразумевалась *взаимная* дополнительность, хотя при трактовке динамики моральных норм использование этого понятия неправомерно. Ведь оно относится к ситуации, при которой то, что Эго определяет как свои права, считается обязанностями Альтер, а то, что Альтер определяет как свой долг, Эго рассматривает как свое право. Согласно Парсонсу, такие отношения устанавливаются при условии, что стороны разделяют общий моральный кодекс. В терминах прав и обязанностей *дополнитель-*

¹ Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970. P. 239.

ность отнюдь не предполагает, что права одной стороны суть обязанности другой, но подразумевается, что в контексте взаимодействия каждая имеет свои права и обязанности. Оба вида дополнительности могут нарушаться. В первом случае Альтер может не признавать своим долгом права Эго или же Эго может отказаться считать своими правами обязанности Альтер. Они могут как признавать, так и не признавать автономность прав и обязанностей друг друга.

Даже при допущении, что все элементы системы оказывают влияние друг на друга, различными оказываются его степени. Неоднозначность зависимости составляющих системы от нее и друг от друга представляет собой важный фактор, обуславливающий вариации или изменения ее состояний, а также значимый признак ее сходств и различий с другими подобными единицами.

Если концепцию системы не сводить только к равновесному состоянию, то ее интеграция представляет собой процесс или состояние, характеризующиеся напряженностью и неустойчивым балансом сил, непостоянным объединением групп интересов между собой и с властными структурами; это равнодействующая их взаимных давлений, торгов, переговоров и компромиссов. Потенциальная конфликтность таких ситуаций в какой-то степени ограничивается принятыми в обществе моральными нормами и ценностями. Однако соображения выгоды нередко расходятся с провозглашаемой приверженностью им и оказываются более сильными факторами, определяющими динамику системы. Поэтому выявление «разделяемых» представлений о должном и даже фиксирование их широкой распространенности в обществе отнюдь не достаточны для того, чтобы выносить суждение о его интегрированности. Ведь одобрение культурных предписаний и следование им не обязательно взаимосвязаны. Они не уменьшают и не регулируют конфликты между тенденциями элементов системы к интеграции и независимости, но лишь устанавливают их границы. Э. Гоулднер утверждает, что природа морали такова, что через нее выражаются социальные напряжения, поскольку сами ее нормы возникают как культурное определение и «связывание» потенциальных и реальных конфликтных ситуаций.

Длительное время в рамках функционализма изучался вопрос о том, как моральные нормы функционируют. При этом достаточным считалось утверждение, что они осваиваются в процессе социализации, а затем используются в ситуациях социокультурного взаимодействия как бы автоматически. Однако постепенно исследовательский интерес сдвинулся к механизмам, с помощью которых они поддерживаются. Тем более что представление об аномии, разработанное Э. Дюркгеймом, привлекает внимание к тому, что они не вечны и могут нарушаться в массовом масштабе. В этом случае и возникает необходимость различать понятия взаимной дополнительности и дополнительности, имея в виду, что последняя мобилизует эгоистические мотивации и закрепляет их в культурно установленных, в том числе нормативных, формах.

Один из социально значимых способов поддержания моральных норм объясняется с помощью феномена власти в смысле могущества, силы. Когда существует значительное неравенство в распределении соответству-

ющих полномочий, — а оно присутствует всегда, — неизбежно возникают ситуации эксплуатации. В этом случае более сильный может принуждать более слабого следовать моральным нормам, не давая ему за это должного вознаграждения.

При изучении вопроса о том, как в системе поддерживается состояние равновесия, власть рассматривается в особом ракурсе. Акцент ставится на ограничениях, налагаемых на нее моральным кодексом. Однако этот сдерживающий фактор, согласно Э. Гоулднеру, не единственный и не наиболее действенный. Дифференциация полномочий предполагает, что их объем, принадлежащий агенту, может контролироваться тем, которым располагает актор. Если цель взаимодействия состоит в удовлетворении потребностей и запросов, прямо не относящихся к достижению властных позиций, то моральный кодекс допускает такой контроль.

Известно, что дифференциация власти не ведет ни к консенсусу, ни к взаимодополнительности функций, ожиданий, вознаграждений. Напротив, она несет в себе потенциал внутрисистемных напряжений. Правда, стабильность, целостность системы при этом не нарушается до тех пор, пока она легитимизирована или морально санкционирована, благодаря чему власть наделяется авторитетом.

Изложенные выше представления о механизмах внутренней динамики институциональных моральных норм базируются на допущении функциональной автономии составляющих социальной системы по отношению друг к другу. Эта концепция предполагает, что между ними осуществляется взаимообмен, и у каждого степень зависимости или независимости от других (автономности) варьируется. Жизнеспособность одних может целиком или по большей части зависеть от таких отношений; другим участие в них обеспечивает удовлетворение лишь отдельных нужд. В первом случае речь идет о высокой, а во втором — о низкой степени функциональной автономии. Система, таким образом, может быть определена как группа элементов, взаимообмен между которыми ограничивает их функциональную автономию. При такой точке зрения подразумевается, что любая социокультурная единица не является тотально системной изначально, что по шкале взаимосвязанности ее компоненты могут варьироваться от совсем независимых друг от друга до полностью взаимосвязанных. Ее можно концептуализировать как целое, тогда предметом внимания становятся устойчивые, непрерывные, тесные внутренние связи и механизмы, унифицирующие их. Представление о ней в терминах функциональной автономии фокусируется на ее составляющих и подразумевает вероятностную, проблематичную природу их взаимозависимости. Внимание в этом случае уделяется не только внутрисистемным, но и внешним связям элементов. Иными словами, в этом случае они трактуются не просто как «части» системы, но как существующие сами по себе.

Важно запомнить!

Когда система рассматривается лишь в равновесном состоянии, изучаются механизмы, сохраняющие взаимозависимость частей и целостность самой системы. Концепция функциональной автономии предполагает выявление и изуче-

ние механизмов, поддерживающих независимость ее составляющих. Сохранение функциональной автономности определенного элемента может сопровождаться снижением степени взаимозависимости между ним и другими, ростом сопротивления давлению в сторону равновесия. Это означает, что от обладающих определенной долей независимости элементов следует ожидать сопротивления полной интеграции или росту зависимости от системы как целого или ее частей. Иными словами, с точки зрения этой концепции, внутри системы действуют две противоположенных силы. Во-первых, тенденция элементов сохранять и даже увеличивать ту степень функциональной автономности, которую они имеют, т.е. сопротивляться полной интеграции в систему. Во-вторых, тенденция элементов системы, отвечающих за поддержание ее целостности, к более полной интеграции других элементов, к сокращению степени их функциональной автономности.

В связи с позицией управления в системе возникают особые проблемы. Исполнители соответствующих ролей обычно отождествляют себя с ней в целом (государственные деятели — с обществом, клирики — с религиозной конфессией, идеологи — со всей системой ценностей). В то же время как люди они имеют собственные интересы, в том числе связанные с поддержанием функциональной автономии. Подобная двунаправленность функций — к собственной автономизации и интеграции других — порождает между управляющими элементами системы и всеми остальными постоянную напряженность, которая может перерасти в конфликты.

Действие этой концепции как удобного инструмента изучения динамики социокультурных феноменов было продемонстрировано на примере моральных норм.

3.10. Социальная дифференциация как процесс

Итак, в рамках структурного функционализма изучение внутренней дифференциации социокультурной системы — ее расчлененность на измерения, институциональные, ролевые, нормативные единицы — занимает важное место. В свое время еще Э. Дюркгейм, подобно Г. Спенсеру, считал, что простые и сложные общества различаются не по типу власти, но по характеру разделения труда. И. Иванс-Причард, развивая эту идею, предложил концепцию «сегментарности», согласно которой группы, которые дифференцированы по отношению друг к другу на определенном уровне, могут объединяться против внешнего вмешательства на другом, более высоком.

Изучение порядка в обществе и культуре связано с определением средств уменьшения количества и масштабов конфликтов, предупреждения тех социокультурных изменений, которые могут вызвать разрушение социальной структуры. При условии общественного разделения функций это означает выявление предсказуемых форм взаимодействия и коммуникации, которые могут угрожать деструкцией или радикальной инновацией, а также упорядочивающих механизмов, сводящих к минимуму опасные случайности. Соответственно определяются стабильные социальные группы, устойчивые области социокультурного пространства и культурные

объекты, позволяющие воочию наблюдать границы между ними, пределы, которые они налагают друг на друга. Такое направление исследований предполагает преимущественное внимание к организованному и институционализированному разделению функций в обществе.

Неудобство работы с ранее используемыми способами оценки социальной дифференциации со временем привело к построению индекса структурной тесноты. Виткин и Берри предложили его как меру иерархичности структурных связей между элементами социальной системы: высокой ее степени соответствуют более низкие уровни дифференциации и наоборот. При таком измерении рассматриваются две основные переменные. Во-первых, количество разнородных социальных ролей, т.е. их многообразие. Во-вторых, их связанность, под которой понимается степень взаимозависимости между ними.

Идея Конта, считавшего, что разделение функций (труда) ведет к расколованию представлений в обществе, привела Дюркгейма к критике устаревающих институтов, в особенности частной собственности. Он утверждал, что не разделение труда как таковое нарушает социальную солидарность, но его устаревшие формы и институты. В первую очередь это относилось к недостатку моральных ценностей, необходимых для интеграции новых специализаций в приемлемый социокультурный порядок. Такой недостаток и вызванное им состояние общества назывались индустриальной аномией, ее преодоление связывалось со структурными изменениями социальной системы.

В рамках функционализма иерархическая дифференциация, стратификация рассматривается как «генерализованный аспект структуры всех социальных систем» и таким образом является универсальной основой их упорядоченности. Культурным гарантом стабильности считается ценностная интеграция. Соответственно «стратификация в ее ценностном аспекте... есть ранжирование единиц социальной системы в соответствии со стандартами общей для нее системы ценностей»¹.

Однако концепция полностью интегрированной системы — это идеально-типический конструкт. В каждой сложной социокультурной единице можно выделить зоны напряжений и конфликтов, обуславливающих ее структурные изменения, вызываемые социокультурной дифференциацией, рассматриваемой как процесс. Один ее тип предполагает формирование специфичных приспособлений (структур) для выполнения новых функций². Процесс такого рода принято описывать следующим образом. Он начинается тогда, когда происходит сбой в достижении какого-либо значимого для социальной системы результата (цели). В системе возникает напряжение, поскольку люди, удовлетворяющие свои нужды при выполнении соответствующей функции, перестают получать привычные, необходимые ресурсы, продукты, услуги и т.п. Они начинают оказывать давление на соответствующую единицу — источник предложений, — в частности, со-

¹ Class, Status and Power / R. Bendix and S. M. Lirset (eds). Glencoe (M.), 1953. P. 93.

² Подробнее об этом см.: *Parsons T. Some considerations on the theory of social change* / A. Etzioni and E. Etzioni (eds). N. Y., 1964.

крашая объем адресованных ей услуг и вознаграждений. В этом случае ранее установившиеся отношения обмена нарушаются, и их количественные, качественные, временные характеристики становятся проблематичными. Если элемент воздействия не меняется, постепенно складываются новые структуры (они могут формироваться на его периферии), выполняющие требуемые функции.

Другой тип базируется на допущении, что есть некоторые неизменные нужды (потребности, запросы), характерные для системы как целого, которые должны постоянно удовлетворяться. Для этого существуют специализированные единицы, каждая из которых воспроизводит набор действий, приводящих к нужным результатам. Дифференциация предполагает передачу такой функции от одной единицы к другой, которая выполняет ее лучше. Необходимость, порождающая этот процесс, может относиться не только к целому, но и к его части. В то же время может возникнуть сопротивление со стороны тех, кто получал удовлетворение от прежнего положения дел. Тем более что передача функции может служить не улучшению состояния социокультурной системы, а лишь увеличению преимуществ отдельных ее элементов.

При снижении эффективности определенного элемента социокультурной системы другие составляющие имеют несколько способов вызвать его модификацию. Во-первых, побудить его изменить композицию старых механизмов для улучшения исполнения своих обязанностей. Во-вторых, заставить его использовать новые приспособления для совершенствования своего функционирования. В-третьих, стимулировать передачу соответствующего вида деятельности другой специализированной единице. Если в первых двух случаях элемент внутренне изменяется без последствий для структуры системы, то в последнем имеет место дифференциация. Здесь старая единица теряет свою функцию, ее интересы нарушаются, а доступ к прежним преимуществам становится проблематичным.

Так в рамках классического функционализма представляется процесс социокультурной дифференциации. В этом контексте считается необходимым элемент, предназначенный для интеграции или реинтеграции общества. Его принято называть властью и связывать со способностью предупреждать нежелательное вмешательство в установившееся социальное взаимодействие, контролировать возникновение новых функциональных единиц и при этом внушать уважение. Т. Парсонс, определяя «политику как социальную систему, теоретически параллельную экономике»¹, полагал, что конкретные положения последней используются как база для разработки теории власти. Во-первых, ее можно рассматривать в качестве аналогии деньгам, и в сфере политики следует изучать ее распределение и циркуляцию. Во-вторых, и то, и другое считается «ресурсом», «входом», который можно объединить с другими подобными элементами, чтобы получить полезный для системы результат, или «выход». Парсонс определяет власть как «обобщенную возможность связывать в систему коллективной организации обязанности единиц на условиях, что они легитимизированы

¹ *Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. P. 297.*

в соответствии с вкладом в достижение коллективных целей и что в случае непослушания существует презумпция принуждения с помощью негативных ситуативных санкций»¹. Акцент на легитимности является производной от исходного допущения об интегративной значимости морали, и соответственно рассматриваются те ситуации, где переменные власти и авторитета пересекаются. Соответственно в случае социальной дифференциации предполагается узаконение и интеграция новых функциональных единиц в достижение коллективных целей, что обеспечивается специальной институциональной системой. Из этого следует, что успешность процесса зависит от его подчиненности доминирующим ценностям. Он должен быть совместимым с действующим моральным кодексом и находиться под контролем существующих институтов законной власти.

Более поздние исследования обнаруживают иные источники внутренних изменений в социокультурной системе. Основные из них таковы: тенденция к уменьшению маргинальной полезности вознаграждений в системе функциональных связей; амбивалентность элементов системы при исполнении морально санкционированных обязанностей, обусловленная тенденцией к функциональной автономии; большая готовность каждого элемента требовать соответствия собственным правам, чем правам других; селективная поддержка элементом тех моральных норм, которые обеспечивают ему преимущество, и пренебрежение теми, что ему невыгодны; тенденция более сильного налагать свои моральные требования на более слабого и сопротивляться конформности к его ожиданиям; общая склонность менее удачливых критически относиться к существующему порядку распределения вознаграждений и санкционирующему его моральному кодексу.

3.11. Источники динамики социальной системы

Обобщая сказанное выше, можно выделить ряд внутренних факторов, которые при определенных условиях порождают структурные изменения социальной системы. Вот некоторые динамические механизмы, которые обуславливают нарушение равновесия между ее функциональными единицами.

Отклонения элементов системы от выполнения предписанных им функций. Согласно Т. Парсонсу, социальная система сохраняет равновесие в той степени, в какой Эго и Альтер сохраняют конформность к ожиданиям друг друга, т.е. это состояние считается зависимым от взаимной приемлемости поведения членов группы. Культурный аспект подобных отношений можно представить так. Пока Эго делает то, что от него ожидает Альтер, Альтер получает удовлетворение тех своих запросов, ради которых вступил в эти отношения. Он в свою очередь выполняет свои функции так, чтобы отвечать запросам Эго. Иными словами, тот, кто ведет себя в соответствии с ожиданиями другого, стимулирует его к продолжению поведения в неизменном виде. И это вполне справедливо для определен-

¹ *Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. P. 308.*

ных условий, для того периода в существовании системы, когда такие отношения равно выгодны для обеих сторон. Однако по мере их продолжения начинает уменьшаться маргинальная полезность конформности¹. Имеется в виду, что ее воспроизведение со стороны Эго всегда вызывают определенные последствия в отношении ожиданий Альтер. А именно: чем дольше Эго не нарушает последовательность конформных действий, тем больше вероятность того, что Альтер будет принимать их как должные и тем меньше обращать на них внимание. Это может побудить Эго либо к сокращению, либо к увеличению степени соответствия ожиданиям Альтер, что вносит изменения в систему отношений. Если Эго уменьшает эту величину, Альтер может сделать то же по отношению к его ожиданиям. Изменение в этом направлении означает сокращение взаимной надежности, удовлетворенности от отношений и увеличение их напряженности. Если Эго хочет сохранить уровень вознаграждений, получаемых от Альтер, он может попытаться более соответствовать его ожиданиям и тем самым предупредить уменьшение вознаграждений. В этом случае поведение Эго попадает в инфляционную спираль, когда последующие акты такого рода начинают цениться меньше, чем предыдущие. Вероятность продолжения отношений уменьшается, если необходимо повышать конформность, сохраняя постоянную степень вознаграждения. Возможно, что Альтер, будучи заинтересованным в их поддержании, перестанет принимать сложившуюся структуру как данное и начнет повышать вознаграждения. Следовательно, реализация взаимных ожиданий членов системы — условие необходимое, но не достаточное для понимания ее динамики. Здесь нужно прогнозировать вероятность момента, когда начнется снижение маргинальной полезности такого положения дел. Конформность имеет экономическое измерение, и «цена», или выгода, от продолжения исполнения определенных функций зависит не только от самого наличия потребности, но и от культурно оформленного спроса и предложения. С этой точки зрения их устойчивое соотношение может вести к нарушению стабильности системы, а ее восстановление может произойти благодаря возникновению разногласий и напряженности.

Взаимозависимость и функциональная автономия. Следует подчеркнуть, что взаимосвязанность компонент — это не субстанциональное свойство системы, но измерение с переменными значениями, т.е. следует говорить о степени их взаимозависимости и независимости (функциональной автономии). Соответственно при изучении динамики социокультурных единиц важно определить их качественное своеобразие, что, в частности, означает взвешивание дифференциальных вкладов различных составляющих в поддержание функционирования целого и выходов. Они неодинаковы для различных состояний системы, для ее изменения или стабилизации.

В рамках функционализма подчеркивается пластичность способности людей к изменению поведения и представлений применительно к объединению друг с другом. Для поддержания образовавшихся отношений в состоянии равновесия это свойство подвергается социализации, которая

¹ См.: Gouldner A. Organisation analysis // Sociology Today / R. Merton (ed.). N. Y., 1959.

в пределе может обеспечить полное приспособление к сложившимся нормам и правилам, предупредить или загасить возможные конфликты. В то же время принадлежность к различным группам обуславливает функциональную автономию индивида по отношению к любой из них, и это считается источником социокультурной микродинамики. Потенциальные напряжения могут возникать из-за перенесения людьми из одного объединения в другое освоенных ими, но неподходящих элементов культуры; из-за одновременных тенденций к интеграции и автономизации; из-за намерений сменить группу. При анализе динамики социальной системы важно принимать во внимание, что действие этих факторов может способствовать размыванию нормативных границ, порождению инноваций, структурным изменениям.

Отношения эксплуатации. Внутренняя динамика социокультурной системы, вариации в интенсивности выполнения свойственных ей функций обусловлены тем, что взаимность вознаграждений ее участников — величина не постоянная. Это шкалируемое измерение. На одном логическом полюсе обмен может быть равным; на другом — одна сторона может не получать ничего за то, что обеспечивает другой. Гомеостатическая система характеризуется эквивалентностью взаимных вознаграждений. Когда она снижается, т.е. одна из сторон отдает больше или меньше, чем получает взамен, принято говорить о возникновении отношений эксплуатации. Они встречаются достаточно часто, и считается, что ведут к нарушению состояния равновесия. Важно определить, каковы в этом случае механизмы сохранения целостности единицы.

Индивид и социальные системы. Важным источником изменений в культурном содержании социальной системы принято считать принадлежность ее членов не к одной, а целому ряду других, в том числе отличных от нее, т.е. с иным структурно-функциональным «наполнением». Соответственно поведение людей не ограничивается только теми формами, которые характерны для какой-то одной группы принадлежности, для свойственных ей статусов и ролей, но дополняется другими, составляющими латентные (неявные, скрытые) основания идентичности, которые в определенных ситуациях могут вызывать поведение, расходящимся с наличными требованиями. Следовательно, этот факт вызывает постоянное скрытое напряжение в системе и влияет на ее внутреннюю динамику.

Социальное неравенство. В рамках функционализма стратификация рассматривается как свойство социокультурной системы, обусловленное общественным разделением функций и различием в способностях и навыках людей, необходимых для их выполнения. Следствием этого становится неравномерное распределение статусов и престижа, богатства, собственности, возможностей, санкций. В конечном счете социальные группы различаются в отношении объемов полномочий, или власти, и это считается неизбежным, и даже функционально необходимым положением дел.

Длительное время признание такого расслоения не сопровождалось изучением его дестабилизирующего для системы влияния. Это происходило потому, что оно отождествлялась только с институционализированными, ле-

гитимизированными формами социального неравенства. Соответственно рассматривались лишь те конфигурации взаимодействия и поведения, которые были социально установленными и культурно предписанными. Тем не менее, исследователи постоянно обращали внимание на то, что даже в этих рамках возможны нарушения нравственности, преследование индивидуальных целей, не совпадающих с социально одобряемыми, ориентация не на мораль, а на вознаграждение. Это означает, что для понимания внутренней динамики системы важно различать последствия как институционализированных, так и нормативно не закрепленных форм неравенства. Последние оказывают существенное влияние на изменение ее состояния. Так, процессы, которые представляют собой производные конкуренции, конфликтов по поводу дефицита социальных позиций, благ, информации и которые не регулируются общепринятыми нормами и не вытекают из них, могут вызвать изменения не только в моральном кодексе, но и в структуре самой системы.

Сдвиг социальных порядков. Как подчеркивал Т. Парсонс, «самое существенное условие успешного динамического анализа — это непрерывное и систематическое соотнесение каждой проблемы с состоянием системы как целого... Процесс или набор условий либо способствует поддержанию (или развитию) системы, либо является “дисфункциональным”, уменьшая интегрированность и эффективность системы»¹, т.е. разрушает социальный порядок. Однако это функционалистское утверждение относится лишь к традиционному воспроизведению гомеостазиса. Однако те, кто стремится к изменению существующего положения дел, ищут не хаоса, но нового порядка и его морального санкционирования. Действия сторонников обновления вносят в общество и культуру не более сумбура, чем усилия тех, кто активно сопротивляется целесообразным изменениям во имя сохранения status quo. Беспорядок не вытекает из поиска нового порядка как такового, но является симптомом неадекватности старого уклада общественной жизни².

Власть и социальные изменения. Та значимость, которая придается власти в поддержании интегрированности социокультурной системы, порядка, обуславливает серьезность последствий для общества срывов и превышений границ ее функционирования. Обязанности властных структур (институтов) всегда больше, чем то, что реализуется в каждой данной ситуации. Если требования к институтам власти предполагают слишком быструю и полную реализацию их обязанностей, могут нарушаться морально санкционированные основания для решения социально значимых проблем, и принятие решений будет происходить случайным образом. Следовательно, дезинтеграция легитимной власти может иметь разрушительные последствия для социокультурного порядка, поскольку в этом случае из-под контроля выходят группы интересов, которые, преследуя свои цели, начинают применять силу³.

¹ *Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe (Ill.), 1957. P. 46—47.*

² См.: *Gouldner A. The Corninc Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970.*

³ *Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. P. 288.*

3.12. Эвристические возможности структурно функционального анализа

Хотя принято считать, что структурно-функциональный анализ не пригоден для изучения социокультурной изменчивости из-за атемпоральности (т.е. отсутствия временного измерения), в то же время, как было показано, он имеет значимый познавательный потенциал для этого. Речь, правда, идет не о макровременных, исторических процессах, но о микродинамической области исследования, соизмеримой со временем жизни одного-трех поколений людей. Тем не менее, выявление изменений, происходящих в такой промежуток времени, является значимым с точки зрения рассмотрения динамики культуры по ряду соображений.

Дело в том, что люди воспринимают изменчивость социокультурной жизни и реагируют на нее на уровне непосредственных переживаний, так сказать, биологического, а не исторического времени. Поэтому важно понимать природу таких переживаний и реакций, оценивать их последствия для социокультурного взаимодействия. Таким образом создается концептуальная база для построения и объяснения исторических процессов. Ведь соответствующие им трансформации социальных и культурных систем порождаются и формируются в среде микропроцессов. Изменения на этом уровне доступны прямому наблюдению или же реконструкции, которая оказывается достовернее, чем историческая, благодаря наличию более полной информации. Соответственно именно здесь закладываются основания для причинного анализа перемен, происходящих в обществе и культуре, и, следовательно, для построения объяснительных теорий социокультурной динамики.

С этой точки зрения структурно-функциональный анализ позволяет решать определенные типы задач.

- Изучение процессов порождения социально-функциональной единицы. В этом случае выстраивается последовательность рассуждений, начинающаяся с определенных фундаментальных антропологических потребностей или социальных запросов, которые оказываются актуализированными в обществе, культурно выраженными и стремление к реализации которых определяет поле повышенной активности. Соответственно направление исследовательского поиска связано с изучением формирования средств их осуществления на уровне взаимодействия людей. Результатом исследования становится построение соответствующих закономерностей в отношении удовлетворения различных классов нужд.

- Анализ формирования и изменения институциональных структур различного масштаба — от нравов и обычаев до крупных организаций. Рассматривая соотношение нормативно требуемого и реального поведения акторов, ориентированности институтов на выполнение предписанных социокультурных функций и на самоподдержание, традиционных и инновативных тенденций, можно выявить зоны функциональных напряжений в рамках институтов, а также между ними и более широким социокультурным контекстом. В результате появляется возможность строить зако-

номерности изменчивости различных типов институтов и вероятностного прогнозирования структурных сдвигов как внутри них, так и в отношениях между ними.

- Выявление социально- и культурно-антропологических механизмов формирования, поддержания и изменения устойчивых социокультурных функциональных образований (образцов действий и взаимодействий, ценностных ориентаций, норм). Это было проиллюстрировано динамическим анализом моральных норм. Исследования такого рода не только делают очевидной конвенциональность, искусственность подобных образований, но позволяют понять, почему они образуются и как используются людьми.

- Рассмотрение динамики межинституциональных связей. Эта область исследования значима потому, что их конфигурация меняется в историческом времени, и от того, какие институты оказываются в обществе лидирующими, зависит содержание социокультурного контекста существования людей на определенный период времени. Соответственно намечается возможность поставить вопрос о типичных фазах динамики социальной структуры или о типичных конфигурациях институциональных связей, что позволит уточнить макродинамический анализ общества и культуры, а также подойти к диагностике их состояний.

Выводы

1. Структурно-функциональное направление в изучении общества и культуры характеризуется особым вниманием к социальной организации человеческих сообществ, способам и процессам удовлетворения потребностей, интересов, запросов их членов. Речь идет о социально приемлемых формах этих феноменов.

2. Центральное место в рамках этого направления занимает понятие функции. Оно означает устойчивую совокупность действий, направленных на удовлетворение базовых человеческих потребностей или решение социально значимых проблем и задач. В его содержание включены биологические, психологические, экологические предпосылки человеческих действий и взаимодействий, направленных на окружение. Культурные переменные представлены здесь концепциями норм и технологий, способствующих формированию и функционированию социальных систем.

3. В качестве теоретической основы, позволяющей изучать функционирование социокультурных систем, принимается элементарное понятие социального действия, представленного через цели, средства, условия реализации и результаты. Из этих элементов формируются фундаментальные концепты структурного функционализма. Прежде всего, это функция: ее выполнение представляется устойчивой совокупностью действий. Далее — социальная роль: понятие предполагает объединение классов действий, соответствующих общественному разделению функций. Наконец, социальный институт, который в этом аспекте рассматривается как набор действий, обязательных с точки зрения поддержания социальной системы.

4. Организованная целостность, внутри которой и для сохранения которой реализуются функции и составляющие их действия, представлена здесь концепцией социальной системы. Она определяется как устойчивая организация функционирования структурно взаимосвязанных единиц, необходимых для удовлетворения потребностей и решения социально значимых проблем в человеческих сообществах. Представлены основные модели социальных систем: однофакторная, мультикаузальная, гомеостатическая, стратифицированная.

5. Центральное место в концепции социальной системы как организованной целостности занимает понятие социальной структуры. Его принято относить к связям между институциональными составляющими таких целостностей как общество, социальный слой, племя, род и т.д., которые устойчиво сохраняют тождественность как особая группа несмотря на изменения в ее составе. Считается, что социальная структура общества складывается из взаимодействия структур его компонент и потому может рассматриваться как динамическая, а не статичная категория.

6. В качестве устойчивых форм, поддерживающих закономерный характер социальных структур, принимаются социальные институты. Функции каждого из них связываются с решением определенной социально значимой задачи, с удовлетворением конкретной базовой потребности, с осуществлением групповых интересов. Как стандартизированные модели поведения и отношений — это нормативные механизмы, обеспечивающие поддержание и преемственность социальных структур и функциональных автономий. К социальным институтам принято относить обычаи, нравы, ритуалы, обряды, моральные нормы, с одной стороны, и организационные единицы с нормативно предписанными функциями — с другой.

7. Действие социальных институтов рассматривается на примере моральных норм, которые в рамках структурного функционализма считаются культурными механизмами поддержания конформности людей к ожиданиям друг друга. Однако Э. Гаулднер показал, что в своей основе они несут динамическое начало, если трактовать их не в смысле взаимодополнительности прав и обязанностей участников взаимодействия, а в свете экономической концепции маргинальной полезности, где в центре внимания оказывается убывание их взаимной лояльности во времени. Отсюда можно вывести механизмы изменчивости как институциональных образований, так и социальных структур.

8. Из изменений интересов и запросов людей, с одной стороны, и нормативных образований — с другой, выводится концепция социальной дифференциации. Она предполагает процесс передачи функций от одной единицы системы к другой, выполняющей ее эффективнее, или возникновения новой структуры в ответ на изменившиеся массовые социальные запросы. Так выглядит базовый механизм внутренней изменчивости социальной системы, сохраняющей равновесное состояние.

9. К источникам динамики социальной системы, нарушающим ее равновесие, принято относить: отклонение ее элементов от выполнения предписанных функций, увеличение степени функциональной автономии элементов системы, отношения эксплуатации, социальное неравенство.

Контрольные вопросы

1. Почему концепция социального взаимодействия считается ключевой для изучения культурных феноменов и их динамики?
2. Когда и в связи с чем появилось направление функционализма (структурного функционализма) в изучении общества и культуры?
3. Какую роль играют побуждения людей (потребности, желания, интересы) в формировании культурных феноменов?
4. Каковы содержательные различия между понятиями социального действия и социального взаимодействия?
5. Как определяется социальная система и как можно использовать это понятие в изучении культуры?
6. Каковы основные концепции социальной системы, и какие исследовательские задачи можно решать с помощью каждой из них?
7. В каких случаях можно использовать однофакторную модель социальной системы?
8. Для решения каких исследовательских проблем используется многофакторная модель социальной системы?
9. Каковы исходные основания и общие характеристики функционализма (структурного функционализма) как теоретического направления?
10. Каковы различия в использовании функционального (структурно-функционального) анализа в социологии и социальной (культурной) антропологии?
11. Что означает понятие социального института, и как оно связано с представлениями о человеческих потребностях и необходимостью поддержания социальной системы?
12. Как используются понятия функций и структуры при изучении культурных феноменов?
13. Как определяется понятие нормы при изучении общества и культуры?
14. Как в рамках концепции социальной системы трактуется понятие «дополнительность»?
15. Какие системы нормативных порядков выделяются в обществе и культуре?
16. Каким образом расставляются познавательные акценты при изучении социальной и культурной дифференциации в качестве структуры и в качестве процесса?
17. Каковы основные источники динамики социальной системы?
18. Как следует рассматривать отношения взаимозависимости и функциональной автономии при изучении социальной системы?
19. Как формируются и поддерживаются отношения эксплуатации в рамках социальной системы?
20. Что означает феномен социального неравенства для социокультурной динамики?
21. Какие факторы вызывают сдвиги социальных порядков?
22. Как в рамках функционализма рассматриваются отношения между индивидом и социальной системой?
23. Как используются понятия нормы и отклонения при изучении динамики культуры?
24. Что представляет собой функционализм (структурный функционализм) как исследовательское направление?
25. Каковы эвристические возможности функционализма (структурного функционализма) при изучении современных культурных проблем?

Глава 4

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ СТРУКТУРАЛИЗМ

Практика рассмотрения культуры как организации представлений, знаний, практик в символической форме сложилась в социальной и культурной антропологии примерно к 60-м гг. XX в. Это теоретическое направление объединяется поиском общих принципов культурного упорядочения человеческого опыта совместной жизни с помощью построения знаковых систем. Оно несет на себе существенный отпечаток идей структурной лингвистики, семиотики (теория знаков) и семантики (теория значений). Исследования в этих рамках связаны с анализом символических культурных порядков, будь то структуры родства, мифы или «естественные» классификации различных областей реальности (изучаемые в рамках «этноботаники», «этнозоологии» и т.п.). Основные имена, связанные с этим направлением, — К. Леви-Стросс, У. Гудинаф, О. Вернер, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида.

Важно запомнить!

Представленные таким образом явления культуры объясняются по аналогии с феноменами языка через обнаружение идеациональных кодов, связанных с воспринимаемыми культурными порядками. При этом язык в лингвистическом понимании рассматривается как один из многих — хотя и имеющий первостепенную важность — кодов культурной информации.

С точки зрения темы «сходства и различия» в культурах следует отметить, что в рамках этого направления основной теоретический акцент помещен не на уникальность культур, но на поиск всеобщих способов их внутренней организации. Это связано с успехами в лингвистике, где выделение универсальной грамматики из наблюдаемого синтаксического разнообразия было признано классическим открытием двадцатого столетия. Достижения в этой сфере распространились на область культурно-антропологических исследований. Вопрос о том, имеются ли в нелингвистических областях культуры образцы универсалий, аналогичные существующим в языке, считается здесь весьма актуальным.

Однако само по себе их обнаружение не обеспечивает понимания как человеческой природы, так и культурных феноменов, поскольку не проясняет вопроса о соотношении генетической запрограммированности и воз-

возможности структурных изменений человеческого знакового поведения. Поэтому в рамках структурной антропологии методологическим императивом считается постоянная верификация представлений человека о своем окружении путем их сопоставления с данными о человеческой психике.

Культура рассматривается сторонниками этого теоретического направления как порождаемые разумом кумулятивные множества разделяемых символов. В качестве исходного допущения принимается представление об инвариантности во времени психических принципов, составляющих основу трансформации внешних стимулов и внутрииндивидуальных импульсов в устойчивые знаковые формы, пригодные для обмена в процессах социального взаимодействия. Оно имеет важные познавательные следствия для изучения культурного многообразия и динамики. В первом случае принято считать, что существующие в настоящее время различные виды культур нельзя упорядочивать с точки зрения единой шкалы развития. Они представляют собой вариации из сочетаний этих психических принципов, наложенных на неоднородный «природный материал». Во втором случае структуралисты полагают, что физический мир, в котором живет человек, обеспечивает «сырье», перерабатываемое универсальными психическими трансформационными (преобразующими) механизмами во внешне различные, но принципиально структурно сходные объекты (артефакты). Следовательно, динамика культуры обусловлена постоянной трансформацией внешних и внутриличностных стимулов в единицы восприятия; сортировкой этих единиц по значимости; преобразованием их во внутренние концепты, а затем в знаки и символы; сравнением их с другими аналогичными формами, ведущим либо к подтверждению, либо к изменению существующих идеациональных порядков.

Определение культуры через символическую активность высвечивает в качестве предмета исследования операции, которые придают сложным феноменам совместной человеческой жизни свойство коммуницируемости. Считается, что это происходит благодаря способности человека отбирать и связывать друг с другом элементы непосредственного опыта, относящиеся к его различным уровням.

Ниже будут представлены основные схемы трансформаций восприятия окружения, переживаний в определенные культурные порядки.

4.1. Трансформация стимулов в представления (образы и внутренние концепты)

Установление любого символического порядка предполагает наличие необходимых предпосылок и осуществление конкретных процедур. Речь идет о побуждении людей преодолеть ситуацию неопределенности, трансформировать ее в условия, благоприятные для взаимоприемлемых социальных коммуникаций и взаимодействий. Прежде всего необходима значимая с этой точки зрения совокупность элементов реальности (ситуация), внутри которой можно искать сходства и различия между ними по общим основаниям. Далее, определяются типы их изменений, которые разделяются на желательные, нежелательные и нейтральные. Затем устанавливается по-

рог соотнесения элементов ситуации между собой и с элементами других ситуаций, выше которого фиксируется различие, а ниже которого — подобие. Наконец, фиксируются устойчивые связи между элементами, которые объединяют выделенные сходства, различия, изменения в самоидентифицируемую целостность, способствующую эффективной совместной активности.

Согласно структуралистским представлениям, порядок — это то, что задается людьми в вещах и ситуациях как их внутренний закон, как скрытая сеть отношений между ними и человеком, ее устойчивое структурное выражение, представленное в символической форме. Концептуально порядок отождествляется с «пустыми» структурами, которые могут быть абстрагированы из множества культурных явлений и становятся основанием для отнесения их к определенному классу или форме (например, структуры мифа; волшебной сказки, обряда инициации, табуирования и т.п.).

Социокультурный опыт людей кодируется в мимике, жестах, телодвижениях, в интонациях и словах, в формулах, иконических изображениях, вещах. Областями существования этих артефактов считаются вербальная и экстралингвистическая коммуникация (межличностная и опосредованная техническими средствами), письменные тексты, искусственные вещественные объекты. Взаимопонимание между людьми обуславливается тем, насколько они владеют как родным языком, так и навыками оперирования другими символическими кодами. Это составляет выразительную характеристику их так называемой культурной компетентности. Процессы порождения символов и оперирования ими описываются с помощью таких категорий, как коды, трансформации, кодирование, декодирование, вербальные и невербальные знаковые системы.

Формирование представлений. Предполагается, что все живые существа обладают набором типичных трансформационных механизмов, переводящих значимые для индивида и рода переживания во внутренние концепты, представления, а затем в знаки и символы, имеющие внешнее выражение и доступные для восприятия другими. Один из типов связан с преобразованием «объективных» событий в переживания индивидов, в информацию, воспринимаемую ими. Другой — с определением ситуации будущей активности и разделением информации на значимую — индивидуально или коллективно — и незначимую, или шум. Следующий обуславливает разработку отобранных элементов, связанную с наделением их весом, интерпретацией применительно к ситуации, ценностью в качестве стимула к действию. Последний в этом ряду обеспечивает активизацию операции, которая ведет к построению и реализации программы действий. Считается, что каждое живое существо живет в двух параллельных мирах. Первый составляют «реальные», «объективные», независимо от отдельного индивида происходящие события, составляющие условия, окружение, динамичное поле его существования. Второй представляет собой поток восприятия индивидуально и социально значимых событий с его последующим внутренним упорядочением, разделением на ситуации. При каждом

переживании индивиду приходится проводить различие между его компонентами применительно к текущим интенциям. Далее формируются классификации ситуаций, определяемых пересечением внешних событий и их признания в качестве значимых. Они делят жизненный поток на дискретные осмысленные целостности, оформляющиеся в определенные представления. На этой основе складываются внутренние критерии для отнесения событий обеих уровней к установленным классам.

В структуралистской трактовке формирования представлений важное место занимает концепция субъективности М. Хайдеггера, определяемой как та часть психики, которая фиксирует ощущения и восприятия внешних воздействий и психических состояний как существующих, т.е. воспроизводящихся и имеющих значение для того, кто имеет с ними дело. Хайдеггер называет такие феномены экзистенциалами и считает их «не априорными формами разума или безличными формами интенций, оставляющими за скобками (внешний) мир», но «жизненными формами», возникающими с необходимостью «в мировом взаимодействии»¹. Такую конституирующую функцию субъективность может осуществить только благодаря своей «фактичности», проявляющейся перед лицом смерти, где становится видна ее исходная открытость, порождающая способность человека к трансцендированию любого непосредственного опыта. В принципе можно сказать, что эта способность актуализуется в любой пограничной ситуации перехода от одного уровня отношений людей с окружением к другому по цепи: восприятие — переживание — представление — формирование знаков — знаковое выражение.

Сфера представлений порождает свою собственную структуру: она организует составляющие ее следы переживаний и в свою очередь организуется ими, их логикой, их связями с порождающими импульсами. Она не сводима ни к реальности как таковой, ни к миру символов, но соответствует промежуточному между ними уровню воображения, где презентуются связи, отношения между реальностью и символом, означаемым и означающим. Для этого «пространства» характерны свои оперативные единицы — образы и внутренние концепты — и собственные механизмы внутренней организации — ассоциация, примыкание, комбинаторика, различение, шкалирование и т.п. Их действие обуславливает отбор и «сортировку» импульсов и переживаний, разделение и соединение «внешнего» и «внутреннего». Именно на этом уровне устанавливаются своеобразные правила перцепции (восприятия) и соответствующие ей динамические оценки. Здесь помещается источник формирования новых или отбора из имеющихся знаков и символов для выражения представлений в интерсубъективной, культурно приемлемой форме.

Предполагается, что представления работают как механизмы идентификации и определения индивидуальной, а также социальной значимости переживаний, психических состояний, внешних воздействий и фиксируют следы означаемого. А именно тех элементов которые характеризуют его специфичные устойчивые черты, его самоидентичность. Область воображения можно считать тем «местом», где осуществляется отбор и коррек-

¹ Martin Heidegger in Europa and America. The Hague, 1973. P. 106.

ция таких единиц. Соотнесение с ними последующих восприятий составляет процедуру установления сходства между воспринимаемыми объектами или психическими состояниями. И здесь возникают свои проблемы.

«Фантазмы». Приятно считать, что любое переживание человека фиксируется в его внутреннем мире как чередование образов. Эти единицы выделяются в качестве основы для формирования представлений и символов. Но в отличие от них образы проживаются «сами для себя», представляя ощущения и восприятия индивида, порождаемые внешними воздействиями и внутренними состояниями. В последнем случае они не соотносятся ни с какими внешними стимулами, означаемыми. В психоанализе такие образы, или «фантазмы», считаются продуктами бессознательной организации. Чтобы понять процесс их формирования, нужно обратиться к механизмам функционирования воображения по отношению к бессознательному.

Каждому индивиду свойственны психические или соматические состояния, не находящие выхода в реальной активности или нормализации организма. Это считается оперативным условием порождения фантазмов, которые выражают подобные состояния в качестве представлений, а затем внутренних концептов. В процесс их формирования включаются механизмы памяти, ассоциаций, комбинаторики при отборе «материала» для них и механизмов вытеснения, замещения, компенсации для придания им формы. Соответственно понимание смысла фантазма достигается не через поиск «первичной сцены» реальности, внешних воздействий, обусловивших возникновение представления и его символизации. Происходит обращение к ядерной схеме внутриличностного состояния, инициировавшей переживание, которое может найти выражение лишь через фантазию и воображение.

На индивидуальном уровне этот процесс происходит за счет того, что К. Касториadis называет «радикальным воображением», характеризующим область несуществующего, не имеющего соответствия во «внешнем» мире, но выполняющую две важных функции для структурирования человеком своей знаковой, символической среды. Во-первых, стимулировать комбинаторную активность на уровне «позитивных», соответствующих «внешним означаемым» представлений в проблемных ситуациях, когда на уровне воображения следует предварительно «проиграть» альтернативы их определений и способов преодоления. Фантазмы в этом случае способствуют расшатыванию, а порой и разрушению устойчивых схем связей между означающими, переставшими отвечать реальным процессам. Во-вторых, дать выход неосуществляемым желаниям, неосознаваемым состояниям, не выразимым в языке имеющихся в культуре привычных символов. В этом случае воображение становится полем формирования индивидуально специфичных представлений, где концентрируются следы самых интимных переживаний индивида, прямо не обусловленных воздействием внешнего окружения. И хотя они не имеют внешних означаемых, тем не менее становятся стимулами для порождения означающих, знаков для их презентации вовне.

Как отмечает К. Касториadis, область фантазмов «проявляется как основа возможности и единства всего того, что делает неповторимость субъекта

чем-то гораздо большим, чем чисто комбинаторной неповторимостью, и всего того в жизни субъекта, что указывает за пределы специфики черт его реальности и истории»¹.

Обобщая сказанное выше, можно сформулировать концепцию представления следующим образом. Представление формируется в том пространстве, которое находится между воспринимаемой частью окружения и воспринимающим и структурируется связями между теми имманентными свойствами элементов окружения, которые доступны постижению воспринимающего, и теми способностями воспринимающего, которые обеспечивают ему возможность воспринимать и контролировать эти элементы. Представление в этом случае подразумевает выделение части окружения или потока переживаний в качестве объекта, идентифицируемой целостности на основе обращенности определенных их элементов к индивидуальному познавательному усилию. Таким образом, формирование представления имеет двойную обусловленность. С одной стороны, это характеристики компонент окружающего мира, значимые для существования в нем человека. С другой, — это особенности трансформаций, преобразований внешних воздействий на человека и его психических состояний в устойчивые, распознаваемые, воспроизводимые внутренние целостности, соответствующие ситуациям его взаимодействия с окружением.

Поскольку ощущения не исчерпываются теми, что укладываются в образы и представления, можно предположить наличие внутрииндивидуального «пространства», области переживаний, которые остаются неорганизованными ни на индивидуальном, ни тем более на культурном уровне. Они составляют своеобразное внекультурное поле психической активности. Восприниматься могут определенные неотрефлексированные психические процессы или состояния. Объектом индивидуальных переживаний могут стать встречи с такими реальными феноменами, которые признаны в культуре как несуществующие или не имеющие значения. В то же время подобные явления не перестают воздействовать на людей и могут иметь для них позитивные или негативные последствия. Поэтому при изучении динамики формирования и существования представлений такие области реальности следует принимать во внимание как источники изменений, сдвигов, трансформаций в отношениях означаемого и означающего.

4.2. Трансформация представлений в знаки и символы

Одним из обобщенных признаков, позволяющих относить феномены к классу культурных, в рамках структурализма считается их представленность в символической форме, а способность к этому — врожденным свой-

¹ *Касториadis К.* Воображаемый институт общества // Постмодернизм и культура. М., 1991. С. 119.

ством человека. Процессы трансформации представлений в знаки и символы в настоящее время вполне отражены.

Формирование знаков. Чтобы заметить значимые сходства между вещами, ситуациями, переживаниями людям необходимы приметы. Каждое из них при обмене информацией фиксируется и обозначается, обретая таким образом intersubъективную форму знака.

Знак выполняет функцию указания на внешнее и внутреннее сходство сравниваемых единиц. Внешнее сходство фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком. Внутреннее сходство устанавливается характерным для знака отношением означаемого к означающему. Знак не имеет прямого сходства с означаемым, но выделяется и обобщается путем особого соотношения с ним. Каждое соответствие элементарных стимула и реакции, будучи воспринятым людьми в качестве значимого, наделяется определенной приметой — визуальной, интонационной, чувственной. Когда образуется совокупность фиксированных меток, налагаемых на поле восприятия, считается, что сформировано означаемое.

При множестве сравнений выделенные признаки складываются в устойчивые совокупности, и импридается форма знаков, которые имеют значение в той мере, в какой между ними и тем, на что они указывают, имеется какое-либо подобие. (Например, дорожные знаки, знаки социальных различий, нотные и т.п. знаки имеют подобие тем восприятиям, которыми порождается необходимость соответствующих обозначений). Однако такие образования не гомологичны означаемым, т.е. не состоят с ними в отношениях полного соответствия.

Искусственное происхождение таких связей предполагает, что со временем они могут утрачиваться и теряют свои первоначальные культурные функции установления сходств, позволяющих выделять означаемые из окружения. Это происходит, когда знаки либо исключаются из массового употребления и забываются, либо «обрастают» множеством разнородных значений и утрачивают свои идентифицирующие возможности. Для того, чтобы определить их первоначальное культурное значение, в обоих случаях требуется применение особых процедур. Навыки такой расшифровки приобретаются через инкультурацию или специальное обучение, а степень их развитости характеризует культурную или профессиональную компетентность того, кто их использует. Существуют специальные области познания, объединяющие такие процедуры. Семиотика представляет собой одну из них и включает в себя совокупность знаний и приемов, позволяющих определить область функционирования знаков, логику их формирования и закрепления в культуре, закономерности взаимосвязи. Другая носит название герменевтики. Соответствующие ей знания и приемы позволяют выявить из контекста связь между означаемым и знаком, понять значение и смысл последнего.

В рамках соответствующих исследований периодически встают вопросы о том, как узнать, что знак указывает именно на то, что он означает; каким

образом знак связан с тем, что он означает. Ответы можно получить с помощью анализа представлений в первом случае, смыслов и значений — во втором.

Связь знака и представления. В теории формирования знаков и символов, т.е. означающих, изначально предполагается, что существует означаемое и сигнификация, относительно независимая от способа выражения, но детерминирующая его, названная ранее представлением. Оно «располагается» между уровнями перцепции и рациональной организации переживания и формируется воображением. Как уже говорилось, это не знак, не символ, но и не часть реальности как таковой, а нечто иное. Репрезентации лишь передают его или указывают на него. Оно может трактоваться как центральная сигнификация, которая устанавливает связь между означаемым и означающим, организует их отношения в систему, функционирование которой расширяет, умножает, модифицирует область родственных феноменов и детерминирует порождение знаков.

В классическую эпоху (XVIII в.) произошло осознание связи знаков (не столько природного происхождения, сколько произвольно устанавливаемых) с представлениями. Соответственно фокусом внимания стала мыслительная сфера. Правда, в этот период считалось, что означающее возникает в любом случае, когда одно представление связывается с другим, и содержит эту связь в себе самом. Так, Кондильяк указывал на то, что абстрактная идея означает конкретное восприятие, исходя из которого она была сформулирована; он разделял с Юмом позицию, что образы суть знаки восприятий, которыми они обусловлены, а с Беркли — что ощущения — это знаки для других ощущений.

В настоящее время утверждается, что сами по себе восприятия, образы, представления, внутренние концепты, хотя они также замещают означаемое, не следует рассматривать как знаки. Они становятся таковыми, только если зафиксирована процедура установления надежной связи между ними и элементами реальности. Иными словами, выразительная форма, чтобы стать знаком, должна указывать не только на означаемое, но и на представленный в нем самом и доступный для восприятия способ его презентации.

Означающее используется людьми в отношениях с окружением так, чтобы его содержание, функции, определение наиболее надежным образом репрезентировали выделяемую из этого окружения часть. В познавательном и коммуникативном смысле оно должно полностью подчиниться означаемому. С другой стороны, идентифицировать референт, указывать на его тождественность самому себе знак будет только тогда, когда полностью разместит его в своей представленности. Соответственно он должен быть построен из таких элементов восприятия и выражения, которые необходимым и достаточным образом указывали бы на существенные свойства презентуемой части реальности.

Формирование внутренней формы, структуры знака можно описать с помощью трех основных параметров: происхождение, форма и вероятность связи между означаемым и означающим.

Происхождение связи между означаемым и означающим. Знак может быть естественным (например, речевая интонация указывает на эмо-

циональное состояние говорящего) или условным (например, дорожный знак для всех означает уведомление об определенном поведении на данном участке пути). Но вне зависимости от его характера он имеет совершенно определенное познавательное пространство. Он не существует вне процесса коммуникации. Неверно было бы полагать наличие «неизвестного знака», «немой приметы», присущих внешнему миру как таковому. Абсурдно также предполагать, что человек априори владеет всеми знаками. Они формируются в процессах взаимодействия людей в ситуациях, когда непосредственное манипулирование предметами оказывается невозможным или нецелесообразным, и есть основания для формирования их не вещественных аналогов, признанных сообществом в качестве таковых. Иными словами, они рождаются лишь в случаях, когда люди заранее представляют себе возможность замены объекта внимания указывающим на него знаком. Соответственно высвечиваются условия конституирования таких образований в различных ситуациях познания, механизмы, побуждающие людей создавать заместители элементов своего окружения.

Формы связи между означаемым и означающим. В процессе установления отношений между фактом реальности и его заместителем знак может занимать две позиции. Во-первых, он может быть элементом, составной частью того, что он обозначает (так, знак «М», обозначающий метро, является первой буквой этого слова). Во-вторых, он может быть полностью отделен от означаемого (таковы, например, знаки отличия в армейской иерархии). Однако в обоих случаях речь идет об аналитических процедурах и механизмах, обуславливающих трансформацию восприятий во внутренние концепты, а этих последних в коммуницируемые единицы.

Соответствующий процесс можно развернуть следующим образом. Если некоторое восприятие, внутренний образ выделяются человеком как заслуживающие внимания, значимые с точки зрения поддержания связей с окружением, можно говорить о наличии предпосылок, побуждений к формированию знака. Его начало связывается с выделением элементов восприятия, которые могли бы представить его как целое. Иными словами, впечатление расчленяется и внимание сосредоточивается на наиболее характерных для него элементах. Затем из них выбирается тот, который оценивается как наиболее представительный по крайней мере в двух коммуникативно значимых отношениях. С одной стороны, элемент должен указывать на переживаемую связь с фактом, с другой — он должен быть распознаваемым и коммуницируемым в каком-либо воспроизводимом выражении (звучном, жестовом, предметном, графическом). Наконец, в этом качестве он как бы отделяется от впечатления, переживания и начинает представлять его в целом, приобретая в то же время самостоятельный статус.

Таким образом, на уровне знаков люди создают особую культурную среду, состоящую из выразительных единиц, указывающих на расчленение жизненного мира, репрезентирующих в особой форме его дифференциальные элементы. В этом пространстве появляется возможность экспериментировать с вещественным и социальным окружением не напрямую, а на уровне заместителей его выделенных элементов. Люди выстраивают из знаков различные композиции и проверяют их соответствие своим же-

ланиям, интересам в соотношении с изменениями, вносимыми в реальность. Благодаря таким единицам они делают для себя мир различным в его отдельных элементах и объектах; открывают поле для их объединения и деконструкции на уровне воображения. Соответственно, создавая знаковую среду, люди обеспечивают себя средствами для анализа окружения и комбинирования заместителей его реальных элементов, для упорядочения своих представлений о мире.

Надежность связи между означаемым и означающим. Знаки могут быть постоянно связанными с означаемым (являясь, например, его естественным атрибутом, как лист для дерева, клюв для птицы), но эта связь может быть вероятностной (например, повышенная двигательная активность при эмоциональном возбуждении). В первом случае их принято называть предписанными. Они негибки и неудобны для экспериментирования; на уровне воображения они не будут подчиняться произвольной комбинаторике. Во втором их именуют конвенциональными, т.е. считается, что они устанавливаются за счет постепенного согласования означающего и означаемого в процессе коммуникации. Как правило, здесь в качестве критериев отбора знака принимаются простота восприятия, легкость запоминания, применимость для множества элементов реальности, в которых он должен выделять определенное свойство или качество. Такого рода единицы становятся удобными для построения композиций из заместителей частей реальности, формирования представлений об окружении, которые могут быть верифицированы (подтверждены фактами) или фальсифицированы (опровергнуты как не соответствующие им). Следует, однако, подчеркнуть, что такие проверки нередко вызывают затруднения из-за произвольности знаков этого рода, вероятностной природы их связи с реальностью. Особенно в случаях, когда какие-то из них на длительное время оказываются исключенными из сферы коммуникации. Иными словами, знаковое пространство и происходящие в нем процессы имеют известную степень автономии по отношению к реальности, и потому здесь возможно построение композиций и суждений, с трудом поддающихся эмпирической проверке.

4.3. Формирование символических объектов

Символические области структурируются в культуре с помощью различных антропологических механизмов. Так, область межличностных коммуникаций приобретает символическую дифференцированность и упорядоченность благодаря таким стереотипизированным формам демонстративного поведения, как лексика (совокупности ключевых слов), интонирование (показательная мелодика речи), мимика (подходящий набор выражений лица), жестикуляция (подчеркиваемые телодвижения), проксемика (расположение собеседников в пространстве) и т.п. Говоря о социальном расслоении, к перечисленным коммуникативным характеристикам, специфичным для различных социокультурных групп, следует добавить особенности внешнего вида (одежда, прическа), используемых личных ве-

щей, территории, объектов интерьера, с которыми идентифицирует себя человек, формы социальной активности, в которых он демонстративно участвует. В художественной культуре символизация осуществляется за счет определенных принципов построения эстетического образа: степень острашения реальности (от подражания до полного несходства с наблюдаемым), композиция, масштабность формы и т.п. В научной — с помощью категорий и терминов, используемых знаков (буквы, цифры, геометрические фигуры и т.п.), формул (словесных и знаковых), способов экспликации связей между реальностью и ее рациональным представлением (логика обоснования и доказательства).

Концепция символа возникает при осознании того, что означаемое и означающее имеют различную природу. Означаемое потенциально присутствует в естественном или искусственном окружении и выделяется в ходе социальной практики. Означающее в функциональном отношении не самостоятельно помимо референта, однако в культурном пространстве как объект существует в виде выразительной формы (слова, изображения, жеста и т.п.). Категория «смысл» указывает на необходимость установления связи между восприятием и его символическим выражением, на обязательную intersubjectивность в определении ее структуры.

Символом называется объект, жест, слово, указывающие на некоторую значимую для человека область реальности — природную, созданную людьми, связанную с психическими состояниями или переживаниями — имеющую предметную выраженность, отличную от символической представленности. Наиболее социально значимыми символами в культуре являются лингвистические комбинации артикулированных звуков или письменных знаков. Они могут представлять почти любые значения¹.

Социокультурное пространство — это не просто природные и искусственные объекты, а также социальные отношения, но и их отображение в символической форме. Этот уровень представляет собой совокупности intersubjectивно «легитимизированных» (разделяемых, признанных обществом) значимых целостностей, используемых в коммуникативных целях. Здесь работают механизмы, которые обуславливают конвенциональность (некоторую негласную договоренность о взаимной приемлемости) культурным ситуациям, т.е. делает их понятными, определенными с точки зрения организации социального взаимодействия внутри них. Символы указывают на существование культурных порядков, т.е. специально выделенных организованных форм, объединяющих соответствующие им условия, процессы и оценки общественной жизни. Каждая область социокультурного пространства имеет собственную символизацию. Так, в религии — это символы веры, в искусстве — художественные образы, в обыденной культуре — мифы, ритуалы, обычаи; язык как символическое образование объединяет все дифференциальные области культуры, которые его носители имеют возможность идентифицировать и осваивать.

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 105.

Значение символов находится не в них самих, но обусловлено связями человека с окружением, которые определяют специфику ориентации и отбора означающих. Символические системы содержат как антропологически универсальные, так и культурно специфичные компоненты, от сочетания которых зависят способы конституирования, восприятия и выражения людьми переживаний своего существования. Они определяют значения означающих, которые задаются как «истинные», априори заданные, неоспоримые. Их наличие обеспечивает поддержку при различении того, что имеет и не имеет значения для практических, аффективных (эмоциональных) или интеллектуальных целей.

Связь символического и идеационального (состоящего из идей и образов) пространств культуры определяется природой их составляющих. Символы суть одновременно указание и явления, иными словами, они обнаруживают себя как артефакт, лишь выражая свое отношение к обозначаемым идеям или образам, разделяемым людьми, придавая форму совокупности наиболее устойчивых и характерных их черт, зафиксированных в знаках, доступных для наблюдения. На этом уровне особое место принадлежит воображаемому представлению, рассматриваемому как сигнификация, которая не соответствует ничему воспринимаемому (реальному) или мыслимому (рациональному). «Сложность заключается в том, что в случае воображаемого мы с трудом можем обнаружить то обозначаемое, к которому относится обозначающее, поскольку его “способ существования” является, по определению, способом небытия»¹. Однако символ существует вне зависимости от того, репрезентирует он нечто реальное или воображаемое. Он существует в том смысле, что может быть включен в дискурс в соответствии с некоторыми априорно заданными конструктивными правилами. Но совсем не обязательно, чтобы символические построения имели значение, смысл с точки зрения соответствия реальности.

4.4. Языки культуры и культурные порядки

Структуралистские построения базируются на определенной концепции человека. Считается, что у него должна существовать четкая, устойчивая организация связей с окружением, предопределяющая категоризацию и классификацию того, что существует, является значимым для него, что он способен конструировать. Человек не может игнорировать или превосходить эту врожденную, устойчивую организацию, не подвергая опасности свою жизнь, поскольку она и составляет его собственную природу, идентифицирует его как часть природы.

Понятие «реальность» в социобиологическом и антропологическом смыслах принято трактовать двойственным образом. Во-первых, оно относится к собственному организму, его функциям, происходящим в нем процессам. Во-вторых, — к окружению, жизненной среде, где живое суще-

¹ *Касториадис К.* Воображаемый институт общества // Постмодернизм и культура. С. 117.

ство развивается и функционирует. Соответственно принято выделять два класса соответствующих представлений: организация следов от повторяющихся событий, характеризующих, во-первых, внутренние состояния организма, во-вторых, действия внешних факторов. Это подразумевает, что жизненный мир воспринимается не как нерасчленимое, неопределенное или же четко упорядоченное нечто, непосредственно запечатлевающееся, пассивно отражаемое. То, что представляется организованным или хаотичным, есть результат процесса взаимодействия между внешним событием и внутренним состоянием организма.

Концепция культурного порядка. На этих основаниях выстраиваются своеобразные упорядоченные области отношений человека с окружением как организованное в некоторые ограниченные целостности многообразие его элементов, представлений о них, их символических выражений. Такие области — культурные порядки — составляют своего рода топографическую модель культуры, где человек оказывается в хорошо распознаваемых, символически выделенных зонах устойчивых связей с окружением и где ему заданы коды и правила оперирования по отношению к знаковым системам, выражающим эти отношения. Можно выделить основные механизмы формирования таких порядков.

Во-первых, организованное различие вещей и их символической представленности — в словах, жестах, формулах, художественных образах и т.п. — определяется как конституирующее начало культуры. Вертикальное расслоение обусловлено наличием «зазора» между означаемым и означающим. Горизонтальное разграничение определяется одноуровневой сеткой правил сочетания знаков и их взаимного порождения. Упорядоченность различий приобретает свое символическое значение не в силу природной принадлежности к означаемому, но благодаря соглашению взаимодействующих людей, которым потребовалось согласовать свои действия и представления и преобразовать их в устойчивые выразительные формы. Именно так внутри определенных областей культуры устанавливаются связи между знаками, символами и тем, что они обозначают. Антропологическая суть динамического порядка такого рода может быть выражена следующим образом: «Человек получает от природы материал для изготовления знаков, и эти знаки служат ему сначала для того, чтобы договориться с другими людьми в выборе таких знаков, которые будут приняты в дальнейшем, тех значений, которые будут за ними признаны, и правил их употребления; и эти знаки служат затем для образования новых знаков по образцу первых»¹.

Во-вторых, сказанное ранее о контрапункте феноменологического жизненного мира и культурного пространства знаков и символов позволяет различать характерные для каждого из них составляющие. Реальные переживания перерабатываются средствами воображения в представления, отображающие следы означаемого и относящиеся к внутреннему миру людей. Формы их репрезентации приобретают культурный статус в ходе социальных взаимодействий и коммуникаций. Чтобы стать выразительными

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 167.

средствами, они должны быть не только интерсубъективными и конвенционально установленными, но и соотноситься не с означаемым, а с означающим в виде представления. Установление соответствия между уровнями опирается на те общие закономерности, благодаря которым это отношение порождается, верифицируется и конвенционально поддерживается, т.е. упорядочивается.

В-третьих, из-за неоднозначности символов и знаков, полифункциональности вещей, относительной автономности тех и других от конкретных ситуаций порождения и применения люди используют их относительно произвольно, соединяют в случайные, необязательные, нефункциональные композиции. Если они выстраиваются на индивидуальном уровне благодаря случайностям опыта или по незнанию, то остаются фактом личной биографии и не имеют культурных последствий. Когда же они закрепляются традицией, то становятся культурным фактом и существуют как символические порядки, не имеющие иных эмпирических соответствий, кроме ложных представлений об их реальном существовании и воздействии на людей. Такие символы сохраняются неизменными до тех пор, пока имеют смысл, т.е. воспроизводится восприятие или переживание, которое они фиксируют, удерживается представление, которое они транслируют.

В-четвертых, изменения символических форм определяются различными факторами, и культурные порядки считаются подвижными, во многом нестабильными. К внешним детерминантам изменчивости принято относить динамику выразительных средств, моды, обычаев, внешнего окружения и т.п. В качестве внутренних можно назвать смену соотношений сходств и различий между означаемыми, контекстов переживаний, опыта, из которого черпает свои значения данный язык культуры, формы, в которой он сохраняется.

Итак, в каждой рассматриваемой культуре обнаруживаются определенные области упорядоченности, где взаимодействие и коммуникация особым образом организованы и имеют специфичное символическое выражение. Считается, что они обычно конституируются под действием естественных социобиологических закономерностей, с одной стороны, и антропологических ограничений — с другой. Но способность людей к вариативности поведения, технологий, символизации придает этим относительно немногочисленным формам значительное многообразие проявлений. Так, в структурном отношении культура хозяйства строится на переработке природных ресурсов в продукты, пригодные для использования людьми, однако технологии этого процесса столь же многочисленны, как и виды продукции; наука структурируется как способ и результат получения достоверного знания о мире, но множественность предметов интереса и стремление повысить степень вероятности предсказаний порождает множество областей научного познания и теорий. Специфика культурных порядков проявляется в определенных зафиксированных манерах и стилях формообразования, символизации аффективных и интеллектуальных проявлений в социально значимых ситуациях. Наличие таких организованных зон предполагает, что на поток совместной жизни людей налагаются определенные расчленения и формы, что здесь устанавливаются правила раз-

личения между тем, что является и не является ценностью, формируются нормы, предписывающие и запрещающие определенные виды активности в контексте типичных взаимодействий и коммуникаций.

Символический порядок может быть представлен «однородным и нейтральным пространством, где предметы одновременно обнаруживали бы непрерывность своих тождеств или различий и семантическое поле своих наименований»¹. На этом уровне культуры принято выделять два основных, значимых для познания и коммуникации способа существования представлений, знаков, символов, два типа порядков. Один из них предполагает симультанность, одновременность сосуществования множеств по-разному структурированных представлений. Его конституирование и поддержание обусловлены действием врожденных, непроизвольно действующих психических механизмов, таких как формирование впечатлений и образов, память и способность к воспоминанию, воображение. Соответственно на уровне обобщения подобная механика делает возможным то, что называется «картиной мира» и что соответствует положительной способности человека в своем воображении превращать различные формы изменчивости внешней среды и внутренних состояний в стационарное пространство сосуществующих следов событий. Другой считается обусловленным способностью человека к динамическому соотношению обоих уровней и фиксации собственных представлений по отношению к реальности. Здесь остаются следы, которые метафорически можно сравнить с отмечающими изменения точками и их интеграцией в линии, характеризующие конфигурацию движения. Предполагается, что так формируются динамические порядки двух уровней: исходное поле фиксируемых точечных, дискретных событий, с одной стороны, и производная от него область непрерывных процессов — с другой. Второй случай соответствует анализу реальности с ее изменчивыми проблемами, беспорядками, раздробленностью по отношению к установившимся «картинам мира» и последующим динамическим синтезом результатов.

Языки культуры и их функции. Как уже отмечалось ранее, культурные порядки имеют свои границы, внутреннюю структуру, символические формы выразительности, правила комбинирования соответствующих знаков и символов. Следовательно, можно условно считать, что таким областям соответствуют определенные «языки» культуры.

Любой из них — вербальный, жестовый, графический, образный — формируется на природных предпосылках, но сам не является врожденным, априори заданным человеку свойством. Он формируется во взаимодействиях и коммуникациях совместно живущих людей, когда индивидуальные представления не просто обретают внешнее выражение, но в коммуникативных процессах приобретают статус разделяемых знаковых единиц, а их использование перестает быть непроизвольным и подчиняется определенным установленным, конвенциональным, обязательным правилам. В этих сетях происходит обратимое и доступное для анализа осознанное отделение знаков от представлений, когда первые начинают функционировать как репрезентанты, выразители вторых.

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 35.

Языки культуры — это системы, которые предназначены не только для того, чтобы выделять устойчивые единицы в жизненном потоке, или представления. Характерная для них возможность разными способами расчленять и объединять такие представления позволяет фиксировать в них не только объекты или имена, но и действия, состояния, интенции. Соответственно в их рамках обозначается не только то, что видят и чувствуют люди, но и то, что они делают или стараются выразить. Эти образования отображают как вещи, так и те процессы, благодаря которым они становятся результатом, объектом, орудием действия.

Принято считать, что область расположения языков культуры находится не на стороне «объективного мира», природы и не на стороне «субъекта», его внутреннего, солипсического мира. Она конституируется между человеком и его окружением, природой человека и более широким природным контекстом и существует как пространство, где фиксируются значимые для человека представления об окружении, об отношениях с ним. В контексте социального взаимодействия такие образования рассматриваются в качестве медиаторов, проводников, средств, позволяющих придавать интерсубъективное, культурное значение интрасубъективному, индивидуальному опыту; транслировать социально значимые представления, придавать им общезначимый, разделяемый смысл.

Языки культуры образуют определенные «пространства», отличные друг от друга по характеру выделенных единиц жизненного мира, связей между ними и их обозначениями, форм соответствующих представлений и знаков, правил связей между ними. Однако в качестве таковых они имеют нечто существенно общее, делающее их средством для препарирования социально значимой информации, благодаря которому она становится пригодной для хранения и транслирования. Временным разрывам в представлениях и переживаниях язык придает последовательность и непрерывность, поскольку включает их в системы однородных знаков, передает и статику, и динамику означаемых. С его помощью бесформенная нерасчлененность феноменального, «независимого от человека» окружения трансформируется в дифференцированное и символически упорядочиваемое социокультурное пространство, а разнообразные и изменчивые элементы окружения объединяются в устойчивые и последовательные целостности. Каждую из них можно определить через такие показатели, как наличие границ, обусловленных качеством передаваемых представлений и таким образом отделяющих одну от другой; возможность соответствующих знаков фиксировать в выразительных формах ее ключевые точки и конфигурацию; степени свободы объединяться и разъединяться, соседствовать, пересекаться.

Языки культуры различаются не только формой используемых в них знаков (слово, музыкальная интонация, иконический образ, жест и т.п.), но прежде всего тем способом, каким эти единицы расчленяют представления, различаются по степени подобия тому, что они представляют. Означающие, наиболее близкие к означаемому, вытесняют из процесса взаимо-

действия человека с этими элементами окружения рефлексию, т.е. реконструкцию структуры связей между ними. Таковы, например, символическое идеографическое письмо, миметические («реалистические») художественные образы и т.п. Более условные знаки, не претендующие на то, чтобы изображать референт в его «природности», представляют его в формах, построенных в соответствии с правилами не объекта, но отношений человека к нему, правилами мышления, а не существования. Эти ситуации, подобны тем, когда, по словам Кондильяка, буквы, совершенно не представляя идей, сочетаются друг с другом как идеи, а идеи соединяются и разъединяются как буквы алфавита. Такие аналитические элементы — буквы алфавитных языков, математические, нотные знаки — дают возможность расчленять и собирать в графической форме любые новые единицы представлений (рациональных и чувственных, конкретных и абстрактных), хранить их на определенных материальных носителях сколь угодно долгое время, переводить с языка на язык в лингвистической сфере и передавать переживания реальности в универсальных формулах или музыкальных фразах.

Построение высказывания. Овладение языками культуры означает включение индивида в социокультурный мир. Предполагается не только то, что его научают распознавать и пользоваться знаками, символами, характерными для каждого из них, но и тому, что именно следует выражать с помощью этих единиц. Иными словами, предполагается, что в рамках каждого из таких образований существуют нормы построения классов «высказываний», соответствующих определенным наборам условий, которые можно назвать социально значимыми.

И здесь соответствие знаков представлениям, наполненность их значениями, т.е. информационное содержание приобретает дополнительный угол зрения. Истинность высказывания проверяется общим социокультурным контекстом ситуации, в которой оно появилось. Методом определения его релевантности, осмысленности становится выявление структурного соответствия между нормированными образцами, соответствующими стандартным условиям, и множеством выраженных в них представлений. Такое сопоставление с эталонами и анализ «отклонений» позволяет выявить основания претензий последних на истинность. Соответственно помимо прояснения значений высказываний важно понимать, как осуществляется систематизация знакового материала. В этом случае выявляется вид порядка, соответствующий рассматриваемой ситуации, скажем, проясняются различия в этом отношении между церемонией и научным симпозиумом. Следует подчеркнуть, что в коммуникативном процессе подчеркивается значимость не столько истинности высказывания, сколько его релевантности стандартной социально значимой ситуации, которая проверяется «принадлежностью к системе» событий, происходящих в ее рамках, и представляемых в определенном культурном языке. Иными словами, основное внимание уделяется механизмам контроля над продуцированием речевого материала, претендующего на социальную значимость в конкретном случае, и в конечном итоге, культурной компетентности. Субъект в этом случае рассматривается как локус идентификации и соблюдения правил по отношению к собственным и чужим высказываниям. Он представляется

проводником и приемником культурных схематизмов, вносящих и поддерживающих в каждом классе социально значимых ситуаций порядок, выраженный в определенном языке.

Язык телодвижений (мимика, жестикуляция, позы). Такой сектор знакового пространства не рассматривается как врожденное свойство человека; считается, что к его формированию «даны» лишь предпосылки. К одной их группе можно отнести способность человека к моторным реакциям на различные значимые для организма стимулы. К другой — способность к сопоставлению своих и чужих переживаний (эмпатия) и сопровождающих их телесных проявлений. Третья объединяет способности распознавать, отбирать, согласовывать использование таких «жестов» в качестве знаков.

Язык тела порождается на природных основаниях. Однако он формируется и используется как явление культуры, для трансляции небιологической информации. Само по себе телодвижение не является его элементом, но становится таковым в результате сложных процедур использования в процессах взаимодействия и коммуникации, таких как:

— установление аналоговых отношений между внутренним состоянием и внешним движением и фиксирование этого движения как знака их взаимного соответствия;

— разделение во времени движения и переживания, что позволяет употреблять его как знак для обозначения переживания как такового, вне зависимости от его непосредственного наличия;

— воздействие на другого с целью вызвать у него соответствующее жесту представление о переживании.

Пространственный порядок. С языком телодвижений тесно связано упорядочение человеком своего физического пространства. В структурализме большое познавательное значение придается дихотомии «центр — периферия» как трансформационному механизму выделения и организации определенных горизонтальных пространственных порядков. Каждый из полюсов такой оппозиции характеризуется различной социальной значимостью. Так, в пространстве поселений в центре располагаются дворцы, храмы, здания, где располагается высшая администрация, а на периферии — кварталы коттеджей собственников, рабочие районы, гетто бедных. В рамках культуры аналогичное разделение проходит по линии ценности артефактов. В центре находятся наиболее установившиеся, признанные и массовые, на периферии — наиболее частные, экзотические, нестабильные. К. Леви-Стросс выделял в пространственной организации традиционалистских сообществ соответствующую шкалу на основании двух оппозиций «одна между мужским и женским началами и другая — между священным (сакральным) и несакральным (профаническим)»¹. Такое упорядочение относится к представленности власти, могущества, легитимности в организации жизненного пространства людей. Подобные трансформации посредством шкалирования можно обнаружить в вертикальной иерархии: в религиозной онтологической оппозиции добра и зла, в эстети-

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 127.

ческой дихотомии «прекрасное — безобразное», в познавательном противопоставлении «истинное — ложное» и т.п. Центральное место власти в обществе М. Фуко считает той конституирующей силой, которая удерживает связь человека с сетью вне него находящихся закономерностей: именно с ее помощью продуцируются силовые характеристики социальной реальности и соответствующие им порядки. Механизмы реализации этого феномена связываются с такими категориями культуры, как знание, принуждение, дисциплина. Они формируются и функционируют в ходе взаимодействия, коммуникации людей. Их социализирующее действие отличают от обучения, в процессе которого человек осваивает окружение благодаря осознанной передаче знаний и навыков тем, кто в них нуждается, от более опытных, компетентных. Власть же относят к бессознательным механизмам контроля, к осуществляемому вне сферы значений тренингу поведения в соответствии с определенной дисциплинарной сеткой. Несмотря на неосознаваемость такого рода процедуры оставляют следы в иерархизации культурного пространства. По ним можно реконструировать механику власти и ее центральные функции в любом обществе в определенный промежуток времени.

Институциональный порядок. Рассматривая механизмы трансформации исходного потока совместной жизни людей в культурно упорядоченные процессы, структуралисты подчеркивают значимость институционализации, нормированности, конвенционального признания такого рода порядков. Такое преобразование основано на способностях человека различать, выбирать, устанавливать, объединять, представлять. Считается, что общество как ансамбль устойчивых организационных структур для анонимной и совместной деятельности и культура как обмен информацией и ее кумуляция в символических формах воспроизводятся благодаря действию механизмов, обеспечивающих сходство в идентификации, принципах объединения, символизации коллективных переживаний.

Как было сказано ранее, считается, что социальные институты — семья, религия, обычаи и т.п. — уходят корнями в естественный, природный слой человеческого существования. Но речь отнюдь не идет о том, что такие образования воспроизводят или отражают его, детерминированы им. Функционалисты показали, что для формирования институтов на этом уровне существует совокупность предпосылок, «работающих» как механизмы стимуляции и поддержки, сдерживания и препятствования на каждой стадии его внутренней динамики. С их помощью осуществляется отбор структурных и функциональных составляющих социальных установлений.

В рамках структурализма институты — от обычаев, нравов, ритуалов до крупных организаций — рассматриваются в терминах символических структур, формирование которых считается присущим самой их природе. Они должны быть выделены в социокультурном пространстве и представлены в распознаваемых признаках. Такая репрезентация необходима, поскольку придает устойчивую и доступную для массового восприятия форму тем социально значимым функциям, которые они выполняют в поддержании общества как целого. В таком контексте структуралистский анализ предполагает поиск ответов на ряд вопросов. Какие сигнифи-

кации присущи институту, какую социально значимую информацию они транслируют? Почему для этой цели были выбраны именно такие выразительные средства, а не какие-то иные? Почему, при каких обстоятельствах символические системы становятся автономными по отношению к институциональным функциям?

Познавательный порядок. Структуралистскую трактовку организации динамического порядка можно проиллюстрировать концепцией формирования типа рациональности, характерного для гуманитарного знания, предложенной М. Фуко. Он показывает, что в этой области (к которой, кроме филологии, он относит также социологию, психологию, антропологию) используются достижения эмпирических наук о существовании (биология, экономика, лингвистика), каждая из которых имеет свой прямо не наблюдаемый, умопостигаемый предмет (соответственно жизнь, труд, язык). Культурный смысл такой связи состоит в выявлении с их помощью измерений, позволяющих описать человеческое существование и способы упорядочения мира в необходимой полноте,

Первое измерение «функция — норма» отвечает эпистеме биологического содержания. Человек представлен здесь через те функции, реализация которых позволяет ему приспособливаться к своему окружению, подчиняться его требованиям, развиваться. Благодаря этому понятию связь между побуждениями и действиями в каждой ситуации получает закономерную интерпретацию. Такая точка зрения помогает определить усредненную норму, позволяющую человеку существовать в соответствии со своей природой. Это предметная область психологии. Второе измерение «конфликт — правила» извлекается из экономической эпистемы, где человек рассматривается с точки зрения присущих ему потребностей и желаний и поиска способов их удовлетворения. В этом случае он представляется как существо, имеющее интересы, добывающееся выгоды и во взаимодействии с другими противопоставляющее себя другим. Соответственно предельная ситуация для него — это конфликт. Регулирование ситуаций, обуславливающих возникновение конфликта интересов, считается существенной составляющей совместной жизни людей. Поэтому люди устанавливают совокупности правил, которые ограничивают такие ситуации, способствуют их преодолению. Это предметная область социологии. Третье измерение «значение — система» — производная эпистемы, свойственной языкознанию. В ее рамках человек рассматривается сквозь призму способности к формированию внутренних концептов и их коммуницированию с помощью средств внешней репрезентации. Благодаря внутреннему переживанию, с одной стороны, и интересубъективному характеру знаков — с другой, все представления, выраженные в культурных формах, даже их неотчетливые, скрывающиеся, неосознаваемые компоненты, приобретают значение. Сами же культурные формы, ритуалы, привычки, слова — все эти следы, оставляемые узловыми моментами совместной жизни людей в виде фиксированных объектов, — складываются во внутренние взаимосвязанные ансамбли, системы знаков. Сегодня это предметная область семиотики и семантики, с одной стороны, и искусствознания — с другой.

Таким образом, целостное представление о существовании человека М. Фуко предлагает выстраивать, интегрируя знания, получаемые в соответствии с тремя измерениями «функция — норма», «конфликт — правило», «значение — система».

Письмо как порядок. В настоящее время очень многое известно об устной речи, о таком ее аспекте, как говорение — слушание, коммуникация через фоническую, звуковую субстанцию. Дискурсивная практика рассматривается как условие, обеспечивающее возможность таким образом фиксировать и транслировать информацию. В этом случае письмо — это техническая помощь говорящим, перевод означающих элементов из слышимых в видимые, т.е. из одной знаковой формы в другую. Ж. Деррида полагает, что письмо представляет собой самостоятельную форму культурного порядка. Он не считает фонетические компоненты фундаментальными элементарными составляющими представлений, выражающими феноменальность, реальное присутствие мысли в момент ее полагания, связывания знака с референтом. Согласно его логике, место означаемого в коммуникативной среде не совпадает с локусом его данности на уровне восприятия и с позицией означающего в символической сфере. Знак не следует считать способом утверждения настоящего; он не фиксирует самого мгновения трансформации переживаемого в выразительную форму. Это результат отбора, организации, обобщения информации об означаемом, многократно предстающим перед людьми в отношениях с окружением. Только стремление людей объединить содержания такого опыта в интересубъективную, коммуникативную целостность с целью контроля над устойчивыми и изменчивыми аспектами жизненной среды побуждает их к продуцированию знаков, которые несут в себе гетерогенность содержания означаемого.

Ж. Деррида рассматривает проблемы «письма», употребляя этот термин в широком смысле, как любые «следы», остающиеся от контактов человека с реальностью. В сопоставлении «фигуративного» их прочтения и практики произнесения он определяет письмо не просто как дополнение к устной речи, но как сильный фактор, конституирующий язык. Изучение этого феномена позволяет наблюдать то начало, пограничное между восприятием и обозначением, произнесением и изображением, которое порождает фиксированный мир знаков, где они существуют, воспроизводятся, вступают друг с другом в различные наблюдаемые отношения.

«Будем называть письмом все то, что содержит описание, и это не обязательно литература», что распределяет в пространстве, отделено от голоса, разные знаковые формы, такие как «кино, танец, картина, музыка, скульптура, атлетика, военное, политическое “письмо”»¹. В этих областях культуры оно структурно зафиксировано наличием специфичных техник, управляющих соответствующими видами активности (телодвижения, живописная, музыкальная композиция, политические действия и т.п.), которые обязательно включают в себя описание соответствующих знаковых систем, систем нотации. Соответственно формируются определенные области «идеациональных» (символических) синтезов, передающих значения,

¹ Derrida J. De la grammatologie. P., 1967. P. 38.

смыслы означаемых, но не связанных с фонетическими способами выразительности. Здесь непосредственное восприятие, «интуитивное постижение» объекта есть один из важных, но далеко не единственный и, разумеется, не конечный механизм формирования значений и тем более знаков. Акт письма предполагает отсутствие интуиции и относительную автономность областей познания и описания¹. В этом случае знак соединяет разнопорядковые, а не однородные элементы. Такая гетерогенность позволяет нарушать логику, прерывать процесс познания, формирования значений, базирующихся на структуре установления связи между означаемым и означающим. Соответственно на уровне выражения, знаков легко обнаруживается несбалансированность, дополнительность, противоречивость между наличным и отсутствующим в тексте. Однако это невысказанное может быть реконструировано, если выявить его следы.

Реальное и несуществующее. Исходя из представления о человеке как природно организованном существе, предполагается, что в его взаимоотношениях с окружением действует механизм отбора и идентификации внешних стимулов, воздействий, событий. Предполагается разделение «внешнего мира», одним из «объектов» которого считается человек, на существующее, где значимое отделяется от незначимого, и не существующее для него.

Однако автономность областей означаемого и означающего делает вопрос об «объективно существующем» проблематичными. То, что в обществе признается таковым большинством и даже всеми его членами, совсем не обязательно соответствует реальным воздействиям внешнего окружения. То же, что не зафиксировано в знаковой форме или объявлено несуществующим, совсем не обязательно и не всегда не оказывает никаких воздействий на людей; такие проявления даже замечаются, чтобы быть отвергнутыми. Следует подчеркнуть, что категории «бытие» и «небытие» всегда присутствуют в культуре. На уровне дискурса они символизируются как сущности, реальность которых следует утвердить или опровергнуть или, наоборот, отрицать, чтобы в конечном счете признать. Иными словами, в культуре для любых считающихся «объективными» элементов всегда имеется возможность быть поставленными под сомнение с точки зрения существования.

На наличие иллюзорных порядков указывал еще Ф. Бэкон. «Человеческий ум склонен предполагать в вещах больше порядка и сходства, чем в них находится; и в то время как природа полна исключений и различий, ум повсюду видит гармонию, согласие и подобие.»; таковы идола рода, спонтанные фикции ума; к ним присоединяются — в качестве следствий, а иногда и причин — путаницы в языке: одно и то же имя в равной мере применяется к вещам разной природы. Это идола рынка².

Согласно М. Фуко, информация не существует для членов общества, если кажется им незначимой. Так ограничивается область значимого, которая должна быть выделена и обычно называется культурой. Здесь,

¹ *Derrida J.* La voix et le phénomène. P., 1967. P. 109.

² Цит. по: *Фуко М.* Слова и вещи. С. 101.

по определению, все составляющие имеют значение, наделены знаковыми, символическими средствами выражения, означают социально значимые аспекты бытия, явления, события. Они воспринимаются в соответствии с возможностью быть представленными в социально приемлемой форме. Все, что не имеет сигнификации, т.е. социально установленных смыслов и значений, остается за пределами культуры вне зависимости от реального влияния на человеческое поведение (например, бессознательные процессы, непознанные природные воздействия и т.п.). На этой базе люди выделяют области невозможного, немыслимого, абсурдного, незначительного.

Итак, был прослежен весь путь преобразования переживаний человека в представления, выявлены их символические формы выражения и определенные культурные порядки. В качестве важного трансформационного механизма в отношениях человека с окружением принимается подтверждение или установление регулярности внешних событий, переживаний, внутренних состояний и т.п. Будучи конвенционально утвержденными и репрезентированными в символической форме, они становятся артефактами (культурными объектами). В качестве порядков установлены их устойчивые и повторяющиеся объединения, культурное значение и интерпретативные возможности которых определены; границы очерчены.

Существование таких образований подтверждается (или опровергается) соотношением с естественным уровнем человеческого существования (например, при ощущении холода можно согреться с помощью теплой одежды или искусственного источника тепла; чувство голода побуждает к приготовлению пищи и т.п.). Организация природного начала считается независимой от культурных процессов и явлений и изначально приписывается человеку в качестве необходимого условия его существования. Именно поэтому врожденные свойства принимаются в качестве конечной критериальной области, санкционирующей утверждения о существовании. Это тем более важно принимать во внимание, что знаки и символы не имеют прямой связи с означаемым и точного подобия ему, и потому составляемый ими слой культуры существует как бы вне уровня естественной организации человека, порождаясь в процессах взаимодействия и обслуживая более коммуникативные, нежели биологические процессы.

Следовательно, соответствие суждения, сообщения правилам построения, принятым в рамках определенного культурного порядка, отнюдь не достаточно, чтобы считать каждое из них истинным, т.е. выражающим регулярность, обнаруженную на естественном уровне существования. В то же время воспринимаемая с точки зрения культурных стереотипов несвязность, фрагментарность, абсурдность естественных событий отнюдь не означает не только их неважности для людей, но даже отсутствия стоящей за ними регулярности. Изменчивость, характерная для природного уровня существования человека не совпадает с собственной динамикой символических порядков. Из этого расхождения рождаются изменения как искусственных образований, так и структурных связей между ними и биологическими процессами.

Предметную область структурализма составляет часть реальности, расположенная между человеком и элементами его окружения — как ве-

щественного, так и социального. Обращение к этому теоретическому направлению позволяет исследовать, как в рамках этого пространства, принимаемого в качестве данного, уже существующего, порождаются знаки, символы, их значения и смыслы, устанавливаются связи между ними и элементами реальности. Процессы становления больших символических порядков, таких как язык, искусство, наука, в структуралистских построениях не анализируются.

4.5. Эвристические возможности структурализма в изучении динамики культуры

Подобно функционализму структурализм принято рассматривать как атемпоральное теоретическое направление. Действительно, временное измерение в явном виде здесь не выделяется. Тем не менее для изучения динамики культуры эта область познания располагает богатыми возможностями. Причем в этом случае речь может идти даже о меньших временных масштабах, чем в функционализме. Здесь процессы порождения культурных элементов соизмеримы с жизненным циклом индивида, с отдельными его отрезками.

Из всего, что было сказано, становится очевидным, что в рамках этого направления значительное внимание уделяется формированию так называемого идеационального, или символического, уровня культуры. Способность к порождению символов считается здесь видовым свойством человека и обусловлена адаптационной необходимостью транслировать жизненный опыт, а также «маркировать» свои физические и социальные «территории». Врожденными, как доказали исследователи-структуралисты, являются и механизмы трансформации внешних и внутренних для индивида стимулов в коммуницируемые сигналы, распознаваемые другими. В то же время разнородность воздействий (природные, искусственные, социальные и т.п.), а также условий, в которых они возникают, обуславливает различия в формах и способах выражения того, что должно быть коммуницировано. Соответственно динамические аспекты порождения символических структур рассматривались в двух аспектах. С одной стороны, был описан процесс трансформации воспринятого значимого для организма стимула во внутреннее представление, а затем в знаковые и символические формы; с другой стороны, анализировались языки культуры и культурные порядки как предпосылки для осуществления коммуникативных процессов.

Основным пространством вариаций, многообразия, изменения символических языков и порядков, как было показано, структуралисты считают тот внутрииндивидуальный «зазор», который существует между означаемым, т.е. «естественным», непосредственным переживанием человека, и означающим, т.е. искусственным знаком, символом, передающим соответствующую информацию другим. Обращение к изучению этой области позволяет не только понять природу происходящих здесь процессов, но и ясно увидеть ее конвенциональное происхождение.

Круг проблем, связанных с изучением динамики культуры с позиций структурализма, оказывается достаточно широким. Во-первых, весьма

плодотворным представляется продолжение изучения того, как формируются устойчивые внутрииндивидуальные представления. Приведенные здесь схемы суть идеальные теоретические конструкты, скорее выведенные из известных психологических и отчасти нейрофизиологических закономерностей, нежели эмпирически подтвержденные. Соответственно открываются интересные перспективы для экспериментальных исследований трансформационных механизмов формирования представлений.

Во-вторых, важно понять, почему одинаковые представления имеют различные выразительные формы (например, гнев может быть выражен словами, мимикой и жестами, в письменной форме и т.п.), а разные представления выражаются в одной и той же форме (например, гнев, радость, восхищение, отвращение и т.п. — средствами письма). Иными словами, понимание причин порождения и взаимозависимости средств репрезентации позволяет лучше понять механизм их выбора при желании индивида передать другим свои переживания. В результате открывается возможность строить теоретические основания для интерпретации внутренних форм и динамики различных языков культуры.

В-третьих, изучение изменений, происходящих в этой области, возвращает исследователя к необходимости изучить механизмы их порождения. Двойная обусловленность символической формы — представлением, с одной стороны, и культурным контекстом — с другой — позволяет анализировать сочетание, взаимодействие этих двух классов факторов и соответственно определять динамику культурной значимости символов в зависимости от их близости к каждому из полюсов в типичных социокультурных ситуациях.

В-четвертых, эвристичными для исследования культурной динамики оказываются категории символических языков и принципы построения сообщений. Их взаимные наложения, перенесение из одного порядка в другой, интерференция при формировании означающих позволяют выделить механизмы примыкания, сцепления, взаимопроникновения разнородных форм выразительности при образовании различного рода культурных текстов и индивидуальных высказываний.

Таким образом, структурализм обеспечивает исследователя хорошо разработанным инструментарием для анализа динамики идеациональных, символических артефактов на уровне их порождения и использования. Следует, однако, подчеркнуть, что в этих рамках предметная область ограничивается культурно установившимся, социально разделяемыми феноменами такого рода. Процессы, благодаря которым они становятся фактами культуры, не являются здесь предметом изучения.

Выводы

1. Определение культуры через символическую активность высвечивает в качестве предмета исследования операции, которые придают сложным феноменам человеческого существования свойство коммуницируемости. Оно обуславливается способностью человека отбирать и связывать друг с другом элементы непосредственного опыта, относящиеся к различным

уровням: переживание и выразительность. Предполагается, что все живые существа обладают трансформационными механизмами, переводящими значимые для индивида и рода переживания во внутренние представления, а затем в знаки и в символы, имеющие внешние выражения и доступные для восприятия.

2. Считается, что сфера представлений порождает собственную структуру: она организует составляющие ее следы переживаний и, свою очередь, организуется ими, их логикой, связями с порождающими их импульсами. Она не сводима ни к реальности как таковой, ни к идеациональному миру. Ее можно отнести к промежуточному между ними уровню воображения, где проектируются отношения между реальностью и символом, между означаемым и означающим.

3. Для установления связи между вещами, переживаниями, ситуациями, воспринимаемыми людьми, с одной стороны, и их интерсубъективным обозначением — с другой, выделяются определенные процедуры. Одинаковые элементы реальности определяются по приметам, повторяющимся и воспринимаемым каждый раз при встрече с ними. Каждое такое сходство — внешнее или внутреннее — отмечается людьми при обмене информацией и приобретает интерсубъективную форму знака. Внешнее фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком. Внутреннее устанавливается характерным для него отношением означаемого к означающему.

4. Формирование внутренней формы, структуры знака в рамках структурализма предлагается описывать с помощью трех основных параметров. Первый из них — это происхождение связи между означаемым и означающим. Знаки формируются в процессах взаимодействия людей с элементами окружения, когда есть основания для построения их конвенциональных заместителей. Второй — это форма связи между означаемым и означающим. Процесс ее установления начинается с выделения значимых элементов восприятия. Затем из них выделяется наиболее репрезентативный, т.е. указывающий на факт реальности, с одной стороны, и выразительный — с другой. Наконец он отделяется от исходного восприятия и начинает, в качестве самостоятельного объекта, представлять его в целом. Третий — это надежность связи между означаемым и означающим, подтверждаемая в процессах коммуникации.

5. Представители этого исследовательского направления структурируют символические области в культуре несколькими различными способами. Для межличностных коммуникаций используются такие формы демонстративного поведения, как лексика, интонирование, мимика, жестикация, проксемика. Для проведения социальных различий к этим коммуникативным характеристикам добавляются особенности внешнего вида, личных вещей, территории, форм активности, которыми подчеркивается групповая идентичность. В искусстве символизация определяется художественным стилем; в философии и науке — познавательной парадигмой; в религии — доктринальными принципами вероучения.

6. Знаки и символы формируют то, что принято называть языками культуры, представляющими собой организацию многообразия представ-

лений об окружении в отдельные конвенционально установленные целостности, имеющие свои границы, внутреннюю структуру, формы выразительности, правила комбинирования соответствующих единиц. Область расположения таких порядков принято размещать между людьми и окружением; в их рамках зафиксированы значимые для людей отношения с жизненной средой. Соответственно, они образуют определенные культурные пространства, отличные друг от друга по характеру означаемых и по кодам, трансформирующим их в означающие.

7. Считается, что языки культуры используются для построения схематизмов, образующих и поддерживающих порядок в определенных классах социально значимых ситуаций. Представлены такие важные для совместного существования людей порядки, как телодвижения, пространственность, институты, способы познания, письмо, соотношение реального и несуществующего.

8. Основания структурализма позволяют моделировать порождение знаков и символов, их значений и смыслов в рамках уже существующего идеационального пространства. Они также обеспечивают возможность проводить различия между важнейшими для культуры символическими порядками.

Контрольные вопросы

1. Для чего при изучении культуры необходимо рассматривать область знаков и символов?
2. Какие внутринаучные факторы способствовали формированию структурализма как направления изучения культуры?
3. Как менялись структуралистские идеи на протяжении XX в.?
4. В чем заключаются различия и сходство между структурализмом и постструктурализмом?
5. Какова теоретическая антропологическая схема трансформации внутренних стимулов и внешних воздействий во внутренние концепты, или представления?
6. Какова теоретическая антропологическая схема трансформации представлений в знаки и символы?
7. Как определяется понятие знака и как используется это понятие при изучении культуры?
8. Как в рамках структурализма трактуются происхождение связей между означаемым и означающим и каковы формы этих связей?
9. Как можно проверить надежность связи между означаемым и означающим?
10. Что такое символические объекты, и каковы их функции в упорядочении и динамике культурных процессов?
11. Какое культурное значение придается мифу в рамках структурализма?
12. Какую роль выполняет концепция бинарных оппозиций при рассмотрении символической репрезентации отношений человека с окружением?
13. На каких теоретических основаниях строится концепция языков культуры и какова ее познавательная значимость?
14. Как происходит построение высказывания?
15. Каковы функции экстралингвистических языков культуры?
16. Каким образом в рамках структурализма трактуется пространственный порядок?
17. Что такое письмо в постструктуралистской трактовке?

18. Как используются лингвистические и экстралингвистические средства в процессах культурной коммуникации?
19. Почему при изучении культурной динамики важно обращаться к понятию пространственных порядков в обществе и культуре?
20. Каковы средства упорядочения письменного уровня культуры?
21. В каких исследовательских ситуациях уместно обращаться к структуралистскому анализу?

Раздел III

ДИНАМИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

В предыдущем разделе были представлены два типа фундаментальных адаптационных императивов, обуславливающих порождение культурных феноменов. Во-первых, необходимость удовлетворения потребностей и запросов, связанная с формированием функциональных единиц и объединяющих их систем социального взаимодействия. Во-вторых, необходимость трансформации социально значимых стимулов и переживаний в идеациональные единицы, объединяющиеся в определенные символические языки и порядки. Однако речь шла лишь о механизмах их порождения и о представленности в культуре соответствующих целостностей. Вопросы о том, как, раз возникнув, элементы становятся культурными фактами, затем, как они собираются в устойчивые образования, каковы механизмы их существования и т.п., не затрагивались.

В этом разделе речь пойдет о том, что составляет основу порождения, поддержания, изменения искусственных объектов — о процессах коммуникации в контексте социального взаимодействия, о механизмах их осуществления. Эта тема рассматривается в двух важнейших аспектах. Вначале рассматриваются структуры и динамика обмена информацией в процессах совместной деятельности людей. Соответствующие связи представляются как динамическое поле существования и трансформаций функциональных и символических объектов. Затем анализируются способы освоения людьми окружения, т.е. механизмы трансляции культурной информации, действующие при их контактах друг с другом и объектами культуры. В этой связи в качестве центральных категорий, представляющих такого рода процессы, используются понятия социализации и инкультурации.

В результате освоения темы «Динамическое коммуникативное поле культуры» студент должен:

знать

- составляющие коммуникативных процессов;
- механизмы построения дискурсов в контексте социального взаимодействия;
- характеристики процессов освоения культуры на протяжении индивидуального жизненного цикла;

- парадигмы социального взаимодействия в напряженных ситуациях;

уметь

- разделять в исследовании концепции социального взаимодействия и коммуникации;
- определять структуру и границы конкретных дискурсов;
- выделять границы стадий социализации/инкультурации на протяжении индивидуального жизненного цикла;
- распознавать конкретные парадигмы социального взаимодействия в различных коммуникативных ситуациях;

владеть

- техникой определения строения коммуникативных ситуаций;
 - методами изучения динамики и последствий коммуникаций в процессах социального взаимодействия;
 - навыками анализа стадий социализации и инкультурации и их специфических особенностей;
 - способами выявления парадигм социального взаимодействия и их специфических особенностей.
-

Глава 5

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

На протяжении всего XX в. психологическая антропология двигалась по пути формирования эмпирических обобщений высокого уровня, построения общих гипотетико-дедуктивных теорий. Сложились и требования к подобного рода теориям: они должны объединять индивидуальный и социальный уровни рассмотрения человека и обеспечивать основания для объяснения поведения в его двойной детерминированности — врожденными и приобретенными в обучении факторами, — а также способов использования освоенных культурных форм. В то же время имеющиеся модели объяснения тяготеют к одному из двух полюсов: либо к психологическому с акцентом на связь индивидуальных характеристик с культурными феноменами, либо к социальному, где основное внимание уделяется непосредственным культурным контекстам совместной активности людей. Соотношение этих двух тенденций и будет представлено ниже. Вначале речь пойдет о когнитивистской области психологической антропологии в связи с обсуждением вопроса о том, как функциональный и символический уровни культуры поддерживаются благодаря коммуникации. Соответственно предметом рассмотрения становятся способы, с помощью которых в поведении индивидов выражается то, что можно определить как факты культуры, культурных изменений, культурного разнообразия. Рассмотрение таких процессов как микроуровня, на котором определяются классы явлений, образующих параметры макрофеноменов, позволяет перейти от описания «психологических коррелятов» устойчивых артефактов и их комбинаций к объяснению их формирования и существования. Будет представлено и другое направление, где решается еще одна центральная задача психологической антропологии: выявление факторов и механизмов, обуславливающих процессы становления личности, социализации и инкультурации, т.е. взаимозависимости между личностными характеристиками людей и чертами их культуры.

Психологическая антропология — это научное направление, в рамках которого изучается, каким образом индивид приобретает культурные навыки, культурную компетентность и как происходит обмен информацией в процессах социального взаимодействия. Эта область познания

объединяет элементы биологии, психологии, психиатрии, социологии, лингвистики, на базе которых осуществляется как отбор, так и интерпретация данных.

Вначале речь пойдет о социокультурной среде, создаваемой социальным взаимодействием, об условиях, в которых люди порождают и используют функциональные и символические единицы, о факторах, которые повышают стабильность социальных и культурных систем и в то же время обеспечивают нововведения в их пределах.

Исследование процессов социокультурного взаимодействия на уровне сообществ, организационных структур, на непосредственном межличностном уровне продолжалось на протяжении всего XX в. В 1930—1940-е гг. выделилось специальное направление изучения групповой динамики, где основным предметом интереса были формальные аспекты обмена информацией в процессе выработки решения в малых экспериментальных группах. Были получены интересные результаты, прояснившие зависимости скорости и точности коммуникации от количественного состава группы, ее внутренней дифференциации, структуры. С этими же характеристиками соотносилось качество процессов и результатов выработки решений. Значительный вклад в изучение социального взаимодействия внесли исследования в рамках Чикагской школы, обращенные на отношения в сообществах низших классов в условиях крупных городов. Здесь рассматривались такие вопросы, как поддержание границ группы по отношению к «другим», групповая солидарность, распределение ролей, лидерство, идентификация.

Продолжался также сбор традиционно этнографического материала. Исследователи накапливали результаты наблюдений о коммуникации в структурно различающихся культурах, о содержательных характеристиках поведения людей в различных социально значимых ситуациях, о связи между социальными позициями людей и стилем их поведения. Значимость такого рода исследований продолжала возрастать на протяжении всего XX в. по мере расширения межкультурных контактов, увеличения значимости транснациональных корпораций, интенсификации международной политики, количественного роста миграций.

Сильным стимулом в развитии научных представлений о влиянии символических структур на членов общества стали исследования в области массовой коммуникации и массовой культуры. Полученные результаты позволили установить зависимости между предпочтениями источников информации, характеристиками этих источников и внутренней дифференциацией аудитории; между применяемыми коммуникатором (транслятором сообщений) средствами воздействия на адресатов и изменениями в их отношениях к освещаемым темам. Многие прояснилось относительно распространения и степени устойчивости символических структур в процессах коммуникации. Во всяком случае, подобные работы позволили показать наличие глубоких зазоров между тем, что люди говорят, и тем, что они делают, а также между условным пространством символов и рутинной областью обыденной жизни.

Постепенно экспериментальный и полевой уровни исследований непосредственных социальных взаимодействий сближались. Это стало особенно очевидным в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. с применением этнометодологических и феноменологических идей в изучении естественной речевой коммуникации. Их результаты позволили сформулировать и проверить ряд интересных гипотез о культурных порядках, характерных для повседневной жизни, для сетей межличностных отношений, и выделить общие факторы и механизмы, обуславливающие их воспроизведение.

Совокупность всех этих и ряда других, смежных (например, изучение общественного мнения, коммуникация в организациях и др.) или более частных (например, социометрия), исследовательских направлений составила основу для формирования особой предметной области социальной (культурной) коммуникации, которая постепенно отслоилась от лингвистической тематики. Она связана с изучением социальной активности людей, направленной не столько на жизнеобеспечение или формирование вещественной среды, сколько на воспроизведение процессов и форм обмена информацией. Тематика исследований такого рода к настоящему времени приобрела следующие ориентации:

- изучение осознанных, имеющих культурную форму выражения, и неосознаваемых, невольно проявляемых представлений, распространенных у большинства носителей определенной культуры;
- изучение осознанных представлений и неосознанных побуждений, разделяемых членами общества и управляющих их действиями в различных организованных группах и неорганизованных скоплениях (толпа) в определенных социально значимых ситуациях;
- изучение структур коммуникации, соответствующих различным социально значимым ситуациям, субкультурам и культурам.

5.1. Общая концепция коммуникации

Процессы и структуры социокультурной коммуникации будут рассмотрены с позиций когнитивной ветви психологической антропологии. Здесь изучаются социально значимые разделяемые мнения, оценки, идеи, распространенные в определенной группе, сообществе, культуре. На основе анализа материалов, связанных с различными индивидуальными и групповыми (семья, локальное сообщество) носителями таких представлений, с различными типами культур («примитивные», «цивилизованные», «бесписьменные», «городские», «индустриальные» и т.п.), выстраиваются модели определенных когнитивных (познавательных) структур, которые базируются на антропологически универсальных принципах, порождаются и воспроизводятся в коммуникативных процессах. Следует подчеркнуть, что в отличие от психологии, где объектом изучения является психика как таковая, здесь центральное внимание уделяется личности в среде ее существования. Объект исследования — модели поведения в ситуациях социального взаимодействия — позволяет рассматривать актора и его культурное окружение одновременно. Главная тема исследовательской работы

связана с выявлением закономерностей использования людьми стандартных образцов поведения, отношений, суждений в организации коммуникативных процессов в типичных ситуациях взаимодействия, которые рассматриваются в когнитивистских терминах с трех основных точек зрения: условия, взаимосвязи, выразительные средства коммуникации.

Коммуникация играет в социокультурной жизни ключевую роль. Именно в ходе социального взаимодействия и сопровождающего его информационного обмена порождаются разделяемые представления и их символические объективации. В таких процессах социальные функции объединяются, складываются в определенные структуры и приобретают видимые устойчивые культурные формы: образцы взаимодействия и поведения, ценности, нормы, институты. Это среда для поддержания и трансляции разделяемого культурного опыта в закрепляющем его знаковом, поведенческом, действенном выражении. Но также и поле для экспериментирования символическими единицами, область порождения и распространения культурных изменений, где фактами становятся те объекты функционального и символического содержания, о которых говорилось в двух предыдущих разделах.

При изучении этой темы принято различать межличностные и межгрупповые процессы коммуникации. «На одном полюсе... находится взаимодействие двух и более индивидов, полностью детерминированное их межличностными связями и индивидуальными характеристиками и полностью независимое от групп и культурных категорий, к которым они принадлежат. Другому полюсу соответствует взаимодействие между двумя или более индивидами (или группами индивидов), полностью детерминированное их принадлежностью к различным группам и категориям и независимое от межиндивидуальных личностных связей»¹. Разумеется, здесь подразумеваются идеально-типические конструкции, не имеющие полных аналогов в реальности. Однако такая идеализация помогает более четко идентифицировать акцент в организации коммуникативных ситуаций. Хотя следует подчеркнуть, что в обоих случаях речь идет о взаимодействии только между индивидами, ибо помимо него невозможны никакие межгрупповые контакты.

Межиндивидуальная коммуникация любого типа рассматривается как процесс, регулируемый определенными социокультурными закономерностями, с одной стороны, и культурно установленными правилами — с другой. Этот принцип рассмотрения предмета исследования нашел отражение в терминах «транзакция» и «транзакционный». Они используются для обозначения обоих аспектов коммуникации. Во-первых, подразумевается, что отбор и использование информации участниками происходят под влиянием как внешних воздействий (стимулов), так и внутренних состояний. Во-вторых, предполагается, что в ходе процесса люди оказывают влияние на поведение друг друга. Таким образом, транзакционная трактовка коммуникации базируется на допущении, что люди постоянно предлагают

¹ *Tajfel H., Turner Y. One integrative theory of intergroup conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / W. Austin, S. Worchel (eds). Monterey, 1979. P. 34.*

друг другу собственные определения ситуации и своего места в ней, а также реагируют на аналогичную информацию, исходящую от партнеров. Такой взгляд на коммуникацию имеет свои преимущества: основное внимание уделяется всему происходящему между участниками, а не их внутренним состояниям; выявляются механизмы социального взаимодействия. Следует подробнее остановиться на каждом из этих аспектов.

Внешние детерминанты коммуникативных процессов. Принято выделять четыре измерения социальных отношений, которые считаются универсальными, т.е. существующими во всех культурах и определяющими социальное взаимодействие:

— ассоциация — диссоциация (объединение — разъединение); ассоциирующее поведение включает в себя готовность к помощи поддержке, кооперации; диссоциирующее — предполагает борьбу или игнорирование другого;

— господство — подчинение (суперординация — субординация); проявления господства включают в себя критичность, стремление распоряжаться; подчинение предполагает просьбы о помощи, стремление соглашаться и слушаться;

— интимность — формальность; тенденция к интимности связывается со стремлением раскрыть себя, выразить эмоции, вступить в тактильный контакт; формальное поведение предполагает сведение действий к внешним стереотипным, эмоционально нейтральным проявлениям;

— открытость — скрытность; открытое поведение является видимым, наблюдаемым для других; закрытость (скрытность) предполагает минимизацию внешних проявлений¹.

Исследования свидетельствуют о том, что такие типы связей, как аффилиация (проявляющиеся в ассоциациях, объединениях) и доминирование (принимаящее форму господства), представляющие собой социально-структурные универсалии, не претерпели видимых изменений своего места в культуре в течение последних трех тысяч лет. Интимность и открытость, будучи связующими универсалиями, подверглись значительным изменениям как структурного (место в культуре), так и содержательного (способы и интенсивность проявления) характера. В этом пространстве социальных отношений обычно и исследуется коммуникация.

Можно выделить те функции, которые должны реализоваться, чтобы соответствующие процессы осуществлялись. Чаще всего имеется в виду следующий их набор: трансляция межличностных установок; выражение эмоциональных состояний; регулирование беседы, обмена информацией и ритуалами; регуляция самопрезентации. Все эти функции можно объединить общей категорией, характеризующей ситуацию взаимодействия и отличающей ее от ситуации случайного столкновения людей, — «межличностная синхронизация». Она предполагает постепенное сближение ритмов вербальных и невербальных проявлений у участников взаимодействия и структурирует процесс, придавая ему культурно стереотипизированную форму.

¹ Triandis H. *Interpersonal Behavior*. Monterey, 1977; *Idem*. Some universals of social behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1978. № 4.

При рассмотрении невербального аспекта стереотипизации выделяются измерения, устанавливающие ее границы: индивидуальность — коммуналность, доступность — недоступность, которые управляют использованием смешанных невербальных сигналов. Возможности синхронизации поведения в этих измерениях определяются набором допущений, позволяющих систематическим образом рассматривать формирование границ ситуаций взаимодействия:

- в процессе взаимодействия намерения и активность его участников разнонаправлены, что подразумевает возникновение напряжений, связанных с их рассогласованностью;

- эти различия помогают актерам определить друг друга и поле возможных согласований;

- в ходе процесса связи между индивидуальными актами и намерениями подвижны — изменения возникают в зависимости от времени и обстоятельств.

Таким образом, формируются основания для дифференциации взаимосвязанных коммуникативных процессов, определяющей сложность их структуры. Меньшая ее степень предполагает относительно однородную структуру обменов информацией; большая — многообразие соответствующих форм и ситуаций. С усложнением системы растет специализация типов активности, разделение ее психологических аспектов, например, познание отделяется от аффектов. Когнитивные (познавательные) процессы, для которых характерна увеличивающаяся степень внутреннего разнообразия, отличаются относительной автономностью от непосредственного опыта; более однородным аффективным реакциям соответствует «полевая зависимость» индивидов. В первом случае предполагается аналитический тип совместной обработки информации; во втором — обмен диффузными общими представлениями.

Внутриличностные детерминанты коммуникативных процессов. Считается, что культурные факторы, проявляющиеся при обмене информацией, влияют на коммуникативные побуждения (интенции) участников взаимодействия и их понимание себя, друг друга и ситуации. Побуждения определяются как предписания коммуникативного поведения, задаваемые участниками в конкретных ситуациях самим себе. Понимание предполагает способность в этом контексте описать, объяснить и предсказать внешние стимулы, включая поведение других. Оно прямо связано с когнитивными процессами, т.е. приращенце знания об элементах ситуации и их зависимостях проясняет для участников значение и смысл того, что в ней происходит. Итак, к пусковым механизмам коммуникации принято относить стремление к пониманию того, что происходит, познавательные или эмоциональные побуждения, стереотипы речевого поведения.

Говоря о дифференциации межличностных и внутриличностных аспектов коммуникативных процессов, можно выделить некоторые важные определяющие ее факторы. Во-первых, разнородность когнитивных моделей переработки информации: предпочтительных стратегий убеждения, стилей регулирования напряженности, самоощущений, эмоций, привычек. Во-вторых, несходство норм, правил, ролей; использования языка; сред взаимодействия (пространства, дистанций); коммуникативных затруднений, навы-

ков, облегчающих коммуникацию. В-третьих, разноплановость осознанных и неосознаваемых компонент информационных обменов. Осознаваемая их часть связана с построением участниками стратегий поведения, рациональным определением целей и результатов процессов, оценкой их эффективности. Неосознаваемая часть обусловлена автоматизмами; бессознательными побуждениями; незамечаемыми ситуативными факторами.

Благодаря такому структурному представлению о коммуникативных процессах можно ставить вопрос об изучении формирования культурных образцов, или конфигураций (*patterning, pattern formation*), т.е. образования устойчивых форм взаимодействия, включающих соответствующие наборы стереотипов поведения, отношений, действий, суждений и т.п. Начиная с Р. Бенедикт, эта тема занимает в культурной антропологии важное место. Дискурсивные практики конституируются в процессах социального взаимодействия, главным образом в рамках сообществ, хотя могут порождаться и благодаря множественным случайным столкновениям людей. В таком контексте складываются привычные формы активности, облегчающие людям в определенных ситуациях, требующих совместных действий, вход, выход и адекватные действия, позволяющие им экономить усилия благодаря тому, что они могут пользоваться уже заученными стереотипами. Предполагается, что освоение таких образцов является фактором, формирующим способы чувствования, мышления, действия личности, ее устойчивые структурные составляющие, такие как черты характера, преимущественные эмоциональные состояния, интеллектуальная предрасположенность по отношению к оценке внешних событий и т.п.

Коммуникативное поведение и его культурно установленные паттерны выражаются с помощью знаков и символов. Как уже отмечалось, эти понятия означают специально используемые выразительные средства, замещающее или представляющее социально значимые реальные феномены, и имеющие конвенциональную, коммуникативную природу. Не существует естественных связей между ними и референтами; их отношения искусственны, относительны и варьируются от культуры к культуре, от группы к группе.

Далее все эти общие представления о коммуникативных процессах будут развернуты более подробно и в динамическом аспекте. Сейчас же следует сделать одно важное замечание методологического свойства.

Важно запомнить!

Интерпретация и объяснение удач и неудач межличностных контактов, предсказание того, приведут ли определенные коммуникативные процессы к изменению или сохранению социокультурных стереотипов, зависят от исследовательского акцента на социологическом или психологическом видениях ситуации. В обоих случаях принимается во внимание, что социальное взаимодействие и коммуникация протекают по некоторым культурным правилам. Однако социологическая интерпретация эффективнее тогда, когда исследователь имеет дело с субъектами взаимодействия — представителями одной культуры или социокультурной группы, осведомленными о содержании этих правил. Психологический акцент более уместен там, где речь идет о взаимодействии людей, не разделяющих общих правил, т.е. ситуациях, где каждый из участников руководствуется собственными правилами.

5.2. Субъекты социокультурной коммуникации

«Я-концепция». Рассматривая коммуникативные процессы как динамичную социокультурную среду, благоприятную для порождения и распространения различного рода вариаций, отклонений, изменений паттернов совместной активности, важно принимать во внимание, что единственным источником всех этих порождений являются люди, находящиеся в разного рода отношениях друг с другом. Соответственно необходимо иметь концептуальную представленность индивида в этих процессах, которая теоретически позволила бы дифференцировать их в соответствии с выделением индивидуальных вкладов их участников. Среди таких теоретических конструктов представление людей о себе, или «я-концепция», занимает значимое место. Это понятие предполагает, что у индивида существует некое внутриличностное ядро — «я», — которое считается системообразующим началом в отношениях индивида с окружением, механизмом отбора и интеграции значимой и отвержения незначимой для него информации. Оно используется, когда речь идет о самообозначении отдельного, индивидуального лица, но не «личности» или набора факторов, составляющих личность и обычно подразделяется на два значения: номинативное — «я» как субъект и аккузативное — «я» как объект. Во втором случае различаются идеи «я» в качестве социального объекта как для других, так и для себя.

Личностная идентичность. Эти представления формируются у индивида по мере его участия в различных социальных группах, под которыми понимаются двое или более индивидов, разделяющих общие интересы, культурные ценности и идентификацию, воспринимающих себя носителями сходных отношений к окружению и т.п. Когда к людям приходит осознание принадлежности к одному или нескольким таким образованиям, начинает формироваться их социальная (культурная) идентичность, или та часть индивидуальной «я-концепции», т.е. представления человека о себе, которая является производной знания о групповой принадлежности, а также ее ценностной и эмоциональной значимости. Часть «я-концепции», не объясняемая этим понятием, называется личной идентичностью. Принято также проводить различие между публичным «я», известным другим, и приватным «я», которое представляет собой часть «я-концепции», известную только самому индивиду.

Когда в коммуникативном процессе доминирует социальная идентификация, можно говорить о межгрупповой коммуникации. Соответственно для нее в отличие от межличностной характерно то, что тип контроля здесь — это социальные нормы, групповые ценности и стереотипы поведения, а не личностные предпочтения и эмоции. Индивидуоцентричный взгляд на «я» предполагает, что это самодовлеющее единство, существующее вне зависимости от групп принадлежности. На это, например, обращает внимание К. Гирц, говоря о понимании личности в западной культуре «как имеющей границы в уникальном, более или менее интегрированном мотивационном и когнитивном универсуме, динамическом центре познания, эмоций, суждений и действий, организованных в выделенную целостность, противопоставляющую себя другим подобным целостностям,

а также социальным и природным основаниям»¹. В этих рамках самоактуализация и самореализация, самоуважение через личные достижения считаются главными целями. При социоцентричной ориентации этот концепт также существует, однако обозначает иной универсум, где самоощущение индивида базируется на социальной оценке его места в системе межгрупповых и межличностных отношений.

Лицо. В исследованиях коммуникативных процессов выделяется еще один концепт, характеризующий индивидуальную специфику человека в его отношениях с другими. Это концепция «лица», которая в том или ином выражении встречается практически в каждой культуре. Она обозначает «публичный я-образ», который стремится утвердить индивид, которым можно наделять, который может быть утерян, за который можно бороться и который может быть дарован. Можно считать его своеобразным культурным знаком «я», размещенным в потоке коммуникации и разделяющим его на адекватные и неадекватные, благоприятные и неблагоприятные для индивида события. Лицо представляет собой проекцию «я» на ситуацию, предполагающую отношения с другими, идентичность, совместно определяемую участниками взаимодействия. Это своеобразный «экран», регулируя «прозрачность» которого, индивид в большей или меньшей степени выражает в коммуникативных процессах свои подлинные черты, мысли, чувства, намерения.

Социальная идентичность. Социальная идентичность определяется как та часть «я-концепции» индивида, которая является производной осознания и оценки им своей принадлежности к одной или нескольким группам (сообществам). Она базируется на разделяемых представлениях и репрезентациях. Эта теоретическая концепция основывается на допущении, что индивиды ищут подтверждения относительно своей групповой принадлежности во взаимодействии с другими. Они сравнивают свое сообщество с другими и взаимодействуют с их членами таким образом, чтобы представить свое в благоприятном свете с точки зрения ценных в культуре параметров (например, экономическая позиция, власть и т.п.). Когда принадлежность к группе воспринимается как социально более ценная, чем пребывание вне нее, у ее членов формируется позитивная социальная идентичность.

Существуют эмпирические свидетельства того, что членство в сообществе важно для определения «я-концепции» более при коллективистских, чем при индивидуалистических культурных ориентациях. Исследования также указывают на то, что акцентирование собственной специфичности свойственно скорее представителям меньшинств или маргиналам, нежели основному большинству. Есть также основание полагать, что социальная идентичность значительно важнее для самих членов сообщества, чем для их окружения.

Существенное влияние на характер коммуникативного процесса оказывает predisposition человека уделять больше внимания своим

¹ Geertz C. On the nature of anthropological understanding // American Scientist, 1975, № 63. P. 48.

переживаниям, чем ситуации и происходящим в ней событиям. Этот механизм определяет три возможных типа личностных состояний. Во-первых, приватность сходная с концепцией интраверсии К. Юнга, связанная с повышенным вниманием к собственным мыслям и чувствам. Во-вторых, публичность, которая, напротив, предполагает представление о себе в связи с другими и аналогично отношению к «я» как к социальному объекту (Дж. Г. Мид). В-третьих, социальная тревожность, обозначающая дискомфорт в присутствии других. В процессах социального взаимодействия публичность и приватность относятся к самоопределению, тогда как социальная тревожность предполагает ориентацию индивида на коммуникацию как на средство определения ситуации и своего места в ней. Механизм регулирования совместной активности, предполагающий самонаблюдение и самоконтроль в ответ на сигналы о соответствии поведения социальным нормам и правилам называется «я-мониторингом». Его действие связано с уменьшением неопределенности в отношениях между людьми.

Представление о других. По содержанию оно относится к тому, что люди думают друг о друге, и связано с такими когнитивными процессами, как стереотипизация, категоризация, оценка будущих партнеров по коммуникации. Для различных культур характерны свои основания переработки информации «о других», которые обусловлены антропологическими принципами познания, но варьируются в зависимости от принятых стандартов. Они определяют, как отбирается информация о других, как она обобщается и организуется, как комбинируются ее противоречивые фрагменты.

В этом отношении значительная роль принадлежит социальным стереотипам, которые предполагают разделение людей на категории в соответствии с индивидуализирующими элементами (раса, этническая группа, конфессиональная принадлежность, возраст, пол). Они формируются в процессах коммуникации в качестве символических обобщений и становятся социальными тогда, когда конвенционально разделяются большинством членов сообщества. Как показывают исследования, необходимость в таких образованиях возникает при столкновении с посторонними в гораздо большей степени, чем с хорошо знакомыми. Стереотипные представления о других детерминированы, во-первых, степенью знакомства, во-вторых, количеством и качеством контактов с ними. На этой базе складываются предубеждения и этноцентризм, определяющие дискриминационное поведение по отношению к членам определенных сообществ.

В коммуникативных процессах социальные стереотипы выполняют ряд специфических функций:

- налагают когнитивные ограничения, обусловленные иллюзорной корреляцией между членством в группе и психологическими атрибутами;
- влияют на переработку информации таким образом, что о своей группе более запоминается позитивная информация, а о чужой — негативная;
- порождают ожидания (гипотезы) относительно других, и люди стараются найти им подтверждение;
- ограничивают коммуникативное поведение других тем, что подтверждает стереотипные представления о них.

5.3. Коммуникация как средство снижения уровня неопределенности ситуации

Порождение и функции коммуникативных процессов в ситуации взаимодействия принято связывать с концепцией уменьшения неопределенности. Основное связанное с ней допущение состоит в том, что каждый стремится как можно больше знать о других: когда от них можно ожидать вознаграждения или наказания, отклонений от правил, окончания и возобновления действий. Все это необходимо в случаях, когда люди не располагают информацией о себе и других, достаточной в отношении будущих представлений и оценок (когнитивная неопределенность), а также поведения (поведенческая неопределенность). Уменьшение неопределенности, соответственно, предполагает построение предсказаний (до начала действий) и объяснений (после их совершения) этих аспектов коммуникации. Обычно люди строят прогнозы о результатах, или «выходах», своего участия в совместной активности, о реакциях на выбранную ими стратегию поведения, а затем аргументируют правомерность их точности или ошибочности.

Организация коммуникативных процессов в значительной степени детерминирована этим побуждением, универсальность которого подтверждена сравнительно-культурными исследованиями. Они помогли установить взаимосвязь между степенью неопределенности ситуации, с одной стороны, и снижающими ее факторами: интенсивностью коммуникации, активностью поиска информации, сходством между участниками, количеством вопросов, задаваемых ими друг другу, которое уменьшается по ходу обмена информацией. В своих работах К. Бергер выделяет три стратегии, используемые индивидами для уменьшения неопределенности:

— пассивная — наблюдение за другими без вмешательства в процесс взаимодействия (сравнение, выявление реакций на различные стимулы и пр.);

— активная — усилия, направленные на получение информации (вопросы к другим, касающиеся предмета интереса и структурирования ситуации);

— интерактивная — непосредственное взаимодействие с теми, о ком собирается информация (выспрашивания, попытки раскрыть себя, обнаружение обманов)¹.

Считается, что все это делается для лучшего понимания ситуации, т.е. для получения информации и знания; интерпретации, обобщения и определения значений, связанных с ней. Выделяются три уровня понимания: описание, объяснение и предсказание². Описание подразумевает представление

¹ Berger C. Beyond initial interactions: Uncertainty, understanding and the development of interpersonal relationship // Language and Social Psychology / H. St. Giles, R. Clair (eds). Oxford, 1979.

² Berger C., Gardner R., Parks M., Schulman L., Miller G. Interpersonal epistemology and interpersonal understanding // Communication Yearbook 2 / B. Ruben (ed.). New Brunswick, 1976.

ситуации в определенных терминах, способ передать ее содержание словами. Объяснение предполагает ответ на вопрос, почему здесь происходят определенные события. Предсказание означает построение ее будущего состояния. Последовательные снятия неопределенности в коммуникативных ситуациях таким путем обуславливают формирование культурных факторов, определяющих типичные условия социального взаимодействия. Их можно распределить по следующим категориям: цели и их структуры; нормы и правила; роли, последовательность элементов поведения; характер коммуникативных сетей. В совокупности они детерминируют то, как кодируются и декодируются вербальные и невербальные сообщения.

Коммуникативные нормы. Они представляют собой предписывающие принципы обмена информацией, которым подчиняются представители определенной культуры. Нормы характеризуются следующими атрибутами, имеющими коллективный характер: оценка коммуникативного поведения с позиции должного; интерпретация того, каким должно быть поведение в конкретной ситуации взаимодействия; особые реакции на поведение, включая санкции, побуждающие к такому, которое соответствует ситуации.

Коммуникативные правила. Нормы существуют как моральные и этические обязательства, налагаемые на человека. В отличие от них правила носят инструментальный характер; они ситуативны, непринудительны и служат для координации действий людей в типичных ситуациях. Они обозначают ожидаемое или преднамеренное поведение и его результаты, очерчивают набор взаимосвязанных функций, предназначенных для упорядочения и наделения значением социального взаимодействия. Они устанавливают наборы взаимных ожиданий, делая таким образом поведение каждого предсказуемым и понятным для других, взаимозаменяемым в обстоятельствах, к которым они относятся. Правила, таким образом, оформляют уровень ожиданий в ситуации взаимодействия, позволяя отделять соответствующее ей поведение от несоответствующего. Чтобы определить, что поведение обусловлено ими, следует обнаружить показатели того, что: поведение контролируется; носит регулярный характер; предписано и стереотипизировано. В то же время они могут нарушаться, и по сравнению с отклонением от норм это не влечет за собой применения жестких негативных санкций.

Правила варьируются по четырем измерениям: уровень понятности; четкость; ранг; консенсус (согласие) относительно их значения: чем больше у людей надобность в координации совместной активности, тем выше степень его точности и понятности. Четкость этих регулятивных образований означает степень спецификации действий, требуемых или разрешаемых в ситуации; ранг указывает на широту охвата качественно различных ситуаций, где определенные действия разрешены или требуются; консенсус предполагает однозначность правил, которая характеризует их одинаковое понимание и стандартное использование участниками коммуникативной системы.

Роли в коммуникативном процессе. Ролью называется набор функционально обусловленных действий и ожиданий, связанных с конкретной позицией в группе. Они включают в себя определенные нормы и правила.

Характер ролевых отношений определяется следующими взаимосвязанными переменными — личностной включенности во взаимодействие; формальности поведения, ожидаемая от его участников; допустимого отклонения от «идеальной» модели. В контексте такого поведения важное место принадлежит локусу его контроля. Когда оно определяется как функция собственной активности индивида, можно говорить о внутреннем локусе контроля. Когда оно в основном не зависит от индивидуальных решений, речь идет о внешнем локусе контроля. Это важный механизм формирования сообщений и упорядочения процесса обмена информацией.

Коммуникативные сети. Социальными коммуникативными сетями называются конфигурации личностных связей, благодаря которым осуществляется обмен информацией. Более конкретно они определяются как наборы перекрывающихся межличностных диадических связей, фокусирующихся на определенном лице или лицах.

Принято выделять четыре структурных элемента, характеризующих такую сеть:

- размер — количество тех включенных в сеть индивидов, с которыми центральное лицо находится в контакте;
- взаимная симметричность — степень, до которой обмен между двумя лицами осуществляется на базе равенства;
- многозначность — степень содержательного разнообразия сообщений, которыми обмениваются люди, находящиеся в связи;
- плотность (интеграция) — степень интенсивности и частота обменов сообщениями в сети.

Изучение этой предметной области открывает большие возможности для понимания процессов диффузии, распространения культурных инноваций и изменений. Коммуникация считается значимым, но отнюдь не достаточным фактором изменения. Необходимы лидеры мнений, связывающие части социальной системы в сети непосредственных связей, нормы которых благоприятствуют изменениям. Важно также, чтобы внешняя информация поступала в сообщество через лидеров мнения и была воспринята. Только тогда изменение может быть инициировано.

Значимой чертой коммуникационных сетей является их оценка по шкале «гомофильность — гетерофильность», т.е. оценка того, насколько они открыты к признанию правомерным существование иных норм и ценностей, нравов и обычаев, символических систем. И хотя одной склонности принимать другие культуры с интересом (гетерофильности) недостаточно для того, чтобы породить изменение в сообществе, она помогает заимствованию образцов извне, становится его важным условием, если лидеры мнений активны в продвижении соответствующей информации. Если же нормы сообщества препятствуют такой диффузии и отсутствует сильная группа заинтересованных в ней лиц, то проникновения культурных образцов извне не будет.

Неопределенность и концепция времени в процессах коммуникации. Культуры, субкультуры и даже отдельные ситуации различаются характерными для них представлениями о времени. Степень неопределенности социального взаимодействия, социокультурная среда коммуникации

существенным образом характеризуются временными параметрами (Дж. Джонс, Р. Ле Вин, И. Т. Холл). Сравнительно-культурные исследования позволили выделить две типичных модели: монохронную и полихронную, которые представляют собой совершенно различные представления о времени, схемы его восприятия.

Для полихронной модели вовлеченность людей и полнота транзакций важнее, чем следование предустановленной схеме. Те, кто следует монохронной схеме, обычно разделяют время на промежутки, соответствующие удовлетворению своих нужд; проводят различие между отводимыми для дела и для посторонних разговоров; занимаются в каждый из них лишь чем-то одним. При полихронной схеме преобладает тенденция одновременно заниматься несколькими делами, не устанавливая жестких расписаний, объединять функциональные и межличностные отношения. Индивидуалистические культурные ориентации более характеризуются тяготением к монохронным схемам, а коллективистские — к полихронным.

В индивидуалистических, М-ориентированных культурах и субкультурах время рассматривается в линейной перспективе: прошлое — настоящее — будущее. В рамках П-ориентированных моделей его можно описать в форме пересекающихся спиральных траекторий. При индивидуалистических ориентациях существует представление о том, что время расходуется индивидами. При коллективистских считается, что оно восстанавливается независимо от индивидуального вмешательства. Иными словами, в первом случае люди постоянно наблюдают за временной переменной социального взаимодействия и коммуникации, тогда как во втором определенность в темпоральной организации этих процессов отсутствует.

5.4. Речь в структуре социального взаимодействия и коммуникации

В психолого-антропологических исследованиях коммуникативных процессов подчеркивается важная конструктивная роль языка в осознании и моделировании ситуаций социального взаимодействия, его первостепенная значимость в кодификации и трансляции всех перечисленных ранее их составляющих. Необходимость найти психические и социальные корреляты построения речи в таких ситуациях всегда признавалась как важная задача психологической антропологии, этнологии речи. Как отмечал Э. Сэпир, «если мы хотим, чтобы грамматика внесла существенный вклад в наше понимание человеческого поведения, то необходимо, чтобы ее определения, категории и классификации могли быть переформулированы в терминах социальной психологии, где... предпринимается смелая попытка вернуть все модели культуры в живой контекст, от которого они абстрагировались, прежде всего в их социальную матрицу»¹. Таким образом, признается значимость соотнесения дискурсивных практик с социокультурным контекстом коммуникативной ситуации.

¹ *Sapir E.* The emergence of the concept of personality in a study of Culture // Journal of Social Psychology. 1934. Vol. 5. P. 410.

Язык и речь. Не менее важная задача возникает в связи с оценкой способности индивидов к передаче и восприятию информации, необходимой для осуществления взаимодействия, в вербальной форме. Для обозначения их адекватности в коммуникативной ситуации, готовности к четкому и понятному выражению в языке содержания сообщений, применяются понятия, предложенные Н. Хомским, «компетенция» и «исполнение». «В то время как понятие «компетенция» включает в себя способность говорящего порождать грамматически правильные предложения, коммуникативная компетентность означает его способность выбирать из доступных ему совокупностей грамматически правильных выражений те формы, которые соответствуют нормам поведения в конкретных актах взаимодействия»¹.

Начиная с Б. Малиновского, языку в рамках антропологии придавалось важнейшее значение порождающего культурную реальность фактора. Он рассматривается как главная форма человеческого взаимодействия. При разделении понятий «язык» и «речь» язык рассматривается как обобщенная, абстрагированная из реальности норма речевой практики человека. В то же время изучение коммуникативных процессов предполагает тщательный анализ самой этой практики, рассматриваемой в контексте реальных ситуаций социокультурного взаимодействия.

Структура коммуникаций в системе социального взаимодействия.

Концепция такого контекста как ключа к пониманию культурных функций языка была разработана известными лингвистами Д. Хаймсом, Р. Ферсом, Э. Сэпиром, Р. Якобсоном и др. В качестве отправного пункта при анализе вербальной коммуникации принимаются не структура или система языка, языковой код, а речевой коллектив, речевая субкультура или другая категория, выделяющая социокультурный контекст. Дж. Хаймс, утверждая примат речи над языком, функции над структурой, контекста над сообщением, изучал взаимосвязи между этими категориями, обозначающими коммуникативные ситуации². Структура дискурса рассматривается как обусловленная ситуацией социокультурного взаимодействия; прослеживается ее связь с культурными стереотипами и межличностными отношениями, придающими речи смысл и организованность.

В отличие от Н. Хомского, считавшего компетенцию врожденной способностью человека, Д. Хаймс и ряд его последователей рассматривают ее как навык, формирующийся во взаимодействии, и обусловленный коммуникативным опытом индивида, с одной стороны, и побуждениями, порождающими обмен информацией, — с другой. Она определяется четырьмя параметрами: грамматическая правильность (по Н. Хомскому), реализуемость, приемлемость, встречаемость. Правильность означает способность порождать предложения, соответствующие признанным в культуре грамматическим правилам. Реализуемость указывает на психологические факторы, ограничивающие размер и смысловую глубину грамматически

¹ *Gumperz J.* Sociolinguistics and communication in small groups // *Sociolinguistics*. Harmondsworth, 1975. P. 205.

² *Hymes D.* The ethnography of speaking // *Anthropology and Human Behavior*. Washington (D.C.), 1962.

правильных высказываний (память, понимание, восприимчивость и др.). Приемлемость определяется соответствием высказывания конкретной ситуации социального взаимодействия. Встречаемость означает частоту, вероятность употребления языковой единицы. Таким образом, считается, что компетенция, с одной стороны, детерминирована способностями человека, а с другой — обусловлена характером совместной активности людей.

При анализе речевых событий или коммуникативных актов в типичных ситуациях социального взаимодействия важно обращать внимание на такой значимый конструктивный фактор, как смысловая доминанта при организации обмена информацией. Принято выделять следующие факторы такого рода: экспрессивный (ориентация на коммуникатора), директивный (ориентация на адресата), контактный (ориентация на канал), металингвистический (ориентация на код), контекстуальный (ориентация на обстановку), стилистический (ориентация на форму сообщения), референциальный (ориентация на содержание сообщения), метакоммуникативный (ориентация на ситуацию в целом)¹.

Основания культурно-антропологической трактовки речевой коммуникации можно выделять из теоретических работ на эту тему. В качестве отправного пункта для изучения вербальных форм, существующих в культуре, принимаются общности или группы со специфичными для них дискурсами. Стандартные ситуации взаимодействия, как было показано ранее, определяют конкретные формы обмена сообщениями. Соответствующие речевые модели построены на множестве коммуникативных функций употребляемых языковых единиц, каждая из которых характеризуется особыми ракурсом и организацией в отношении ситуативно значимой информации. Устойчивые связи между «означаемыми» и «означающими», сложившиеся в структурах социального взаимодействия, делают используемые языковые элементы и сообщения понятными для членов сообщества. Вариативность используемых здесь речевых образцов обусловлена как функциональными характеристиками совместной активности, так и особенностями вербальной коммуникации как таковой.

Эмпирические исследования социальной обусловленности дискурсивных практик посвящены изучению функционального использования языка в типичных ситуациях социального взаимодействия². Как уже отмечалось, они определяются нормами, ценностными ориентациями, представлениями, типами контактов и совместных действий определенной социокультурной группы, а также ролевыми предписаниями характерных для нее социальных позиций. В этих случаях можно фиксировать определенные коммуникативные сети и соответствующие им речевые ресурсы, которые актуализуются участниками взаимодействия благодаря использованию отдельных информационных каналов и кодов для трансляции взаимопри-

¹ См.: *Jacobson R. Concluding statement: linguistics and poetics // Style in Language. Cambridge (Mass.), 1960; Hymes D. The ethnography of speaking // Anthropology and Human Behavior / T. Gladwin and W. C. Sturtevant (eds). Washington, D. C., Anthropological Society of Washington, 1962, P. 13–53.*

² См.: *Пачев А. Т. Теория «этнографии речи» в американской социолингвистике. М., 1982.*

емлемых и понятных им сообщений. Таким образом, в рамках психологической антропологии речи в отличие от лингвистики акцент помещается на обмен информацией, а не на язык.

Влияние культурного контекста на коммуникативные акты и модели определяется через установление зависимости между характером социокультурных институтов, их ролевой структуры; ценностей и верований; представлений, специфичных для изучаемой общности людей, с одной стороны, и совокупностями выразительных средств, применяемых ее членами в процессах обмена информацией — с другой. В то же время принимается во внимание, что одни и те же языковые средства могут использоваться для достижения различных коммуникативных результатов, а один и тот же результат достигается различными языковыми средствами. Соответственно то, что в лингвистике трактуется как отклонение от норм языка, в культурной антропологии изучается как вариации или изменения речевых образцов, обусловленные внемарксистическими, социокультурными ситуативными факторами.

5.5. Структура построения дискурса в ситуации социального взаимодействия

Код. Организация всех компонент речевого события и процесса коммуникации в целом определяется соответствующим им кодом. Это понятие обозначает систему трансформационных механизмов, свойственных определенным областям культуры (например, право, наука, искусство) или типовым ситуациям социального взаимодействия (например, игра, ритуал), благодаря которым специфичным образом выделяются, организуются, приобретают надлежащую форму и транслируются знаки и символы, полагаемые в качестве ключевых. Код рассматривается как искусственное, конвенциональное образование, базирующееся, однако, на природных коммуникативных предпосылках, свойственных человеку. Он позволяет выразить особенности связи с окружением, взгляда на реальность, значимые для людей и потому специально зафиксированные. Емкость каждого из них характеризует свой выразительный потенциал, т.е. возможность полно, точно и достоверно передавать информацию об определенных аспектах реальности.

На этой основе можно проследивать динамику речевых коммуникативных процессов в изучаемых социокультурных группах или субкультурах. Однако программа исследования должна быть построена таким образом, чтобы понять, что, как и почему изменяется. В этой связи следует обратиться к уже выделенным в работах Р. Якобсона и Д. Хаймса компонентам коммуникативных событий и на их основе попытаться понять природу изменений в соответствующих групповых процессах.

Нормы взаимодействия. Выделяются стандартные ситуации группового взаимодействия и типологизируются на основании соответствующих им моделей речевой коммуникации. Каждая модель определяется совокупностью речевых норм и правил, организующих обмен вербальной ин-

формацией в соответствующей ситуации (например, очередность реплик, право прерывать собеседника, повышать голос и т.п.).

Речевые жанры. Считается, что различным ситуациям социокультурного взаимодействия соответствуют свои жанры, придающие специфичную выразительность вербальной коммуникации. Понятие жанра означает определенную устойчивую выразительную форму, где особым структурным образом организуется речевой материал (стихи, пословица, загадка, ораторское выступление, лекция и т.п.) и применяются особые формы символизации (миф, сказка, поэтическая речь и т.п.). Один и тот же жанр может сопутствовать нескольким речевым событиям или ситуациям; но в одной и той же ситуации могут использоваться различные речевые жанры.

Формы речи. Это понятнее обозначает определенные коды — особенности организации и знакового выражения культурно специализированной информации, — которые используются в специфичных социокультурных ситуациях, в том числе языки, диалекты, функциональные варианты речи (например, литературный язык, просторечие, сленг). Они рассматриваются как важные системообразующие компоненты вербальной коммуникации.

Нормы интерпретации. Считается, что каждое сообщение, каждое речевое событие не является коммуникативно однозначным и самодовлеющим, но становится объектом интерпретации, т.е. определенным образом истолковывается участниками коммуникации. В стандартных ситуациях социокультурного взаимодействия складываются соответствующие нормы, т.е. разделяемые конвенциональные представления о ситуативно обусловленных связях означаемого и означающего. Ограничения налагаются приведением во взаимно-однозначное соответствие организации взаимодействия в ситуации, с одной стороны, кодов и жанров речи — с другой.

Каналы передачи информации. Определенным социокультурным ситуациям соответствуют особые наборы коммуникационных каналов. Для одних характерен непосредственный межличностный обмен информацией, репликами; для других — рассылка письменных документов; в третьих используются технологические медиаторы (телефон, радио-, телеканалы) и т.п.; в ряде ситуаций могут действовать сразу несколько каналов. Выбор трансляционных средств и их соподчинение обусловлены функциональными особенностями ситуации, используемыми в ней кодами, соображениями оптимальной организации обмена информацией.

Все перечисленные выше переменные характеризуют социально установленные коммуникативные ситуации с точки зрения необходимых предпосылок их реализации. Они относятся к наиболее устойчивым культурным характеристикам структурирования информационного обмена в стандартных или типичных для культуры ситуациях социального взаимодействия.

Следующая группа переменных относится к организации содержания коммуникативных процессов. Она может быть представлена в разном порядке в зависимости от того, ставится акцент на культурно-стереотипном смысле сообщения или же на намерениях (интенциях) высказывающейся личности (говорящего, коммуникатора). В данном случае за исходный движущий механизм, инициирующий процесс информационного обмена, принимается побуждение говорящего.

Говорящий. Это инициатор коммуникативного процесса, начинающий его под влиянием ситуационно значимых побуждений. Пусковые механизмы могут быть внешними, например, ситуации лекции в лекционном зале, речи в суде, проповеди в церкви и т.п. Но они могут быть и внутриличностными, например, вопросы к выступающему оратору, высказывания в свободной дискуссии, приглашение к разговору и т.п.

Адресат. Это лицо — реальное или воображаемое, — к которому в основном обращается говорящий. Адресат становится центральным объектом коммуникативного воздействия говорящего, самым важным собеседником в данной ситуации.

Слушатели или аудитория. В конкретной ситуации социального взаимодействия это те ее участники, которые присутствуют или вовлекаются в диалог коммуникатора и адресата. Аудитория может быть пассивной, т.е. не исполнять роль третьего собеседника. Тогда ее функции сводятся к неспециальному, спонтанному выражению одобрения, недовольства, интереса или безразличия к сообщениям говорящего. Но она может быть и активной, т.е. сама ситуация предписывает ее членам вносить свой информационный вклад в коммуникативный процесс, занимать определенную позицию в нем, влиять на его структуру.

Эти три позиции обозначают участников коммуникации, культурные характеристики которых — социальные позиции, статусы, роли, идентичности, индивидуальные особенности, коммуникативная компетентность — обуславливают вариативность процессов информационного обмена в стандартных социокультурных ситуациях. Его содержание можно описать набором следующих переменных.

Цели коммуникации. Эти цели имеют двойную природу. Во-первых, в каждой культурно установленной ситуации действия коммуникатора побуждаются необходимостью выполнять определенную функцию, соответствующую ситуации. В этом случае целью становится достижение (или вклад в достижение) определенного предусмотренного результата (передать определенные знания и навыки в ситуации обучения, мобилизовать к принятию определенной ценностной позиции в ситуации митинга, выработать определенное решение в ситуации совещания и т.п.). Она организует содержательные элементы ситуации в интегрированный процесс. Во-вторых, в каждой такой ситуации ее участники преследуют также и какие-то свои цели. Поэтому они используют информацию таким образом, чтобы найти компромисс между функциональной ролью и индивидуальными интересами. Поиски подобных сочетаний обуславливают изменчивость содержания коммуникативных процессов.

Формы сообщений. Целями обмена информацией обуславливаются формы сообщений, выявление которых позволяет определить не только то, что говорится, но и как это говорится. Помимо оценки коммуникативной компетентности участников, выявляются используемые дискурсивные практики. Эффективность их применения оценивается по ряду основных параметров: соответствие речевым культурным нормам, характерным для ситуации; вклад в реализацию функций, предусмотренных ею; успешность в преследовании индивидуальных интересов ее участников.

Содержание сообщения. В этом случае выявляется культурная тема, вокруг которой в данной ситуации организуется коммуникативный процесс, и пределы ее варьирования в рамках этого процесса (различные точки зрения, оценки, повороты, отступления). Значимыми критериями адекватности содержания сообщения можно считать его информативность, т.е. соответствие избранного кода максимально четкому выражению передаваемых представлений, и эффективность воздействия, т.е. убедительность высказываемых суждений для собеседников.

Обстановка коммуникации. Речь идет о месте, времени коммуникативного процесса, о внешнем окружении, среде, в которой он реализуется (природное окружение или помещение, тип и качество интерьера), о физических параметрах этой среды (освещение, температура, влажность, чистота воздуха, уровень шума и т.п.).

Сцена речевого акта. Значение этой переменной определяется местом, которое речевой акт занимает в коммуникативном процессе: в его начале или конце; в удачный или неудачный для говорящего момент; по теме, ее вариации или не по теме; с высказыванием общего или особого мнения и т.п.

«Ключ» коммуникативного процесса. Эту переменную характеризуют экспрессивная окраска, тональность коммуникативных процессов и их отдельных эпизодов. Ключ считается ее интегральным показателем, объединяющим элементы таких параметров, как сцена, код, жанр, участник. С некоторыми социокультурными ситуациями он ассоциируется однозначно, например, неизменная церемониальность оглашения приговора в суде, приведения к присяге, похорон и т.п. Для других он оказывается переменным, например, неформальная беседа может быть шутливой, серьезной, задушевной и т.п. Ключ коммуникативного процесса позволяет различать ситуации взаимодействия по функциональной направленности, если они разнородны, и по вариативности экспрессивной окраски, если они однотипны.

5.6. Стиль речи (или вербальной коммуникации)

В качестве демонстративной особенности коммуникации, речевой стиль считается важным показателем культурных различий и динамики. Его составляют такие признаки, как стереотипы применения семантических прагматических схем (например, вежливость, насмешки, стремление устыдить, обидеть, языковые поправки, подчеркивание статусной принадлежности); количество собеседников (например, диада, триада, многосторонняя беседа); их социальные связи (например, покровители, равные, посторонние); обстоятельства (например, приватная или публичная, формальная или неформальная обстановка); характер повторяющихся стереотипных эпизодов (например, их количество, продолжительность, частота).

Стилистическая модальность речи относится к ее тональной окраске, насыщенности определенными чувствами, что обусловлено этосом культурной системы, т.е. специфичными для нее формами репрезентации, образцами поведения, моральным и эстетическим содержанием. Это ме-

тасообщение, определяющее семантический контекст, в котором следует принимать и интерпретировать вербальное высказывание. Он несет в себе колористику сообщения и проявляется через оттенки выразительности, в том числе, невербальной, через последовательность разработок темы в коммуникативном процессе.

Прямой и непрямой речевые стили. В этом случае выявляется, до какой степени открыто говорящие выражают свои намерения. Прямой речевой стиль относится к вербальным сообщениям, которые воплощают и представляют в коммуникативном процессе истинные желания, потребности, устремления говорящих. При непрямом стиле подлинные интенции скрываются или камуфлируются.

Выразительность стиля. Это измерение относится к качеству речи и включает в себя три возможных варианта. Развитый стиль характеризует культуры с богатым, экспрессивным обыденным языком. Точный стиль означает, что информационные вклады собеседников должны быть ни больше ни меньше, чем это предусмотрено характером ситуации. Скупой стиль включает в повседневную речь использование недоговоренностей, пауз, молчания.

Инструментальный и экспрессивный (аффективный) стили. Их принято различать, и они достаточно подробно описаны в соответствующей литературе.

Инструментальный речевой стиль предполагает ориентацию на говорящего (коммуникатора), на цель взаимодействия, опирается на уровень точных знаков, способствующих достижению желаемого результата. В отличие от него аффективный обращен к слушающему (реципиенту), направлен на поддержание отношений и базируется на аналогиях, чтобы достичь определенности и одобрения партнера.

Пользующиеся инструментальным стилем стараются утвердить свою позицию и через высказывания сделать ее понятной. Они стремятся достичь убедительности с помощью последовательного, шаг за шагом разворачивания аргументации, независимо от прития их слушателями.

Аффективный стиль принято характеризовать следующими чертами:

— человек должен быть в своей речи осторожным, чтобы снизить вероятность рискованного положения для себя и собеседника. Это предполагает постоянное размывание значений, т.е. неточности и уклонение от прямых высказываний;

— подразумевается постоянная проблема интерпретаций, проверок, проб, разгадываний и расследований, проводимых, однако, косвенным образом;

— истинная ценность индивида, и таким образом надежность его слов определяется тем, что он делает, а не что говорит;

— информация поступает не дискретными порциями, но в виде переплетающихся сигналов, подвижных связей между собеседниками, в контексте которых содержательные эпизоды нельзя вычленить из постоянного имплицитного изменения значений. Смысл высказываний отыскивается в речевом потоке, обмене намеками, выделении расплывчатых зон согласий, соотношений.

Стиль коммуникатора. Люди воспринимают не только содержание вербальных и невербальных сигналов, но и способ их передачи. Поэтому стиль коммуникатора выполняет важную функцию при интерпретации сообщений и в значительной степени определяет характер обмена информацией. Будучи представленным в вербальной и экстралингвистической формах он «указывает», как следует принимать, интерпретировать, фильтровать и понимать «буквальные значения» того, что говорится.

Концепция стиля коммуникатора, согласно Нортону, включает десять типичных способов обращения к другим в процессе коммуникации: (1) доминантный — стратегии, умаляющие роль других; (2) драматичный — преувеличение или «эмоциональный накал»; (3) соперничающий — негативные аспекты взаимодействия вызывают агрессивность, стремление спорить; (4) расслабленный — демонстрация спокойного, собранного, не тревожного состояния; (5) производящий впечатление — желание коммуникатора остаться в памяти тех, с кем он взаимодействует; (6) оживленный — частое и интенсивное использование таких поведенческих приемов, как контакт взглядов, телодвижения и т.п.; (7) точный — стремление к ясности и доказательности высказываний; (8) внимательный — культурные проявления сензитивности, такие, как слушание, выражение интереса к тому, что говорят другие; (9) дружественный — тенденция подбадривать других, признавать их вклад во взаимодействие; (10) открытый — тенденция прямо выражать мнения, чувства и проявлять личностные особенности. Из такого рода признаков складывается и выводится образ и общая оценка индивидуального стиля коммуникатора.

Предполагается, что формирование стиля коммуникатора происходит под влиянием двух типов ожиданий: культурного и индивидуально-специфического (идиосинкратичного). Первые обусловлены принятыми нормами или общими тенденциями, определяющими стиль коммуникации в данной ситуации; вторые относятся к индивидуальным предпочтениям способов передачи сообщений.

5.7. Невербальные аспекты социокультурной коммуникации

Понятием коммуникации принято обозначать не только дискурсивные практики, но и невербальные проявления, которые рассматриваются как важные регуляторы взаимодействия. Экстралингвистический контекст составляет фон для кодирования и декодирования того, что говорится. Речевые сообщения разворачиваются в контролируемом контексте драматичных или сдержанных движений, оживленной или скупой мимики, близкого или дистантного проксемического (пространственного) взаимодействия, краткосрочных или длительных контактов.

Невербальная коммуникация определяется как процесс симультанной (одновременной) многомодальной, многоуровневой передачи и интерпретации сообщений. Ее культурный аспект определяется через нормативные рамки, в которых ожидания относительно подходящих или компетентных

невербальных проявлений поведения конвенционально определены и проинтерпретированы в каждом речевом сообществе.

Несходство таких проявлений наблюдается не только в различных культурах. Существует их значительная внутрикультурная вариабельность, зависящая от неоднородности групповых и ситуативных норм. Они обуславливаются такими факторами, как пол, возраст, социокультурный статус, этническая принадлежность, а также функциональными характеристиками взаимодействия, средовыми ограничениями. В свое время еще Курт Левин (1936) отмечал, что поведение определяется характеристиками как взаимодействующих индивидов, так и окружения, в котором они находятся.

В то время как вербальная коммуникация связана с достаточно четкими сигналами, невербальная представляет собой многослойный, разнородный, многомерный аналоговый процесс. Например, использование пространства взаимодействия может сигнализировать о неравенстве позиций и индивидуальной приватности, в то время как жесты и выражение лица указывают на открытость и доступность, направленные на минимизацию различий в статусах и дистанции в отношениях.

Межличностная дистанция в процессе коммуникации. Межличностная дистанция выполняет в ситуациях социального взаимодействия важную организующую функцию, указывая на степень их официальности, формальности. Она определяется взаимосвязью измерений индивидуальности — коллективности и доступности — недоступности и контролируется механизмами регулирования приватности, проксемики и аптики (тактильных контактов).

Регулирование приватности определяется как селективный контроль индивида или группы над своей доступностью для других. Оно достигается физическими средствами (например, закрытые двери, звуконепроходимые стены и окна, изгороди из кустарников и заборы и т.п.) и через поведение (жесты, выражение лица и т.п., указывающие на дистанцию).

Проксемика означает использование межличностного пространства или дистанции при регулировании индивидами степени близости, интимности отношений за счет контролирования эмоциональных проявлений. Она выражает также утверждение личностной территории, заключающееся в присвоении или маркировании места или объекта, и демонстрировании права собственности на них. Этот феномен обнаруживается во всех человеческих сообществах. В то же время восприятие простора и скученности, отношение к нарушению или соблюдению границ персонального и группового пространства варьируются от культуры к культуре. Ключевой переменной здесь скорее всего является степень стремления к контактам и выражению чувств. Как показывают исследования, там, где доминируют ориентации на индивидуализм, отчужденность, сдержанность, люди стараются соблюдать между собой значительную дистанцию. Тогда как в культурах и ситуациях, где преобладают коллективизм и открытое проявление эмоций, они стремятся быть ближе по отношению друг к другу.

Аптика, или тактильные контакты (прикосновения), тесно связаны с контролированием измерения «интимность — формальность» физической и психологической дистанции между людьми в процессах коммуника-

ции. В культурах, где тактильные контакты приняты, распространены взаимные соприкосновения, пространственная близость, люди располагаются лицом к лицу, смотрят друг другу в глаза, амплитуда их эмоциональных проявлений велика. Все это свидетельствует о предпочтении неформальных отношений. Там же, где аптика сведена к минимуму, т.е. прикосновения редки, пространственные дистанции между участниками коммуникации значительны, где эмоции подавляются, мера интимности оказывается незначительной.

Стили невербального поведения. Как свидетельствуют результаты сравнительно-культурных исследований, характер коммуникации существенным образом определяется оппозицией индивидуального и коммуналного типов идентичности. Их соотношение проявляется в пространственной организации жизненной среды во всех культурах, но от одной к другой различается по степени тяготения к какому-либо из полюсов. Первый пространственно воплощается в отграничениях, выделении личностного пространства, монокронности. Второй — в интеграции, коллективном пространстве и полихронном времяпрепровождении. Следовательно, эта дихотомия отражает степень уникальности и индивидуализованности человека по отношению к социокультурной ситуации, в которую он включен.

Другая оппозиция, «доступность — недоступность», обозначает меру открытости участников ситуации по отношению друг к другу. Если континуум индивидуальности — коммуналности указывает на использование контекста (окружение, пространство, время) в целях утверждения индивидуальной или групповой идентичности, то шкала «доступность — недоступность» измеряет степень открытости в использовании специфичных невербальных стереотипов поведения, регулирующих социальную дистанцию, таких как качество и демонстративность оценок происходящего, утверждение личностного статуса, проявление активности, интенсивность реакции на коммуникативные события.

При объединении всех показателей были построены следующие идеальные модели стилей невербального поведения:

- уникальный открытый, где экстралингвистика регулирует индивидуальную приватность с использованием экспрессивных жестов, подчеркивающих оценки, статус и готовность к реакциям;
- уникальный неявный, где она служит средством охраны индивидуальной приватности при одновременном использовании неоднозначных жестов и движений, выражающих отношение к партнерам и дистанцию позиций;
- групповой открытый, где невербальное поведение помогает утверждению групповых норм и публичного лица с использованием экспрессивных жестов, относящихся к оценкам, статусу, готовности к реакциям;
- групповой неявный, где оно поддерживает групповые нормы и публичное лицо с подспудным невербальным выражением отношения к процессу и дистанции позиций.

Объекты обмена в процессах коммуникации. Наконец, изучение универсальных измерений поведения в ситуациях социального взаимодей-

ствия связано с концепцией обмена. Здесь выделяется шкала из шести типов предметов обмена: любовь, услуги, блага, деньги, информация, статус. В каждой культурной ситуации они имеют свой ценностный порядок. Эти ресурсы варьируются по двум измерениям: шкала партикулятизма — значимость идентичности индивида (дающего и получающего) в ситуациях обмена; шкала конкретности — степень, в какой каждый из ресурсов имеет истинную или символическую цену. Чем ближе ресурсы друг к другу на шкале ценностей, тем более они воспринимаются как сходные и тем большее удовлетворение испытывается при обмене ими. Культурные различия показателей этих универсалий определяются действием других переменных, таких как сложность — простота, официальность — интимность, устойчивость — неустойчивость ситуации социального взаимодействия.

Из сказанного становится очевидным, что в этих терминах коммуникационные процессы в типичных ситуациях социального взаимодействия описываются как системы. Иными словами, культурная стереотипизированность, конвенциональность обмена информацией определяется стандартными формами совместной активности, а композиция названных выше переменных обуславливает их представленность, специальную обозначенность. Сопоставление аналогичных ситуаций в различных культурах и группах позволяет выявить не только специфичные для каждой из них соотношения компонент коммуникации, но и объяснить или хотя бы теоретически проинтерпретировать истоки и характер этих различий. В результате становится возможным анализ того, как функциональное действие и (или) представление в ходе изменений систем социального взаимодействия становятся фактами культуры.

Подчеркивая еще раз значимость коммуникативного аспекта социального взаимодействия, хотелось бы также отметить его функцию в формировании культурных порядков, которые, как уже было показано, являются intersubъективными, искусственными и условными.

Важно запомнить!

Здесь уместно привести высказывание Б. Уорфа, принимая во внимание то, что его можно отнести ко всем языкам культуры. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскоп, поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение и закрепляется в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы — участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением»¹.

¹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 5.

5.8. Концепция коммуникации в изучении динамики культуры

Обобщая все сказанное выше, следует еще раз подчеркнуть значимость изучения процессов коммуникации как динамической социокультурной среды порождения, существования и изменения символических структур. Речь идет об организации порядков взаимодействия между людьми, их объединения для выполнения конкретных функций или решения определенных задач с помощью связей, образующих каналы распространения информации, которой люди находят целесообразным обмениваться, и о построении соответствующей социокультурной единицы анализа — коммуникативной ситуации. Она предназначена для динамического анализа культуры в символической, знаковой, смысловой представленности и определяет характер совместной активности людей. От того, насколько эффективно организованы соответствующие процессы, зависят скорость действия и качество функциональных единиц, структурирующих совместное целодостижение, а также отчетливость и информативность используемых здесь символов (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Организация коммуникативной ситуации

Компоненты вербальной коммуникации	Функциональное значение компонент в структуре вербальной коммуникации
Коммуникативный код	Система трансформационных механизмов, придающих словам и высказываниям значение, соответствующее определенным специализированным областям социокультурного пространства (например, право, наука, искусство) или типовым ситуациям социального взаимодействия (например, ритуал, церемония, официальная встреча)
Нормы коммуникации	Конвенционально установленные требования и границы обмена сообщениями между участниками коммуникации в определенных социокультурных ситуациях
Речевые жанры	Определенная устойчивая выразительная форма, структурирующая речевой материал и предполагающая особые формы символизации
Формы речи	Особенности организации и знакового выражения информации в рамках определенного языка или диалекта, представленные как функциональные варианты речи (например, литературный язык, просторечие, сленг)
Нормы интерпретации	Конвенциональные представления о ситуативно ограниченных связях между означаемым и означающим, о сказанном и подразумеваемом
Каналы передачи информации	Средства трансляции информации в процессах коммуникации, предполагающие либо прямой обмен репликами, либо использование технического медиатора (телефон, теле- и радиоканалы, интернет)

В процессах взаимодействия и коммуникации происходят порождения и апробации новых функциональных и символических единиц — комбинаций целенаправленных действий и знаков, — которые люди предъявляют друг другу, демонстрируя их эффективность. Участники таких обменов конвенционально решают, продолжать использовать эти образования в качестве установленных или же отказаться от них.

Таким образом, коммуникативные процессы, их организация составляют существенную основу формирования, поддержания и изменения культурных объектов (артефактов): физических вещей, идей и образов, технологий, нормативных и ценностных образований. Изучать их существование возможно только в процессах социального взаимодействия и коммуникации, где обнаруживается, что делают люди с ними, почему поддерживают, за что ценят и т.п. Благодаря этому можно понять природу культурных ценностей, механизм традиции, критерии отбора так называемого культурного наследия. Короче говоря, артефакты нельзя рассматривать сами по себе; вне процессов интеракции они перестают быть культурными объектами.

Обращение к этой предметной области позволяет решать широкий круг задач, связанных с исследованием динамики культуры. Прежде всего, следует отметить значимость выявления и классификации структур информационного обмена применительно к типам ситуаций социального взаимодействия (например, ситуации труда, обучения, рекреации, ритуальных действий и т.п.), каждый из которых, как известно, предполагает свой коммуникативный порядок и свой символический язык (код). Причем эти параметры в их содержательном и выразительном аспекте отнюдь не универсальны, но имеют этническую, субкультурную, групповую специфику. Соответственно существует возможность выявить характерные для них единицы способы и средства коммуникации. Это позволит осуществлять их сравнение, а также наглядно представлять и интерпретировать различия и сходства в типичных случаях.

Далее, анализ интерактивных процессов в проблемных ситуациях обеспечивает возможность проследить процессы формирования культурных изменений, а также выявить обуславливающие их факторы и механизмы. Известно, что в таких ситуациях циркуляция сообщений интенсифицируется. Люди охотно делятся соображениями об определении проблемы, о возможных путях и способах ее решения. Так образуется поле формирования и отбора определенных культурных образцов, конфигураций, форм. Понимание механизмов порождения и начального становления таких образований для изучения динамики культуры имеет ключевое значение.

Кроме того, рассмотрение «судьбы» такого рода артефактов в коммуникативном контексте проблемных ситуаций открывает широкие перспективы для исследования генезиса культурных ценностей и норм, привычек без необходимости апелляции к историческим прецедентам. Именно в процессах обмена информацией люди шкалируют однородные образцы решения проблемы, придавая им таким образом статус ценностей, а из ценностей отбирают социально обязательные, наделяя их нормативными функциями. Соответственно обнаруживаются механизмы того, что принято называть конвенционализмом.

Наконец, значительные эвристические возможности открываются при разведении понятий «межличностная» и «межгрупповая» коммуникация. В этом случае высвечивается такая тема, как влияние личностных характеристик на формы, структуры, содержание обмена информацией при взаимодействии членов одной и той же группы, представителей различных субкультур одной культуры, носителей различных культур. Рассмотрение этой темы применительно к типичным ситуациям социального взаимодействия позволит выявить информационные факторы, способствующие и препятствующие его эффективной реализации.

Из сказанного становится совершенно очевидным, что исследование динамики культуры, культурных изменений следует осуществлять в совокупности с анализом контекста социального взаимодействия (функциональный уровень культуры) и коммуникации (символический уровень культуры).

Выводы

1. Изучение того, каким образом индивиды приобретают культурную компетентность, т.е. навыки функциональных действий и оперирования символами в рамках существующих институциональных порядков, и как происходит обмен информацией в процессах социального взаимодействия, осуществляется в рамках психологической антропологии, той ее ветви, которая носит название социальной и культурной коммуникации.

2. Коммуникативные процессы занимают в социокультурной жизни ключевое место. Именно в ходе социального взаимодействия и сопровождающего его информационного обмена порождаются разделяемые представления и их символические объективации. Это среда для поддержания и трансляции общего культурного опыта, но это также поле для индивидуального и группового экспериментирования с артефактами, область порождения и распространения функциональных и символических изменений. Коммуникативные процессы характеризуются как средовыми, так и личностными детерминантами.

В отношении личностных детерминант социокультурной коммуникации выделяются такие значимые составляющие представлений о личности как «я-концепция», личностная идентичность, лицо, социальная идентичность, социальные стереотипы.

Внешние детерминанты коммуникативных процессов рассматриваются в связи с необходимостью снижения уровня неопределенности ситуации. Здесь выделяются такие факторы, организующие обмен информацией и определение ситуации, как нормы и правила информационного обмена, коммуникативные сети, представления о времени.

3. Изучение речевого поведения в структуре социокультурной коммуникации и его связи с социальным взаимодействием позволяет проследить формирование дискурсов. Соответствие дискурсивных практик стандартным ситуациям взаимодействия определяется понятием «лингвистическая компетенция», которое определяется четырьмя основными параметрами. Во-первых, правильность, т.е. способность порождать предложения со-

гласно грамматическим правилам. Во-вторых, реализуемость, характеризующая смысловую глубину грамматически правильных высказываний. В-третьих, преемственность, или соответствие высказывания конкретной ситуации социального взаимодействия. В-четвертых, встречаемость, означающая частоту употребления языковой единицы.

4. Ситуации социального взаимодействия характеризуются определенными структурными компонентами построения дискурса. К ним относятся: коммуникативный код, норма взаимодействия, речевые жанры и формы, нормы интерпретации, каналы передачи информации, стороны коммуникации, цели, формы, содержание сообщений, обстановка коммуникации, смена речевого акта, «ключ» коммуникативного процесса.

8. Динамические характеристики обмена информацией в ситуациях социального взаимодействия определяются вариациями стилей вербальной и невербальной коммуникации. Вербальный стиль представляет собой мегаобщение, определяющее контекст, в котором следует принимать и интерпретировать высказывания, несет в себе его тональную окраску и проявляется через оттенки выразительности, последовательность разработок темы в дискурсивном процессе. Невербальный стиль определяет фон для кодирования и декодирования того, что говорится. Вербальные сообщения разворачиваются в нормативных рамках, устанавливающих в каждой культуре ожидания дистантных отношений, мимики, жестикуляции, соответствующих стандартным социально значимым обстоятельствам.

9. Это направление анализа позволяет выявить динамику процессов, благодаря которым в коммуникативном контексте функциональное действие или представление, выраженное в символической форме, становится фактом культуры.

Контрольные вопросы

1. Для чего при изучении культуры необходимо рассматривать область знаков и символов?
2. Какие внутринаучные факторы способствовали формированию структурализма как направления изучения культуры?
3. Как менялись структуралистские идеи на протяжении XX в.?
4. В чем заключаются различия и сходство между структурализмом и постструктурализмом?
5. Какова теоретическая антропологическая схема трансформации внутренних стимулов и внешних воздействий во внутренние концепты, или представления?
6. Какова теоретическая антропологическая схема трансформации представлений в знаки и символы?
7. Как определяется понятие знака и как используется это понятие при изучении культуры?
8. Как в рамках структурализма трактуются происхождение связей между означаемым и означающим и каковы формы этих связей?
9. Как можно проверить надежность связи между означаемым и означающим?
10. Что такое символические объекты, и каковы их функции в упорядочении и динамике культурных процессов?
11. Какое культурное значение придается мифу в рамках структурализма?
12. Какую роль выполняет концепция бинарных оппозиций при рассмотрении символической репрезентации отношений человека с окружением?

13. На каких теоретических основаниях строится концепция языков культуры и какова ее познавательная значимость?
14. Как происходит построение высказывания?
15. Каковы функции экстралингвистических языков культуры?
16. Каким образом в рамках структурализма трактуется пространственный порядок?
17. Что такое письмо в постструктуралистской трактовке?
18. Как используются лингвистические и экстралингвистические средства в процессах культурной коммуникации?
19. Почему при изучении культурной динамики важно обращаться к понятию пространственных порядков в обществе и культуре?
20. Каковы средства упорядочения письменного уровня культуры?
21. В каких исследовательских ситуациях уместно обращаться к структуралистскому анализу?

Глава 6

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Процессы освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекция рассматриваются в той ветви психологической антропологии, которая связана с изучением корреляции между психическими и социокультурными закономерностями, и носит специальное название «культура и личность». Истоки этого направления прослеживаются в этнопсихологии, начавшей формироваться в Европе со второй половины XIX в. Этому периоду исследовательское направление обязано такими понятиями, как «национальный характер», «национальная психология», «модальная личность», «базовая структура личности» и обозначением «эthropсихология». В его развитие значительный вклад внесли такие мыслители, как Г. Тард, В. Вундт и др.

В США значимость психологии в изучении культуры одним из первых утверждал Ф. Боас, переносивший европейский опыт на американскую научную почву. Значительное влияние на формирование направления оказали психоаналитические концепции как З. Фрейда, так и постфрейдистов — К. Юнга, К. Хорни, Э. Фромма, а также А. Маслоу. В его концептуальный состав вошли идеи бихевиоризма, гештальтизма. Его философские начала тесно связаны с именами В. Дильтея, О. Шпенглера, Ф. Ницше.

Первоначально (конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.) направление «культура и личность» было связано с изучением процессов освоения культуры человеком. В этот период были созданы классические модели М. Мид, Р. Бенедикт, А. Кардинера и др., и осуществлялась активная разработка таких понятий и категорий, как «личность», «социализация», «инкультурация», «стереотипные культурные формы, культурные образцы, конфигурации» («культурные паттерны») и т.п. Определились и основные фокусы исследовательского интереса: социализация, инкультурация ребенка и ее последствия во взрослой жизни. Им соответствовали темы культурной обусловленности базовой структуры личности («национального характера», «модальной личности»), психических отклонений и заболеваний, значения раннего опыта детства для формирования личности, исследуемые на протяжении 30—40-х гг. XX в.

Основной задачей, решаемой в этих рамках, стало изучение жизненного пути, судьбы индивида в специфичном социокультурном окружении. Считается, что таким образом открывается возможность понять явления культуры на уровне представлений, чувств и действий людей. Особое значение придается тщательному отделению индивидуально специфичных от социально типичных черт и проявлений личности.

Дж. Хонигман, обобщая сложившиеся за первую половину XX в. результаты исследований на эту тему, связывал их со стандартизированными моделями действия, мышления, чувствования, характерными для членов устойчивой группы людей¹. Для изучения психической базы, обуславливающей влияние культурного окружения на формирование личности, на ее поведение и душевное здоровье и обратные процессы, использовались понятия и теории, характерные для психологии (включая психиатрию). Исследования «национального характера» привели к уточнению понятия за счет концепций «базовой» и «модальной» личности, которые означали устойчивую совокупность черт, характерную для большинства членов общества и сложившуюся под влиянием сходных моделей социализации и условий существования. Например, А. Кардинер относил к базовым личностным чертам технику мышления; чувства, обеспечивающие конформность к ожиданиям и требованиям других; отношение к трансцендентному, сверхъестественному². Однако эти идеи, составлявшие центральную тематику исследований и дискуссий в 30—40-х гг. XX в., постепенно сходили на нет и сегодня не играют заметной познавательной роли. Тогда как антропология детства, нормы и патологии продолжают оставаться темами изучения.

К этому времени складывается представление о личности как о совокупностях культурно детерминированных черт как психических — способы восприятия, мышления, переживания, представления о реальности — так и связанных с активностью — дискурсивные практики, навыки деятельности и поведения, различного рода культурные формулы и символы. Такие устойчивые образования обозначаются понятием «культурные паттерны». Именно они рассматриваются как «объекты» освоения в ходе инкультурации и как регуляторы информационного обмена в процессах коммуникации. Большое внимание исследователи уделяют эмоциональной сфере индивида, детерминирующей понимание и мотивы поведения, относящиеся к ситуации, в которой он находится (Дж. Хонигман, С. Эш, Г. Марри и др.). В своем «операциональном», «инструментальном» значении область переживаний социализуется, т.е. люди научаются структурировать свои чувствования и их внешние проявления в соответствии с культурно установленными формами.

После Второй мировой войны происходит сдвиг в сторону обобщения эмпирического материала, полученного в предыдущие годы, рефлексии к основаниям теоретических и методологических построений. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. появляется целый ряд работ, среди которых следует выделить монографию Дж. Хонигмана «Культура и личность» (1954), где область исследования представлена в обобщенном систематизированном виде, как особая социальнонаучная ориентация.

К началу 1960-х гг. она претерпевает внутреннее структурное переопределение. Активизируется обсуждение исходных допущений и познавательных принципов с выделением уже определившейся специфики изучения человеческой реальности и ее проблемных областей. Выход в свет работы под редакцией Ф. Хью, озаглавленной «Психологическая антропология»,

¹ Honigman Y. Y. Culture and Personality. N. Y., 1954. P. 171.

² Kardiner T. The Individual and His Society. N. Y., 1945. P. 132.

стал стимулом дать это имя всему направлению. В этих рамках определилась специфика темы «культура и личность». В общем виде ее можно определить следующим образом: «С тех пор как подтвердилась гипотеза о том, что социокультурная вариабельность осуществляется через процессы функционирования и развития отдельных личностей, в рамках психологической антропологии настало время принять в качестве фундаментального положение, что функционирование и база культур и социальных систем зависят от степени освоенности их представителями характерных для них ценностей»¹.

6.1. Тема «культура и личность»: основные направления исследования

За период 1960—1980-х гг. структура этой области социальнонаучного знания существенно усложнилась. Она включает в себя несколько общетеоретических ориентаций — психоаналитическую, бихевиористскую, когнитивистскую — и совокупностей соответствующих направлений, различающихся по способам и результатам исследований. В отношении предмета можно выделить акценты на изучении врожденных или приобретенных свойств человека, детерминирующих его отношения с окружением, исследование детства и «примитивных» сообществ с целью понять филогенез человека или же его «естественное» состояние. (В последнем случае считается, что в отличие от взрослых людей или развитых сложных обществ, исследователь имеет дело не со столь резкими контрастами между «природным» и «культурным», врожденным и заученным).

Такая теоретическая позиция базируется на ряде исходных допущений. Во-первых, начиная с Г. Спенсера через К. Леви-Стросса в рамках культурной антропологии, в том числе в ее психологической ветви, утвердилось противопоставление индивидуального организма обществу, природных свойств человека культурным. Соответственно правомерным считается вопрос о том, каков же человек вне общества и культуры. Во-вторых, биологические характеристики человека полагаются стабильными настолько, что их можно рассматривать как инвариантные по сравнению с изменениями социальных структур и культурных образований. Это позволяет строить объяснения генезиса и существования социокультурных феноменов с помощью процедуры антропологической редукции. В-третьих, существует исходное допущение, которое, пользуясь словами К. Лоренца, можно выразить так: «Человек отнюдь не плох от рождения, но он не отвечает требованиям им же созданного общества»². Из этого делается вывод, что изучение процессов социализации, инкультурации людей позволит понять механизмы их перехода из «примитивного» в «цивилизованное» состояние, а также увидеть соотношение врожденных и приобретенных, биологических и культурных детерминант в порождении культурных феноменов и в формировании личности.

¹ *Spiro M.* An overview and a suggested reorientation // *Psychological Anthropology* / T. J. K. Hsu (ed.). Cambridge (Mass.), 1972. P. 583.

² *Лоренц К.* Человек находит друга. М., 1977. С. 152.

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что общие психобиологические человеческие свойства, антропологические универсалии, равно как и врожденные особенности оказывают существенное, но не абсолютное влияние на формирование личности. Эти факторы следует рассматривать как его основу, исходные предпосылки, чрезвычайно пластичные с точки зрения порождения интрасубъективных (внутриличностных), интерсубъективных (межличностных), разделяемых культурных форм, многообразие которых наблюдается в любой культуре.

Возможности взаимодействия и коммуникации представителей различных культур, социокультурных групп, незнакомых друг с другом индивидов, понимания культурных текстов прошлого указывают на возможности изучения антропологических универсалий, обеспечивающих взаимность. В то же время встает вопрос о построении шкалы перехода от общечеловеческих свойств через типологические характеристики, присущие определенным группам людей, к индивидуальным личностным чертам. Соответственно определяется область исследования, где рассматривается соотношение биологических и культурных, эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних), индивидуальных и антропологически универсальных факторов в формировании человека как «субъекта» культуры и личности как культурно сформированного индивида.

Разработка этой темы ведется в двух основных направлениях. С одной стороны, акцент помещается на уникальных чертах личности и индивидуального поведения. Демонстрируется, что в одних и тех же ситуациях разные люди ведут себя неодинаково и отыскиваются причины и факторы, определяющие такое несходство. Соответственно динамика и многообразие культурных явлений интерпретируется через разнообразие личностных типов, черт, особенностей. С другой стороны, предметом интереса становятся антропологические универсалии, т.е. свойства, присущие человеку как виду. В этом случае разнообразие внешних культурных проявлений считается сводимым к ним, к базирующемуся на них конечному, относительно немногочисленному набору исходных структур или форм. Динамика и многообразие культурных феноменов интерпретируются как вариации таких прототипов, возникающие в результате различий жизненных условий людей.

В обоих случаях результаты исследований показывают, что в культуре существуют стандартные ситуации, характеризующиеся тем, что они одинаково определяются членами общества, что вне зависимости от индивидуальных предпочтений люди ведут себя в них одинаково. В то же время есть свидетельства и того, что они разрушают, заменяют, забывают культурные образования нормативного, ценностного, т.е. массово разделяемого характера, которые ранее считались непреложными, «природными».

Важно запомнить!

Сегодня направление «культура и личность» сконцентрировано на сравнительно-культурных исследованиях соотношений:

— социально-структурных, а также ценностных устойчивых элементов культуры и стереотипных, модальных образцов социализации, особенно первичной (детский опыт);

- культурных стереотипов социализации с характеристиками модальной, базовой структуры личности, проявляемыми в поведении, в социальном взаимодействии;
 - базовых черт личности с реализацией социально необходимых функций, с содержанием социокультурных ролей, с прожективными аспектами культуры;
 - базовых черт личности и культурных образцов с отклонениями поведения от социально приемлемых норм (в любой их трактовке) и психическими нарушениями.
-

6.2. Формирование личности: общие представления о социализации и инкультурации

Одну из основных тем психологической антропологии составляет процесс формирования личности, становления ее важнейших черт, который считается базирующимся на детском опыте. Некоторые исследователи порой заходят столь далеко, что пытаются на этой основе делать далеко идущие выводы о становлении свойств и способностей человека как вида.

Роль детского опыта в формировании личности. К настоящему времени собран обширный сравнительно-культурный материал о телесной социализации ребенка — длительность и регулярность кормления, купания, способ пеленания, гигиенические навыки и т.п. Полученные результаты дают основания для установления функциональных зависимостей черт характера от физических стереотипных воздействий в раннем детстве. И уже стало общим местом представление о том, что более репрессивное физическое воспитание ведет к формированию менее самостоятельной личности. На основании имеющихся эмпирических данных некоторые исследователи делают вывод, что культурно стереотипные формы, осваиваемые в жизни впервые, навязываемые ребенку при удовлетворении его потребностей без возможного выбора, оставляют след на всю жизнь.

В классическом психоанализе, например, детский опыт рассматривался как фундаментальная основа формирования личности и индивидуального образа жизни на протяжении всего жизненного цикла. Более того, он считался прототипичным для филогенеза если не человека в его видовой определенности, то культуры. Об этом свидетельствуют психоаналитическая трактовка таких мифологических тем, как судьба Эдипа или Электры, а также отношений главы семейного клана с его мужскими отпрысками. Высокая степень зависимости культурных феноменов от типичных ситуаций детства до сих пор обуславливает значимость изучения формирования личности ребенка в контексте «первичных», семейных отношений (мать, отец, братья, сестры).

Изучение детского опыта закладывает основания для анализа процессов социализации и инкультурации вообще. Поэтому далее речь пойдет только об исследованиях этого рода, которые можно свести к двум базовым ориентациям. Во-первых, изучение влияния специфичных для культуры или субкультуры образцов социализации и инкультурации на формиро-

вание личностных черт, разделяемых большинством членов сообщества. Во-вторых, установление связей между элементами раннего индивидуального опыта и характерными особенностями взрослого индивида. Благодаря этому расширяется круг возможностей при интерпретации и объяснении устойчивости и изменчивости внутрикультурных и межкультурных различий в поведении людей.

Согласно точке зрения, господствующей в психологической антропологии, личность как культурная форма индивида определяется следующими группами факторов: органические, биологические, врожденные поведенческие предпосылки; стереотипы активности и нормы групп, к которым он принадлежит; правила поведения, характерные для ролей, исполняемых им в различных социокультурных ситуациях. Следует подчеркнуть, что влияние этих факторов отнюдь не абсолютизируется; считается, что вещи и технологии, с которыми людям приходится иметь дело, оказывают не меньшее формирующее воздействие. Значимое влияние приписывается также случайным обстоятельствам.

Понятия «социализация» и «инкультурация». Процессы вхождения индивида в общество и культуру обозначаются понятиями «социализация» и «инкультурация», которые перекрываются по содержанию, поскольку оба означают освоение людьми элементов их социокультурного окружения: культурного пространства и времени, функциональных объектов, технологий деятельности, взаимодействия, коммуникации, символических структур, нормативных образований. Наличие таких близких по смыслу терминов обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что освоение биологически ненаследуемого опыта является предметом анализа и в социологии, и в социальной и культурной антропологии. Как уже говорилось ранее, между обеими науками существуют определенные расхождения в точках зрения на это явление: внимание к массовым процессам в социологии, к первичным группам и индивидам в психологической антропологии. По-видимому, так можно объяснить желание исследователей терминологически обозначить границы между предметными областями. Во-вторых, различием представлений о культуре в рамках самой социальной и культурной антропологии. Те, кто относит понятие «культура» ко всем животным и обозначает им биологически ненаследуемые последствия существования популяций в жизненной среде, склонны употреблять термины практически как синонимы. Те же, кто считает культуру исключительно свойством человека, предпочитают проводить терминологическое различие.

С этой точки зрения благодаря инкультурации индивид «осваивает традиционные способы мышления и действий, составляющие культуру и отличающие его общество от других человеческих групп». Этот сложный процесс начинается в раннем детстве приобретением навыков овладения своим телом и элементами непосредственной жизненной среды и продолжается всю жизнь. «Каждый человек проходит через процесс инкультурации..., поскольку без него не может существовать как член общества»¹. Понятие же «социализация» связывается с освоением социальных норм.

¹ *Herskovits M. Cultural Anthropology. N. Y., 1955. P. 326–327.*

Социализацию и инкультурацию принято разделять на две основных стадии: первичную, или детскую (обычно включая подростковый возраст) и вторичную, характерную для взрослых (включая процессы ресоциализации в психиатрических клиниках и пенитенциарных учреждениях). На первом этапе дети впервые осваивают самые общераспространенные, жизненно необходимые элементы своей культуры. Задача взрослых здесь — сформировать у нового поколения навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Задача детей — максимально полно овладеть «азбукой» культуры. Для этого в любой культуре существуют специальные приспособления, которые минимизируют степень риска при использовании детьми полученных знаний и навыков в их повседневной практике. Ярким и показательным примером такого рода может служить феномен игры. Ранний период характеризуется превалирующей ролью старших в отношениях, связанных с трансляцией культурного опыта, вплоть до использования механизмов принуждения ребенка к постоянному выполнению определенных стереотипных форм активности. Эта ступень социализации/инкультурации рассматривается как один из ключевых механизмов, обеспечивающих стабильность культуры.

Основные черты второй стадии обусловлены правом индивида на самостоятельность в пределах, установленных в данном обществе. Он начинает комбинировать полученные знания и навыки для преодоления жизненно важных затруднений: расширяются его возможности принимать решения, которые могут иметь значимые последствия для него и для других; он получает право участвовать во взаимодействиях, результатами которых могут быть культурные изменения. Причем во всех этих ситуациях, совершая действия, он сам должен контролировать степень индивидуального риска.

Таким образом, первый уровень социализации/инкультурации способствует сохранению стабильности культуры, поскольку трансляция старшим и воспроизведение новым поколением уже имеющихся культурных образцов контролируют беспрепятственное проникновение в совместную жизнь людей случайных и новых элементов. Второй уровень обеспечивает членам общества возможность принять на себя ответственность за экспериментирование в культуре, за внесение в нее изменений различного масштаба. Взаимодействие обоих типов процессов и обеспечивает нормальное функционирование личности и состояние культурной среды.

Социализация/инкультурация ребенка, предпосылка трансформации его во взрослую, способную к адекватному участию в социокультурной жизни личность составляют одну из центральных проблемных областей психологической антропологии. Этим определяется специфика теоретических оснований и предмета исследования по отношению к другим областям социальной и культурной антропологии. Речь идет об изучении процессов освоения ребенком знаний и навыков, необходимых для существования его в ближайшей среде, в социокультурной жизни, характерной для общества, к которому он принадлежит. Детский опыт формируется на первоначальной для каждого индивида стадии взаимодействия его врожденных предпосылок (свойств и потенциалов) с культурными образцами, нормами, правилами. Подобный опыт передается с помощью механизма традиции,

т.е. путем непосредственной межличностной трансляции (от старшего к младшему, от знающего и опытного к неподготовленному).

Важно запомнить!

Детство понимается главным образом не как самодостаточная стадия индивидуального существования, но как период культурного приготовления человека к полноценной жизни. Взрослым индивид считается в случае приобретения им определенной совокупности врожденных и приобретенных характеристик; как то:

- достижение необходимой степени зрелости организма, как правило, несколько превышающей наступившую способность к воспроизведению потомства;
- овладение навыками собственного жизнеобеспечения на уровнях домашнего хозяйства и общественного разделения труда;
- освоение достаточных культурных знаний и социального опыта через участие в различных социокультурных группах и знакомство с различными культурными кодами (наука, искусство, право, политика, религия);
- принадлежность к одной из социальных позиций системы стратификации, характерных для взрослых.

Обычно достижение такого состояния отмечается в любой культуре ритуалом инициации (перехода) или его аналогами, с помощью которых специально выделенные институциональные структуры в лице исполнителей особых ролей как бы наделяют индивида сертификатом «взрослости», т.е. полноправием не только осваивать социокультурное окружение, не только пребывать в социокультурной жизни, но и менять их. Как правило, во всех культурах от взрослого индивида ожидаются проявления способностей, возможностей и эффективной активности, направленных на воспроизведение социокультурной жизни в ее ключевых измерениях (социокультурное взаимодействие, создание вещей, идей, образов, воспроизведение потомства).

6.3. Первичная социализация/инкультурация (ранний этап)

В изучении детства можно выделить три основных акцента: ребенок как «объект» социализации/инкультурации; ребенок как «субъект» в отношениях с другими; культура с позиции детского опыта. Последний аспект исследования является достаточно новым и познавательным интересным, поскольку открывает дополнительные возможности познания культуры на более общем уровне, в частности микроизменений артефактов при их освоении в детстве и дальнейшем использовании во взрослом возрасте, а также формирования личностных предпосылок и предрасположенности к инновативным поискам. С этих точек зрения речь идет о решении таких проблем, как определение механизмов приобретения «раннего опыта»; способностей человека к научению; соотношения врожденного и заученного в онтогенетическом процессе; структурирования процессов освоения окружения от момента рождения до вхождения во взрослую жизнь. Этому соответствуют такие предметные области, как межличностная коммуникация, процессы научения, детская культурная активность.

Предпосылки формирования коммуникативных навыков (контакты с родителями). В 80-х гг. XX в. на передний план выдвигаются коммуникативные аспекты первичной социализации/инкультурации, в первую очередь проблемы отношений детей с родителями, начиная с раннего возраста и до момента овладения членораздельной речью. В качестве показательных рассматриваются такие коммуникативные ситуации, как «мать — ребенок», «родители — ребенок», «незнакомые — ребенок». Выяснено, что недостаток внимания к младенцу может стать причиной ряда заболеваний, в том числе психических, тогда как тесный контакт с матерью обуславливает более высокие показатели интеллектуального коэффициента. Такие дети решают задачи лучше тех, на чью долю досталось меньше забот. Выяснилось также, что кормления и гигиенического ухода недостаточно, чтобы сформировались важные предпосылки для дальнейшего развития. Необходимо, чтобы родители разговаривали, играли с ребенком, создавали эмоционально насыщенные отношения. Особое значение имеет в этот период умение родителей транслировать желаемый образ поведения. По результатам исследований подобные культурные ожидания дети начинают воспринимать с трехмесячного возраста.

Опыт глобальных сравнительно-культурных исследований, создание мирового этнографического атласа, начавшееся в 40-х гг. XX в. под руководством Г. Мердока, подтвердили научную и практическую значимость изучения процессов ранней социализации/инкультурации. Сравнения позволили исследователям систематическим образом осмыслить различия в проявлениях отношений между поколениями, наблюдаемых в различных культурах и субкультурах. На базе данных атласа была построена теоретическая модель, связанная с родительским разрешением — запрещением. Вариации этих переменных по определенным формальным измерениям позволяют интерпретировать, объяснять и предсказывать поведение, интеллектуальные, эмоциональные реакции ребенка и будущего взрослого в определенных социокультурных ситуациях. Схема строится на оценке одновременного влияния на поведение ребенка двух параметров: теснота и характер родительского отношения, с одной стороны, и частота каждого из его проявлений — с другой. В первом случае выделяются четыре типа межпоколенных связей: понимание, теплота, любовь; враждебность и агрессивность; индифферентность; контроль. По второму параметру устанавливается четырехбалльная шкала: редко (в исключительных случаях); иногда; часто; всегда (по большей части). В свою очередь переменная родительского контроля имеет следующие значения: отсутствие контроля, слабый, твердый, следящий, ограничивающий автономию контроль. Анализ данных в соответствии с такой схемой позволяет не только выявить распределение в обществе типов семейной первичной социализации/инкультурации и определить доминирующий здесь тип, но и проинтерпретировать или предсказать поведение взрослых индивидов в определенных устойчивых социокультурных ситуациях.

Основные предпосылки научения. Относительно научения у исследователей до сих пор существуют серьезные расхождения в понимании соотношения врожденных свойств и воздействий среды при трактовке успеш-

ности этих процессов. Одни считают, что способности человека и базирующиеся на них навыки — особенно в раннем детстве — формируются в соответствии с естественным созреванием генетически предопределенных механизмов. Другие утверждают, что ребенок обучается во взаимодействии с окружением, и в этом процессе у него формируются не только навыки, но и способности. Проверка гипотез, базирующихся на каждой из позиций, осуществляется, на обширном и разнообразном сравнительно-культурном материале. Изучается развитие способностей к овладению интеллектуальными, образными, абстрактными, предметно-наглядными, двигательными-стереотипными формами оперирования элементами окружения. Рассматриваются и интерпретируются различия в сенсомоторных реакциях, особенностях памяти, внимания, других психических функций у детей из различных культур. Выявляется и интерпретируется специфика восприятия ими цвета, звука, пространства. Исследуется влияние культурных особенностей на развитие эмоциональной сферы ребенка, в особенности таких чувств, как любовь, неприязнь, страх, удивление, радость, горе.

Результаты эмпирических исследований, проведенных М. Мид и Ж. Пиаже, позволили поставить под сомнение тезис Л. Леви-Брюля об уподоблении мышления ребенка и «дикаря». Согласно их независимым друг от друга выводам, дети в «примитивных» культурах представляют себе окружение реалистичнее, чем взрослые; не приписывают случайным событиям сверхъестественного значения; им не свойствен анимизм т.п. Все это, говоря словами М. Мид, «оказывается детерминированным культурой, потенцией человеческого ума», но не является ранней стадией индивидуального развития или существования человеческой культуры. Что касается овладения родным языком, то исследования показали, что дети не учат язык как таковой, но осваивают разные стереотипные схемы и стили речевого поведения, которые позволяют им функционировать в качестве компетентных коммуникаторов в контексте различных ситуаций. В процессе социализации/инкультурации они осваивают необходимый набор точек зрения на мир, «картин мира» и представлений, которые удостоверяют их культурную и ролевые идентичности.

Научение невербальному поведению является предметом исследований этологического направления. Они тяготеют к одному из двух основных полюсов. С одной стороны, делается акцент на выявление биологических предпосылок, значимость наследственных факторов в формировании таких навыков. С другой стороны, заметно тяготение к тщательному анализу его социокультурных детерминант. Следует подчеркнуть, что обе ориентации не находятся в оппозиции друг к другу. Двойная обусловленность невербального поведения сегодня общепризнана. Речь идет о доминанте исследовательского интереса.

Внимание исследователей к невербальным аспектам человеческой коммуникации, к их генезису в раннем детстве, в период от рождения до овладения членораздельной речью вполне объяснимо. Именно в этот период отношения ребенка с окружением приобретают невербальные формы, причем, выражение эмоций через жесты, мимику, позы оказывается более демонстративным, чем у взрослых. Сравнительно-культурные исследова-

ния обеспечивают дополнительную информацию для понимания общих и специфических структурных, функциональных, символических особенностей экстралингвистики в процессах ранней социализации/инкультурации в различных культурах. В качестве важных средств такого рода рассматриваются общая мимика, выражение глаз, улыбка; интонирование; жест. Сейчас постепенно складывается своеобразный «словарь» довербального «языка», содержащий 136 терминов и их сочетаний, применяемых для описания различных эмоциональных состояний детей; только улыбок перечисляется 10 видов¹.

Особой темой в изучении детского опыта стало формирование избирательности младенца по отношению к окружению. В качестве ее показателей предлагаются комплексные реакции оживления и страха, проявляемые по отношению к различным людям, предметам, ситуациям, начиная с двухмесячного возраста. Причем способность узнавания, отделения знакомого от незнакомого актуализуется намного раньше, чем страх перед незнакомым². Вопрос о причинах боязни и одновременного любопытства при контакте с посторонними остается пока нерешенным, а ответы на него носят гипотетический характер. Одни исследователи считают опасение врожденным антропологическим свойством, аргументируя это тем, что оно проявляется у детей, не имевших негативного опыта общения с «чужими». Предполагается, что существуют какие-то исходящие от людей сигналы, одни из которых вызывают настороженность, а другие симпатию. Личное знакомство в значительной степени блокирует механизмы тревожности. Поскольку при постоянных контактах ребенок принимает уже известные сигналы, дети, живущие среди родственников и друзей, не испытывают напряжения³. Но это лишь предположение, поскольку пока неизвестно, в соответствии с какими признаками осуществляется дифференциальная избирательность детей, тем более, что они боятся не всех незнакомых, а выборочно.

Культурная активность ребенка. Среди культурных форм, побуждающих ребенка к самостоятельным решениям и действиям, важнейшее место занимает игра, где соответствующие навыки поощряются, однако их реализация не связана с серьезным риском. В то же время определенные правила, свойственные даже ролевым играм, обеспечивают детям образцы для подражания. В зависимости от социализирующего содержания игры могут быть разделены на следующие типы:

- физические, в которых тренируется и развивается моторная активность;
- стратегические, тренирующие и развивающие способность прогнозировать возможные результаты и оценивать их личностную вероятность;

¹ См.: *Branigan Ch. R., Humpers D. A. Human non-verbal behavior // Ethological Studies of Child Behavior / J. N. Blurton (ed.). Cambridge, 1972.*

² *Salzen E. A. Social attachment and a sense of security // Human Ethology / Von Cranach et al. (eds). Cambridge (Mass.), 1979. P. 603.*

³ *Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1. С. 119.*

— стохастические, где решающая роль принадлежит случаю, удаче, причающие ребенка к тому, что он может встретиться с неконтролируемыми обстоятельствами, к представлению о риске;

— ролевые, предназначенные для того, чтобы ребенок осваивал технологии перехода из одних стандартных социальных ситуаций в другие¹.

В свою очередь Э. Г. Эриксон предложил такую типологию: «аутокосмическая игра, направленная на собственное тело, микросферическая игра, имеющая предметом игрушки, и макросферическая, направленная в мир играющего»². По его мнению, благодаря ним развиваются такие личностные свойства, как интеллект, способность к обучению, фантазия, воображение, и ребенок учится проверять и воспроизводить реальность через модели ситуаций, копирующих повседневную жизнь³.

Значимое место в период первичной социализации/инкультурации принадлежит формированию ценностного отношения к труду и освоению соответствующих навыков. Культуры различаются с точки зрения возраста, в котором ребенок вовлекается в полезную активность, и соответственно по конфигурации детского образа жизни (соотношения в нем игры, работы и праздности). В современной ситуации эта тема представляется исследователям особенно важной. Современные технологии, переменчивость экономической конъюнктуры в развитых обществах обуславливают существенные изменения в системе общественного разделения труда. Сегодня из нее исключаются целые классы традиционных профессий, а на их месте возникают совершенно новые. Меняется технологическая среда повседневной жизни. И необходимы новые схемы ранней социализации/инкультурации, адаптирующие детей к этим условиям.

Многочисленные сравнительные исследования доказывают правомерность утверждения о влиянии детского опыта на формирование личности, на воспроизведение культурных стереотипов. Тем не менее, сегодня исследователи не склонны, как, скажем, в 20—40-х гг. XX в., преувеличивать значимость этого фактора. Изучение индивидуального жизненного цикла, его различных стадий обеспечило данные, хотя и не особенно многочисленные, свидетельствующие о том, что на каждой из них происходят существенные биологические и психические изменения и что приобретенные в детстве черты могут быть полностью вытеснены или трансформированы в более зрелом возрасте.

Значительное внимание в этой связи уделяется такому нормативному аспекту культуры, как «эталонная» личность. Сравнительные исследования обнаруживают наличие подобного феномена во всех культурах. Соответственно предметом изучения становятся место, роль и функции, которые принадлежат ему на ранних стадиях социализации/инкультурации. Полученные результаты показывают, что в каждом сообществе может быть несколько идеалов, соответствующих различным социальным позициям,

¹ Roberts M., Sutton-Smith B. Child training and game involvement // *Ethnology*. 1962. Vol. № 2. P. 166.

² Honigman J. J. *Culture and Personality*. N. Y., 1954. P. 255—256.

³ Ibid. P. 257.

статусам, ролям, различным стандартным типам социально значимых ситуаций. Они в наглядной форме задают ценностный план самореализации в определенных условиях. В то же время исследуется, в каком возрасте и почему реальные правила результативной активности в этих условиях расходятся с эталонными.

Из всего сказанного выше следует, что изучению детского опыта в рамках психологической антропологии уделяется очень большое внимание, поскольку с самого раннего возраста ребенок попадает в структуры социального взаимодействия и коммуникации, и это его первый и, возможно, сильнее всего запечатлевающийся культурный опыт. Динамика становления личности, ее жизненного пути, как свидетельствуют результаты исследований, сложным образом, и отнюдь не напрямую, как считалось раньше, связана с опытом раннего детства. Тем не менее, в этот период закладываются важные предпосылки дальнейшей социализации/инкультурации. Как отмечала Дж. Данн, «мы лишь тогда начали понимать развитие человека, когда стали изучать детей в их реальном социальном мире»¹.

6.4. Социализация после раннего детства

Важно запомнить!

Освоение социально значимых элементов окружения не ограничивается опытом раннего детства. Такое освоение с различной степенью интенсивности происходит несколько раз в течение жизненного цикла человека и тоже называется социализацией/инкультурацией.

В самом общем виде под социализацией/инкультурацией после раннего детства понимается совокупность культурно оформленных и социально установленных процессов приобретения людьми знаний и навыков, необходимых для совместного существования, т.е. взаимодействия и коммуникации в социально значимых ситуациях; выражения личностно значимых переживаний и побуждений в культурно приемлемых формах; определения границ социально и культурно санкционированных действий и поведения и степени индивидуальной ответственности за соблюдение или нарушение этих границ. Социализация/инкультурация — это непреложная часть социокультурной жизни и универсальный фактор динамики личности как субъекта общества и культуры.

Уровни освоения окружения. Ранняя социализация/инкультурация обеспечивает основные предпосылки для дальнейшего освоения сложных структурных и содержательных компонент жизненной среды, представленных в виде стереотипов и образцов действий, поведения, взаимодействий,

¹ *Dunn J.* Understanding human development: Limitation and possibilities of an ethological approach // *Human Ethnology* / M. von Cranach et al. (eds). Cambridge (Mass.), 1979. P. 639.

нормативных предписаний и запретов, ценностных суждений, которые либо кодифицируются, либо специально демонстрируются в поведении как социально значимые. В этом процессе происходит развитие фундаментальных видовых свойств и способностей человека.

Уровню практических действий соответствуют навыки поискового и стереотипного оперирования предметами и научение такому оперированию. В качестве операциональных единиц здесь принимаются отдельные действия или акты поведения, а суть процесса заключается в построении из них цепей, соответствующих достижению определенного практического результата. Социализация/инкультурация связывается с природной способностью человека организовать собственную активность так, чтобы взаимодействовать с вещами, окружающими его.

Уровню образного освоения окружения соответствуют навыки выделения сложных целостностей, начиная от самого общего «фона» («картина мира», «определение ситуаций») и кончая мимолетными впечатлениями. В этом случае операциональной единицей считается образ, который позволяет людям воспринимать свое окружение с различной степенью обобщенности и устойчивости. Социализация/инкультурация на этом уровне основывается на природной способности человека к формированию и распознаванию образов.

Уровню мыслительных процессов соответствуют навыки оперирования представлениями и внутренними концептами, а также обобщения количественных и качественных характеристик элементов окружения. Операциональные единицы такой организованной активности составляют знаки и символы, а ее суть заключается в распознавании или установлении связей, организующих их в стабильные или нестабильные целостности, имеющие значение для практической деятельности, для адаптации человека в социокультурном окружении. Возможность социализации/инкультурации обеспечивается природной интеллектуальной способностью человека.

Эмоциональному уровню соответствуют навыки дифференциальной оценки своих переживаний, а также элементов и состояний социокультурного окружения, собственных способов их освоения и использования. В качестве операциональных единиц выделяются чувства удовлетворенности или неудовлетворенности. Первое из них побуждает человека поддерживать сложившиеся отношения с окружением и их эмоциональные эквиваленты, а второе стимулирует к их изменению. Социализации/инкультурации подлежит природная способность человека строить свои отношения со средой выборочно.

На каждой стадии индивидуального жизненного цикла и в различных сферах культуры эти уровни организуются по-своему. Если каждый формируется в соответствии с состоянием, структурой и динамикой социокультурного окружения, то его освоение можно считать успешным.

Культурно-пространственное измерение социализации/инкультурации. Рассматривая процессы освоения окружения в определенном обществе в конкретный исторический период, необходимо принимать во внимание, что различные классы артефактов имеют здесь свое пространственное, временное и социально-структурное распределение. Его форму важно

знать, чтобы выявить локусы социализации/инкультурации (институты, группы, информационные блоки) и их дифференциальную доступность для членов общества в разные возрастные периоды. Выделение в культурном пространстве его специализированного и обыденного уровней позволяет различать процессы и институты, связанные с приобретением профессиональных и общекультурных знаний и навыков.

Конкретизировать содержание социализации/инкультурации можно, обратившись к концепции образа жизни. В качестве его структурных составляющих выделяются модусы социокультурного существования, т.е. культурно установленные «пространства» самореализации людей как представителей общества и культуры. Если рассматривать их с точки зрения содержания приобретаемых и используемых знаний и навыков, можно выделить следующие:

- жизнеобеспечение: профессиональная деятельность, домашний труд, приобретение и потребление товаров и услуг;
- личностное развитие: приобретение общего и профессионального образования, общественная активность, любительские занятия;
- социальная коммуникация: формальные и неформальные отношения, путешествия, физические передвижения;
- восстановление энергетических затрат: потребление пищи, соблюдение личной гигиены, пассивный отдых, сон.

Каждый из перечисленных модусов характеризуется пространственным измерением, т.е. предполагает освоение связанных с ним способов действий, побуждений, ценностных представлений, правильного поведения в соответствующих институциональных и обыденных ситуациях. Рассмотрение социализации/инкультурации с этой точки зрения позволяет фиксировать те области социокультурной жизни, где осваиваются ее стереотипные массовые формы и отличительные признаки принадлежности к определенным субкультурам или социокультурным слоям.

Временное измерение социализации/инкультурации после раннего детства. Помимо культурно-пространственного процесс социализации/инкультурации имеет и временное измерение. Исключительное место, как уже отмечалось, принадлежит раннему периоду, когда младенец впервые попадает в мир искусственных объектов, технологий и символизированных отношений. Здесь формируются предпосылки для остальных стадий, периодизация которых может определяться тем, какие из модусов социокультурной жизни являются ведущими на каждой из них и, следовательно, приобретение какого опыта предполагается.

Первый период первичной социализации/инкультурации связан с приобретением в раннем детстве социально обязательных общекультурных знаний и навыков, носящих неспецифичный (в профессиональном отношении) характер. В структуре образа жизни их практическое освоение становится ведущим модусом и осуществляется в соответствующих институтах — детских дошкольных и школьных учреждениях. Ребенок затрачивает в них значительную часть времени и усилий. Приобщение к профессиональным субкультурам осуществляется в специализированных начальных учебных заведениях, сочетающих общее образование с обучением профес-

сии. Представление о существовании определенных субкультур приобретает через семью, контакты с детьми из других социокультурных слоев, с воспитателями и преподавателями. В подростковом возрасте начинается осознанное приобщение к специфично молодежной субкультуре.

Второй период — это овладение специализированными трудовыми знаниями и навыками, приобщение к соответствующей профессиональной культуре. В образе жизни на этом этапе такая подготовка становится ведущим модусом, нормативно предполагающим значительные затраты индивидуальных усилий и времени. Соответствующими институтами становятся специальные учебные заведения — высшие и средние. Здесь культурная дифференциация молодых людей усиливается, поскольку они знакомятся с различными областями разделения труда со специфичными взглядами на мир, ценностными представлениями, обусловленными их историей и традициями. Приобретение общекультурной компетентности в это время осуществляется, во-первых, как освоение нового, уже не детского статуса в семье; во-вторых, как приобретение дополнительных социокультурных знаний и навыков за счет значительного расширения круга социальных контактов; в-третьих, путем обсуждения и интерпретации полученного опыта в рамках молодежной субкультуры. В это время также развиваются навыки пользования признаками социокультурной дифференциации и существования в неоднородной культурной среде.

Третий период характеризуется включением личности в систему общественного разделения труда. Здесь происходит овладение профессиональными знаниями и навыками на рабочем месте, объединение их с прежним опытом, а также адаптация в профессиональной субкультуре. Работа теперь становится на долгие годы ведущим модусом в образе жизни индивида. Он приобретает статус полноправного члена общества, и его компетентность как специалиста и гражданина возрастает уже не на базе специальных институтов социализации/инкультурации, а в непосредственных контактах — формальных и неформальных — в широком круге социокультурных ситуаций.

В повышении профессионального уровня в этот период целесообразно проводить различие между первоначальной адаптацией на рабочем месте и повышением квалификации. В первом случае социализация/инкультурация осуществляется в непосредственной трудовой среде. Для второго существуют институциональные формы, которые отличаются от первых двух этапов обучения фокусированностью на узкой профессионализации. Временные затраты, связанные с повышением квалификации, влияют на структуру образа жизни индивида до тех пор, пока это переобучение происходит. В период полной включенности людей в трудовую и гражданскую жизнь закрепляется их место в социокультурной дифференциации по профессионально-квалификационным, демографическим признакам, по степени социально-политической активности. При этом, чем меньше социально значимых контактов с другими видами занятий предполагает профессия, чем ограниченнее цели группы политической принадлежности индивида, тем беднее эти субкультуры, тем менее они способствуют расширению общей культурной компетентности личности.

В целом социализация/инкультурация в этот период происходит за счет включенности как в институциональные системы, так и в субкультуры. Адаптируясь на обоих уровнях, личность под влиянием позитивных и негативных санкций (поощрений и наказаний, одобрений и осуждений) со стороны окружающих осваивает принятые здесь образцы деятельности, взаимодействия, поведения, коммуникации, знания, ценностные и нормативные представления. Жизнь взрослого человека подразумевает его включенность в целый ряд сообществ: семью, дружеские группы, группы по общим культурным интересам и т.п. Вхождение в каждое из них или перемена группы принадлежности обязательно предполагает необходимость осваивать и применять иные по сравнению с имеющимся опытом социокультурные образцы, ценности, нормы. Но наряду с этим члены общества используют и общекультурные средства: трансляторы массовой информации, учреждения культуры и т.п. Профессиональная деятельность и участие в группах принадлежности характеризуют структуру и содержание образа жизни людей. Здесь социокультурная дифференциация поддерживается за счет несходства его форм, характерных для различных сообществ.

Четвертый период связан с пенсионным возрастом, когда многие выходят из системы общественного разделения труда. У них высвобождается время, ранее занятое профессиональной деятельностью, и им приходится заново структурировать свой образ жизни так, чтобы не потерять свое лицо как членов общества. В различных культурах этот этап социализации/инкультурации институционально обеспечен не одинаково. Однако его значимость как в индивидуальном образе жизни, так и на социальном уровне неоспорима. Если люди при резкой смене жизненных обстоятельств остаются за пределами активной социокультурной жизни, и не существует специальных институциональных структур, позволяющих пожилым адаптироваться в условиях поиска новой социальной и культурной идентичности, начинается «сползание» к более примитивному состоянию, деградация.

Таковы основные периоды социализации/инкультурации и связанные с каждым из них навыки и знания, которые необходимо осваивать при переходе из одного социально-возрастного статуса в другой. В дополнение к этому следует особое внимание обратить на различие между тремя типами этого процесса: первичная ранняя (младенчество), первичная (первый этап) и вторичная (второй, третий, четвертый этапы). О младенчестве, как уже отмечалось, можно сказать, что здесь формируются предпосылки для дальнейшего освоения личностью социокультурного окружения. В следующий период происходит обучение, цель которого — овладение исходными практическими навыками и знаниями, а также способами научения. В дальнейшем умение осваивать новое применяется как средство для получения лично и социально значимых результатов, в том числе для повышения уровня культурной компетентности. В период от младенческого до подросткового возраста ребенок с необходимостью оказывается объектом воспитания. Основу контролируемого заучивания социально обязательных элементов культуры составляют подражание ребенка действиям и поведению старших, с одной стороны, и их директивные предписания — с другой. Изменения в поведении взрослого человека происхо-

дят благодаря самостоятельному выбору знаний и навыков для освоения и использования, а также за счет применения к нему санкций со стороны окружающих в различных ситуациях взаимодействия.

Описание процессов социализации/инкультурации будет неполным, если не упомянуть о так называемой ресоциализации. Это понятие относится к таким институтам, как пенитенциарные и психиатрические учреждения, и к таким категориям людей, как делинквенты (люди с отклоняющимся поведением), правонарушители, душевнобольные. В этом случае подростки и взрослые подвергаются специальным принудительным воздействиям, способствующим разрушению прежних, социально неприемлемых схем поведения и представлений, и формированию других, не вступающих в конфликт с образцами и нормами, установленными в обществе и культуре.

6.5. Этологические основания идентичности

Тема социализации/инкультурации на этологическом уровне связана с представлением о границах, которые люди проводят между собой и своим социальным окружением. Она трактуется через дихотомии «я — другие» на индивидуальном уровне и «мы — они» на групповом. Исследования направлены на то, чтобы объяснить, каким образом происходит установление и прерывание контактов между людьми, при каких условиях возникает необходимость укреплять личностные и групповые барьеры, а при каких они становятся более проницаемыми.

Важно запомнить!

Регулирование отношений «я — другие» на индивидуальном уровне считается одним из важнейших принципов в формировании межличностных отношений. Соответственно культурные выражения и закрепления их форм и структур занимают в процессе социализации/инкультурации важное место. Антропологический механизм такого регулирования формируется на всех уровнях существования человека: на органическом — это способность организма отличать внутренние для него сигналы от внешних; на телесном — это ощущение границ личного пространства; на социально-психологическом — это чувство эмоциональной дистанции (близость — отчуждение); на культурном — это способность выражать и понимать сигналы индивидуальной дистанции. Нарушение адекватного функционирования механизмов такой регуляции имеет негативные последствия как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. В первом случае это ведет к потере идентичности — психическому состоянию или заболеванию, при котором человек теряет способность к различению внутреннего и внешнего мира, «я» и «не-я». Во втором — нарушение межличностных дистанций порождает агрессивные реакции.

Регуляция приватности культурными средствами осуществляется с помощью вербальных сигналов, знаков экспрессивного и проксемического (пространственного) поведения, характера одежды, средствами организации предметно-пространственной среды. Это непрерывный процесс, осу-

ществляемый различными «я», составляющими общество, вступающими во взаимодействие друг с другом и выходящими из него. Таким образом, соотношение совместности и обособления представляет собой механизм избирательного контроля над доступом людей друг к другу, основание индивидуального права выборочно открывать или закрывать себя для социального или физического воздействия со стороны других. Фундаментальность такого отбора для формирования культурных элементов и конфигураций обуславливает важность ответа на вопрос, «как в культуре используется вариабельность уровней поведения для регуляции отношений «я — другие»¹. Степень приватности в различных культурах, субкультурах, социокультурных ситуациях варьируется от максимальной открытости до максимальной замкнутости. Тем не менее, даже в предельных случаях, как показывают сравнительно-культурные исследования, всегда сохраняется их определенное соотношение, всегда имеется культурная выделенность приватности в публичных ситуациях².

Развитие урбанизации и возникновение мегаполисов породили социокультурные проблемы высокой плотности расселения. Жителям таких городов приходится часто попадать в ситуации вынужденных контактов с незнакомыми людьми — на улицах, в учреждениях обслуживания, в городском транспорте. Социальная среда «анонимна»: люди, будучи жителями одного квартала, могут быть не знакомыми друг с другом и не хотят этого. Скученность обуславливает постоянную угрозу нарушения «персонального пространства». В связи с этим в культуре мегаполиса усиливаются в массовом масштабе тенденции к обособлению и формируются соответствующие образцы поведения и культурные конфигурации. Городские жители средствами права ограждают от вмешательства в их частную жизнь даже ближайших соседей. Закон в мегаполисах как механизм регулирования социального взаимодействия существенно преобладает над моралью (локальными нравами и обычаями). Основной способ адаптации в этих условиях связан с использованием индивидуальных механизмов регуляции и навыков возведения барьеров на пути коммуникативных и информационных процессов, защитных реакций в сфере эмоционального обмена (маскировка, подавление эмоций). Именно культура крупнейших городов породила феномен «ролевого, поведения», сводящего контакты между людьми в институционализированных ситуациях к максимально возможной рационализованной и функциональной форме. В современной модернизированной, урбанизированной культуре такие эмоциональные и поведенческие «огораживания» стали устойчивыми стереотипами поведения.

Однако, как всегда в культуре, такая тенденция на первоначальных стадиях формирования оказывается далекой от оптимума в своем проявлении. Люди ищут благоприятных пространственных условий, ограждающих личностное пространство. Массовое стремление горожан к этому состоянию

¹ *Allman I.* Privacy as an interpersonal boundary process // *Human Ethology* / M. von Danach et al. (ed.). Cambridge etc., 1979. P. 121.

² См.: *Эйбл-Эйбсфельдт И.* Общественное пространство и его социальная роль // *Культуры*. 1983. № 1. С. 118—119.

обусловлено усталостью от множественности, изменчивости и интенсивности воздействий окружения. Оба фактора находятся в резонансе с культурной ценностью приватности. Привычка к поддержанию эмоциональной дистанции с «чужими» распространяется на ближайшее окружение личности — родственников, друзей, знакомых. Обособление приобретает патологические формы ощущения безвыходности, изоляции, одиночества, непреодолимости психологических барьеров в сфере межличностных контактов, неумения выразить себя адекватным (приемлемым для себя и для других) образом. В результате в крупнейших городах возникают соответствующие формы как психических, так и поведенческих патологий, нормализация которых является одной из важнейших задач специалистов в области образования, психиатрии, пенитенциарной системы, адаптационного консультирования, социальной помощи¹.

6.6. Норма и отклонение

Важной темой психологической антропологии в связи с концепцией социализации/инкультурации была и остается относительность грани между психической нормой и патологией. Сама тема и базовая точка зрения на нее была задана статьей Р. Бенедикт «Антропология и патология»². Развивая идеи З.Фрейда, она выдвинула гипотезу о том, что каждая культура содержит особые, характерные для нее черты, которые вызывают специфичные психопатологические реакции, и высказала допущение, что нормальными считаются поведение и состояния, находящиеся в соответствии с установлениями данного общества, оправданные в нем. Таким образом, представление о норме приобрело релятивистскую окраску.

При обсуждении самого понятия следует принимать во внимание его неоднозначность. С одной стороны, в науках о культуре речь идет о таком устойчивом регулятивном или референтном (обязательном для соотношения с ним) образовании, которое в этом качестве утверждено, признано и оправдано членами сообщества, а часто даже кодифицировано, т.е. облечено в устную или письменную формулу, составляющую часть морального кодекса. С другой стороны, термин используется в статистическом смысле и означает неотрефлексированные культурные формы, которые оказываются общими для большинства членов группы и проявляются только на уровне социальной активности. Из этого следует, что далеко не все виды общераспространенного поведения и мнений могут соответствовать стандартам нравственности. В то же время моральное оправдание некоторых нормативных предписаний отнюдь не означает обязательного массового следования им.

Трактовка и объяснение отклонений от культурных норм, выявление порождающих их факторов, их последствий для личности и ее культурного

¹ *Altman I. The environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory and Crowding. Montrey, 1975. Idem. Privacy: A conceptual analysis. Environment and Behavior. 1976. Vol. 8. P. 7—29.*

² *Benedict R. Anthropology and abnormal // J. Gen. Psychol., 1934. Vol. 10. P. 59—80.*

окружения, механизмов их социальной и культурной институционализации осуществляются на базе социально- и культурно-антропологической интерпретации данных психиатрии и анализа правонарушений. Изучение народной медицины и этнопсихиатрии позволило выявить не только разнообразие видов терапии по отношению к душевным заболеваниям. Стало очевидным, что их значение и смысл неодинаковы в различных культурах. Варьируются оценка социокультурного статуса больного, его самовосприятие, граница, отделяющая психическую болезнь от здоровья, и т.п. Соответственно расширились аналитические рамки для изучения устойчивости социокультурных структур по отношению к индивидуальным девиациям (отклонениям), а также последствий такой устойчивости для социальной идентификации личности.

В этнопсихиатрических исследованиях многообразие психических отклонений и порождающих их факторов рассматриваются в двух основных аспектах. С одной стороны, изучается специфика девиантного поведения, особенности невротизма и их истоков в зависимости от особенностей различных культур. С другой стороны, анализируются психические последствия перехода общества из традиционалистской в модернизованную форму: сравниваются их особенности в обоих типах обществ, место и роль в них наркотических субкультур (алкоголизм, наркомания, токсикомания).

Самостоятельную тему исследований составляет изучение психических отклонений, пограничных состояний личности как источников культурных инноваций (творчества). Интересный материал для изучения закономерностей индивидуальной обусловленности формирования культурных знаков и символов, культурной семантики обеспечивается сравнительно-культурным анализом сновидений.

Релятивизация концепции культурной нормы, проблематизация ее неизменности позволили исследователям более тонко изучить темы стандартов и отклонений, здоровья и заболевания. Нетипичное поведение перестало однозначно трактоваться как патология органического или психического происхождения. Общесоциальные кодифицированные и статистические нормы больше не рассматриваются как безоговорочно и навсегда связанные с адаптацией людей к своему окружению и к сохранению личностного благополучия. В результате модель изучения «отклонений» может выглядеть сегодня следующим образом. Понятие нормы относится к трем разным уровням и на каждом трактуется по-своему. Считается, что для индивидуального организма она задается видовой обусловленностью, наследственностью, физическими и психическими ресурсами человека как вида и т.п.; для группы — обусловлена ее функциональной и структурной спецификой, особенностями свойственных ей нравов и обычаев; для общества — отражает универсальные для всех его членов принципы организации социального взаимодействия и регулирования конфликтов. Соответственно необычные проявления не следует сразу диагностировать как аномалию, но подвергнуть анализу с точки зрения адаптационных социокультурных процессов. Например, нарушение групповых или общесоциальных стереотипов может отнюдь не быть свидетельством психического заболевания или «отклоняющегося поведения». Может оказаться,

что найденная человеком позиция в отношении к окружению более отвечает критериям личного или группового благополучия, чем общепринятые. Но поскольку социальная значимость инновации часто становится заметной лишь с течением времени, члены группы склонны не принимать ее сразу, продолжать придерживаться установившихся культурных паттернов и считать новое отклонением, нарушением, а иногда и патологией.

Подобным же образом не следует без проверки относить к преступным группам те, представители которых отклоняются в своих действиях не только от социально санкционированного морального кодекса, но даже и от некоторых правовых норм. Может оказаться, что конкретные законы, имеющиеся в определенной культуре, перестали соответствовать изменившейся социальной ситуации, способствовать решению текущих социокультурных проблем. А на групповом уровне в определенном сообществе найдены адекватные формы существования в новых условиях, причем такие, что могут быть социально приемлемыми. В то же время стереотипы поведения и действий, найденные в рамках определенной группы и способствующие приращению благополучия ее членов, могут не только противоречить правовым установлениям, но и угрожать адекватному функционированию других групп и механизмов поддержания порядка, удовлетворяющего большинство членов общества. В этом случае общесоциальные нормы оказываются более действенными не только по традиции, но и по существу.

Проявления отклонений на одном из названных уровней не обязательно ведет к нарушениям на других. Так, психическое заболевание или индивидуальное преступление даже при условии их определенной статистической вероятности не разрушают социокультурных групп и общества. Институционализация такого рода событий позволяет локализовать их, «выгородить» из более широкого культурного контекста с его рутинными установившимися процессами. Клиники для душевнобольных, пенитенциарные учреждения (места для содержания и ресоциализации правонарушителей), монастыри и т.п. суть те институциональные структуры, в которые помещаются неадаптированные или больные индивиды. Аналогичным образом противоречия и конфликты на уровне публичной политики могут никак не повлиять на образ жизни конкретных индивидов. Люди будут продолжать зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, строить отношения друг с другом в соответствии с теми же стереотипами, что были им свойственны раньше.

Эмпирические критерии индивидуальной, социальной, культурной аномалии, патологии, по свидетельству многочисленных исторических и сравнительно-культурных исследований, меняются от эпохи к эпохе и от общества к обществу. Эти различия становятся важным показателем, характеризующим относительное своеобразие каждой отдельной культуры, каждого исторического периода и определяются социальной значимостью, которой люди наделяют их при воспроизведении своей жизненной среды. Соответственно поддержание и изменение в обществе представлений о норме и патологии определяет «логику» и философию истории, зафиксированные в культуре¹.

¹ *Herskovits M. Cultural Anthropology. N. Y., 1955. P. 273. (См. также работы М. Фуко).*

6.7. Парадигмы взаимодействия в напряженных ситуациях

В периоды интенсификации культурной динамики, как уже отмечалось ранее, отклонения от установленных в обществе норм учащаются, механизмы социализации ослабевают, а ее содержание становится более неопределенным. В таких условиях межличностные и межгрупповые взаимодействия становятся более напряженными, и людям приходится искать подходящие формы совместной активности. В идеально-типической форме можно предложить основные, фундаментальные принципы такой организации; прослеживая в соотношении с ними реальные реакции людей на возникающие в группе трения, на недостаточную социализованность поведения, на отклонения от принятых здесь стандартов, определить, насколько избранный путь взаимодействия будет эффективным в данной ситуации.

Они объединяются категорией «парадигма взаимодействия», которая относится прежде всего к форме, стратегии, тактике взаимодействия. Однако выделяются также и обуславливающие их факторы социокультурного и психологического порядка¹.

Форма и структура процесса определяются следующими парадигматическими основаниями:

- нормативные ориентации участников по отношению друг к другу; они могут быть осознанными и бессознательными, рациональными и аффективными и т.п.;
- общие намерения, относящиеся к цели взаимодействия; они задают критерии для оценки эффективности процесса;
- ожидания участников по отношению друг к другу и к результатам взаимодействия; они задают критерии для регулирования хода процесса;
- особенности организации информационного обмена, обуславливающие степень напряженности взаимодействия.

На этих основаниях выделяются три общих парадигмы взаимодействия, определяющих доминирующую направленность участников: на сохранение системы взаимодействия (консолидация); на индивидуальное целедостижение без учета интересов других (конфликт); на решение задачи или проблемы (переговоры).

Консолидация. Ведущая нормативная ориентация — на полное согласие участвующих сторон относительно организации взаимодействия. Основное намерение партнеров — достижение цели без разрушения согласия. Их базовые ожидания по отношению друг к другу — взаимопонимание, общность позиций, касающихся предмета и нормативных рамок взаимодействия. Структура информационного обмена порождается свойственным парадигме стремлением к накоплению согласий и избеганию обсуждения вопросов, которые могут нарушить достигнутое единство мнений. Таким образом, в напряженной ситуации парадигма консолидации выбирается для снижения уровня напряжения.

¹ Подробнее об этом см.: Орлова Э. А. Социокультурные проблемы и формы их решения. Парадигмы социального взаимодействия. М., 2001; Орлова Э. А. Конфликты и переговоры. Парадигмы социального взаимодействия. М., 2001.

Ориентация на полное согласие связана с отвержением любой информации, которая может вызвать расхождение во мнениях участников взаимодействия. Из-за этого вне сферы их внимания оказываются все те аспекты ситуации, которые могут усилить напряжение. Следовательно, этому процессу свойственна односторонность в определении ситуации, в отборе информации, в принятии решения.

Парадокс парадигмы консолидации вытекает из нормативной ориентации на полное согласие. С одной стороны, реальные расхождения участников взаимодействия в отношении к нему и друг к другу подавляются. Но они могут подспудно накапливаться и добавлять напряженности в ситуации настолько, что это может привести к конфликту. С другой стороны, парадигма ориентирована на установление и поддержание межличностных отношений и поэтому не будет эффективной при необходимости решения проблемы, групповое достижение которого всегда предполагает разногласия.

Конфликт. Основной нормативной ориентацией взаимодействия в этом случае становится несогласие участников ситуации относительно ее определения. В динамике процесса доминирует намерение каждого из них достичь собственных целей и помешать другим в этом. Соответственно их взаимные ожидания определяются как противоположность интересов, несовместимость позиций внутри ситуации. Вступив в конфликтные отношения, обе стороны обрекают себя на максимальную затрату усилий. Во-первых, напряженным является процесс обмена информацией: участники взаимодействия стараются скрыть свои намерения и потенции, либо дезинформировать о них друг друга. Во-вторых, известно, что враждебные чувства сами по себе требуют больших эмоциональных затрат. Иными словами, выбор конфликтной парадигмы доводит напряженную ситуацию до предельного уровня и делает ее безвыходной.

Напряженность ситуации, затрудненность информационного обмена и убежденность противников во взаимной несовместимости позиций представляют собой условия для поддержания у них состояния агрессивности. Хорошо известно, что такое психическое состояние делает человека менее восприимчивым к элементам ситуации, даже благоприятным для него, и менее способным к рациональному поведению. Любое принятое решение в таких условиях ограничено и неустойчиво, поскольку становится объектом посягательств другой стороны. Совершенно очевидно, что это ситуация с высокой степенью неопределенности, характеризующаяся попытками каждого участника увеличить степень непредсказуемости своих действий для другого.

Парадоксом такой парадигмы является свойственная ей тенденция превращать конфликт в перманентное отношение между сторонами. Обе стремятся достичь успеха за счет ослабления противника, и каждый успех одной побуждает другую к соперничеству. Таким образом, в напряженной ситуации парадигма конфликта оказывается неадекватной для решения породившей ее проблемы. Во-первых, ориентация участников на взаимное неприятие мешает воспринимать зоны пересечения интересов. Во-вторых, парадигма побуждает каждого из них преследовать собственные интересы, а не решать существующую проблему. И эти факторы ведут к воспроизведению и эскалации конфликтного состояния ситуации.

Переговоры. Основная нормативная ориентация — исходное признание участниками взаимных расхождений в оценке ситуации и возможностей выхода из нее, однако без наделения этих расхождений качеством несовместимости. Ход процесса детерминируется преобладающим намерением сторон преодолеть напряженность ситуации вне зависимости от имеющихся несовпадений во мнениях. При переговорах партнеры не ожидают полного взаимного согласия в процессе взаимодействия. Каждый готов к компромиссу. Парадигма связана с известными затратами усилий: партнеры должны постоянно соотносить позиции, зоны согласия и расхождений. Они должны также контролировать собственные эмоциональные состояния и проявлять терпимость при разногласиях. Активность такого рода носит конструктивный характер и способствует уменьшению неопределенности в отношениях сторон, делает их более организованными, а взаимодействие — более результативным для обеих. Таким образом, при этой парадигме можно ожидать постепенного и заметного снижения напряженности ситуации.

Парадигма переговоров связана с конструированием функционального порядка, с дифференциацией ролевого поведения участников, с рационализацией отношений между ними. Анализ ситуации в этом случае становится многосторонним, интегративным и открытым: он не только позволяет продолжать конструктивное взаимодействие, но и делает возможным пересмотр его ориентиров. Парадокс парадигмы заключается в том, что она ориентирована на решение только той части проблемы, которая выделяется пересечением интересов участников. Поэтому оно не будет полным, что означает обязательное сохранение проблемности. В то же время переговоры обеспечивают эффективность процесса, способствуют многосторонней и доступной для пересмотра оценке ситуации и способов взаимодействия в ней, допускает изменение не только содержательных, но и структурных его аспектов; открывает перспективы для преднамеренного регулирования динамики ситуации.

В условиях социокультурной неопределенности и высокого динамизма, когда аномическое (ненормативное, вненормативное) поведение становится широко распространенным, когда утрачиваются однозначные основания для четкой культурной идентичности и возникает необходимость в построении новых социализационных моделей, люди пользуются всеми тремя парадигмами. Их адекватное применение дает положительные результаты. Так, парадигма консолидации позволяет сохранить те традиционные культурные образцы и ценности, которые не утрачивают своей функциональной значимости в меняющихся условиях. Использование конфликтной парадигмы позволяет увидеть бесполезность, нецелесообразность и бесперспективность удержания в культуре дисфункциональных паттернов. Парадигма переговоров способствует формированию новых образцов действий, взаимодействий, поведения в меняющихся условиях, новых оснований нормативных образований и социализационных моделей, ориентированных на перспективные тенденции динамики общества и культуры.

Парадигмы социального взаимодействия также представлены в табл. 6.1.

Парадигмы социального взаимодействия

Парадигма	Нормативная ориентация	Намерение сторон	Базовые взаимные ожидания	Структура обмена информацией	Парадокс
Консолидация	Полное согласие относительно определения проблемы и путей ее решения	Совместное решение проблемы	Взаимопонимание	Стремление к накоплению согласий	Переориентация с решения проблемы на поддержание группы
Конфликт	Несогласие относительно определения проблемы и характера ее решения	Достижение каждой из сторон собственных целей и стремление помешать в этом остальным	Противоположность интересов, несовместимость позиций	Сокрытие и дезинформация	Переориентация с решения проблемы на победу над противником
Переговоры	Признание расхождений в интересах при определении решения проблемы	Желание совместно решить проблему	Недостижимость полного согласия и поиск компромиссов	Открытое обсуждение путей решения проблемы	Решение только той части проблемы, где интересы сторон оказываются совместимыми
Парадигма	Нормативная ориентация	Намерение сторон	Базовые взаимные ожидания	Структура обмена информацией	Парадокс
Консолидация	Полное согласие относительно определения проблемы и путей ее решения	Совместное решение проблемы	Взаимопонимание	Стремление к накоплению согласий	Переориентация с решения проблемы на поддержание группы
Конфликт	Несогласие относительно определения проблемы и характера ее решения	Достижение каждой из сторон собственных целей и стремление помешать в этом остальным	Противоположность интересов, несовместимость позиций	Сокрытие и дезинформация	Переориентация с решения проблемы на победу над противником
Переговоры	Признание расхождений в интересах при определении решения проблемы	Желание совместно решить проблему	Недостижимость полного согласия и поиск компромиссов	Открытое обсуждение путей решения проблемы	Решение только той части проблем, где интересы сторон оказываются совместимыми

6.8. Проблемы социализации и инкультурации в изучении динамики культуры

Тема освоения культурного окружения занимает особое место в концепции социального взаимодействия и коммуникации. О фундаментальности процессов обучения для поддержания контекста совместного существования людей свидетельствуют, как это было показано ранее, результаты социобиологических исследований. Именно освоение жизненной среды, трансляция социально значимой информации от старших поколений к младшим и от более компетентных членов общества к менее опытным считается тем механизмом, благодаря которому изучение культуры приобретает временное измерение. Если в предыдущей главе речь шла о том, как порождаются артефакты, и о среде, в которой они становятся предметами обмена в процессах совместной активности людей, то в данном случае были рассмотрены процессы и механизмы освоения того, что люди при рождении или при вхождении в определенную социокультурную ситуацию застают как «объективную реальность».

Детский опыт был выделен в связи с его важностью в структуре жизненного цикла человека. В ранний период социализации и инкультурации ребенок на довербальном нерефлексивном уровне осваивает первые навыки отношения с окружением. Они устойчиво сохраняются и с трудом поддаются изменению у взрослых благодаря их адаптационным свойствам, с одной стороны, и неотрефлексированности — с другой. Однако было бы неверным считать приобретенный в раннем детстве опыт единственной основой формирования личности, а последующие знания и навыки лишь развитием того, что было освоено в детстве.

В ходе жизненного цикла индивиду приходится иметь дело с различными ситуациями социального взаимодействия, с разными культурными кодами, с необходимостью решать разноплановые задачи. Поэтому на каждой стадии личностного становления ему приходится осваивать новый опыт, соотносить с тем, что был приобретен до этого. И отнюдь не всегда прежние знания и навыки органично сочетаются с более поздним научением, которое даже может стать их отрицанием. Соответственно личность в культурном плане претерпевает не только содержательные, но и структурные изменения, причем те, что не находятся в прямой зависимости от смены биологических состояний организма в ходе жизненного цикла. Такие модификации вызываются столкновениями с элементами многомерного, подвижного окружения, которые при первом знакомстве не открываются перед людьми как принадлежность к определенному культурному порядку, в их внутренних последовательностях, культурных значениях и смыслах. Соответственно приходится затрачивать усилия на их осмысление, освоение и упорядочение и быть инструментом в этих процессах. Разнородность же осваиваемого одним и тем же человеком предполагает формирование различных структур взаимодействия с ним, которые могут быть полностью несопоставимыми друг с другом и даже взаимоисключающими. Все это способствует становлению культурной компетентности.

Сказанного достаточно, чтобы поставить под сомнение упрощенную концепцию индивидуального развития. Благодаря рассмотрению личностных изменений сквозь призму концепций социализации и инкультурации становится понятным, что по форме своей они сложнее, чем развитие, поскольку не являются непрерывной кумуляцией опыта, дифференциацией внутренних качеств с повышающимся уровнем их организации. Скорее здесь речь может идти о дискретных событиях и о сменных уровнях организации культурного опыта. Приведенная в главе концепция парадигм взаимодействия в проблемных ситуациях, каждой из которых в той или иной степени овладевает любой индивид, является показательным примером сосуществования в его репертуаре взаимоисключающих форм поведения.

Изучение способов освоения людьми культурного окружения обеспечивает возможности для решения ряда проблем, связанных с изучением динамики культуры. Одной из наименее исследованных до сих пор остается установление взаимосвязи между стадиями индивидуального жизненного цикла и культурными средами, структурами социального взаимодействия, характером информационных обменов, необходимыми для каждой из них с точки зрения личностной адаптации в сложном и динамичном окружении. Прояснение этого чрезвычайно важно для изучения динамики культуры, поскольку наборы адаптационных механизмов меняются по ходу жизненного цикла, а, следовательно, трансформируется не только отношение, но и характер практических связей индивида с окружением. Соответственно формируется дополнительная концептуальная область изучения порождений культурных изменений.

Другая интересная проблемная область связана с действием механизма традиции. Обычно принято считать, что традиционно передаваемый культурный опыт остается сохранным и относительно неизменным в течение жизни многих поколений. Однако известно, — и это было показано в предыдущих главах, — что любая культурная информация, заключенная как в действиях, так и в символах, при передаче претерпевает определенные трансформации. Поэтому традиционно транслируемый культурный опыт модифицируется новым поколением в процессе восприятия и воспроизведения. И можно с уверенностью утверждать, что внешне тождественные формы действий и символические структуры меняют свои функции, значения и смыслы благодаря все увеличивающимся расхождениям между их местом в культурном локусе порождения и в изменяющемся с течением времени социокультурном контексте. Изучение таких микроизменений позволяет лучше понять механизмы непрерывности и дискретности в динамике культуры.

Еще одна проблема предполагает изучение жизненных путей индивидов в обществе как концептуальной области, открывающей возможность наблюдать их траектории в социокультурном пространстве и в пределах отдельных его областей. Такие категории, выделяющие личностную представленность индивидов в культуре, как статусы, роли, культурные идентичности, позволяют выйти на концепцию культурных состояний личности в ее функциональном и символическом выражении. Такие категории, как образ, качество и стиль жизни, дают возможность объединить смену

подобных состояний в интегральную совокупность личностных модификаций на протяжении индивидуального жизненного цикла. Типология таких траекторий по основанию «тяготение к устойчивости или к изменчивости» позволяет структурировать социокультурный контекст с точки зрения выделения в нем более и менее стабильных областей, стационарных и нестационарных структурных образований.

Таким образом, изучение процессов социализации/инкультурации, освоения людьми культурного окружения имеет отнюдь не только самодовлеющую ценность в связи с темой становления личности. Оно позволяет многое понять относительно динамики более широкого спектра социокультурных процессов.

Выводы

1. Процессы освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекции рассматриваются в той ветви психологической антропологии, которая связана с изучением корреляции между психическими и социокультурными феноменами и носит название «культура и личность». Разработка этой тематики ведется в двух основных направлениях. Во-первых, акцентируются индивидуальные различия личностных проявлений в сходных ситуациях. Во-вторых, выявляются антропологические универсалии, т.е. свойства, присущие человеку как виду.

2. Значимой для поддержания социальных систем социально- и культурно-антропологической универсалией считаются процессы социализации и инкультурации. Оба понятия означают освоение людьми социокультурного опыта на протяжении жизненного цикла, с той разницей, что социализация больше относится к освоению нормативных, а инкультурация — символических аспектов такого опыта. В этих процессах принято выделять две основные стадии: первичную (детство) и социализацию после детства.

3. Обычно подчеркивается роль детского опыта в дальнейшем становлении личности. Поэтому в рамках направления «культура и личность» существенное место занимает изучение процессов первичной социализации. На этом этапе дети впервые осваивают общераспространенные, жизненно необходимые элементы своей культуры. Задача взрослых здесь — сформировать у нового поколения навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Задача детей — максимально полно овладеть «азбукой» культуры. Эта ступень социализации рассматривается как один из ключевых механизмов, обеспечивающих стабильность культуры, поскольку взрослые ограждают детей от рисков, связанных с освоением и использованием социокультурного опыта.

4. Основные черты социализации/инкультурации после детства обусловлены правом индивида на самостоятельность в пределах нормативов, принятых в данном обществе. Речь идет о расширении возможностей комбинировать полученные знания и навыки в различных ситуациях; принимать решения, имеющие социально значимые последствия, участвовать

в иницировании социальных и культурных изменений. Динамические аспекты этой стадии обусловлены тем, что индивид должен сам контролировать степень риска в ситуациях выбора.

5. Содержание процессов социализации/инкультурации определяется уровнями освоения окружения. Среди них принято выделять следующие. Уровень практических действий, которому соответствует научение поисковому и стереотипному поведению. Уровень образного освоения окружения, связанный с приобретением навыков оперировать представлениями. Уровень мыслительных операций, характеризующийся овладением навыками работы со знаками и символами, количественными и качественными категориями. Эмоциональный уровень, подразумевающий приобретение навыков регулирования переживаний и оценки окружения. На каждой стадии социализации/инкультурации и в различных сферах культуры эти уровни организуются и, соответственно, осваиваются по-своему.

6. Конкретизировать таким образом определяемое содержание процессов освоения социокультурного окружения можно, распределяя их в концептуальном пространстве категории «образ жизни» и времени индивидуального жизненного цикла.

7. Осваиваемые регулятивные механизмы рассматриваются в контексте концептуальных моделей идентичности и социальных норм. Идентичность предполагает навыки индивидуального регулирования отношений людей с окружением; нормы - его социальный аспект. Изменение идентификаций и отклонения от нормы рассматриваются как источники динамики в культуре.

8. Актуализация идентичностей и норм происходит в процессах социального взаимодействия и коммуникации. Она может быть сведена к общим структурным формам, если рассматривать процессы подобного рода в их идеально-типических характеристиках. Соответственно, выделяются парадигмы социального взаимодействия и коммуникации в напряженных ситуациях, где освоение и использование знаний и навыков происходит особенно интенсивно. Рассматриваются три фундаментальные парадигмы такого рода: консолидация, конфликт, переговоры.

9. Изучение процессов социализации/инкультурации позволяет понять динамические характеристики не только личностного становления, но и более широкого социокультурного контекста, во-первых, за счет внимания к вариациям освоения культуры, а во-вторых, благодаря акценту на изменениях социокультурного опыта при межпоколенной трансляции.

Контрольные вопросы

1. Какие внутринаучные факторы обусловили формирование направления «личность и культура» в рамках социальной и культурной антропологии?
2. Почему и когда направление «личности и культура» получило название «психологическая антропология»?
3. Каковы основные проблемы, решаемые в рамках психологической антропологии?
4. В чем заключаются сходство и различия между понятиями «социализация» и «инкультурация»?

5. Что такое возрастные кризисы, каково их содержание с точки зрения социализации/инкультурации?
6. В чем состоит познавательная значимость изучения первичной социализации/инкультурации, и почему это понятие противопоставляется всем остальным ее этапам?
7. Каковы основные антропологические предпосылки научения?
8. Какими существенными факторами обуславливается процесс успешной первичной социализации/инкультурации?
9. Каковы основные расхождения в социально- и культурно-антропологических трактовках значимости детского опыта для формирования личности взрослого человека?
10. Почему необходимо выделять уровни связей человека с окружением при изучении освоения людьми их культурного окружения?
11. Какова значимость культурно-пространственного измерения социализации/инкультурации для адаптации личности в окружении?
12. Какова значимость временного измерения социализации/инкультурации для адаптации личности в окружении?
13. Каким образом следует дифференцировать социокультурное пространство социализации/инкультурации при изучении динамики культуры?
14. Для чего и как дифференцируется временное измерение процессов социализации/инкультурации?
15. Какие агенты детерминируют процесс социализации/инкультурации после детства на различных стадиях индивидуального жизненного цикла?
16. Почему при изучении процессов социализации/инкультурации важно обращаться к этнологическим основаниям?
17. Какова познавательная значимость представлений о норме и отклонении применительно к личностной активности в контексте изучения динамики культуры?
18. Что такое парадигма социального взаимодействия, и каково место этого понятия в изучении динамики культуры?
19. Как определяется парадигма консолидации, и в каких социокультурных ситуациях она уместна?
20. Как определяется парадигма конфликта, и при каких условиях она актуализуется?
21. Как определяется парадигма переговоров, и при каких условиях она оказывается наиболее эффективной?
22. Как в рамках социальной и культурной антропологии трактуются переходы между парадигмами социального взаимодействия?
23. Для решения каких задач, связанных с изучением динамики культуры, следует использовать концепции социализации/инкультурации?

Раздел IV

ИДЕИ НЕОБРАТИМОСТИ И ОБРАТИМОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

В области социальной и культурной антропологии существуют направления, которые специально ориентированы на изучение динамики общества и культуры. Речь идет об эволюционизме и концепции волнообразных социокультурных изменений. Эволюционизм исторически представляет собой одно из самых ранних направлений в рамках этой науки. Его сторонники опирались на прогрессивистские идеи эпохи Просвещения, которые, в свою очередь, были непосредственно связаны с той линией христианской онтологии, в которой утверждался путь человечества к спасению через совершенствование¹.

Эволюционизм развивался как опровержение и противопоставление идеям деградации и поначалу имел сильную ценностную окраску. Позже идеологическое противостояние угаало, тогда как исследовательские интенции эволюционистов приводили к накоплению все большего количества эмпирических данных и теоретических разработок, указывающих если не на улучшение, то по крайней мере на усложнение таких аспектов совместной жизни людей, как социальная организация, технологии жизнеобеспечения, способы управления и т.п.

Становлению направления способствовал и другой сильный интеллектуальный импульс: оно противостояло господствовавшему тогда взгляду на человеческую историю как на цепь уникальных, не повторяющихся событий. Историки и философы истории полагали, что динамика общества и культуры не может быть описана языком закономерностей, что они

¹ Эта линия противостояла другой, где апофеоз человечества рассматривался как невозвратное прошлое, и в удел ему оставалась безнадежная деградация.

представляемы лишь в виде хроник. Эволюционисты же, напротив, исходя из идеи о человеке как о части природы, считали, что его движение во времени столь же закономерно, сколь и широко распространенная в те времена естественная история, и они усиленно собирали соответствующие свидетельства. В целом эволюционизм формировался как теория необратимых социокультурных изменений, повышающих уровень адаптированности людей к своему окружению.

По мере развития этого направления и роста претензий его сторонников на универсальность их теорий постепенно стали накапливаться факты, которые невозможно было объяснить на основании эволюционных моделей. В противовес актуализировалось иное, так называемое циклистское направление, в рамках которого акцентировались не природные, но культурные начала, в основном связанные с идеями и образами. Его основу составляло традиционное допущение о периодическом повторении жизненных событий, подобном природным циклам. Такие концепции истории были, как и эволюционизм, образцом номотетического (законообразного) подхода к социокультурной динамике и противопоставлялись ее идиографическому (утверждающему неповторимость исторических событий) толкованию. Однако в их рамках утверждалась иная форма исторического процесса: не непрерывность, но дискретность культурной динамики в историческом времени; не «осевая» направленность, но обратимость культурных процессов; не панкультура, но совокупность различных по своим основаниям культур и цивилизаций как модус существования человеческой популяции. И эти характеристики утверждались в качестве универсальных.

Сегодня становится совершенно очевидным, что динамика социокультурной жизни не может быть удовлетворительным образом представлена ни эволюционной, ни циклической теориями, ни их сочетаниями. За пределами интерпретации остается множество динамических событий, которые не описываются ими. Тем не менее оба подхода имеют значительный эвристический потенциал, если четко определить границы их применимости и пределы интерпретативных возможностей.

В результате освоения темы «Идеи необратимости и обратимости социокультурных процессов» студент должен:

знать

- классическую и современную трактовки эволюционизма;
- эвристические возможности эволюционистских идей в контексте современных исследований динамики культуры;
- гуманитарную и социальную трактовки концепции волнообразной формы культурных процессов;

уметь

- использовать концепцию эволюции (развития) для выделения определенной характеристической формы процесса социокультурной динамики;
- выделять факторы и механизмы, детерминирующие социокультурный процесс как эволюционный;
- различать гуманитарное представление о культурных «циклах» и социальную концепцию волнообразных изменений в культуре;

- определять объект исследования, динамику которого можно изучать с помощью эволюционной теории;
 - выделять эволюционные механизмы в пределах конкретной социокультурной единицы;
- владеть***
- представлением о внешних и внутренних факторах, детерминирующих эволюцию социокультурной единицы;
 - навыками построения программы исследования волнообразных процессов в культуре.
-

Глава 7

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ИДЕИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

В предыдущих главах речь шла о так называемых микродинамических процессах, т.е. изменчивости событий, переживаний, представлений, действий, отношений, которую можно проследить в пределах жизненного цикла одного-трех поколений. Это временной период, равный примерно столетию, где с помощью предложенных ранее теоретических моделей оказывается вполне возможным проследить некоторые тенденции на уровне как отдельных культур, так и в глобальном масштабе и объяснить их происхождение, существование, направленность движения. Однако, чтобы дать им оценку в долговременной перспективе, необходимо проводя сравнения современного состояния культуры определенного общества или конкретных общераспространенных культурных черт с теоретически организованными представлениями о прошлом, дать ему оценку в исторических масштабах времени.

Важно запомнить!

Вплоть до настоящего времени наиболее влиятельной научной моделью исторического процесса в социальной и культурной антропологии остается эволюционизм. Он задает систематическую схему необратимых культурных изменений, называемую эволюцией, или развитием, применение которой позволяет оценить рассматриваемую культуру или культурную черту в соответствии с установленными критериями.

О том, что собой представляет такая модель и как с ее помощью описываются и сравниваются тенденции социокультурной динамики, и пойдет речь в этой главе.

Концепция эволюции была предложена еще Г. Спенсером. Утверждалось, что необратимые изменения культурных феноменов осуществляются в направлении от относительно неопределенной, бессвязной гомогенности к относительно более упорядоченной согласованной гетерогенности. Это происходит благодаря постепенной дифференциации и интеграции¹. Человеческая культура рассматривается как совокупность процессов адаптации людей, организованных в общества, к их природному окружению. Понятие

¹ См.: *Carneiro R.* Four faces of evolution unilinear, universal multilinear, and differential // *Handbook of Social and Cultural Anthropology* / J. Homgman (ed.). Chicago, 1973.

«адаптация» устойчиво сохраняется на протяжении всего существования эволюционизма и особенно активно используется в настоящее время в эколого-антропологических, «культурно-материалистических» исследованиях.

Интерес к эволюционным идеям в мировой науке об обществе и культуре не оставался неизменным. После широкого их распространения в конце XIX — начале XX в. это теоретическое направление стало считаться чуть ли не единственным универсальным для объяснения социокультурных явлений и процессов. Однако уже в начале XX в. оказалось, что существуют многочисленные факты, не поддающиеся интерпретации в терминах развития. И по мере продолжения исследований общества и культуры их становилось все больше. Теория начала утрачивать научный авторитет и постепенно была вытеснена функционалистскими идеями. Однако, поскольку оба направления базировались на одних и тех же, эволюционных, допущениях о генезисе и существовании общества и культуры, функционализм в своем становлении с неизбежностью вышел на концепцию динамики социокультурных систем именно в таком ключе.

Интерес к идеям эволюционизма начал возрождаться в 50-е гг. XX в. Появляются и все шире распространяются работы, посвященные установлению аналогий и связей между биологической и культурной эволюцией. Немаловажным катализатором этого процесса стало празднование столетия со дня выхода в свет работы Ч. Дарвина «Происхождение видов», ознаменовавшееся юбилейной дискуссией, посвященной проблемам развития, в Антропологическом обществе США и выходом в свет трехтомника «Эволюция после Дарвина» (1968) и «Эволюция и антропология: оценка за столетие» (1958).

Характеризуя ситуацию конца 1950-х — начала 1960-х гг., Т. Парсонс писал: «Медленно и почти незаметно акцент в социологии и антропологии смещается от явного отсутствия интереса к проблемам социальной и культурной эволюции к эволюционистским рамкам»¹. Этот поворот был обозначен как «неоэволюционизм» и объединяет весь спектр теоретических ориентаций, связанных с изучением необратимых социокультурных изменений, обусловленных отношениями человека как вида с его природным и искусственным окружением. В этих теоретических рамках были получены значимые обобщения и выводы, относящиеся к закономерностям глобальных процессов социокультурного развития, поиску их элементарных единиц, обоснованию правомерности проведения различий между общей и специфичной, микро- и макроэволюцией.

Считается, что эволюционный процесс обусловлен действием механизмов адаптации двух типов — биологические и культурные. Они относительно независимы друг от друга как по функционированию, так и по последствиям, но совместно контролируют параметры отношений людей с окружением. С их помощью регулируются значения соответствующих переменных (например, обмен ресурсами, информацией, антропогенное давление на среду и т.п.), которые меняются как под влиянием человеческих интенций, так и под давлением средовых факторов. Изменения под-

¹ *Parsons T. Evolutionary universals in society // American Sociological Review. XXIX. № 3. 1964. P. 339.*

разделяются на два основных типа. Во-первых, вариации, под которыми понимается тип динамики, не выходящей за границы установившегося состояния системы и не меняющей его. Таким образом, они находятся под контролем механизмов поддержания целостности. Во-вторых, структурные изменения, предполагающие смену конфигурации параметров или порождение новых переменных, определяющих связи социокультурной единицы с окружением. Они, регулируют изменчивость. Когда действие обоих типов механизмов прекращается, система может разрушиться или полностью трансформироваться. Однако этот случай не отождествляется с концепцией биологической мутации из-за того, что, по определению, «естественная» и социокультурная эволюция не тождественны¹.

Важно запомнить!

Обычно принято выделять три типа эволюционных концепций: однолинейная, универсальная и многолинейная. Концепция однолинейной эволюции базируется на допущении наличия универсальных стадий последовательного развития социальных систем (например, классические «дикость — варварство — цивилизация»). Соответственно считается, что на базе широкомасштабных сравнений различных культур можно выделить такие стадии. Идея универсальной эволюции является продолжением традиции Л. Моргана, где последовательность в развитии культуры выводится на самый высокий уровень обобщения с отвлечением от разнообразия условий и черт совместного существования людей. Концептуализация ограничивается лишь универсалиями, не вызывающими возражений характеристиками. Теория многолинейной эволюции связана с допущением возможности множества примерно равноценных путей социокультурного развития. Сторонники этой позиции не стремятся к установлению всеобщих законов эволюции. Они ограничиваются изучением отдельных регионов и построением эмпирических обобщений относительно наблюдаемых исторических повторов и параллелизмов².

Большое внимание уделяется исследованию связи человеческих популяций и отдельных сообществ с природным окружением. Эта ветвь неоэволюционизма называется по-разному: экологической антропологией, человеческой адаптацией, культурной географией. Известные антропологи Э. Вайда и Р. Раппопорт назвали это направление культурной экологией, и первый этап его развития отнесли к появлению работы Дж. Стюарта «Теория изменения культур: методология многолинейной эволюции» (1955). Исследования такого рода связаны с изучением отношений социокультурной системы с природным окружением, связанных с адаптацией, которая понимается не как состояние, но как перманентный процесс, поскольку ни одна культура не считается столь совершенно приспособленной к среде, чтобы достичь полного равновесия с ней. В ходе этого процесса происходят дифференциация, усложнение единицы, возникают новые феномены. Главная исследовательская задача состоит в выяснении того, дают ли они начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера.

¹ Alland A. *Evolution and Human Behavior*. N. Y., 1969. P. 196–197.

² См.: Steward J. *Theory of Cultural Change. The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, 1955.

Считается, что основные механизмы такого отношения системы с окружением заложены в ее культурном ядре, т.е. институтах, технологиях, формах производства и распределения средств существования. Обычно к ним относят экономику, политику, нормативные системы (в том числе религию). Основным инструментом адаптации считается «технологический базис». Его изменения влияют на сдвиги в запросах, что в свою очередь порождает перегруппировку связей культурного ядра с другими внешними элементами. Таким образом, процессы культурно-экологической адаптации носят конструктивный по отношению к социальной системе (но не всегда по отношению к окружению) характер.

Выделяются также компоненты культуры, не входящие в ее ядро (например, эстетические, идентификационные, стилевые и т.п.) и не участвующие в процессах адаптации социальной системы к внешним изменениям. Они не находятся в жестких причинно-следственных зависимостях друг от друга и потому могут варьироваться в относительно широких пределах. Такая изменчивость определяет отличающие культурные различия, и их следует объяснять с помощью особых закономерностей, характеризующих «специфическую эволюцию» каждого конкретного общества.

Важной ветвью неозоологизма стала концепция модернизации, выделяющая современные развитые общества в качестве такой совокупности необратимых социокультурных изменений, которая обеспечивает имеющим ее социальным системам определенные гарантии развития. К культурным чертам, отличающим традиционалистские (расположенные ниже на шкале эволюции) общества от модернизованных (занимающих высшую позицию на эволюционной шкале), принято относить: современные, базирующиеся на научном знании технологии и производство, сменившие ручной труд и природные материалы; демократический политический режим, сменивший авторитарные и олигархические; универсалистская система законов, сменившая обычное право; социальный статус, достигаемый путем личных усилий, сменивший статус предписанный по рождению; рационализация социокультурной жизни, сменившая ее мифологизацию; универсалистская философия человека, общества, культуры, сменившая партикуляристскую, узко локалистскую, националистическую. Все эти черты считаются важными факторами общей эволюции. Они распространялись через такие пути и средства, как миграция, колонизация, завоевания, торговля, индустриальная экспансия, финансовый контроль, культурное влияние более развитых стран. Постепенно ориентации на массовое повышение качества жизни собственными силами, на расширение зоны контроля над условиями и процессами собственного существования, на демократизацию внутреннего устройства охватили большинство стран мира.

Однако модернизационные процессы не осуществляются беспрепятственно. Дело в том, что механизмы регулирования динамики социальных систем воплощены не только в их социальных институтах, экономических и политических организациях. Они концентрируются прежде всего на уровне привычек, нравов, стереотипов поведения. На первом уровне они действуют относительно гибко, поскольку связаны с рациональным контролем над социокультурными процессами, а в условиях модерниза-

ции — с ускорением обновления технологий и рынка благ и услуг. Второй уровень обычно не рефлексивируется и соответствующие ему механизмы действуют жестко и автоматически вне зависимости от их эффективности. В конце концов сложилась ситуация, когда люди оказались неспособными на втором уровне приспособиться к изменениям, которые сами же создали благодаря взаимодействиям в соответствии с механизмами первого уровня. Соответственно эволюционистские исследования ориентированы на поиск средств преодоления подобных затруднений.

7.1. Основания классического эволюционизма¹

Понятие «эволюции» начало использоваться в Англии в XVII в. для обозначения упорядоченной последовательности событий, причем такой, в которой выход каким-то образом содержится внутри нее с самого начала. Такое употребление понятия отражало преобладающий философский взгляд на природу исторического процесса. Начиная с Аристотеля в философской среде была распространена вера в то, что вещам свойствен внутренний принцип развития, воплощенный в «семени», или «герме». Эту точку зрения разделяли Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель. Она была ключевой в рациональном объяснении изменчивости форм жизни, начиная с XVIII в., а в XIX в. укоренилась в изучении человеческого общества и культуры. Базу социокультурного классического эволюционизма заложили такие мыслители, как Г. Спенсер, Э. Тайлор, Л. Морган, которые обосновали возможность социальной науки и в ее терминах стремились объяснять феномены культуры как производной естественных причин. Это отличало их от предшественников, считавших историю человечества последовательностью уникальных событий, не поддающихся объединению в регулярные последовательности. Порождение же этих событий одни объясняли свободой воли, случайностью, а другие — божьим промыслом. К 40-м гг. XIX в. научный метод, столь успешно применявшийся в естественных науках и лингвистике, распространился на изучение человеческого общества и культуры. О. Конт, Дж.-С. Милль, Г. Бекль начали, а классические эволюционисты успешно продолжили работу в этом направлении.

Во-вторых, определились источники данных, на которых до сих пор базируется реконструкция культурной эволюции. В то время они использовались произвольно, не в равной мере и не систематически.

Важно запомнить!

Можно выделить три основных типа таких источников.

- Археологические данные. Они были относительно малочисленными и могли обеспечить материал лишь для предположений об условиях жизни преисторического человека. На их основе были разработаны общие гипотезы, ставшие затем исходными допущениями о том, что динамика человеческой культуры

¹ Раздел написан на основе: *Gruber J. Forerunners; Carneiro R. I. Classical evolution; Kennedy K. A. R. Race and culture // Main Currents in Cultural Anthropology. Naroll R., Naroll F. (eds). N. Y., 1973.*

характеризуется движением от простоты к сложности с точки зрения как социальной организации, так и технологий. Обеспечивая представления о направленности социокультурной эволюции, археологические данные оказались явно недостаточными для понимания деталей исторического развития человечества.

- Письменные исторические источники. В распоряжении исследователей в это время находились богатые документы об изменениях общественной и культурной жизни, которые происходили примерно в течение трех тысячелетий. Свидетельства истории позволили обнаружить некоторые общие тенденции культурного развития. Однако пробел, существовавший между представлениями о предысторическом и историческом этапами человеческой эволюции, оставался незаполненным.

- Непосредственные наблюдения «примитивных» обществ. Существовало (и доныне существует) не доказанное, принимаемое на веру допущение, что дописьменные, племенные сообщества аналогичны тем, что стали в глубоком прошлом переходным звеном от предыстории к истории человечества. Соответственно на основании их изучения исследователи пытались выстроить концептуальные модели самых ранних стадий социокультурной эволюции.

В-третьих, к этому времени в исследовании общества и культуры утвердился сравнительный метод. К моменту появления антропологии он уже существовал в биологии и филологии. И хотя в рамках эволюционизма он еще не был систематическим образом сформулирован, в исследовательской практике сравнения использовались постоянно.

7.2. Характеристики культурной эволюции

Анализ классических работ позволяет выявить то общее представление об эволюционном процессе, которое сложилось как парадигма для рационального отбора и обобщения данных о человеческой истории и во многом сохраняется до сих пор. Вначале следует выделить общие исходные допущения, на которых базируется сама идея эволюции.

Психическое единство человека. Практически все классические эволюционисты придерживались концепции видового психического единства человечества. Из нее выводилось наличие культурных параллелей, обнаруживаемых в истории. Э. Тайлор, Л. Морган, Д. Фрейзер и др. полагали, что психика человека как такового одинакова во все времена и повсюду. Этот принцип остается фундаментальным и для современных антропологических исследований. Однако из него отнюдь не следует представление о культурной эволюции как о разворачивании имманентных психических свойств человека. В классических работах она в основном интерпретировалась как реакция человеческого сообщества на внешние условия существования. Отнесение причин развития к неуловимому «герму», как это было раньше, оставляло их недоступными для понимания. Поэтому охотно была принята модель естественного отбора Ч. Дарвина, связавшая изменения организмов с их взаимодействием с окружением. Соответственно у Л. Моргана и Э. Тайлора можно найти объяснение сходства культурных черт в различных обществах подобием жизненных условий.

Движение от простоты к сложности. Этот принцип принимается в качестве логической необходимости развития. В идеях «семени», или «герма», негласно присутствующих в эволюционизме, содержится представление о том, что из простого нерасчлененного элемента при определенных условиях начинает «разворачиваться» процесс имманентной дифференциации, последовательного усложнения заложенных в нем потенций. На поддержку этой идеологии были ориентированы археологические и исторические исследования, результатами которых подтверждалось, что предшествующие эпохи были более простыми, чем последующие. Как писал Л. Морган «Все факты человеческого познания и опыта свидетельствуют о том, что человеческая раса как целое последовательно прогрессировала от низшего к высшему состоянию»¹. Соответственно считалось, что существуют объективные критерии для подтверждения этой направленности процесса. Среди них назывались такие культурные черты, как ремесла, переработка природных ресурсов, агрокультура, строительство, рациональное познание, моральный кодекс, религия, социальная и политическая организация и т.п. Г. Спенсер, Э. Тайлор, полагали, что в соответствии со степенью их развитости можно объективно и точно упорядочить весь ход культурного развития от более простых к более сложным формам.

Закономерность культурного развития. Эволюция человеческой культуры в целом и отдельных культур изначально рассматривалась как закономерный процесс. Считалось, что социальные и культурные институты развиваются одинаковым образом, т.е. последовательно сменяют друг друга по всему земному шару. Соответственно задача антропологов заключалась в том, чтобы «открыть» форму закономерности и логически вывести из нее непрерывность исторического процесса. Допущение о том, что настоящее вырастает из прошлого, позволяло сегодняшнее состояние человеческой культуры считать продолжением более раннего. Было принято исходить из того, что в общей истории культуры нет разрывов и непоследовательности. Так, Э. Тайлор, выражая общую для эволюционистов точку зрения, утверждал: «Ни одна из стадий цивилизации не возникала спонтанно, но выростала или развивалась из предшествующей стадии. Это великий принцип, которого положено придерживаться каждому ученому, если он намеревается понять либо мир, в котором живет, либо историю прошлого»².

В то же время ранние исследователи полагали, что конкретные человеческие сообщества в своей реальной истории могут пропускать некоторые стадии общего развития. Это важное допущение сохраняло эволюционную модель в качестве общей теории при наличии фактов, не соответствующих предлагаемой форме последовательности. Оно, в частности, позволило решить спор об обязательности предшествования пастушеской стадии социокультурного развития по отношению к агрокультурной путем компромиссного вывода о том, что ее отсутствие в истории конкретных сообществ не мешает их эволюции.

¹ *Morgan L. H. Ancient Society / L. A. White (ed.). Cambridge (Mass.), 1964. P. 58.*

² *Tylor E. B. Anthropology. N. Y., 1916. P. 20.*

Другой способ сохранить идею непрерывности связан с концепцией пережитков, введенной в научный оборот Э. Тайлором. Согласно его определению — «это процессы, обычаи, мнения и т.п., которые были насильно или по привычке перенесены в общество в его новом состоянии, отличном от того, в котором они родились, и они, таким образом, сохраняются как свидетельства и примеры прежнего состояния культуры, из которых развилось новое»¹. Соответственно, рассматривая такого рода явления, исследователь может по ним реконструировать прошлые состояния общества, понять смысл и значение тех культурных явлений, объектов и образований, существование которых иначе оставалось бы применительно к современности необъяснимым. К этому концепту широко обращались Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Макленнан, Дж. Фрейзер.

Форма культурного развития. В рамках классического эволюционизма развитие культуры не рассматривалось в прогрессивистском духе как неизменно линейный процесс, направленный лишь вперед и вверх. Так, Г. Спенсер писал: «Современная теория деградации неприемлема, но теория прогресса в ее первоначальной форме также представляется неверной... Возможно, и я полагаю, вероятно, что ретроградия (возвратное движение) было столь же частым, как и прогрессия (поступательное движение)»². Такого же мнения придерживался Э. Тайлор, отмечая ошибочность мнения о том, «что цивилизация всегда находится в движении и это движение всегда прогрессивно». «Напротив, — писал он, — история учит, что она надолго остается неизменной и даже возвращается назад»³. Однако их конечным заключением было представление о том, что эволюция доминирует над регрессией. Так, Э. Тайлор подчеркивал, что «история низших, как и высших рас не есть история деградации и даже равномерного раскачивания вперед и назад, но движения, которое несмотря на частые остановки и возвраты в целом было поступательным»⁴.

Утверждения такого рода были весьма значимыми для эволюционистов. Они противопоставлялись влиятельной в то время концепции «деградационизма», утверждавшей общую тенденцию снижения по сравнению с «высокой» культурой «золотого века». И хотя к 70-м гг. XIX в. эта идея утратила влияние, она еще продолжает быть точкой отсчета в научных и философских дискуссиях.

Более того, развитие не рассматривалось как униформный, однолинейный процесс. Хотя часто подчеркивалась его закономерность, тем не менее не считалось, что каждое общество проходит через одни и те же последовательные ступени движения. Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрейзер, Дж. Макленнан, Л. Морган — все они полагали, что социальный и культурный прогресс представляет собой постоянно, вновь и вновь расходящиеся и дробящиеся множественные процессы, каждый из которых порождает новые, в зависимости от внешних условий ускоряющих или замедляющих

¹ *Tylor E. Primitive Culture. L., 1871. P. 14-15.*

² *Syenser H. The Principles of Sociology. Vol. 3. N. Y., 1897. P. 93.*

³ *Tylor E. Anthropology. P. 18.*

⁴ *Tylor E. Researches Into the Early History of Mankind. L., 1870. P. 193.*

такую дифференциацию. Из этого следовало, что общества, находящиеся в несходных условиях, меняются по-разному. Соответственно в каждый период времени состояние человечества можно представить как совокупность единиц, характеризующихся разными ступенями и скоростью развития. Эта концепция получила название дифференциальной эволюции и применялась не только к человеческой истории «в целом», но и к изучению отдельных культур. Как отмечал Макленнан, «различные секторы каждого общества должны представлять неравномерность развития»¹.

Для реконструкции исторического процесса представление о дифференциальной эволюции было очень важным, так как позволяло делать выводы о прошлом на основании синхронных сравнений. Дж. Фик, последователь Г. Спенсера, так сформулировал эту позицию: «Существует путь социального развития, на котором в зависимости от обстоятельств одни народы продвигаются больше, другие меньше, третьи совсем немного... изучая существующие дикие и варварские народы, мы получаем ценный ключ для интерпретации предысторических времен»². Однако в некотором специфичном смысле все же утверждалась известная векторность, однонаправленность культурного развития. Последовательность «дикость — варварство — цивилизация» считалась необходимой, закономерной для всех человеческих племен, хотя пути движения от стадии к стадии предполагались различными.

Таким образом, существовала своего рода идеальная модель эволюционного процесса, которая не описывала, как в реальности происходили изменения на общем и локальном уровнях, но обеспечивала концептуальную систему соотнесения при сравнении и обобщении эмпирических данных.

Скорость эволюции. Классический, как и современный эволюционизм предполагает, что культурное развитие постепенно ускоряется в ходе исторического времени. Считалось, что на ранних его стадиях прогрессивные изменения осуществлялись крайне медленно. Так, Л. Морган писал: «Первые искусственные приспособления и социальные организации, конечно, были труднодостижимы и соответственно отделены друг от друга длительными временными промежутками». Однако по мере поступательного движения человечества его скорость возрастала «не строго, но в общем в геометрической прогрессии»³. Согласно Г. Спенсеру, такая закономерная форма ускорения объясняется «умножением результатов» эволюционного процесса и «ростом гетерогенности» социокультурных систем⁴.

К этому следует добавить, что, согласно классическим идеям, общества различаются мерой своих возможностей к продолжению развития. Так, Г. Спенсер полагал, что более простая организация может оказаться лучшей предпосылкой для нового эволюционного шага, чем более сложная, но и более жесткая структура. Ригидность может стать сильным препят-

¹ *McClenman J. F. Studies in Ancient History. L., 1896. P. 13.*

² *Fiske J. The Doctrine of evolution: its scope and influence // The Popular Science Monthly, 1891. № 39. P. 586.*

³ *Morgan L. Ancient Society / L. A. White (ed.). Cambridge (Mass.), 1964. P. 39.*

⁴ *Spencer H. First Principles. N. Y., 1896. P. 452.*

ствием к дальнейшему усложнению системы: уже существующие паттерны приспособления будут мешать выработке или заимствованию новых, более эффективных, и становится тормозом для развития. В этом смысле менее организованные системы могут иметь определенные преимущества в заимствовании социокультурных образцов, позволяющих увеличить меру их адаптивных возможностей, что ускорит их эволюцию.

Представления о доисторическом обществе. Реконструкция процесса социокультурного развития считалась в рамках классического эволюционизма основной задачей. В этой связи концепция доисторического общества стала отправной точкой такой реконструкции и нижним полюсом эволюционной шкалы. Но классики понимали принципиальную невозможность такой процедуры. Они признавали, что никогда не будет получено достаточных эмпирических доказательств, позволяющих решить проблемы, связанные с возникновением и первыми стадиями существования человеческого общества и культуры. Разумеется, некоторые антропологи, особенно Л. Морган, Дж. Фрейзер, Дж. Макленнан строили гипотезы относительно ранних форм человеческой культуры. Однако такие спекуляции отнюдь не были общей отличительной чертой классического эволюционизма, как это нередко считается.

Разумеется, концепция дифференциальной эволюции подразумевала, что современные «примитивные» общества можно (хотя в общих чертах и весьма приблизительно) приравнять к «первобытности». На этом базировалось использование сравнительного метода как адекватного средства реконструкции исторического процесса. Дж. Фрейзер, отмечая, что в изучении культурной эволюции существует множество пробелов, полагал, что их можно заполнить, руководствуясь принципом непрерывности «с помощью сравнительного метода, который позволяет нам заимствовать звенья из одной цепи доказательств, чтобы заполнить разрывы в другой»¹.

Считалось также, что градация известных обществ по сложности служит надежным основанием для реконструкции хода культурной эволюция в деталях. По мнению Э. Тайлора, например, «состояния человека на низшем и высшем из известных уровней культуры разделены обширным интервалом; однако этот интервал так заполнен известными промежуточными стадиями, что непрерывная линия между самой низкой дикостью и самой высокой цивилизованностью остается ненарушенной в любой критической точке»². Несмотря на общее согласие относительно справедливости этого принципа, все же признавалась его ограниченность в объяснении деталей эволюционного процесса. Так, отмечая обоснованность общих выводов, полученных с помощью сравнительного метода, Г. Спенсер писал, «что более специальные (выводы — Э. О.) следует считать лишь вероятными»³. При построении представлений о доисторических обществах на основе наблюдения за современными племенами классические эволюционисты

¹ Frazer J. G. *Psyche's Task*. L., 1913. P. 172.

² Tylor E. B. *Anthropology* // *Encyclopedia Britannica*. 1910. Vol. 2. P. 116.

³ Spenser H. *The Principles of Sociology*. Vol. 2. N. Y., 1899. P. 243.

были весьма осторожны в проведении аналогий Так, Г. Спенсер, Л. Морган и Э. Тайлор полагали, что первобытный человек по своему развитию был существенно ниже, чем представители самого неразвитого из современных «примитивных» обществ.

Детерминанты культурной эволюции. В классических работах не обнаруживается последовательно сформулированных теорий детерминации культурной эволюции. Здесь можно встретить множество каузальных (причинных) объяснений. Ранние авторы полагали, что именно конкретные локальные факторы порождают те культурные образцы, которые впоследствии приобретают эволюционную значимость. Так, Дж. С. Милль писал: «Обстоятельства... которые влияют на состояние и прогресс общества, неисчислимы и бесконечно изменчивы; и хотя все они меняются согласно причинам и, следовательно, законам, множественность причин столь велика, что превосходит наши ограниченные способности к подсчету»¹. Соответственно сама возможность построения какой-либо общей теории, обеспечивающей единое причинное объяснение культурной эволюции, оставалась за рамками решаемых проблем. Тем не менее можно попытаться выделить основные факторы, которые назывались в качестве причин эволюционных изменений и которые можно отнести к двум основным классам: антропогенные и средовые.

Концепция имманентной причинности представляет культурную эволюцию как процесс разворачивающихся человеческих потенций. Здесь определяющая роль обычно отводится психике и ее носителям (расам и индивидам). Другой тип теорий подчеркивает роль факторов, внешних по отношению к человеческому организму. Соответственно детерминанты культурного развития отыскиваются на уровне природного или социального окружения и воплощаются в таких типах реакций на него, как системы жизнеобеспечения, технологии, завоевания, заимствования.

В настоящее время признается одновременное действие обоих классов факторов, однако и в современных теориях можно обнаружить приверженность либо «антропогенным», либо «средовым» моделям объяснения социокультурной динамики.

7.3. Антропологические, имманентные детерминанты эволюционного процесса

Идеи как побудители культурной эволюции. Эту позицию эволюционисты заимствовали у французских рационалистов и просветителей, которые, отказавшись считать промысл божий детерминантой человеческой истории, стали рассматривать развитие общества и культуры как продукт человеческого разума. В XIX в. эти идеи разрабатывались О. Контом и Дж. С. Миллем. Так, Дж. С. Милль писал: «Любое значительное продвижение по пути материальной цивилизации предворялось продвижением в познании; когда происходило каждое великое социальное изменение, ему непо-

¹ Mill J. S. A system of Logic. N. Y., 1846. P. 549.

средственно предшествовало изменение общественного мнения и способов мышления»¹.

Здесь значительная роль отводилась таким феноменам, как «архетипические идеи» (Г. Майн), «элементарные идеи» (А. Бастиан), «гермы мысли» (Л. Морган). Исходя из представления об антропологически инвариантной конструкции человеческого мозга и психики, сторонники этих концептов полагали, что такого рода образования свойственны человеческой природе как исходные пункты порождения множества сложных культурных институтов. Для того чтобы реализоваться на уровне идей и действий, эти «первоначала» должны стать специальными интеллектуальными средствами, развивающимися в результате разнообразных отношений людей с окружением. Эволюция, по мнению Э. Тайлора, осуществляется в движении познания от магии к науке. Ему способствовало изобретение письменности.

Согласно классическому эволюционизму, человек имеет врожденные предпосылки для совершенствования своего менталитета и поведения. Так, Г. Спенсер полагал, что от ранних стадий преэволюции продолжается медленная адаптация человеческой природы к результатам социокультурных процессов. Индивидуальные модификации постепенно аккумулируются в популяции, передаваясь от поколения к поколению как наследственно, так и через традицию. В силу различных условий и обстоятельств существования людей соответствующие качества оказываются у них неодинаково развитыми. Однако различия не являются абсолютными и могут быть преодолены благодаря тому, что присущие человеку способности имеют свойство совершенствоваться.

И все же не следует считать классических эволюционистов безоглядными идеалистами. Признавалось, что хотя идеи и играют значимую роль в развитии цивилизации, сам этот процесс отнюдь не является рациональным. «Состояние общества в любой момент его существования есть результирующая всех амбиций, эгоистических интересов, страхов, отвержений, негодований, симпатий и т.п. современных граждан и их предков. Ходовые идеи при этом состоянии общества должны в среднем соответствовать чувствам граждан и, следовательно, производимому этими чувствами состоянию. Идеи, полностью чуждые этому состоянию, не смогут развиваться; будучи интродуцированными извне, они окажутся невоспринятыми, а если и будут приняты, умрут тотчас же, как пройдет короткая фаза чувств, обусловивших их признание»². Соответственно идеи оформляют представления о существующем состоянии общества и являются стимулами для изменения этого состояния лишь тогда, когда для этого есть соответствующие предпосылки на уровне чувств и активности.

К началу XX в. «идеациональный детерминизм» утратил популярность настолько, что даже стал отрицаться как самостоятельное объяснение культурной эволюции. Тем не менее его вспомогательная интерпретативная роль сохраняется вплоть до настоящего времени, хотя сами характе-

¹ Mill J. S. A system of Logic. N. Y., 1846. P. 585.

² Spenser H. Reasons of dissenting from the philosophy of A. Comte // Essays Scientific Political and Speculative. L., 1891. P. 128.

ристики имманентных антропологических познавательных свойств претерпели существенную трансформацию в результате обобщения многочисленных эмпирических данных.

В качестве носителей «врожденных идей» в классическом эволюционизме использовались два типа единиц: расы и индивиды.

Расовый (этнический) детерминизм. Представления о «коллективном субъекте», воплощающем «врожденные идеи» в эволюционном процессе, нашли отражение в теориях расового детерминизма. Они использовались для объяснения культурных различий в отличие от концепции психического единства, применяемой для объяснения общих черт в культурах разных обществ. Достаточно распространенной была идея эволюционного неравенства рас. Так, Г. Спенсер часто употреблял понятия «высшая» и «низшая» раса. Правда, и он, и вслед за ним Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрейзер, не считали, что психические различия носят базовый, неизменный характер, и не приписывали «примитивным» народам «дологический менталитет». Следует отметить также, что, говоря о расах, все они имели в виду не особую эволюционную единицу, как это было в более поздних и идеологизированных расистских теориях, но отдельное племя или народ, этнос, как сказали бы сегодня. Л. Морган и Э. Тайлор, например, не прибегали к этому понятию как к объясняющему положение соответствующих культур на шкале эволюции. В рамках классического эволюционизма расовые различия признавались и считались количественными, а не качественными; использовались как признак, а не объяснение культурных различий.

Индивиды как детерминанты культурной эволюции. Другим проводником «врожденных идей» считались действия индивидов как причины эволюционных изменений. Так, Дж. С. Милль утверждал, что «законы общественных явлений представляют собой, и не могут быть ничем иным, как законами действий и страстей человеческих существ, объединенных в их социальном состоянии»¹. И хотя обращение к культурной матрице и природным условиям, составляющим внешнее окружение сообществ, считалось необходимым, личностная обусловленность была важным допущением при объяснении эволюции. Это особенно ярко проявилось в концепции «великих людей». Конечно, не сами по себе фигуры гениев рассматривались как движущие силы социокультурного развития. Изобретения и открытия трактовались как результаты предсказуемого, неизбежного синтеза ранее накопленного опыта, который с необходимостью периодически происходил в проблемных областях эволюционного потока. Предполагалось, что гений благодаря своему интеллектуальному потенциалу способен к такому обобщению и облечению его в культурно приемлемую форму.

В рамках направления были и противники этой романтической концепции. И наиболее категоричный из них — Г. Спенсер — связывал такой объяснительный акцент с типом культуры, который сегодня можно было бы назвать авторитарным. По его мнению, приписывание конкретной личности определенной эволюционно значимой инновации есть культурно обусловленный, а не «естественноисторический» факт. Он повторял, что

¹ Mill J. S. A system of Logic. P. 550.

великие люди не создают социальных и политических институтов, и это вообще не вопрос преднамеренного выбора: «Общество — это процесс роста, а не мануфактура»¹. Он считал, что социальные изменения, «привносятся силой, значительно превосходящей индивидуальную волю. Люди, кажущиеся перводвигателями, суть просто ее инструменты; там, где такие люди отсутствуют, быстро находят другие»².

7.4. Внешние детерминанты эволюционного процесса

Факторы окружения. Влияние физического окружения на форму человеческих обществ признавалось по крайней мере с Ш. Монтескье и Д. Вико. Классические эволюционисты весьма осторожно относились к идеям географического детерминизма. Они считали, что сами по себе природные условия не создавали позитивных импульсов для возникновения и развития цивилизаций, а ход эволюции определялся их взаимодействием с культурными факторами.

Жизнеобеспечение. Большое значение в развитии культуры придавалось способам жизнеобеспечения. Выделялись такие его эволюционно значимые формы, как обработка земли и агрокультура, скотоводство, охота и рыболовство, ремесла. Они считались важнейшими для наиболее интенсивного взаимодействия человеческих сообществ с окружением, порождения адаптационных образований, изменений, связанных с улучшением качества жизни, а также для развития технологий.

Экономические факторы. В рамках социокультурного развития им отводилась значительная роль, хотя это не было экономическим детерминизмом. Тем не менее обращение к таким факторам, как развитие промышленности и торговая экспансия оказалось плодотворным при объяснении структурного усложнения человеческих сообществ, изменений в политических структурах³.

Большое значение придавалось институту собственности. Так, Л. Морган подчеркивал: «Трудно переоценить влияние собственности на цивилизацию человечества. Она была гермом и остается свидетельством его прогресса по сравнению с варварством; основой его претензий на цивилизацию. Высшая страсть цивилизованного разума — это ее приобретение и наслаждение ею. В самом деле, правительства, институты, законы порождают множество агентов, предназначенных для создания и охраны собственности»⁴.

Социальные факторы. Социальную детерминацию эволюционных процессов можно определить как объяснение определенных культурных черт наличием или отсутствием определенных форм связей между людьми.

¹ *Spenser H.* The Principles of Sociology. Vol. 3. N. Y., 1897. P. 321.

² *Spenser H.* Social Statics. L., 1851. P. 433.

³ Особый интерес в этом отношении вызывают работы Г. Спенсера, посвященные греческой демократии.

⁴ *Morgan L.* Systems of consanguinity and affinity of the human family. Smithsonian Contributions to Knowledge. 17. Washington (D. C.), 1871. P. 492.

Одной из них, значимой в качестве объяснительной модели, была система родства, семейных отношений. Из нее выводились способы расселения, определенные отношения собственности, некоторые принципы организации сообществ. Другой важной социальной переменной, определяющей историческое развитие, считалась социальная структура, сложность которой считалась показателем степени развитости социокультурной единицы. В качестве ее функций рассматривались такие элементы культуры, как ценности, обычаи, правила владения и наследования собственности.

Завоевания. Важность войн в культурной эволюции, особенно в возникновении государства, была признана задолго до формирования эволюционизма как концептуальной системы. В его рамках эта идея получила более строгий и систематизированный вид. Считалось, что война стимулирует возникновение и развитие целого ряда эволюционных характеристик в сообществе:

— более четкая организация социального взаимодействия в период войн и после них, в особенности в отношении завоеванных соседей, стимулировала процессы социальной дифференциации и стратификации в обществе-завоевателе;

— завоевания и объединения человеческих сообществ с целью экспансии или защиты вели к интеграции их в большие разнородные социокультурные единицы, т.е. способствовали увеличению степени сложности социальных образований;

— такого рода объединения предполагали изменение в структуре социального управления, что вело к усложнению его механизмов: от обычаев предков к специальным политическим системам и к институту государства.

Однако не следует считать, что война рассматривалась как эволюционная универсалия. Позитивная значимость приписывалась ей только на ранних этапах становления культуры. По мере исторического развития ее эволюционные функции считались убывающими, а деградационные, разрушительные — возрастающими. Так, Дж. Макленнан писал: «На низших стадиях общества мы признаем войну как условие возвышения государства и субординации классов... на высших — это просто порок человечества, деформирующий и нарушающий, если не разрушающий, драгоценные результаты и накопления долгих периодов мира и созидания»¹. Даже Г. Спенсер, который в наибольшей степени подчеркивал роль войны в социальной эволюции, считал, что на ранних ее стадиях «из войны было извлечено все полезное, что она могла дать»².

Диффузия и эволюция. Исследователи часто обнаруживали в различных системах одинаковые образования, увеличивающие их адаптационные возможности. Задача, связанная с объяснением их происхождения, в классическом эволюционизме не нашла однозначного решения. Здесь были сторонники идеи независимого изобретения. Они считали сходство институтов, технологий, организационных структур, обнаруживаемое в разных обществах, производной антропологического единства человечества, кото-

¹ *Mc. Lennan J.* Studies in Ancient History. L., 1876. P. 106—107.

² *Spenser H.* The Principles of Sociology. Vol. 3. P. 665.

рое порождает одинаковые структуры представлений, отношений, технологий и т.п. Но эту точку зрения разделяли второстепенные эволюционисты. Ведущие же фигуры придавали первостепенное значение в процессе развития человеческой культуры механизмам диффузии. И это было логическим следствием исходных допущений о непрерывности и последовательности эволюционного процесса. Им отвечала разделяемая Л. Морганом, Э. Тайлором, Дж. Фрейзером идея о том, что относительно немногочисленные и возникающие в разных человеческих сообществах эволюционно целесообразные изобретения после возникновения и успешного применения начинали распространяться благодаря адаптационным преимуществам, которые они обеспечивали тем, кто их заимствовал. Следует, однако, подчеркнуть, что классических эволюционистов более интересовала реконструкция развития культуры вообще, а не механизмы приобретения отдельными народами сходных черт. Поэтому действие механизмов диффузии здесь постулировалось, но отнюдь не анализировалось, а сами процессы не прослеживались.

Естественный отбор. Концепция естественного отбора применялась для объяснения развития культуры в той ветви классического эволюционизма, которая носит название «социальный дарвинизм». Здесь акцент помещается на конкуренции обществ за место в истории. Согласно этой точке зрения, те из них, что лучше оснащены, сохраняются и процветают, а более слабые — угасают или исчезают. Сегодня ясно, что это всего лишь теоретическая гипотеза, которую следует проверять, а не исходное допущение, принимаемое без доказательства.

Принцип естественного отбора был предложен Ч. Дарвином и первоначально относился только к органической, но отнюдь не к культурной эволюции. Первым к ней эту концепцию применил У. Бэйджхот (1867). Позже сам Дарвин со ссылкой на него повторил то же самое, утверждая, что современное состояние человеческой социальности развилось из «инстинктивных» предпосылок благодаря действию естественного отбора. В развитии общества он склонен был подчеркивать значимость не содержания культуры, а личностных качеств людей, передающихся по наследству. В то же время он отдавал дань таким культурным факторам, как технологические усовершенствования, признавая их важность в борьбе обществ за существование. Состязание и естественный отбор, согласно Дарвину, продолжают действовать и в современном мире, хотя с точки зрения прогресса им принадлежит подчиненное место.

Спенсер принял концепцию, однако отказался от термина «естественный отбор», считая, что предполагается сознательный процесс и негласная субъективизация природы. Он предпочитал говорить о «выживании наиболее приспособленных». По его мнению, это понятие было свободным от телеологической тональности, и широко использовалось им при объяснении роста размера и организованности политических единиц.

Понятие «естественный отбор» применялось для объяснения развития большинством классических эволюционистов. Действием этого принципа объяснялись эволюция семьи, технологий и новых идей; в его терминах интерпретировались социокультурные процессы в целом и отдельные их элементы. Как писал Э. Тайлор: «История и этнография совместно под-

тверждают, что институты, которые действуют наилучшим образом, постепенно вытесняют менее приспособленные, и что этот непрекращающийся конфликт определяет общий результирующий курс движения культуры»¹.

Концепция случайных вариаций, отбора и сохранения как общая идея не утратила свою силу и сегодня. Этому механизму формирования устойчивых культурных феноменов посвящено множество современных исследований эволюционистского плана.

7.5. Общие направления современных эволюционистских исследований

Перечисленные выше исходные допущения и представления о детерминантах эволюции составляют общую концептуальную базу неоэволюционизма. Его сторонники не стали заниматься основательным пересмотром и рефлексией к теоретическим основаниям классических идей. Они направили свои усилия на поиски эмпирических свидетельств развития, на повышение степени их достоверности и обоснованности, на изучение механизмов и факторов, обуславливающих изменения локального и глобального характера. Эволюция культуры при этом рассматривается как результирующий концепт, объединяющий в последовательный процесс необратимые изменения, удерживающиеся в мировом масштабе и связанные с организационным усложнением совместного существования людей. Однако считается, что составляющие этого процесса, изменения, ведущие к порождению эволюционных универсалий, совсем не обязательно сами обуславливают развитие.

Культурная единица (система) как объект эволюционного анализа.

Более детальный анализ связи между биологической и социокультурной эволюцией обусловил поиск таксономических социокультурных единиц, сопоставимых с концептами популяции, вида, подвида. Благодаря этому на специально выделенных целостностях прослеживались основные источники локальных изменений и многообразия культурной жизни. Ими сегодня считаются человечество в целом, этносы, социокультурные группы. Работа с ними открывает концептуальные возможности, позволяющие определить закономерности отношений между человеческими объединениями и их окружением через изучение фундаментальных связей между наблюдаемыми здесь биологическими и культурными изменениями. Этим единицам соответствуют концепции панкультуры (культуры человечества в целом), локальных, региональных (этнических) культур, субкультур (групповых культур). Обобщенно их принято обозначать «экосоциокультурная система», или «культурная единица».

В принципе все представители социальной и культурной антропологии разделяли системный взгляд на взаимодействие популяции с природным окружением. Однако впервые последовательно понятие экосистемы здесь начал применять К. Гиртц². С этого времени терминология из общей тео-

¹ Tylor E. Primitive Culture. P. 62.

² См.: Gieertz C. Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesie. Berkeley, 1963.

рии систем распространилась на неоэволюционизм, что было характерно в 1960-х гг. для всех социальных наук.

Социокультурная система стала рассматриваться как состоящая из трех «подсистем»: популяция, окружение, культура. Основной акцент исследования помещался на механизмах, обуславливающих их взаимодействие. Концепции позитивной и негативной обратной связи стали рассматриваться как поддерживающие ее границы и усиливающие распространение адаптационных изменений. Следует отметить, что теперь при изучении существования популяций в среде принималось во внимание не только «чисто» природное окружение, но и те его элементы, которые модифицировались под влиянием антропогенных воздействий. Подчеркивалось, что «в процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно люди вынуждены приспосабливаться уже к тем постоянным изменениям окружения, которым сами положили начало»¹. Была также признана необходимость включить в понятие «окружение» социокультурные параметры, т.е. другие популяции, находящиеся в контакте с изучаемой. На этом, в частности, настаивали Дж. Стюарт и М. Салинс. Наконец, стало отмечаться несоответствие «реального» и «воспринимаемого» окружения. Выяснилось, что знание о представлениях людей об их жизненной среде необходимо для того, чтобы понимать, почему одним ее элементам уделяется повышенное внимание, другие игнорируются; почему и в каких случаях обращаются к воображаемым, а не реальным культурным феноменам для объяснения адаптационных успехов и неудач. Разумеется, действительные причины изменений в связях популяции с другими подсистемами экосистемы интерпретировались только на основе изучения реальных отношений, существующих между ними². Однако анализ их интерпретаций увеличил объяснительный потенциал неоэволюционизма по отношению к накапливающимся в культурной антропологии эмпирическим фактам, особенно связанным с культурными вариациями.

Механизмы эволюции культурной единицы (системы). Концептуализация социокультурной системы — одной из центральных обобщенных единиц анализа эволюции культуры — предполагает возможность структурно-функциональных модификаций, одни из которых связаны, а другие не связаны с ее развитием. Считается, что структурная устойчивость или изменчивость системы зависит от условий ее существования и характера связей с окружением. Соответствующие процессы описываются по аналогии с термодинамической интерпретацией изменения величины энтропии в зависимости от поступления энергии.

В самом общем виде можно выделить три характеристических, или идеально-типических динамических состояния системы, определяемых соответствующими формами изменчивости. Во-первых, процессы ассоциации, объединения, интенсификации связей между компонентами системы, при-

¹ *Sahlins M.* Culture and environment: The study of cultural ecology // *Horizons of anthropology* / S. Tax (ed.). L.; Chicago, 1965. P. 133.

² См.: *Rappaport R. A.* Some suggestions concerning concept and method in ecological anthropology // *National Museum of Canada Bulletin*. 1969. № 230.

соединения к ним элементов извне, возникновение новых функциональных единиц за счет внутренней дифференциации. Это состояние обычно называют ростом, если наблюдается приращение однокачественных элементов, и развитием, если наблюдается умножение их качественного многообразия с последующей интеграцией на более высоком уровне. Во-вторых, установившиеся, стабильные внутренние и внешние отношения. Такое состояние называется равновесным, и оно характеризуется сбалансированными связями системы с окружением. В-третьих, процессы дезинтеграции и дедифференциации, приводящие систему из более сложного в более простое состояние. Дезинтеграция предполагает разбалансировку ранее установленных связей, разрушение их упорядоченности. Дедифференциация означает нарушение границ между элементами, возрастание неопределенности и синкретичности, т.е. нерасчлененной внутренней однородности системы. В этом случае можно говорить о ее деградации.

Изучение динамики социокультурных систем базируется на выделении механизмов, обеспечивающих их самосохранение, с одной стороны, и изменение без разрушения — с другой. Речь идет о механизмах «отрицательной» и «положительной» обратной связи. Концепция заимствована из технических наук и означает стабилизирующее или усиливающее влияние дополнительной энергии, поступающей в систему, на ее реакцию, т.е. может быть уподоблена эволюционному принципу естественного отбора.

В применении к социокультурной системе отрицательная обратная связь предполагает, что в ответ на внешние воздействия, угрожающие нарушению равновесного состояния, включается механизм, ограничивающий — в пределе блокирующий — ее контакты с окружением. В результате их свертывания удается сохранить status quo. Однако чрезмерное и длительное уменьшение внешних обменов лишает систему необходимого объема поступающих извне ресурсов (информация, технологии, блага и услуги и т.п.), что приводит ее к кризису.

Базовым конструктивным механизмом, поддерживающим внутрисистемные изменчивость и многообразие, считается положительная обратная связь. Его действие проявляется в усилении тех внешних или внутренних факторов, которые увеличивают адаптационный потенциал системы или ее отдельных, — в особенности ключевых — составляющих. В этом случае повышается степень сложности, неопределенности, стохастичности системы, что порождает поле возможностей при выборе будущего направления и альтернатив движения. Однако сильный резонанс импульсов, передаваемых таким путем, может породить изменения, которые окажутся разрушительными для функционирования, структуры и границ системы. С действием этого механизма связывается формирование эволюционного процесса, состоящего, как уже было сказано, в организованном усложнении социокультурной единицы.

Другой комплекс механизмов, обеспечивающий развитие системы, базируется на действии принципа минимума диссипации энергии, или минимизации энтропии (И. Пригожин). Применительно к социокультурным исследованиям действие этого принципа можно представить следующим образом. Если в определенных условиях возможны несколько типов орга-

низации взаимодействия, согласующихся с требованиями сохранения или увеличения адаптационного потенциала, то наиболее вероятной оказывается та структура, которой отвечает наименьший рост (или наибольшее убывание) неопределенности и неупорядоченности (энтропии). Поскольку снижение уровня неопределенности связано с использованием внешних ресурсов, реализуются те из возможных форм организации, которые могут в максимальной степени поглощать и перерабатывать соответствующие «входы».

При оценке эволюционного потенциала системных изменений Н. Н. Моисеев предлагает адекватным образом выбирать масштабы времени. Определенная серия процессов (в том числе социокультурных) может быть проинтерпретирована совершенно по-разному в зависимости от того, в каком временном промежутке они рассматриваются. То, что в одних временных пределах видится как функциональные параметры, в других может оказаться элементами организации¹.

Столь же относительным может быть суждение о структурных анти-энтропийных процессах организации социального взаимодействия. Во-первых, рост адаптационного потенциала отдельных элементов может отнюдь не вести к его увеличению в системе как целом при ее текущем состоянии. Более того, эти составляющие могут стать катализаторами структурных изменений — вплоть до разрушения — или формирования новой целостности. Во-вторых, при оценке адаптационных социокультурных процессов не следует руководствоваться моральными критериями. Так, повышение вознаграждений отдельным группам в динамичных неопределенных условиях могут противоречить моральным требованиям, традиционным для установившегося состояния системы.

7.6. Экологическая антропология

Все эти представления нашли максимально полное выражение в культурно-экологическом направлении исследований, для которого характерно комплексное, системное изучение механизмов, структур, результатов и последствий взаимодействий людей с их природным и искусственным окружением, закономерных связей между физическими и социокультурными переменными. Предметную область изучения составляют адаптационные механизмы в отношениях людей с их природным окружением; энергетический обмен между обществом и средой; эволюционные универсалии.

Предшествующие теории подобного рода упрощали суть дела. Так, в рамках географического детерминизма предполагалось прямое одностороннее воздействие природных условий на культуру. Странники же позитивизма признавали лишь ограничивающее влияние природных факторов на формирование культуры, но не на ее развитие.

Для экологической антропологии центральной задачей «стало изучение экономических и экологических факторов и систем, обуславливающих

¹ Моисеев Н. Н. Алгоритм развития. М., 1987. С. 41—42.

жизнеобеспечение»¹. В рамках этой ориентации уже в 70-х гг. XX в. появились многочисленные монографии, учебные пособия, обзорные статьи. С 1972 г. начал выходить специализированный журнал «Human Ecology». Основоположниками этой области познания можно считать М. Салинса, работающего в области экономической антропологии, М. Харриса, разработавшего концепцию культурного материализма, Дж. Стюарта, создателя концепции общей и локальной культурной эволюции.

Общая теоретическая ориентация сформировалась с акцентом на изучение механизмов взаимодействий разнородных социокультурных систем с природным окружением; факторов, определяющих различия между ними; их сравнительной эволюционной значимости. В рамках соответствующих исследований активно используется понятие «адаптация», указывающее на динамические связи сообщества с жизненной средой, обуславливающие его воспроизведение в меняющихся условиях. Концепт отнюдь не предполагает пассивного подчинения людей давлениям среды, обозначаемого специальным термином — приспособление. Адаптация подразумевает взаимодействие людей с элементами окружения, в процессе которого формируются как устойчивые реакции людей на повторяющиеся внешние давления, так и способы воздействия на окружение, приводящие к достижению определенных прагматических целей (удовлетворение потребностей, снижение уровня неопределенности, извлечение ресурсов и пр.).

Общая и специфичная эволюция. Дж. Стюарт и М. Салинс полагают, что функции приспособления к конкретной среде являются источником порождения и поддержания особенностей каждой отдельной культуры. Стюарт также связывает специфичные характеристики культур с особенностями адаптации членов общества, с конкретной средой их существования, принимая во внимание сходство ситуаций в сходных географических условиях². Эти процессы составляют закономерности так называемой специфичной эволюции, т.е. развития отдельных культур. В результате межкультурных взаимодействий и обменов происходит отбор широко распространяющихся адаптационных культурных черт, на базе которых складывается глобальный процесс так называемой общей эволюции³.

Свои рассуждения Стюарт базирует на выделении двух фундаментальных компонент биологической эволюции. Во-первых, это филогенез, заключающийся в адаптационных изменениях и возникновении различных форм живого в результате приспособления организмов к конкретным условиям окружения. Во-вторых, общая эволюция, состоящая в переходе от более низкого к более высокому уровню организации жизни вообще и не совпадающая ни с одной из линий филогенеза. Считается, что развитие культуры продолжает процесс другими средствами: разработка образцов совместного существования и воздействия на среду, знаковых систем,

¹ Hatch E. The growth of economic, subsistence and ecological studies in American anthropology // Journal of Anthropological Research. Vol. 29. 1973. P. 221–222.

² См.: Steward J. Theory of Cultural Change: The methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.

³ См.: Sahlins M. Evolution: specific and general // Theory in anthropology / R. Manners, D. Paplan (eds). Chicago, 1968.

моделей социализации и пр. Это не врожденные свойства; они обусловлены неодинаковостью жизненных условий и прошлого опыта популяций; благодаря ним культуры приобретают специфичные черты. Тем не менее, и здесь можно выделить два типа изменений. Один из них вызывается адаптацией популяций в локальных условиях существования, что порождает различие обусловленных ею культурных форм. Другой связан с последовательной сменой стадий перехода от более простого к более сложному состоянию, и считается панкультурным процессом. В первом случае речь идет о специфичной культурной эволюции; во втором — об общей¹. Изучения и сравнения различных форм адаптации социальных систем в их окружении, выделение из них эволюционных универсалий и привело к такому разграничению, помогающему интерпретировать устойчивое многообразие культурных явлений и процессов.

Адаптация и эволюция. Эти идеи нашли дальнейшее развитие. Так, стало понятным, что не все специфичные изменения, процессы, служащие для приспособления людей к среде и принимающие культурные формы, можно считать эволюционными. К последним принято относить лишь те, что связаны с усложнением социокультурной системы, порождаемым дифференциацией ее функций и структуры и переходом на новый организационный уровень. В то же время дедифференциация, дезинтеграция, дезорганизация могут оказаться адаптивно целесообразными для системы, но отнюдь не ведут к ее эволюции.

Таким образом, концепции общей и специфичной эволюции увеличили интерпретативный потенциал теоретического направления. Появилась точка отсчета для анализа культурных форм в их непосредственной зависимости от окружения, а также возможность придать самодовлеющую значимость их изменчивости и многообразию и не считать их множественность «отклонениями» или «пережитками» по отношению к эволюционным эталонам. Здесь нашли примирение идеи культурного релятивизма и культурного прогресса.

Исходя из концепции многолинейной эволюции, исследователи стремились к тому, чтобы понять, чем обусловлено разнообразие культурных форм отношений человека с окружением. С одной стороны, они строили эмпирические обобщения, касающиеся параллелизмов в истории обществ, имеющих сходные географические условия. С другой стороны, изучались зависимости типов культур от характера человеческих объединений (семейных, племенных, национальных, государственных), на чем базируется идея уровней их интеграции. В результате произошел значимый сдвиг в трактовке адаптационных процессов. Было признано, что их нельзя рассматривать как действующие на надорганизационном уровне, т.е. как относящиеся к популяции в целом.

Активизировались исследования исторических изменений во взаимодействиях общества с окружением с акцентом на социокультурных институтах как средствах и результатах адаптации. Соответственно расширилась сфера изучения реального поведения и процессов принятия решений, вызываю-

¹ См.: *Sahlins M.* Evolution: specific and general.

щих социально значимые последствия, их обусловленности внешними факторами, а также собственными нормами, ценностями, стандартами агентов. В этом отношении теория приобрела большую дифференцированность, поскольку стало очевидным, что разные культурные единицы, составляющие общество, ориентированы на различные аспекты окружения и придерживаются неодинаковых культурных образцов. Таким образом, на смену концепциям, где популяция во взаимодействии с окружением априорно рассматривалась как системная целостность, приходят другие, где центром системообразования становятся антропологические универсалии, из которых выводятся образцы взаимодействий, свойственные отдельным социокультурным группам и организационным единицам. Оценка воздействия популяции, общества на окружение складывается из рассмотрения дифференциального влияния каждого из активно действующих элементов.

7.7. Культурная единица в исследовании специфичной эволюции. Этнос

Важное место в изучении общей и специфичной эволюции занимает тема отношений между традиционалистскими и модернизационными тенденциями в современном мире. Этнос будет рассматриваться как пример построения социокультурной единицы, являющейся удобным объектом анализа при изучении этой темы в аспекте специфичной эволюции. Исследования можно разделить на два основных типа. Первый связан с изучением того, как сообщества, не находящиеся в центре модернизационных процессов, адаптируются к соответствующим изменениям, происходящим в обществе. Здесь основными категориями анализа становятся адаптация, аккультурация, ассимиляция, и анализируются те социокультурные группы, где обнаруживаются заметные интегративные тенденции. Предмет второго типа исследований составляют процессы этнической дифференциации, обусловленные изменениями, связанными с понятием модернизации.

Этническая группа. «Модернизация стимулирует не только классовое сознание, но и новое групповое сознание всех видов — в племени, регионе, клане и касте, а также в классе, профессиональной общности, любом социальном объединении. Модернизация означает, что все группы — старые и новые, традиционные и современные — все больше осознают себя в качестве группы и свои интересы и требования по отношению к другим группам»¹.

В исследованиях этнических единиц в контексте модернизирующегося общества рассматриваются мобилизационные факторы, интенсифицирующие процессы формирования соответствующих типов идентификации, а также социальных движений и групп, отстаивающих свое особое место в этих условиях. Задачей становится выявление механизмов интеграции разрозненных носителей соответствующих характеристик в сообщества. В частности, изучаются процессы становления и функционирования по-

¹ *Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 37.*

литических элит, харизматического лидерства и знаковых выражений этноидеологии — символов, ритуалов, стереотипов и т.п. Отыскиваются объяснения, относящиеся к ускорению или торможению освоения в обществе новых социокультурных элементов. Так, эмпирически подтвердилась значимость добровольного заимствования инноваций, стимулирующего их распространение в обществе или социокультурной группе. Это механизм, обуславливающий в основном общую эволюцию, в данном случае распространение модернизационных изменений. Факторы, препятствующие такому распространению, принято связывать с конфликтами между традиционалистскими и реформистскими, этноцентристскими и мультикультурными группами. В случае значительного разрыва между обществами или социокультурными группами в уровне развития, когда его преодоление представляется затруднительным или невозможным, этническая единица остается неинтегрированной в преобразования глобального масштаба. В этом случае особый исследовательский интерес вызывает специфика процессов превращения таких сообществ либо в изолятов, либо в ресурсные придатки более развитых частей общества или мировых объединений. В частности, изучаются факторы и механизмы, обуславливающие развитие одних и деградацию других этнических регионов и групп.

Результаты исследования реальных исторических процессов опровергли идеологемы ранних представлений об эволюции (и модернизации как одного из ее проявлений) как о неизбежности преодоления национально-культурных различий и формирования глобального миропорядка, господствовавшие вплоть до 60-х гг. XX в. В 1970-е гг. стало очевидным, что не только в модернизирующихся, но и в модернизованных странах этническая идентификация отнюдь не уменьшается, но увеличивается, а этномобилизация становится важным аспектом политической жизни. Более того, эти факторы стимулировали тенденции соответствующего самоопределения и роста социальных напряжений и конфликтов. Сегодня этническую группу можно рассматривать в качестве значимой динамической социокультурной единицы¹ и проследить ее генезис и развитие по крайней мере в пределах одного-двух веков.

Важно запомнить!

Принято считать, что класс и этничность являются двумя основными изменениями социального порядка, не сводимыми друг к другу. «Этничность — узы, сравнимые с родственными, основывающиеся на предположении об общем происхождении и связывающие сеть традиций людей, стоящих на различных уровнях социальной иерархии. Класс означают горизонтальную солидарность среди людей, которые безотносительно к происхождению предков разделяют общие отношения к власти и привилегиям... Для историков этничности основной вопрос — противоречие между ассимиляцией и обособлением. Для историков класса сущность дихотомии — не между «внутри» и «вне», но между «вверх» и «вниз»².

¹ Ethnicity: Theory and Experience / N. Glazer, D. P. Moynihan (eds). Cambridge (Mass.), 1975. P. 213.

² См.: Higham J. Ethnicity in America // Report at a conference «Ethnicity in Modern American Society». Princeton, 1983.

Предпринимались попытки обнаружить сходство между этническими сообществами и группами интересов (такого мнения придерживаются, например, Н. Глейзер, Д. Мойнихэн, Р. Джексон). Однако при возможном структурном сходстве первые отличаются от вторых культурными характеристиками. Во-первых, их члены руководствуются интересами общего прошлого и будущего и поэтому выражают долговременные социокультурные устремления, сохраняя традиционные черты культуры. Во-вторых, общество оказывается значительно более полифункциональным, удовлетворяющим многообразные чаяния его представителей из разных классов и поколений. В-третьих, принадлежность к нему подразумевает широкие возможности для социальной и культурной самореализации личности, значительно более широкие, чем к группе интересов. Отсюда, видимо, можно вывести высокую культурную ценность этничности. Т. Парсонс считает ее аскриптивной категорией, т.е. это качество приобретается не путем личных усилий или заслуг, но «по рождению» или благодаря действию ассимиляционных механизмов.

Этническая идентификация. Этническая идентичность в рамках каждой культуры — величина переменная и ситуативная. Так, в деревне человек ощущает себя ее жителем и воспринимается как таковой другими. В городе же его считают представителем определенной местности, для которой характерны свой диалект, нравы, обычаи. В ситуации войны с другим государством он прежде всего — гражданин своей страны. Иными словами, границы такой характеристики личности подвижны, динамичны и ситуационно обусловлены. Подобно классовой, она часто становится основой идеологии, а группы, порождающие и придерживающиеся ее, возглавляют этноцентристские движения.

Этнос, следовательно, представляет собой сегодня одну из центральных категорий, обозначающих культурную единицу, которая может рассматриваться как целостность во взаимодействии с окружением и с другими единицами, в структурно-функциональном и динамическом, синхронном и диахронном планах. Эта категория относится к людям, обладающим определенными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми от поколения к поколению. «Обычно к таким признакам относят расовую принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи, религию. Они имеют идентификационное значение, даже если не признаются носителями, и в этом смысле носят объективный характер. Можно считать, что лица, разделяющие определенный набор подобных черт, составляют группу, разделяющую общую этническую базу, подобно тому как социальный класс представляет собой группу лиц, занимающих общую позицию в системе материального неравенства»¹.

Этническое сообщество как культурная единица определяется совокупностью обязательных характеристик: выраженностью специфических культурных черт; тенденцией к групповой идентификации (люди осознают и ценят обладание набором таких черт, т.е. причастность к этнической ка-

¹ Jackson R. H. *Ethnicity // Social Science Concepts: A Systematic Analysis* / G. Sartori (ed.). Beverly Hills ; L., 1984. P. 227.

тегории); наличием определенной организационной структуры, т.е. ассоциации устойчиво взаимодействующих лиц с общим самоотождествлением. Подчеркивается, что все это приобретает не с помощью личного выбора, но через культурное наследование или приписывание, т.е. речь идет об общности не кровнородственных связей, но социокультурных особенностей, совокупность которых считается весьма устойчивой. «Этнические группы могут подвергаться преобразованиям, регуляции и даже разрушению, тогда как этнические категории весьма устойчивы к политическому давлению. Одной из самых впечатляющих исторических ошибок в контроле над этничностью была политика ассимилирования социологически устойчивых этнических категорий в более широкие культуры»¹.

Таким образом, можно считать, что в дополнение к демографическим и классовым признакам этнические черты составляют важную базу для культурной и для научной дифференциации человеческих сообществ.

Формирование этнической группы. Четкая, доказанная концепция этногенеза в социальной и культурной антропологии отсутствует. Поэтому относительно ранних стадий формирования соответствующих групп и «этнической категории» существуют многочисленные точки зрения. Их многообразие, однако, принято сводить к двум основным ориентациям: примордиальной и культурно-детерминистской. В первом случае этнос считается примордиальным (первозданным) социокультурным образованием, основанным на общих предках, принадлежности к одной расе и эволюционирующим на этих эндогенных (внутренних, присущих исходному популяционному ядру) предпосылках. Сторонники культурного детерминизма считают этносы ситуационными экокультурными образованиями, организационными конструктами, сложившимися для совместного решения определенного набора социально значимых проблем, вокруг чего и складываются характерные для общности «культурные темы» и соответствующие им институты.

Спор ведется также и относительно будущего этнической формы дифференциации человечества. Те, кто склонен считать ее пережитком более ранних стадий эволюционного процесса, полагают, что со временем она будет исчезать как анахронизм. Те же, кто рассматривает ее как субстанциональную социокультурную единицу, полагают, что в процессе культурной эволюции она претерпит модификации, но сохранит свою дифференцирующую функцию.

Концепция культурного этногенеза может быть проверена и уточнена при изучении современных требований права на культурное самоопределение. Результаты исследований свидетельствуют о том, что на стадии отчетливой идентификации и в условиях напряженных отношений с окружением представители меньшинств начинают считать, что, выделившись в самостоятельную экономическую, политическую, стратификационную, государственную единицу, они получают больший выигрыш, чем в состоянии зависимости от той крупномасштабной социально-политической системы, к которой они принадлежат. Для ряда таких групп характерно стремле-

¹ Jaskson R. H. Ethnicity // Social Science Concepts: A Systematic Analysis. P. 207.

ние не столько к политической или экономической, сколько к культурной автономии. В то же время некоторые этнические сообщества образуются на основе тенденции к более полной интеграции в контекст «основной» культуры (это особенно характерно для мигрантов). Таким образом, считается, что в определенных условиях можно ожидать активизации этнической идентификации, усиления культурной значимости основанных на ней сообществ, характеризующихся интенсификацией тенденций к самоопределению.

В качестве важного социокультурного фактора, катализирующего такого рода процессы, принимается этническая мобилизация, т.е. целенаправленная деятельность, связанная с активизацией соответствующего типа идентификации, формированием и распространением идеологии с этноцентристскими обертонами, институционализацией действий, направленных на самоопределение. В этом процессе значительная роль принадлежит тщательному сохранению родного языка, носители которого составляют целостность не только во внутригрупповых отношениях, но и во внешних связях с представителями языкового большинства.

Механизмы сохранения этнической единицы. Они становятся особенно заметными в контексте концепции культурного плюрализма, которая допускает правомерность сосуществования сразу нескольких идентичностей: религиозной, лингвистической, классовой, региональной, этнической и т.п. Сегодня этот термин указывает на то, что в любой культуре обнаруживаются не только различные основания для такой категоризации, но и реальные объединения людей, использующих ее для группового самоопределения. Соответственно признается также наличие в каждом обществе различных социокультурных образцов, ценностей, норм, образа и стиля жизни а это означает, что следует с большой осторожностью относиться к употреблению выражений «общество в целом», «культура в целом».

В этой связи важно выявить те механизмы специфичной эволюции, которые в условиях культурного плюрализма выполняют для этнических групп те же селективные, стабилизирующие, и направляющие функции, какие в ходе биологической эволюции выполняет естественный отбор. В некоторых случаях это может быть ситуация напряженности и конфликта: «...возникновение социальной солидарности в ответ на ситуацию стресса превращает членов этнической категории в этническую группу»¹.

Однако важнейшая роль в поддержании этнической единицы принадлежит традиции как процессу трансляции и освоения характерных для нее культурных тем и паттернов. Это один из важнейших механизмов воспроизведения норм, ценностей, обычаев субкультуры меньшинства. Благодаря его действию структурируются признаки социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других групп в типичных ситуациях, поскольку в процессе социализации индивид осваивает стандартный этноспецифичный опыт.

¹ Kasfir N. Explaining ethnic political participation // World Politics. 1979. Vol. 31. № 3. P. 373.

Традиция выполняет также функцию селективного механизма по отношению к инновациям, обуславливая отбор и удержание только тех, что не оказывают разрушительного воздействия на субкультурные черты, и отвержение тех, что грозят им серьезными структурными изменениями. Источником культурных инноваций принято считать индивидуальный опыт людей. Интеграция новшества в жизнь сообщества предполагает, что вначале оно должно быть признано его членами в качестве «своего», а затем наделено с помощью механизма традиции статусом культурно специфичной черты. Из сказанного следует, что действие этого механизма в этнической единице в известной мере уподобляется биологическому естественному отбору¹.

7.8. Культурная черта в изучении общей эволюции. Эволюционная универсалия

Важной проблемой современного эволюционизма является разграничение макро- и микроэволюционного уровней социокультурных процессов и поиск закономерных связей между неустойчивыми и устойчивыми культурными феноменами. Начиная с М. Мид, термин «микроэволюция» относится к процессам, происходящим на уровне непосредственного взаимодействия индивидов и социокультурных групп; сегодня он связывается с концепцией специфичной эволюции. Понятие макроэволюции указывает на интегральный результат активности больших человеческих популяций и на тот уровень анализа, где специфика отдельных культурных единиц может не приниматься во внимание, т.е. речь идет об общей эволюции. Рассмотрение в современных условиях такой культурной единицы, как этнос, хорошо иллюстрирует возможности изучения специфичной эволюции и микроэволюционных процессов. Макропроцессы общей эволюции будут представлены через другую аналитическую единицу социальной и культурной антропологии — черту, — означающую устойчивую совокупность представлений, отношений, действий, предметных характеристик, традиционно существующую в культуре.

Концепция эволюционной универсалии. Работа Т. Парсонса «Эволюционные универсалии в обществе» представляет собой концептуальный образец неэволюционистской интерпретации механизмов общей социокультурной эволюции.

Важно запомнить!

Эволюционными универсалиями он называет «структурные инновации», «наделяющие их обладателей существенным улучшением общей адаптивной способности», настолько существенным, что виды, не обладающие ими, теряют преимущества в основных областях, где действует естественный отбор, но не в смысле

¹ См.: *Lazio E.* Evolution: The Grans Synthesis. Boston, 1987; *Csanyi V.* The replicative model of evolution: a general theory // World Futures. Journal of General Evolution. 1987. Vol. 23. № 1—2. P. 31—65.

выживания, а с «точки зрения возможностей инициировать дальнейшее ключевое развитие»¹. Таким образом выявляется общая социокультурная черта, узловой центр, вокруг которого образуется область адапционных видов активности, механизмов, институтов, т.е. специфичных эволюционных черт, стимулирующих процесс общей эволюции. Правда, Т. Парсонс не объясняет, каким образом и при каких конкретных условиях формируются такие черты. Скорее всего, он считает их примерным аналогом случайных мутаций в биологической эволюции. Соответственно они закрепляются в обществе и культуре благодаря возможностям в увеличении общей адапционной способности социокультурной системы. Это позволяет им сохраняться в качестве определенных организационных структур или институтов независимо от первоначальных причин возникновения.

Концепция Т. Парсонса базируется на более или менее общераспространенной двустадийной эволюционной модели, разделяющей «доисторические» и «исторические» формы развития человечества. Первая, стартовая стадия соответствует примитивному обществу, структура которого ограничивается семейными связями. Ученый не анализирует ее, но принимает в качестве начальной точки отсчета для рассмотрения второй, которая, как принято считать, возникает тогда, когда на смену обществам, основанным на семейных связях, приходят сложноорганизованные ассоциации людей, не связанных родственными отношениями. Парсонс полагает, что переход от одного типа социальной организации к другой происходит с того момента, когда начинают формироваться социальные универсалии.

Две из них, по его мнению, разрушили структуру связей, на которых базировалась «примитивная» стадия человеческого существования. Во-первых, это общественное признание и легитимность дифференциации социально значимых функций (по Э. Дюркгейму — «разделение общественного труда»), независимая от структур родства. Иными словами, речь идет о предпосылках для формирования системы социальной стратификации. Во-вторых, характерное для нее культурно маркированное (обозначенное) закрепление устойчивых границ между иерархически упорядоченными социокультурными группами, составляющими общество. Парсонс склонен считать, что «стратификация появляется первой и служит условием легитимизации политических функций»². Появление остальных эволюционных универсалий относится уже ко второй стадии исторического развития человечества. Это рынок и деньги, бюрократия, универсалистская правовая система, демократическая ассоциация.

Формирование такого рода черт происходит на определенной социокультурной базе, которую Т. Парсонс называет «предпосылками социокультурного развития». К ним он относит родство, технологию, язык, религию. Эти четыре необходимых условия совместного существования людей предопределяют: исходные социальные связи через структуры родства; жизнеобеспечение через использование технологий; коммуникацию

¹ *Parsons T. Evolutionary universals in society // American Sociological Review. XXIX. № 3. 1964. P. 356.*

² *Ibid. P. 342.*

через использование языка; символическую интеграцию через систему разделяемых религиозных верований. Они «маркируют» общество как человеческое, позволяя отличать его от социальных сообществ, свойственных другим видам.

Эволюционные универсалии и технология. Т. Парсонс проводит концептуальное различие между эволюционными универсалиями и технологией на основе их функциональной специфичности. Эволюционная универсалия в качестве культурной черты определяется как инновация, обеспечивающая увеличение адаптационного потенциала социокультурной системы, а технология рассматривается как обобщенный инструмент, продуцирующий его актуализацию. Такая трактовка позволяет отделить цели социального действия от его средств как имеющих относительную функциональную автономность и мобильность как внутри систем, так и между ними. Это считается одной из причин, благодаря которой диффузия технологических культурных черт осуществляется достаточно свободно в контексте социокультурных единиц с различными типами экономической, политической, социальной, символической организации.

В рамках эволюционизма технологии (в любой их трактовке) рассматриваются как существенный фактор развития социокультурной системы, т.е. повышения ее адаптационного потенциала. Считается, что они обуславливают преимущества общества двумя способами. Во-первых, в «игре с природой» их применение обеспечивает «не-нулевую» сумму выигрыша. Люди используют технологии по отношению к природным ресурсам, чтобы увеличить объем благ, которые они могли бы распределить между собой. С их помощью социокультурным группам облегчается возможность получить большее вознаграждение без сокращения его величины для других, а также уменьшить давление со стороны тех, кто стремится к реорганизации имеющейся системы стратификации, и повысить степень их лояльности к существующему порядку. Иными словами, развитие технологий рассматривается как способ поддержания социальной стабильности. Во-вторых, их совершенствование считается основным источником власти над окружением. Те, кто хорошо владеет такими средствами, могут контролировать изменения в использовании ресурсов, в количестве, качестве, вариативности благ и услуг, предлагаемых другими в обмен на их лояльность. Соответственно социокультурные системы, более развитые в этом отношении, могут эффективно конкурировать с менее продвинутыми и в ситуациях взаимодействия навязывать им свои условия. Подчеркивается, что повышение уровня такого развития способствует расширению сферы адаптационных возможностей социальной системы, т.е. увеличивает ее шансы на специфичную, а, возможно, и общую эволюцию.

Технологии рассматриваются прежде всего как способы извлечения из окружения ресурсов и их переработки, обеспечивающие поддержание жизнеспособности социокультурной системы. Соответственно существование каждой культуры определяется не просто фактом физического воспроизведения в определенных условиях, но и особенностями знаний, навыков, способов действия, применяемых популяцией для получения выгоды. С этой точки зрения важным показателем культурной эволюции, начиная

с Л. Уайта, считается возрастание и повышение качества энергии, используемой людьми, и изменение ее источника: мускульная сила человека, домашние животные, силы воды и ветра, ископаемое топливо, электричество, а сегодня и ядерные реакторы. Разработан индекс оценки уровня адаптации, связывающий такого рода характеристики общества с его социальной организацией¹. Развитие технологий в этом отношении обеспечивает устойчивые связи системы с окружением через интегральные процессы использования людьми энергетических ресурсов. Иными словами, культура характеризуется уникальной и сложной системой извлечения из окружения, хранения и использования энергии, необходимой для снижения энтропии в процессах социальной жизни людей, т.е. для ее эволюции.

7.9. Пределы роста

С неоеволюционистской точки зрения различия культур определяются в терминах интегральной оценки следующих параметров: подчиненность окружению (от слабой до сильной); организационная структура (от простой к сложной); организация совместной жизни популяции (от сельской до городской); специализация в системе общественного разделения труда (от нерасчлененной к узко специфицированной); модели управления (от основанных на консенсусе до авторитарных); распределение благ (от уравнительного до жестко распределительного); поведение властных «элит» (от ответственного до эксплуататорского); функция войны (от мести к политическим интересам)².

Современное модернизированное общество считается образцом для заимствования тех культурных черт, которые обеспечивают ему оптимум адаптированности в природном и искусственном окружении. Оно наиболее «развито» благодаря соответствующим эволюционным универсалиям: минимально зависит от окружения; обладает сложной и подвижной организационной структурой; имеет широко разветвленную систему общественного разделения (специализации) труда; отличается демократической системой управления, дифференциальным распределением благ, ответственным поведением властных элит, ориентацией на предотвращение войн. Через эти характеристики осуществляется сравнительная оценка развития современных обществ в контексте глобализации.

Кризис роста. Критическому анализу процессов модернизации и их последствий посвящена научная и экспертная деятельность Римского клуба. Полученные здесь результаты изучения социокультурных процессов, происходящих в постиндустриальных обществах, свидетельствуют о том, что их рост и экспансия не бесконечны. С одной стороны, они ограничены социобиологическими предпосылками, антропологическими универсалиями, устанавливающими внутренние пределы физическим, психическим,

¹ *Cohen Y. A. Culture as adaptation // Man in Adaptation. Chicago. Vol. 1. The Cultural Present. 1947. P. 46–47.*

² *Main Currents of Cultural Anthropology / R. Naroll, F. Narrol (eds). N. Y., 1970.*

познавательным возможностям человека. С другой стороны, конечность размеров планеты, дефицит жизнеобеспечивающих средств, невосполнимость некоторых существенных для человека природных ресурсов делают очевидными внешние пределы сегодняшней стадии социокультурной эволюции.

Важно запомнить!

Современный кризис, связанный с существованием человечества, обусловлен нерациональным использованием ресурсов и технологий, приверженностью к росту и экспансии, отсрочкой в принятии и реализации социально значимых решений, краткосрочными и плохо обоснованными политическими стратегиями. Иными словами, «проблема пределов человеческого роста и человеческого развития является по сути своей проблемой главным образом культурной»¹. Сегодня ясно, что необходимо ограничить человеческую активность по отношению к окружению, поскольку она может и уже начинает приносить вред самим людям, животным и растениям, планете как таковой. Однако пока неизвестно, как это сделать.

Наряду с эволюционными процессами в каждом обществе, равно как и в глобальном масштабе, происходят иные социокультурные события, которые можно считать не имеющими отношения к повышению адаптационного потенциала человечества в классическом понимании этого концепта. Участники Римского клуба подробно анализируют их. Простое наблюдение свидетельствует о том, что люди тратят значительную часть времени и энергии на бессмысленную, неэффективную работу, на необязательные напряжения и конфликт; продолжают не задумываясь воспроизводить многочисленное потомство, не имея возможности обеспечить ему благоприятных условий существования, а сегодня возрастает степень риска появления на свет высокого процента физически и психически неполноценных детей. Бездумно расходуются невосполнимые природные ресурсы. Даже использование научного знания и технологий люди способны лишить рациональности. Так, сначала они начинают фетишизироваться и рассматриваться как панацея от всех проблем, что ведет к массовому распространению сциентистской и технократической идеологии. Затем оказывается, что они имеют ограничения, требуют серьезной работы и не ведут к непосредственному изменению реальности. И это вызывает мощную волну отрицания их полезности, что оправдывает массовое невежество и обскурантизм.

Рационализация адаптационных процессов как черта общей эволюции. Сторонники идеологии «пределов роста» полагают, что природа современного глобального кризиса культуры связана с неадекватной организацией человеческой активности в условиях, когда созданная людьми жизненная среда по крайней мере выровнялась, если не возобладала по своей значимости, по своей действенности в соотношении с естественной. По их мнению, такое положение дел порождает проблемы, обусловленные особенностями искусственного окружения. Во-первых, оно, в отличие от при-

¹ Печчи А. Человеческие качества. М, 1985. С. 159.

родного, не обладает свойством самовоспроизводства, но для его поддержания в пригодном для жизни людей состоянии необходима постоянная затрата времени и усилий, и тем бóльшая, чем оно объемнее и сложнее. Во-вторых, оно представляет собой результат не спонтанного возникновения, но конструктивной активности людей. Соответственно использование и поддержание артефактов предполагает понимание того, что они собой представляют и как с ними следует обращаться. Следовательно, эволюция культуры предполагает совершенствование знаний и навыков человека, связанных не только с окружением, но и с ним самим. Об этом, в частности, свидетельствует рационализация в XX в. тех областей человеческого существования, которые прежде не находились под постоянным и жестким преднамеренным контролем: бессознательные процессы, пограничные психические состояния и отклонения, мистические переживания и т.п.

Подчеркивается иррациональность человеческого поведения по отношению к окружению. В хозяйственной сфере она проявляется в случайном размещении и низкой эффективности производства, в несвязанности производственных единиц ни с распределением населения, ни с размещением дефицитных ресурсов, ни с необходимостью обеспечения занятости людей, ни с программами социально-экономического развития конкретных регионов. В отношении к ресурсам доминирует склонность к расточительству: идеология потребительства; иррациональные в глобальном масштабе способы производства и распределения; затраты на военные программы, которые не только не способствуют улучшению условий жизни человека, но связаны с постоянной угрозой массового разрушения и уничтожения. Что касается технологий, то их разработка и использование в тех областях активности, которые наносят вред самим же людям — войны, разрушение природной среды, средства массового воздействия — представляют собой обычное явление в истории культуры и в сегодняшней жизни. В отношении людей к самим себе доминирует попустительское безотлагательное проявление собственных побуждений, невежеству, вульгарному гедонизму, социальной безответственности и т.п., которое ведет к тому, что в социокультурном пространстве они начинают мешать друг другу проявлениями личной свободы. «По мере того как возрастало могущество современного человека, все тяжелее и ощутимее становилось отсутствие в нем чувства ответственности, созвучного его новому статусу в мире. Могущество без мудрости сделало его современным варваром, обладающим громадной силой, но не имеющим ни малейшего представления о том, как применить ее»¹.

Предполагается, что рост самовоспроизведения человеческой популяции достиг критических пределов. «В любом случае нынешние поколения не имеют права вести себя так, будто им дана привилегия размножаться, как заблагорассудится, лишая тем самым прав на это своих же собственных потомков, которым волей-неволей придется ввести в будущем еще более жесткий контроль над рождаемостью»². Представители Римского клуба вообще считают рациональный контроль над увеличением численности

¹ Печчи А. Человеческие качества. С. 72—73.

² Там же. С. 279.

человечества одним из важнейших механизмов современной стадии общей эволюции культуры.

Однако, по мнению сторонников концепции пределов роста, сегодняшние негативные явления не означают имманентного движения человечества к закату. Это кризис цивилизации или культуры, причина которого кроется в несоответствии массовых стереотипов социального поведения изменившимся условиям существования. А поскольку в прошлом их модификации зависели от рациональной и практической деятельности самих людей, они же в принципе могут исправить ситуацию, поскольку уже сейчас знают не только об истоках многих культурных проблем, но и о возможных путях и средствах смягчения их последствий. Соответственно предлагается выработать новые схемы использования собственного социокультурного потенциала, позволяющие найти более эффективные модальности в отношениях с природным и искусственным окружением, т.е. формировать новые эволюционные универсалии.

7.10. Использование эволюционистских идей в исследовании динамики культуры

Как было показано выше, в настоящее время совершенно очевидно, что динамика социокультурной жизни не исчерпывается процессами развития в их строгом научном определении. В то же время все исследования XX в. подтверждают, что им принадлежит важная роль в историческом движении человечества. Поэтому идеи эволюционизма продолжают занимать ведущее место в изучении динамики общества и культуры. По сути дела пока это единственная «большая теория», или парадигма, специально ориентированная на изучение закономерностей социальной и культурной изменчивости.

Из содержания главы видно, что принятые в рамках этого направления классические исходные основания и допущения не утратили своего эвристического потенциала. Они вполне применимы к моделированию как макро-, так и микроисторических процессов. Соответственно вопрос относительно эволюционистской парадигмы заключается не в правомерности ее использования, но в границах ее применимости. Если они будут логически обоснованными и достаточно четко установленными, концепция развития может обеспечить новые и вполне достоверные результаты.

Можно выделить классы задач, связанных с изучением общества и культуры и разрешимых с помощью эволюционистской теории. Прежде всего, следует отметить, что продолжается традиционная для нее тема необратимости исторических изменений, имеющих форму дифференциации культурных систем с их последующей интеграцией на более высоком уровне организации (усложнения), в пределах панкультуры. В этом отношении весьма плодотворным оказывается определение эволюционных универсалий, последовательности их возникновения и их взаимосвязанности. Далее, есть попытки выявления факторов, обуславливающих вероятность возникновения таких культурных черт, а также механизмов их форми-

рования и трансформации в исторических масштабах времени. Подобные исследования позволяют понять, благодаря каким движущим силам происходит повышение уровня социокультурной организации. Следует также не забывать, что значительный эвристический потенциал заключен в изучении соотношения процессов специфичной и общей эволюции. Это позволяет отделить процессы развития от других форм и сделать последние специальным предметом анализа. Таким образом, иначе начинает выглядеть контекст социокультурной динамики в глобальном масштабе. Он становится более дифференцированным и концептуально упорядоченным. Соответственно увеличивается достоверность суждений о факторах, способствующих и препятствующих распространению эволюционных изменений. Наконец, безусловно важная роль в изучении макроисторических процессов принадлежит определению и типологии социокультурных единиц, на которых могут быть достаточно детально прослежены процессы развития. Исследования показывают, что понятие эволюции не может быть отнесено к отдельной культуре или панкультуре в целом. Всегда, на любом уровне анализа наряду с развивающимися единицами обнаруживаются области социокультурной жизни, изменяющиеся в каких-то иных формах или в течение относительно длительных промежутков времени остающиеся неизменными. Соответственно совершенно очевидно, что развитие имеет свои границы и не исчерпывает всех исторически значимых типов социокультурных процессов. Однако на вопрос о том, каковыми должны быть свойства социокультурных единиц, меняющихся в эволюционной и других формах, пока нет удовлетворительного ответа. Из сказанного же следует, что определенные положения классического эволюционизма и неэволюционизма не утратили эвристичности, и их можно использовать, чтобы глубже изучить динамику общества и культуры.

Выводы

1. Концепция эволюции, или развития представляет собой классическую модель осмысления макроисторических процессов. Она относится к форме процесса, характеризующегося количественным приращением разнокачественных элементов с их последующей интеграцией и повышением уровня организации; при этом предполагается наличие исходного «герма», в котором содержится весь динамический потенциал. Следует подчеркнуть, что это одна из возможных форм социокультурных процессов, но не единственная, как было принято считать до недавнего времени.

2. Можно выделить основания классического эволюционизма, которые и сегодня применимы к изучению процессов развития. К ним относятся: видовое единство человечества, движение некоторых культурных феноменов от простоты к сложности, его закономерный характер. Выделяются антропогенные и внешние детерминанты форм и скорости развития культуры в зависимости от условий ее существования.

3. В рамках современных неэволюционистских теоретических построений на этих же основаниях эволюция культуры рассматривается как результирующий концепт, объединяющий в последовательный процесс

необратимые изменения, удерживающиеся в мировом масштабе и связанные с организованным усложнением социокультурной жизни. В качестве объекта изучения таких процессов принимается культурная единица или социокультурная система.

4. Механизмы адаптации системы в ее окружении наиболее полно были изучены в рамках экологической антропологии. Широкая эмпирическая проверка классических эволюционных гипотез привела к формированию концептов общей и специфичной эволюции. К специфичной эволюции относятся адаптационные образования, характерные для динамики локальных культур. В результате межкультурных взаимодействий и обменов происходит отбор наиболее эффективных черт, которые в силу этого находят широкое распространение. В совокупности они составляют базу для глобального процесса так называемой общей эволюции.

5. Выделяются единицы анализа эволюционных изменений. Для изучения специфичной эволюции обычно применяется категория «этнос». Общая эволюция рассматривается в терминах эволюционных универсалий.

6. С неэволюционистской точки зрения различия культур определяются по интегральной оценке следующих параметров: подчиненность окружению (от слабой к сильной), организационная структура (от простой к сложной), организация жизни популяции (от сельской к городской), специализация в общественном разделении труда (от нерасчлененной к узкоспецифичной), модели руководства (от авторитарного к консенсусу), распределение благ (от уравнительного к распределительному), поведение властных «элит» (от эксплуататорского к ответственному), функция войны (от мести к политическим интересам). Через эти характеристики осуществляется сравнительная оценка развития обществ в контексте глобализации.

7. В то же время подчеркивается, что движение от левого к правому полюсу по каждой из названных шкал не может быть беспредельным. И дело не в том, что у людей исчерпан потенциал возможностей двигаться в направлении роста и экспансии искусственного мира. Сегодня стали очевидными все более нарастающие негативные последствия этих процессов и для природного окружения человека, и для него самого. Поэтому речь идет о пределах роста антропогенных воздействий на природу. Но это не означает окончания эволюционных процессов. Они должны переместиться в область выработки адаптационно более целесообразных схем использования людьми собственного социокультурного потенциала, позволяющих найти модальности в их отношениях с окружением, приемлемые для обеих сторон. Иными словами, подразумевается формирование новых эволюционных универсалий.

Контрольные вопросы

1. В каком смысле можно говорить об обратимости и необратимости социальных и культурных процессов?

2. Какое место занимает эволюционная познавательная парадигма в динамике социальной и культурной антропологии от ее зарождения до настоящего времени?

3. Каковы теоретические основания классического эволюционизма, какие из них сохраняют системообразующую функцию до сих пор и какие претерпели изменение?

4. Каково определение эволюционной формы культурного процесса, отличающей его от других форм?
5. Каковы качественные характеристики эволюционного процесса?
6. Каковы динамические характеристики эволюционного процесса?
7. Какие из детерминант эволюционного процесса принято считать антропологически имманентными?
8. Какие из детерминант эволюционного процесса считаются важнейшими применительно к внешнему окружению людей?
9. Какова познавательная значимость концепции естественного отбора для изучения культурной динамики?
10. Почему культурную единицу (социокультурную систему) принято рассматривать как объект эволюционного анализа, и каковы механизмы ее соответствующих преобразований?
11. Почему в рамках эволюционизма уделяется значительное внимание концепции первобытности?
12. Каковы теоретические предпосылки выделения экологической антропологии в качестве отдельного направления социальной и культурной антропологии?
13. В чем заключается концептуальное различие между понятиями общей и специфичной эволюции?
14. Какое место занимает направление культурного материализма в изучении социокультурных процессов?
15. Почему в современных эволюционных исследованиях понятие этноса занимает важное место в качестве объекта изучения, и в каких основных категориях это понятие представлено?
16. Что такое этническая группа, и для решения каких исследовательских задач используется это понятие?
17. Какие трактовки формирования этнических групп существуют в культурно/социальной антропологии?
18. Для чего в изучении социокультурной динамики используется понятие этнической идентификации?
19. Какое место в изучении эволюционных процессов занимают понятия «культурная черта» и «эволюционная универсалия», и почему они рассматриваются как показательные объекты исследования?
20. Почему эволюционная форма социокультурных процессов считается необратимой?
21. Почему наряду с понятием эволюции была выделена другая форма глобальных культурных процессов — рост?
22. Почему ставятся вопросы о кризисе роста и пределах роста, и каково значение этих понятий для изучения социокультурной динамики?
23. Каковы социальные и культурные проблемы, характерные для процессов роста?
24. Как соотносится понятие адаптации человека в окружении с представлениями о процессах эволюции и роста?
25. В каких исследовательских ситуациях целесообразно обращаться к идеям эволюции, а в каких — к концепции роста?

Глава 8

ВОЛНООБРАЗНЫЕ (ЦИКЛИЧЕСКИЕ) КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Представления о циклическом характере, обратимости социокультурных процессов имеют длительную историю. Идеи чередования света и тьмы, времен года, жизненных циклов, реинкарнаций и т.п. с незапамятных времен являются ходовыми, базирующимися на непосредственных наблюдениях и выделении сходных, повторяющихся явлений в природе и культуре.

Попытки выделения циклических процессов в истории предпринимались неоднократно. Изучались политические, хозяйственные волны, отыскивались ритмы в динамике искусства, науки, рассматривались циркулярные закономерности повседневной реальности. Значительное внимание уделялось изучению жизненного пути индивида, результаты которого все больше осознаются как надежная мера для оценки социокультурной динамики на микроисторической школе времени (порядка ста лет).

Понятие «цикл» применительно к социокультурной динамике носит весьма условный характер, если иметь в виду его словарное определение. В словаре С. И. Ожегова этот термин определяется так: «Цикл (греч. κύκλος — круг) — 1. Совокупность явлений, процессов, составляющая кругооборот в течение определенного промежутка времени. Годовой цикл вращения Земли. Производственный цикл. 2. Тот или иной круг наук. Исторический цикл. 3. Законченный ряд каких-нибудь произведений, чего-нибудь излагаемого, исполняемого. Цикл стихотворений. Цикл лекций»¹. В энциклопедическом словаре к этому добавляются циклические формы в музыке². В словаре Уэбстера понятие цикла представлено как «орбита небесного тела; круговорот лет или повторяющийся период времени, в течение которого некоторые события или феномены следуют в одном и том же порядке и с одинаковыми интервалами; период определенной длительности, эпоха; круг операций или событий; серия событий, которая возвращается в первоначальное состояние; определенный законченный курс или серия...»³. По-видимому, более уместным для обозначения идеи обратимости явлений социокультурной жизни можно считать представление о волнообразных (повторяющихся или обратимых) процессах, относящиеся

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 714.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1486.

³ New Webster's Dictionary of the English Language. New Delhi, 1988. P. 393.

к изменениям, «которые в каждый данный момент имеют свое направление и следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в одном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию»¹.

В исследованиях общества и культуры волновые, циклические концепции можно разделить на два типа. Во-первых, гуманитарные, где под циклом подразумевается всего лишь констатация того, что определенные социокультурные крупномасштабные единицы имеют фиксированную последовательность стадий или состояний. При этом не устанавливаются ни временное измерение происходящих здесь процессов, ни обязательность повторения этой последовательности после ее завершения. Во-вторых, социально-научное направление, где волнообразная форма применяется для описания смены общих подъемов и спадов активности в экономической, технологической сфере, ускорений и замедлений темпов социальной мобильности, усложнения и упрощения социальной структуры и т.п.

Существуют несколько типов классификации динамических ритмов, позволяющих определить формы социокультурных процессов в качестве фазовых, волновых, ритмических. Простейшей формой можно считать двухфазовую. Она выделяет два возможных состояния рассматриваемой социокультурной переменной: возрастание и убывание. Таким образом оцениваются, например, на первой стадии анализа динамические статистические ряды, представляющие, скажем, валовый национальный продукт и доход, заболеваемость, преступность, членство в партиях, религиозных общинах и т.п. В результате динамика представляется как смена возрастаний и убываний величины рассматриваемой переменной (или набора переменных) и выявляется их ритмический рисунок (частота) во времени. Такая оценка социокультурной динамики имеет значение при построении общей картины изменений, происходящих в обществе и культуре в относительно длительные промежутки времени, но не превышающие нескольких десятилетий. Другая ритмическая форма для социокультурных систем предполагает выделение трех фазовых состояний: начала, перелома и окончания. (О. Вульф, например, говорил о трех стадиях динамики изобразительного искусства: техническое — пластическое — декоративное²). Такая концептуализация динамики социокультурных переменных не просто фиксирует подъемы и спады их значений, но обозначает форму движения от подъема к спаду. В этом случае можно формулировать содержательные гипотезы о характере качественных преобразований, происходящих в рамках рассматриваемой области культуры.

Следует отметить, что трехфазная ритмическая форма является прототипичной для построения более сложных моделей. Выделение дополнительных фаз в рамках цикла представляет собой уточнение характера движения рассматриваемого процесса, заполняет промежутки между тремя основными точками, характеризующими его направленность и форму. Так, четырехфазная модель эволюции нации и национальной культуры

¹ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 59.

² Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. N. Y. ; L., 1962. Vol. 4. P. 411.

О. Шпенглера — «детство — юность — зрелость — старость» — представляет собой уточнение трех основных стадий существования системы: формирование — установившееся состояние — кризис.

8.1. Общая характеристика волновых процессов

Изменение таких составляющих социокультурной жизни, как характер производства и потребления, социального расслоения, технологии, культурные или художественные стили и т.п. можно оценивать по двум измерениям. Во-первых, общая последовательность смены соответствующих событий (хронология), во-вторых, форма этой последовательности. Хронология движения может быть представлена как необратимый процесс, который прерывается или меняет траекторию под влиянием разного рода возмущающих факторов. Формы же этого движения, такие, как ритмы, подъемы и спады, большая или меньшая интенсивность, могут быть описаны с помощью волнообразной кривой и условно считаться обратимыми процессами.

Концепция ритмичности изменений. При исследовании волновых процессов, происходящих в социокультурных системах, предметом наблюдения обычно становятся ритмические смены таких их параметров, как открытость — закрытость, структурное усложнение — упрощение, большая или меньшая степень динамизма. Однако следует подчеркнуть, что для системы в целом фиксация ритмичности — это всего лишь описание, но никак не объяснение происходящих изменений. Дело в том, что различные ее компоненты характеризуются специфичными «собственными» темпами динамизма. Поэтому, например, в политике или науке события сменяют друг друга быстрее, чем в сфере права. В то же время возможны состояния общества, когда ускорение или замедление смены событий характеризует все его основные институциональные домены: социально-организационный (экономика, политика, право), познавательную (религия, философия, искусство, наука), трансляционную (образование, просвещение, массовые коммуникации).

Сходные явления можно наблюдать и в образе жизни людей. Эта комплексная категория объединяет в общий процесс фундаментальные культурные формы индивидуального существования людей. В динамике этого процесса можно выделить установившиеся, структурно стабильные, и проблемные, структурно нестабильные ситуации, чередование которых может быть представлено как его ритмическая форма. Наконец, в социокультурной системе любого уровня можно обнаружить состояния, характеризующиеся либо схождением (конвергенцией), либо расхождением (дивергенцией), либо параллельным движением тех процессов, которые являются социально значимыми, т.е. оказывают влияние на изменение форм поведения и взаимодействия большинства его членов. Все названные параметры последовательных и периодических изменений, происходящих в отдельных областях социокультурной жизни, могут рассматриваться как показатели их фазовых состояний. Следовательно, выделение таких показателей послужит основанием для вывода о том, что динамика рассматриваемой системы имеет волнообразную (в пределе циклическую) форму.

Важно запомнить!

Изменчивость социокультурных единиц, таким образом, может быть описана по крайней мере двумя способами. Во-первых, в форме эволюционного процесса, суть которого состоит в последовательном необратимом повышении уровня сложности и организованности рассматриваемой системы. Во-вторых, в форме волнообразного процесса, который складывается как повторяющаяся последовательность набора определенных фаз или состояний. Внутренняя структура такого процесса обусловлена тем, что значения определенных его переменных то возрастают, то убывают до некоторой фиксированной величины относительно определенного среднего уровня. Если у таких колебаний значений переменной обнаруживаются периодичность с определенной частотой и амплитуда, можно говорить о ритме процесса и характеризовать его как волнообразный. Принято считать, что наличие колебаний и ритмов свидетельствует о наличии в системе механизмов самоорганизации. Общий характер таких процессов описывается теорией колебаний, имеющей столь же абстрактную форму, как общая теория систем и потому так же, как она, применимой к любому объекту, проявляющему соответствующие характеристики.

Изучение различных областей жизни дает основания говорить о своего рода эталонных ритмах, характеризующих определенные классы природных и социокультурных явлений. Для социальной и культурной антропологии это обстоятельство приобретает возрастающую значимость по мере того как происходит накопление эмпирических свидетельств относительно смены фаз индивидуального жизненного цикла не только как о физиологической, но и психической антропологической универсалии. Иными словами, помимо того, что организм всех людей меняется от детства через зрелость к старости, все люди в ходе жизненного цикла переживают одинаковые так называемые психические кризисы, относительно независимые по времени возникновения от внешних обстоятельств.

Классификация некоторых социокультурных процессов по ритмичности, т.е. времени одного полного колебания была проведена Н. К. Серовым (табл. 8.1)¹.

Таблица 8.1

Классификация некоторых антропологически значимых процессов по времени одного полного колебания (по Н. К. Серову)

Величина модуля продолжительности	Типичный процесс
Микромодульные процессы «мгновение ока» и т.п.	
До 0,1 сек.	
Мезомодульные процессы	
От долей 1 сек. до 10 сек.	Биение сердца, вдох—выдох, музыкальные звуки и паузы, трудовые движения
От 10 до 100 сек. (До 1—1,5 мин.)	Трудовой прием, творческая импровизация, экспромт

¹ Серов Н. К. Личность и время. Л., 1989. С. 156—157.

Величина модуля продолжительности	Типичный процесс
От 1 до 100 мин. (около 1,5 час.)	Сеанс (время непрерывного выполнения какого-либо дела), урок, лекция «быстрый сон», обеденный перерыв беседа
От 1 до 10 час. (в среднем 5–6 час.)	Ежесуточный сон, рабочий день, ежедневный досуг, вдохновение
От 10 до 24 час.	Смена труда и отдыха, циркадный ритм и его фазы
От 1 до 10 сут. (в среднем около 5–7 сут.)	Недельные ритмы труда и отдыха, затяжное настроение, обострение болезни
От 10 до 30 сут.	Эмоциональный ритм и его фазы, время отпуска, курс лечения, менструальный цикл
От 30 до 100 сут.	Краткосрочное обучение, курсы переподготовки, сезонная мода, внутриутробное развитие, сезонный ритм работоспособности и его фазы
Макромодульные процессы	
От 1 до 5 лет (в среднем 3 года)	Обучение ребенка ходьбе, речи, начальное школьное обучение
От 5 до 10 лет (в среднем около 7–8 лет)	Периоды ритма возрастной перестройки психики, выборные компании, короткие циклы деловой активности
От 10 до 25 лет (в среднем около 15–18 лет)	Взросление, социальное созревание, половое созревание, политические перемены, средние экономические волны
От 25 до 50 лет (в среднем около 35–40 лет)	Период трудоспособности, период фертильности, время смены поколений, политические режимы
От 50 до 100 лет (в среднем около 70–80 лет)	Формирование семьи из 3–4 поколений, продолжительность жизни индивида, длинные экономические волны, художественные культуры (стили)
100–1000 лет	Относительная стабильность языка, традиций, обычаев, царские династии, общественные формации
1–10 Тys. лет	Коллективная память о выдающихся событиях и личностях, древние культуры, памятники письменности
10–100 Тys. лет	Мифы в народной памяти, древнейшие культуры и рукотворные мемориалы
Более 100 тыс. лет	За пределами «живой» памяти человечества

Выявление формы изменений. Выявление формы изменчивости изучаемых социокультурных переменных, определение того, периодична она или нет, предполагает обязательные эмпирические наблюдения. Чаще всего при изучении социокультурной динамики применяется построение временных статистических рядов, характеризующих движение переменной (социальное расслоение, политические движения, социальная итерация и т.п.) в терминах специально построенных количественных показателей,

отслеживаемых в фиксированный промежуток времени. Установление достоверного динамического ряда определяется теоретически обоснованной организацией исследовательской ситуации. Во-первых, время наблюдения следует выбрать так, чтобы можно было выявить по крайней мере одно полное колебание. Во-вторых, внутренняя разбивка этого временного промежутка на более мелкие интервалы должна быть такой, чтобы с необходимой степенью подробности описать последовательность изменений рассматриваемой переменной.

Все эти параметры исследовательской ситуации обуславливаются основными задачами динамического анализа: выявление общего направления движения переменной и внутренней формы ее значения, в частности, периодических изменений. Соответственно в пределах выбранного промежутка времени определяются:

- общее направление и форма движения переменной (тренд);
- более или менее регулярные колебания значений переменной относительно тренда;
- случайные (непериодичные) отклонения значений переменной относительно тренда.

В этом случае тренд описывает систематическое изменение одних и тех же показателей в течение длительного периода времени. В социальных науках в зависимости от объекта, от его собственной внутренней «склонности» к изменчивости этот период, как, скажем, видно из таблицы, может измеряться неделями, месяцами, годами и даже десятилетиями. Если в динамическом ряду обнаруживается регулярность изменений, можно говорить о закономерном процессе движения переменной. Если такая регулярность отсутствует, то следует вывод, что либо изменчивость носит случайный характер, либо выбран слишком малый для объекта, не соответствующий внутренним ритмам его колебаний промежуток времени.

Выявление формы изменчивости переменной подразумевает рассмотрение колебаний ее значений относительно тренда. В результате динамический ряд оказывается разделенным на части с однородными изменениями значений переменной. Например, вверх или вниз по отношению к тренду. Затем определяется периодичность этих колебаний. Если они не носят регулярного характера, процесс не является волнообразным, а имеет какую-то иную форму (например, эволюционную или линейную). Если же они периодичны, т.е. полностью или в основном повторяют свои параметры, свою форму через определенные, более или менее одинаковые промежутки времени, можно говорить о волновом характере процесса. В пределе этот процесс может быть описан с помощью математической модели периодической функции.

Изучение отклонений в значениях переменной по отношению к тренду проводится с целью выделения пиков, по которым можно судить о периодах ритмических колебаний. Для математического описания такого рода ситуаций существует специальный инструмент — спектральный анализ. Он обеспечивает возможность систематическим образом обобщить амплитуды и частоты колебаний и представить форму исследуемого процесса.

Однако это лишь одна сторона вопроса. Дело в том, что каждая из рассматриваемых социокультурных переменных существует не сама по себе,

но в определенном контексте. Ее изменения, следовательно, обусловлены не только внутренними (эндогенными) факторами, но и взаимодействием с элементами окружения (экзогенными причинами). Скажем, уровень преступности в обществе связан с такими его характеристиками, как степень устойчивости социальной структуры, скорость миграционных процессов, темпы урбанизации, мера эффективности существующих нормативных систем и т.п. Поэтому для каждого тренда необходимо в статистическом выражении выстроить соответствующую ему социокультурную «среду», где его взаимодействие с окружающими факторами оказывается наиболее значимым. Более того, следует установить внутренние колебания этого фона с тем, чтобы проследить соответствия и расхождения в интенсивности изменчивости между ним и рассматриваемой переменной. В рамках статистического анализа причинные зависимости этих параллельных динамических рядов, разумеется, не выявляются. Но вполне возможно сформулировать определенные гипотезы.

Имеющийся опыт исследований позволяет выделить следующие основные принципы анализа связей между внешними и внутренними ритмами динамики изучаемой ситуации.

- Периодические изменения тренда и внешнего фона рассматриваются как параллельные процессы, между которыми выявляются зависимости с помощью корреляционного, регрессионного и фазово-пространственного анализа.

- Внутренний ритм процесса описывается на основе анализа отдельных событий, связанных с рассматриваемой переменной. Внешний фон представляется через общие тренды той совокупности переменных, от которых предположительно зависит форма изучаемого процесса.

- В рассматриваемых параллельных процессах выделяются наиболее показательные точки соответствия (максимумы, минимумы, пересечения). На основании их выделения можно строить гипотезы относительно характера внешней обусловленности изменений в соотношении с изучаемым трендом.

Из сказанного следует, что волновые концепции социокультурной динамики представляют собой удобные абстракции, позволяющие оценить динамику тех переменных системы, которые могут без потери познавательной значимости сводиться к дихотомии «больше — меньше». В таком случае значимой характеристикой этой переменной в основном являются такие колебания ее величины относительно какого-то установленного уровня, которые описываются с помощью последовательных закономерных связей. При исследовании социокультурной жизни можно говорить не об абсолютно, но только относительно обратимых процессах. С идеей обратимости здесь связывается представление о возможности повторения во времени определенного состояния системы или ее элементов. Однако совершенно очевидно, что каждая новая «волна» реализуется в новых социокультурных условиях, и потому отнюдь не является простым повторением предыдущей. Таким образом, процесс может быть назван обратимым лишь в некотором условном, абстрактном смысле.

8.2. Гуманитарная трактовка социокультурных циклов

В попытках осмыслить закономерности исторических процессов, особенно тех, что имеют сходные характеристики в различные временные периоды, так называемая циклическая модель занимает заметное место. Под циклом здесь понимается обобщенное представление об универсальной форме внутренней динамики макросоциокультурного объекта (этнос, общество, цивилизация) в период его существования от возникновения до распада. Вот некоторые вехи в истории социально-философской мысли, связанные с концепцией «циклизма».

Идеи циклизма в концепции истории. Еще древнегреческий историк Полибий (201—120 гг. до н. э.) выделил (вслед за Аристотелем) цикл из шести основных фаз в смене политических режимов: монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия (власть толпы). В Новое время ключевой фигурой, выдвинувшей теорию исторического круговорота, был Дж. Вико (1668—1744). Он считал, что все нации развиваются по циклам, состоящим из трех эпох (стадий). Первая стадия — «век богов» — характеризуется отсутствием государства, символическим фиксированием представлений людей о себе, своем обществе и мире в теогонических мифах, доминированием сакральных структур в управлении социокультурными процессами. Вторая стадия — «век героев» — отмечена господством аристократического государства и символизацией социокультурных представлений в формах героического эпоса. Третьей стадии — «веку людей» — соответствует демократическая республика или монархия и историографическая форма осмысления социокультурных процессов. После завершения третьей стадии наступает постепенный распад данного общества¹. И. Г. Гердер уподоблял историю определенного народа периоду жизненного цикла человека².

Образцом более поздней циклической трактовки исторического процесса может служить Ф. Корнелиус, предлагавший гипотезу, согласно которой динамика каждой культуры может быть описана в терминах пяти основных фраз:

- период, характеризуемый религией в качестве основного интегративного механизма;
- промежуточный период, когда интеграцию в сообществе начинают осуществлять нерелигиозные функциональные социальные лидеры; это обусловлено ранней стадией социальной дифференциации, когда такие роли выделяются из среды «исполнителей», но полностью от нее не отделены;
- период героев, становящихся интеграционными центрами отдельных областей культуры (соответственно процессы общей социальной интеграции усложняются; возникают области дезинтеграции и беспорядка);
- период доминирования ценности личности, индивидуализма, эгоизма, когда упорядочение связей человека с окружением центрируется вокруг личности;

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. Л., 1940.

² Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М, 1977.

— период копирования, характеризующийся дезинтеграцией социокультурной среды, когда собственные организационные критерии общества теряют функциональность и люди начинают заимствовать их у других культур. Корнелиус считает этот период последней стадией в существовании данной культуры¹.

В XX в. гуманитарные циклические концепции социокультурной динамики связываются главным образом с именами Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. А. Сорокина. Их точка зрения на человеческую историю стала реакцией на невозможность в рамках классического эволюционизма систематическим образом интерпретировать многочисленные исторические и этнографические данные, не укладывающиеся в его существующие модели. Особенно спорным оказался вопрос о культурном многообразии в связи с тем, что имеющиеся факты не подтверждали универсальной обязательности для каждого общества необратимости развития. В связи с этим О. Шпенглер писал: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания, чувствования и, наконец, своя собственная смерть»².

Концепции цивилизационных циклов. Шпенглер выдвинул предположение о том, что история человеческой культуры представляет собой смену несходных между собой цивилизаций. Каждая из них проходит через последовательный набор обязательных стадий — от зарождения до распада — составляющих законченный цикл продолжительностью около тысячи лет. Он выделял восемь таких цивилизаций, основанных на совершенно различных принципах: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоническая» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская), культура майя и предполагал возможность формирования русско-сибирской.

Идеи О. Шпенглера нашли продолжение в работах А. Тойнби, который также рассматривал исторический процесс как совокупность не связанных друг с другом и существенным образом различающихся цивилизаций. Цикл существования цивилизации, согласно А. Тойнби, предполагает пять последовательных стадий: зарождение, становление, кризис, разложение, гибель. Каждая цивилизация представляет собой совокупность устойчивых территориальных, политических, религиозных характеристик. Технология не включается в число этих основных переменных, поскольку, согласно Тойнби, состояние технологии не коррелирует с состоянием цивилизации.

Обязательность в соблюдении последовательного прохождения через стадии существования стала для Тойнби основным критерием для включения цивилизаций в свой реестр. В него не вошли те, что не прошли пол-

¹ *Cornelius F. Die Weltgeschichte und ihre Rhythmus. München, 1925.*

² *Шпенглер О. Закат Европы. М. ; Пг., 1923. Т. 1. С. 20.*

ного цикла или не проявили его признаки с достаточной интенсивностью. Соответственно в историческом процессе были выделены цивилизации: западная христианская, российская христианская, ближневосточная христианская, ортодоксальная иранская, ортодоксальная арабская, индийская, дальневосточная, эллинская, сирийская, буддийская, синитская, миноанская (бронзовый век на Крите), шумерская, ассирийская, вавилонская, аляскинская, мексиканская, юкатекская, майя, египетская, полинезийская, эскимосская, номадическая, оттоманская, спартанская, скандинавская¹. К середине 50-х гг. XX в., согласно Тойнби, можно было наблюдать семь так или иначе сохранившихся цивилизаций:

- Западная христианская (страны Западной Европы, Америки, Австралии, где исповедуется христианство в католической или протестантской форме);
 - Православная христианская с русской ветвью (страны Юго-Восточной Европы и Россия, где распространено православие);
 - Исламская (Северная Африка и Ближний Восток, территории, расположенные между Атлантикой и границей Китая);
 - Индуистская (территория субконтинента Индии);
 - Дальневосточная, с японской ветвью (Тихоокеанский регион);
- а также две разнородных совокупности, включающие в себя:
- христиан-монофизитов в Армении, Месопотамии, Египте, Эфиопии, христиан-несториан Курдистана, экснесториан Малабарского побережья, нудистов и парсов — последователей зороастризма в Индии;
 - буддистов ламаистско-махаянистского направления на Цейлоне, в Бирме, Камбодже, членов индуистской религиозной секты джайана.

Последние две системы он считал своеобразными реликтами ныне вымерших цивилизаций².

Оценивая состояние цивилизации, Тойнби считал критерием ее подъема «развивающуюся индивидуальность, что в свою очередь свидетельствует о движении цивилизации по пути превращения в самодовлеющую среду... самодовлеющее поле действия»³. Критерий ее упадка он определял как «разрушение управления, означающее утрату гармонии между частями, некогда составлявшими единое общество. Утрата гармонии между частями влечет за собой потерю обществом самоопределения, что и является критерием упадка»⁴.

Цикл социокультурной системы. В циклической модели П. А. Сорокина, исторический процесс представлен как последовательная смена типов культур, которые строятся на основе выделения характерных для каждого представлений о природе реальности и методе ее познания и представляют собой три фазы единого цикла. Через них проходят четырнадцать основных сфер, совокупность которых характеризует социокультурную систему,

¹ См.: *Toynbee A. D. Study of History*. L., 1934–1961.

² *Toynbee A. D. A Study of History / Abridgement by D. C. Sommerei*. Vol. 1–2. 1956–1957. Introduction. Vol. 1, P. 8.

³ *Toynbee A. D. A Study of History*. Vol. 1. L., 1934. P. 208.

⁴ *Toynbee A. D. A Study of History*. Vol. 1. P. 279.

культуру в целом. Эти сферы таковы: живопись, скульптура, архитектура; музыка, театр, литература, искусствоведение; религия, философия, наука; технологические изобретения; этика и право; политика; семейные отношения; экономика; политические конфликты; религиозная активность; тип исторической личности; формы свободы; государственное управление; мировоззрение. В динамике каждой из них можно наблюдать три типичных стадии, после которых цикл начинается вновь: идеациональная с доминированием процессов познания, идеальная с доминированием идеологии, сенсуальная с доминированием чувственного переживания.

В тех сферах культуры, которые связаны с социально значимым знанием и нормативными кодексами, эти фазы проявляются более или менее однозначно. Первой соответствуют активное осмысление окружения, поиск организационных принципов, позволяющих связать динамичные и многообразные культурные события в устойчивые, имеющие социальную значимость целостности: предметно-пространственные, лингвистические, познавательные, технологические, нормативно-регулятивные. Вторая предполагает, что сложившиеся формы порядков конвенциональным путем устанавливаются, фиксируются и легитимизируются в качестве социокультурных норм, ограничивающих индивидуальные и групповые действия в этих сферах (например, стиль в искусстве, научная парадигма, религиозная доктрина, свод законов и т.п.). Третья характеризуется тем, что нормативные рамки оказываются слишком узкими для социализации нового опыта, и люди обращаются за подтверждением адекватности своих действий и суждений к уровню чувственных переживаний.

В контексте социальных связей и отношений выделенные фазы имеют специфичные формы проявления. В области семейных связей происходит движение от договорно-принудительных к более свободным отношениям. Сфера экономики характеризуется ритмом роста и спада активности, связанной с производством, распределением, потреблением благ и услуг. Социальные напряжения и конфликты, будучи нормативно связанными в рациональной и идеологической фазах существования культуры, усиливаются в третьей, сенсуалистичной фазе и особенно остро проявляются между циклами. Религиозная нормативность особенно сильна в первой фазе и минимально действенна в третьей. Каждой стадии динамики цикла приводится в соответствие свой тип личности, вписанный в определенную ритмическую структуру. Аналогичную структуру можно обнаружить и в смене форм свободы, характерных для каждой фазы: от контролируемой «осознанной необходимости» в первой фазе до произвола и анархии в последней. Соответственно меняется и тип государственной активности: на первой стадии нормативно-регулирующая роль государства высока; на третьей государственное вмешательство в хозяйственную жизнь и область гражданских свобод минимально. На уровне мировоззрения в концептуализации «устройства» мира, таких определяющих его категорий, как пространство, время, причинность в рамках цикла происходит движение между полюсами идеализма — материализма, непрерывности — дискретности, реализма — номинализма¹.

¹ Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 4. N. Y. ; L., 1962. P. 425.

Гуманитарная интерпретация социокультурных циклов представляет собой попытку построить модель макроисторических процессов, свободную от метафизических оснований эволюционизма и идеологии линейного прогрессивизма. Она базируется на признании правомерности и самодостаточности эмпирически существующего многообразия социокультурных систем. В этом смысле такая позиция тесно связана с утверждением культурного плюрализма. В то же время теоретики циклизма принимают в качестве исходного допущения представление о видовом единстве человечества. И свою задачу они видят в том, чтобы найти проявления этой универсальности в структурных основаниях динамики социокультурных систем.

Работы «классических циклистов» изобилуют конкретными историческими примерами, иллюстрирующими их концепции. И часто такие картины выглядят весьма убедительно. Однако подобные модели следует весьма осторожно использовать для интерпретации и объяснения социокультурных изменений на «микровременном» уровне. Необходимо помнить, что они представляют собой не более чем идеализации процессов исторического масштаба, происходящих в макрообъектах, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Скорее всего, представления такого рода целесообразно рассматривать как некоторый гипотетический социокультурный динамический фон, на котором уже более доказательно и обоснованно можно проследивать отдельные доступные для наблюдения процессы, происходящие в изучаемых обществе и культуре.

8.3. Концепция длинных экономических волн

Лучше всего модели волнообразных динамических процессов разработаны в экономике. Колебательные процессы длиной 7—11 лет, периодические кризисы в хозяйственной жизни были зафиксированы в науке еще в 20-х гг. XIX в. и получили название «торгово-промышленных циклов». В середине XIX в. в их пределах были отмечены различные временные периоды соответствующих изменений (Маркс, Родбердус, Жуглар и др.) В России в конце XIX — начале XX в. концепцию долговременных колебаний в экономике разрабатывали М. И. Туган-Барановский, Парвус (псевдоним русского марксиста А. И. Гельфанда); в Голландии ее сторонниками были Ван Гельдерн и его последователь С. де Вольф. Были выделены такие их детерминанты, как открытие новых рынков, введение новых технологий, межотраслевые связи, соотношение спроса и предложения, накопление и перераспределение капитала.

Это направление исследований позже продолжил Н. Д. Кондратьев, разработавший теорию длинных экономических волн с периодом 48—55 лет, которая описывала полный набор фаз цикла — спада, подъема, перехода между ними — и позволяла дать им содержательную интерпретацию. Последнее оказывалось возможным потому, что при построении модели была предпринята попытка соотнести экономические процессы с некоторыми социальными и политическими факторами. Иными словами, речь шла

об анализе экономических изменений в определенном социокультурном контексте.

Кондратьев объединяет экономические изменения в два типа процессов: необратимые, и те, что наряду с ними включают в себя значительное количество повторяющихся элементов. Иными словами, он выделил и разграничил направление и колебательные процессы, что помогло лучше понять механизмы экономической динамики. Изучение взаимосвязи этих типов процессов привело к построению закономерностей соотношения их обратимости и необратимости, равновесности и неравновесности.

Основной задачей своей работы Н. Д. Кондратьев считал выявление регулярности повторения основных тенденций (трендов) в динамике экономической конъюнктуры¹. Для отслеживания этих трендов он выделил десять основных переменных, наиболее представительным образом характеризующих состояние экономической системы в количественном выражении: национальный капитал; количество самодеятельного населения; производство средств производства; производство предметов потребления; общие размеры производства; валовый национальный доход; заработная плата; процент на капитал; сумма земельной ренты; размеры накопления капитала.

Эти переменные он разбил на две группы. Одна из них характеризуется тем, что здесь величины переменных кумулируются (накапливаются) и в каждый данный момент образуют известный фонд (количество самодеятельного населения, национальный капитал, уровень технологического развития). Другая включает в себя те экономические элементы, которые не подчиняются принципу кумуляции и динамика которых может быть представлена как «поток» (заработная плата, процент на капитал, количественные характеристики производства и т.п.).

На основе анализа статистических материалов Н. Д. Кондратьев описал динамические ряды изменений величин этих переменных и пришел к выводу, что долговременные колебания в экономике носят регулярный, волнообразный характер. Он выделил совокупность взаимосвязанных социально-экономических процессов, составляющую эти долговременные волны. Речь идет о неравномерности изменений технологий и технологической структуры производства, накопления капитала, условий денежного обращения, социально-политических процессов, вовлечения новых стран в систему мирового капиталистического хозяйства.

В самом общем виде Кондратьев так описывал форму изменений экономической системы: «Материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и распространение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры. Период усиления строительства этих основных капитальных благ является периодом

¹ «Под экономической конъюнктурой каждого данного момента мы понимаем направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» (Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 199–208).

подъема, периодом отклонения реального уровня экономических элементов вверх от существующего уровня равновесия... является периодом длительного повышения конъюнктуры, хотя бы и прерываемого колебаниями более кратковременными. Период затишья в их строительстве является, наоборот, периодом движения реального уровня экономических элементов к уровню равновесия и ниже него». При этом «в процессе развития цикла самый уровень равновесия, изменяясь, переходит на иную, как правило, на более высокую ступень»¹.

Из приведенного высказывания видно, что колебательные процессы носят не циклический характер, но ведут к изменению угла наклона той оси, «уровня равновесия», относительно которой они прослеживаются.

8.4. Модель «длинной» экономической волны

Согласно Н. Кондратьеву, полный цикл динамики экономической системы может быть описан с помощью четырех фаз: повышение, перелом, понижение, переход.

Фаза подъема («повышательная»²). В этот период происходит обновление и расширение основных капитальных благ; радикальным образом изменяются и перегруппировываются производственные силы, чему должно предшествовать значительное накопление капитала, концентрация его в мощных предпринимательских центрах. Такая предварительная концентрация является необходимым условием повышения экономической конъюнктуры, поскольку распыление капитала в разных слоях общества не может обеспечить необходимые для этого преобразования.

Кроме того, важным фактором экономического подъема является обилие «свободного» капитала и его дешевизна. При таких условиях наступает время, когда выгодным, рентабельным становится крупное инвестирование в производство. Начинается новое капитальное строительство, широко внедряются новые технологии, создаются новые производительные силы. Все это ведет к структурной перестройке условий производства, вызывающей рост эффективности функционирования экономической системы.

Фаза подъема характеризует высоко динамичное состояние экономической системы, связанное с ее ростом. В этот период на фоне расширения мирового рынка, вовлечения в него новых стран происходит экспансия внешних экономических контактов; внутри системы наблюдается свободное переливание капитала. На уровне «средних» волн конъюнктуры депрессии ослабляются, зато подъемы направлены круто вверх. Возникают новые точки роста: новые отрасли производства, предприятия, структуры хозяйственных связей, субъекты экономической деятельности. Однако в определенный момент подобные изменения приводят к такой степени структурной неоднородности, что система становится неустойчивой, поскольку интенсивность динамики социально-экономических процессов

¹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Проблемы экономической динамики. С. 172.

² «Повышательная» и «понижательная» волны — термины Н. Д. Кондратьева.

возрастает. Вместе с тем повышение степени активности экономических субъектов ведет к росту социальных напряжений и конфликтов между группами интересов как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Обостряются отношения между новыми и традиционными элементами хозяйственной жизни, начинается жесткая рыночная конкуренция. Вероятными становятся смены режимов с выходом в сферы влияния новых социальных сил.

Переломная фаза. Она характеризуется тем, что инерционное движение экономических процессов достигает границы, за пределами которой система перестает быть эффективной. Крупные инвестиции в промышленность превышают спрос на капитал, который в результате этого дорожает. Внешнеполитическая и внутригосударственная социально-экономическая и политическая нестабильность, возникающая из-за непроизводительных затрат, ослабляет темпы накопления и соответственно повышает спрос на капитал. Дорожание капитала влечет за собой его дефицит. В результате замедляется темп инвестирования в капитальные сооружения, понижаются рыночные цены. Начинается падение активности экономической жизни.

Фаза депрессии («понижительная»). Ее характеризует состояние спада экономической активности. В этот период начинается поиск путей удешевления производства, в том числе за счет технологических инноваций. Это порождает возрастание спроса на инновативные идеи и изобретения. Постепенно тормозится рост процента на капитал. Его понижение связано с аккумуляцией капитала в банках и торгово-промышленных предприятиях. Оно происходит за счет социальных групп с фиксированными доходами, которые выигрывают на понижении цен, и за счет сельского хозяйства.

При депрессии положение в сельском хозяйстве оказывается значительно хуже, чем в промышленности. В этих условиях большая подвижность промышленности способствует лучшей ее приспособляемости к изменениям конъюнктуры. Рыночное же положение сельского хозяйства ухудшается (падение цен, покупательной способности), что способствует перетеканию капиталов отсюда в промышленные центры.

Стадия депрессии характеризуется инерционностью устаревшей структуры экономики, которая проявляется как сопротивление модернизации производства, замедление общих темпов роста основных экономических показателей, затягивание неблагоприятных условий конъюнктуры. В этот период и следует ожидать «структурного кризиса». Этим понятием обозначаются те изменения, происходящие в нижней точке спада, где переход движения от депрессии к подъему обуславливается радикальным технологическим изменением производства, вложениями в принципиально новую технику. Итак, кумуляция разрозненных инноваций в фазе спада при низкой эффективности экономической системы является важной предпосылкой для ускорения деструкции этой системы. В то же время из разрушающегося старого порядка и рядом с ним формируются начала другого, отвечающего новым экономическим возможностям, которые появляются благодаря смене технологической «парадигмы».

Фаза перехода. Она характеризуется тем, что прежняя структура экономики — совокупность отраслей производства и связей между ними, международное разделение труда, доминирующие формы организации производства, технологии — перестает быть эффективной. Новые хозяйственные формы, даже весьма успешные, не будучи на стадии своего порождения «стянутыми» в прочные структурные образования, оказываются недостаточно сильными для того, чтобы переломить ситуацию. Чтобы утвердиться в качестве элементов нового порядка, эти формы должны «победить» в конкуренции с существующей, хотя и разрушающейся хозяйственной структурой. Период конфликтов элементов обоих типов обычно составляет 7—10 лет, но может продолжаться и дольше. В это время формируются новые отрасли производства, складываются более адекватные изменившимся условиям формы экономической организации и регулирования.

По мере того как направление новых упорядочивающих процессов начинает определяться, а поддерживающие его силы легитимизируются, происходит внутренняя перестройка системы. В этот период депрессия не ослабляется возникающими всплесками хозяйственной активности. Тем не менее, постепенно продолжается структурное упорядочение; определяются будущие «точки роста»; в них стягивается капитал. Стабилизируется социальная структура, поскольку низкие темпы экономического развития приостанавливают как миграционные процессы, так и вертикальную социальную мобильность. Технические инновации в этот период ориентированы не на структурные изменения производства, но на усовершенствование существующих производственных процессов. Иными словами, даже технологические изменения ориентированы на поддержание имеющегося положения дел. Соответственно формируются определенные предпосылки для стабилизации социально-экономической жизни.

Сложившийся новый структурный порядок обуславливает накопление потенциала для дальнейшего роста. В его рамках очевидной становится внутренняя неравномерность развития различных элементов социально-экономической системы. По этим линиям неравенства активизируется хозяйственная деятельность как внутри системы, так и на уровне ее внешних связей. Перелом волны намечается, когда капитал начинает дешеветь, что создает предпосылки для новых крупных инвестиций в капитальное строительство, т.е. для новой фазы подъема экономической активности.

Такова идеально-типическая модель «длинной» экономической волны.

8.5. Направления изменений социальной структуры в разных фазах длинных экономических волн

На основе имеющегося социологического, социально- и культурно-антропологического знания можно в идеально-типическом плане описать изменения социальной структуры, связанные только с моделью длинной экономической волны.

Интенсификация социокультурных процессов. Для фазы подъема характерно так называемое динамическое неравенство, благодаря которому

наиболее слабые перегородки в социокультурном расслоении разрушаются под напором социальной мобильности. Раздвижение границ и появление многообразных форм экономической активности увеличивают возможности обогащения, создания новых единиц как крупного масштаба с новейшей технологической оснащенностью, так и более мелких с меньшей степенью модернизированности. Соответственно появляется широкий спектр новых рабочих мест — от ручного неквалифицированного труда до самых современных профессий. В этот период у государства появляется больше возможностей за счет налоговой политики увеличивать финансирование социальных программ. Все это становится фактором интенсификации социальной динамики. Можно сказать, что при сокращении имущественного неравенства начинает увеличиваться социальная дифференциация. Хотя наиболее устойчивые стратификационные границы сохраняются, например, между высшим и средним классами, средними слоями и низшими уровнями низшего класса, заметным становится рост численности среднего класса. В его рамках формируются многочисленные объединения и группировки. Что же касается культурных различий, то здесь происходят изменения значительно более сложного характера, которые пока еще слабо изучены. По крайней мере, межгрупповые напряжения в таких динамичных условиях достаточно сильны из-за постоянного столкновения разнонаправленных интересов и ценностного плюрализма.

Фазе подъема соответствует оживление политических процессов, связанных с переделом сфер влияния внутри страны и реструктурированием внешних связей. Различные группы интересов активизируются в конкурентной борьбе за поддержку избирателей, необходимую для того, чтобы занять места в верхних эшелонах государственной власти. Расширяется сфера социального участия и соответственно большее значение приобретает нижний уровень представительной власти.

При таких условиях в зонах общественной жизни, близких к экономическим преобразованиям и соответственно к социальным напряжениям, постепенно возрастает неопределенность. Она связана, во-первых, с конкуренцией за сферы влияния между старыми и новыми экономическими лидирующими группами, между новыми субъектами рынка. Во-вторых, с сопротивлением традиционных «высших» слоев общества претензиям «нуворишей» на высокое социальное положение. В-третьих, с нежеланием представителей традиционных политических структур уступать свои позиции представителям новых групп интересов. В совокупности все эти процессы ведут к накоплению нестабильности, разнонаправленности возможных социокультурных изменений.

Укрепление социальной структуры. Фаза спада характеризуется тенденцией к статическому неравенству, закреплению в социальной структуре. Уменьшается степень проницаемости межслоевых границ. Вертикальная мобильность существенно сокращается. Более заметными становятся знаковые границы между представителями различных слоев общества. Особенно это относится к тем социокультурным группам, которые в наибольшей степени находились в центре экономических преобразований предыдущего периода. Усиливается влияние консервативных настроений

и ценностей. Сокращается возможность и вероятность быстрых индивидуальных достижений.

При экономических спадах увеличивается число бедных в обществе. В городе возрастает безработица; депрессия в сельском хозяйстве обуславливает свертывание производства. Миграция сельских жителей в города ведет к накоплению здесь дешевой неквалифицированной рабочей силы. В низших слоях общества нарастает недовольство своим социальным положением, агрессивность по отношению к более обеспеченным, что проявляется в распространении здесь идеологии уравнительной справедливости. При условии, что поляризация бедных и богатых усиливается, а количество бедных существенно возрастает, можно говорить о повышении степени вероятности социальных конфликтов. Если в обществе существуют сильные экономические и властные группы, они ставят низшие классы под жесткий политический и правовой контроль. При их слабых полномочиях популистские ориентации публичных политиков усугубляют депрессию. Победа низших классов ведет к появлению того, что принято называть обществом, или культурой, бедности.

Такие зависимости можно наблюдать при сопоставлении экономических динамических волн с сопутствующими социокультурными изменениями. Однако следует подчеркнуть, что характер связей между ними не установлен и потому ни один из рядов не обеспечивает объяснений для другого. Пока не ставился вопрос о зонах социокультурной жизни, которые подвергаются структурным обратимым и необратимым преобразованиям под влиянием экономических колебаний. Теоретически не интерпретированными остаются роли и функции различных социокультурных слоев и тенденций в процессах, происходящих в обществе и культуре под влиянием экономических волн в различных их фазах. Поэтому все сказанное выше носит гипотетический характер.

8.6. Закономерности длинных волн

Анализ динамики больших циклов позволил Н. Д. Кондратьеву вывести четыре эмпирических регулярности, значимые с точки зрения не только их описания, но и понимания их природы.

Перед началом или в самом начале фазы подъема большого экономического цикла наблюдаются значительные перемены основных условий хозяйственной жизни общества: изменения технологий производства и обмена, условий денежного обращения, усиление роли новых стран в сфере мирового хозяйства и т.п. Разумеется, такого рода изменения происходят постоянно, однако в этот период они заметно интенсифицируются.

По наблюдениям, в течение примерно двух десятилетий перед началом «большой» волны подъема наступает заметное оживление в области технологических инноваций. В самом ее начале новшества распространяются и обуславливают структурные изменения в сфере производства. Происходит расширение орбиты мировых экономических связей. Серьезные изменения отмечаются в добыче драгоценных металлов и в денежном об-

ращении. В периоды подъемов больших волн возрастают социальные напряжения и конфликты (вплоть до войн) и проявляются значительно интенсивнее, чем в периоды спадов. Спады длинных волн сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства. Разумеется, в эти периоды цены снижаются и на промышленные товары, однако падают значительно ниже на важнейшие сельскохозяйственные продукты, уменьшая их покупательную силу.

Если рассматривать соотношение длинных и средних волн в едином процессе экономической конъюнктуры, то обнаруживается влияние первых на вторые. При спаде длинной волны тенденции подъемов средних волн будут ослабляться, а спадов — усиливаться. При движении вверх наблюдается обратная картина. Соответственно в период спада преобладают годы депрессий, а при подъеме — годы экономического оживления¹.

Важно запомнить!

Следует подчеркнуть, что Н. Д. Кондратьев подчеркивает эмпирический характер сделанных обобщений и отсутствие какой-либо претензии на объяснение причин длинных экономических волн (больших циклов).

Исследования последних десятилетий показали, что неустойчивость социально-экономических систем возникает в результате отклонения величин переменных, определяющих относительно эффективное их функционирование, от параметров, обеспечивающих такое положение дел. Появляющаяся в этом случае неопределенность представляется двумя основными типами: статическим и динамическим. Статическая бифуркация обуславливается длительным накоплением отклонений значений переменной от спектра ее «нормальных» вариаций; динамическая — быстрым. Оба состояния влекут за собой катастрофические последствия для целостности системы. Однако особую опасность представляет динамическая бифуркация, вызывающая высокие темпы разрушения системы или неорганизованные попытки ее сохранения. Наблюдающееся в этом случае резкое усиление противоположных динамических тенденций может привести к ее полному структурному преобразованию. Итак, накопление отклонений может привести к колебаниям с возрастающей амплитудой, в пределе ведущим к разрушению системы.

Согласно обобщениям Л. М. Григорьева², относительно волновых моделей экономических изменений можно сказать следующее.

- Волны представляют собой определенную последовательность фазовых состояний экономики: подъем, кризис, депрессия, оживление. Эти фазы повторяются, однако не со строгой математической периодичностью.
- Переходы от одной фазы к другой носят плавный характер, т.е. внутри каждой предыдущей фазы нарастают процессы, которые начинают доминировать в последующей. Соответственно о границах фазовых состояний можно говорить условно.

¹ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. С. 199—208.

² Григорьев Л. М. Циклическое накопление капитала. М., 1988.

- Эмпирические данные представляют фазы и переходы между ними в многообразии форм проявления.
- В историческом плане изменились некоторые общие характеристики экономических волн: сократилась частота кризисов; возросла средняя продолжительность цикла; фаза подъема по времени увеличилась, а фазы депрессий и оживления в сумме стали короче; намечается стадия предкризисного застоя, где сочетаются признаки и подъема, и кризиса.
- Кризис начинается в период, когда основные экономические единицы не находятся в критическом состоянии; он обусловлен процессами разрушения экономической ткани как таковой, носящими лавинообразный характер.
- Форма кризисных фаз такова: взрывной характер начальной стадии; чередование пологих и острых изменений в период свертывания производства; расширение сферы снижения выпуска продукции по отраслям производства.
- Кризис и депрессия ведут к тому, что из экономической системы вытесняются ее слабейшие элементы; определяются наиболее перспективные рынки; стимулируется рационализация производства.

8.7. Волновые процессы технологических инноваций

Говоря о механизмах самоорганизации экономической системы, следует обратить особое внимание на то, что в периоды экономических спадов хозяйственная активность оживляется поиском новых технологий. Благодаря этому на уровне средств производства складываются предпосылки для перехода системы в новое качественное состояние.

Известный исследователь экономических циклов И. Шумпетер считал колебания технологических нововведений механизмом, позволяющим объяснить волновую смену нестабильности и накопления капитала. Он полагал, что нововведения, изменяя факторы производства, обуславливают расширяющуюся кумуляцию денежной массы на базе кредита. Этот процесс предполагает также распространение в сфере производства структурно новых технологий производства и коммерческих операций, а также товаров. В совокупности такого рода изменения способствуют смене фаз циклов. Интенсивность же динамики самих циклов зависит от того, насколько значимым для структурной перестройки системы является изменение.

И. Шумпетер выделил три волны нововведений¹. А. Клейнкнехт добавил четвертую применительно к длинной экономической волне: 1940—1970-е гг. — период подъема; 1970—1980-е гг. — период спада. Он установил, что циклическая инновационная активность, начавшаяся в 1930-е гг., привела к значительному экономическому подъему в послевоенный период, который длился до 1970-х гг.

Механизмы связи между экономическими и технологическими изменениями. А. Клейнкнехт изучил вопрос о связи длинных волн с техноло-

¹ Василькова В. В., Яковлев И. П., Барыгин Н. Н. и др. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992. С. 153—154.

гическими нововведениями. Обобщая исторические данные и их осмысление в научной литературе, он установил, что все исследователи отмечают всплески таких нововведений в 80-х гг. XIX в. и 30-х гг. XX в., т.е. в периоды экономического спада. Механизм связи между этими явлениями он объясняет таким образом. В период экономического подъема, когда имеющиеся технологии обеспечивают высокие прибыли, нет смысла заменять их новыми. Они подвергаются лишь не принципиальным усовершенствованиям; для появления рискованных исследовательских проектов недостаточно оснований и стимулов. Наоборот, в период спада рынок затоварен, оборудование простаивает и совершенно очевидно, что улучшение качества невостребованных товаров и существующих технических устройств не приведет к улучшению ситуации. Соответственно появляется место и побуждение для рискованных исследовательских работ, связанных с изменением производственного цикла в целом.

Изучая динамику экономических процессов в Западной Германии, он установил корреляцию между технологическими инновациями в различных секторах производства и неодинаковостью темпов роста в их рамках. Посекторное и региональное изучение зависимостей такого рода позволяет понять их причинную обусловленность.

У. Лоу, сотрудник Массачусетского технологического института (США) построил теоретическую модель, уточняющую форму связей между пиками инновационной активности, определенными периодами экономического цикла и фазами длинной волны экономических колебаний. Он пришел к следующим основным выводам¹:

- форма пиков нововведений или изобретений отличается от характеристик фаз депрессии и восстановления в экономическом (кондратьевском) цикле и графически выражена более четко;

- период между фундаментальным изобретением и его внедрением в производство сокращается от XVIII к XX в.;

- наблюдается тенденция к концентрации научных открытий и изобретений в определенные моменты времени.

Форма влияния экономических факторов на изобретения и нововведения не однозначна и не линейна. Оба типа инноваций лишь с одной стороны зависят от экономической ситуации, с другой — они во многом определяются эндогенными для науки факторами, в частности, частотой открытий. Более того, их пики относятся к совсем иным периодам, чем научные открытия. Пики научных открытий совпадают примерно с концом периода относительного благополучия первой, второй и третьей кондратьевских волн. В эти периоды экономический рост, социальный динамизм, расширение международных контактов создают благоприятную ситуацию для научной деятельности.

Последователи И. Шумпетера продолжают искать соответствия между колебаниями технических нововведений и долгосрочными колебаниями экономических показателей. Эти поиски еще далеки от завершения. Так,

¹ Лоу У. Открытия, нововведения и экономические циклы // Науковедение. 1986. № 2. С. 215.

пока неизвестно, существует ли закономерное постоянство интервала между научными открытиями и базовыми нововведениями и какова их функциональная связь. Неясна роль таких нововведений по отношению к динамическим характеристикам экономического цикла.

Г. Менш, например, полагает, что радикальные технологические сдвиги приходится на низшую стадию депрессии и определяют характер будущего подъема. Соответственно выходу из кризиса может помочь рациональная активная научная и техническая политика, ориентированная на модернизацию производства. К. Фримен, однако, подвергает сомнению вывод Г. Менша о ключевой значимости фундаментальных технических нововведений в преодолении депрессии. Так, он показывает, что в 30—40-е гг. XX в. важными стимулами нововведений были подготовка и ведение войны, а также независимое от экономической конъюнктуры развитие фундаментальных наук.

Концепция технологической парадигмы. Чтобы понять форму и динамику связей между технологическими нововведениями и экономическими изменениями, соответствующими различным фазам «длинных» экономических волн, необходимо соотнести стадии зарождения роста, насыщения и упадка промышленных и технологических процессов. К. Фримен и его коллеги предлагают обратиться к изучению «технологических систем». Согласно его концепции, «новые технологические системы» образуются благодаря тому, что определенные нововведения объединяются между собой устойчивыми связями и в такой совокупности работают как механизм формирования новых структур производственных единиц. Связи между ними обусловлены не временем возникновения инноваций, но организационно-технологическими решениями относительно характера производства, т.е. таких последствий внедрения инновации, как возможные масштабы ее применения, скорость распространения, трансформация организационных структур, спрос на труд и капитал. Такие системы принято называть «технологическими парадигмами».

В своих исследованиях К. Перец также пришел к заключению о том, что развитие различных технологий унифицируется благодаря действию некоторых ключевых факторов, различных в каждый конкретный период, но определяемых необходимостью понижения издержек на труд и капитал. Воздействие этих факторов начинается с момента массового использования нововведений, что в свою очередь меняет технологическую систему, существовавшую ранее, выводя из структуры производства ряд устаревших элементов. Соответственно технико-экономическая система в целом интегрируется, ее элементы унифицируются и она приближается к границам своей производительности. Согласно концепции Дж. Дози, роль такой технологической парадигмы как движущей силы экономического роста в этот момент начинает снижаться. Это происходит, с одной стороны, по внутренним причинам, таким, например, как истощение компонент «технологических траекторий», а с другой, — по экономическим, например, ужесточение конкуренции, насыщение рынка, рост неопределенности экономической ситуации и т.п. Обнаруживается разрыв во взаимодополнительности связей между технологией и экономикой; нарушается соответствие между

формами динамики этих двух социально-институциональных систем. Такие «сбои», ослабляя структурные связи между ними, способствуют в фазе спада усилению депрессивных тенденций.

Напротив, фаза длительного экономического подъема стимулируется установлением новых связей между технической, экономической и социальной системами. В этот период усиливается инновационная активность в научной и технологической сферах, ведущая к трудосберегающим изменениям внутри парадигмы. Появляются изобретения, ориентированные на реализацию в будущем, где они могут стать ключевыми факторами в начале следующей экономической волны. Но уже в момент возникновения они начинают оказывать влияние на существующую производственную ситуацию: некоторые изобретения или их совокупности стимулируют темпы экономического роста. Разумеется, особую важность это приобретает при переходе от спада к подъему. Однако научные открытия и технические изобретения распространяются в экономике в любое время, хотя конъюнктура может стимулировать или сдерживать этот процесс, поскольку воздействует на развитие науки в разных фазах по-разному. В фазе подъема складываются благоприятные условия для развития фундаментальных исследований. В фазе спада спросом начинают пользоваться прикладные разработки и технические изобретения; они внедряются в промышленность с целью преодоления кризиса.

Следует подчеркнуть, что исследователи не обнаружили односторонних и жестко детерминированных связей между экономическими и технологическими изменениями. Отношения между ними оказались сложными и неоднозначными благодаря их взаимной относительной функциональной автономии.

8.8. Эвристический смысл обращения к волнообразным процессам

В заключение следует остановиться на оценке перспективности работы с обратимыми и ритмическими процессами в обществе и культуре. Самоорганизующиеся системы, изменчивость которых может быть представлена в волнообразной форме, характеризуются периодичностью повторяющихся состояний, детерминированной инерционностью системы и регулируемой с помощью механизма обратной связи. Такими принято считать живые организмы. Биологи выявили и изучают ритмы у одноклеточных растений, беспозвоночных, рыб, птиц, млекопитающих, человека; в изолированных организмах, культурах тканей, отдельных клетках. Предпринимаются попытки перенести полученные теоретические модели на сообщества организмов и экосистемы. Основываясь на представлении об универсальности циклических форм, его сторонники переносят часть научного аппарата, отражающего сходство наблюдаемых процессов, в изучение общества и культуры. В настоящее время заметна тенденция объединить в общую теоретическую модель элементы физической теории колебаний, теорий биологических ритмов и кибернетической концепции поведения систем большой степени сложности.

В отличие от физических колебаний и волн и даже биологических ритмов социальные системы характеризуются значительно более высокой степенью стохастичности, изменчивости, что делает весьма затруднительным параметризовать их в терминах «амплитуды», «фазы», «периоды». По сравнению с биологическими системами, социальные имеют несравненно более длительные периоды флуктуации. Следует отметить, что исследование ритмических процессов в организмах и тем более социокультурных системах только начинается. В какой-то степени изучен околосуточный период колебаний; значительно меньше данных существует о месячных и годовых интервалах. Совсем немного известно о более длинных волнах — от пяти лет и выше.

Структуры и темпы социокультурных процессов разнообразны и не могут быть описаны формулами гармонических колебаний. Однако сама попытка по-иному, чем в эволюционизме, взглянуть на динамику общества и культуры, может оказаться плодотворной, а применение биологических и механических метафор, связанных с волновыми процессами — эвристичным. Тем более, что такое перенесение часто происходит в истории социальных наук и имеет положительные результаты. Разумеется, ни в одной социокультурной системе невозможно найти устойчивые точку или ось равновесия. Однако, как видно из структурно-функциональных исследований, установившееся состояние системы означает, что разброс вариаций поведения ее отдельных элементов не превышает границ, которые можно выявить в соотношении с каким-то общим средним уровнем. Тогда динамика этой системы в пределах ее равновесного состояния может быть описана в терминах волнообразных колебаний около этого уровня.

Построение ритмических моделей для социальных систем предполагает логическое движение от гипотезы о волнообразной форме определенных процессов и приблизительном установлении изменений в долгосрочной перспективе к построению волн средней и малой длины. Если речь идет о периодичности структурных изменений, то объектом анализа становится смена процессов дифференциации и интеграции; если рассматриваются смены ускорений и замедлений социокультурных процессов, — то частота смены событий в их рамках. Следует подчеркнуть, что волны, циклы не могут быть отнесены к тому, что принято называть обществом и культурой «в целом»: это обобщающие категории для обозначения формы изменения множества объектов, процессов, событий и т.п. Одни из них образуют устойчивые системы связей; другие складываются в нестабильные, быстро разрушающиеся образования, которые вряд ли можно назвать системами в строгом смысле слова. Понятие социокультурных процессов относится к каждому из таких образований. Они имеют неодинаковые формы, находятся в многообразных взаимоотношениях. Одни усиливают, поддерживают друг друга, вступая в резонанс; другие при столкновении ведут к взаимному ослаблению и даже угасанию; одни могут подчинять и поглощать другие. В этой ситуации любая попытка построить интегральную общую модель динамики общества и культуры «в целом» обречена на неудачу. Построение волновых

моделей социокультурных процессов есть не более чем теоретическая абстракция, разработанная на материале какой-то одной или нескольких близких областей культуры: экономики и политики, философии и религии, искусства и науки и т.п. Бывает, что исследователи универсализируют свои выводы, переносят их с одного класса событий на всю социокультурную жизнь. Хорошо известный пример — определение культуры через конфессиональные религиозные доктрины. Соответственно при построении ритмических моделей социокультурных процессов следует четко определять их место и зоны влияния в более широком культурном контексте.

8.9. Познавательные возможности изучения волнообразных процессов в обществе и культуре

Все сказанное выше свидетельствует о том, что изучение волнообразных процессов в обществе и культуре находится в стадии, далекой от завершения. Пока даже в экономике нет теории, объясняющей их причины, и ни одна из предлагаемых версий таких объяснений еще нельзя считать полностью убедительной в научном отношении. Еще менее надежные познавательные инструменты представляют собой гуманитарные циклические концепции. Ведь представления о зарождении, расцвете и гибели цивилизаций — это всего лишь метафоры, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

Но при всем несовершенстве волновой гипотезы ее не следует отвергать в качестве познавательного инструмента, хотя бы потому, что она вносит сомнение относительно универсальности развития как единственной интегральной исторической формы социокультурной динамики. Уже в работах Н. Д. Кондратьева было показано, что экономические процессы могут быть адекватно описаны не одной, но двумя составляющими: восходящей и волнообразной. Обнаруживаются социокультурные процессы, важность описания и объяснения которых заключается не столько в их конкретно-содержательном символическом выражении, сколько в структурной составляющей их динамики: исследователю важно выделить периодичность изменений: дифференциация — дедифференциация в обществе, ускорение — замедление миграции, экстенсификация — интенсификация в сферах производства и освоения территорий и т.п. По-видимому, следование такого рода логике имеет эвристический смысл, но подобные теории следует отчетливо сформулировать, чего пока не сделано, хотя для этого уже есть известные основания.

Работа с волнообразными процессами, как уже подчеркивалось ранее, не решит полностью проблемы изучения динамики общества и культуры. Нужны также другие модели иных форм процессов, чтобы при их совместном исследовании понять природу и множественный характер форм социокультурной динамики. В то же время глубинный анализ «циклов», выявление того, из каких составляющих они получаются, может открыть многое для такого понимания. Можно обозначить несколько классов задач,

при решении которых применение этой концепции обеспечивает искомое знание. Прежде всего, необходимо определить фундаментальные антропологические основания, делающие правомерным выделение волнообразных процессов в качестве эвристичного инструмента познания социокультурной динамики. В этом случае облегчается переход от описания к объяснению. Другой класс задач связан с уточнением внутренних форм волнообразных процессов, об интерпретации понятий «амплитуда», «частота», «ритм», «период» и т.п. применительно к социокультурным процессам. Их наполнение специфичным теоретико-культурным содержанием позволяет перейти от метафор к измеряемым переменным. Наконец, изучение такого рода процессов позволяет разрабатывать концепцию социального и культурного времени. Соотнесение ритмических изменений в обществе и культуре с физическим и биологическим временем позволит выделить соответствующие эталоны для социокультурной динамики, для ее специфичной мерности.

Таким образом, изучение волнообразных процессов на уровне общества и культуры открывает интересные перспективы в познании их изменчивости. И хотя социальнаучные исследования такого рода пока только начинают разворачиваться, уже имеющиеся данные свидетельствуют об их перспективности с точки зрения уточнения прогностических и ретрогностических (обращенных к прошлому) моделей по отношению к событиям социокультурной жизни.

Выводы

1. Представления о циклическом (точнее, волнообразном) характере, условной обратимости социокультурных изменений составляют другую, отличную от эволюционизма, концептуализацию макроисторического процесса (табл. 8.2).

Таблица 8.2

Формы социокультурных процессов

Характер социокультурного времени	Форма социокультурного процесса	Содержание социокультурного процесса
Необратимое, «осевое» время	Эволюционная	Количественное приращение разнокачественных социокультурных элементов с их последующей интеграцией и повышением уровня организации
Обратимое «циклическое» время	Волнообразная	Закономерная смена подъемов и спадов количественных и качественных аспектов социокультурных процессов

В исследованиях общества и культуры такие концепции можно разделить на два класса. Во-первых, гуманитарные, где под «циклом» подразумевается лишь констатация того, что определенные крупномасштабные

социокультурные единицы можно представить в фиксированной последовательности смен состояний или стадий. При этом не устанавливаются ни обязательность исторического повторения этой последовательности, ни временное изменение ее составляющих. Во-вторых, социальное направление, где волнообразное описание применяется для обобщения количественных показателей социокультурных изменений.

2. Обычно в исследованиях динамики общества и культуры речь идет о выделении двух базовых измерений. Во-первых, общая последовательность смены соответствующих событий (хронология), во-вторых, форма этой последовательности. Хронология движения может быть представлена как необратимый процесс, который может прерываться или менять траекторию под влиянием различных факторов. Формы же этого движения, такие как ритмы, подъемы и спады, сгущения и разряжения, могут быть описаны с помощью волнообразной кривой и считаться обратимыми изменениями.

3. В гуманитарной области познания циклическая концепция применяется для осмысления закономерности исторических процессов, имеющих сходные характеристики в различные временные периоды. В таком контексте под циклом понимается универсальная форма внутренней динамики макросоциокультурного объекта (этнос, общество, цивилизация) в период его существования от возникновения до распада.

4. В социальнонаучной области модели волнообразных процессов лучше всего разработаны в экономике. Это направление исследования представлено концепциями длинной экономической волны и волновыми концепциями технологических инноваций.

5. Полный цикл длинной экономической волны описывается с помощью четырех фаз: повышение, перелом, понижение, переход. Фаза подъема характеризует высокодинамичное состояние экономической системы, связанное с ее ростом. Переломная фаза характеризуется инерционным движением, в ходе которого она достигает предела эффективности. Фаза понижения означает состояние спада экономической активности. Однако в это время рядом с разрушающимся старым порядком формируются начала другого, отвечающего новым экономическим возможностям, появляющимся благодаря смене технологической парадигмы. Фаза перехода подразумевает, что прежняя структура экономики разрушается и вступает в конфликт с новыми хозяйственными формами, которые еще не сложились в систему и еще недостаточно сильны, чтобы переломить ситуацию. Наступает период депрессии, во время которого хозяйственная активность не проявляется, но постепенно осуществляется структурное упорядочивание системы, обуславливающее предпосылки для последующего роста ее активности. Далее цикл повторяется.

6. Волны технологических инноваций расходятся с волнами экономической активности по фазам. Однако между ними выделяется определенная связь. В период экономического подъема технологии обычно не меняются, поскольку и так обеспечивают высокие прибыли. В период спада, когда рынок затоварен, появляется место для исследовательских разработок, связанных с изменением производственного цикла в целом. Результаты исследований свидетельствуют о том, что форма влияния экономических

факторов на изобретения и нововведения оказывается нелинейной и неоднозначной.

7. Изобретения во многом обуславливаются эндогенными для науки факторами, в частности, частотой открытий, но периоды их активизации не совпадают. Пока зависимость между колебаниями научной активности, технических нововведений и длинными экономическими волнами не установлена.

8. Успешность использования волновых концепций экономических, технологических, научных процессов, а также попытки установить закономерности связей между ними дают основания предполагать, что их можно распространить на другие области социокультурной реальности, в особенности в ее институциональных формах на социетальном уровне.

Контрольные вопросы

1. Каково познавательное значение представления о ритмичности изменений для изучения динамики культуры?
2. В связи с какими познавательными проблемами существует концепция волнообразных процессов, и какими признаками они характеризуются?
3. Каковы циклические трактовки исторического процесса?
4. Что понимается под циклом социокультурной системы?
5. Как формировались концепции экономических циклов (волн) в исследованиях Кондратьева, Шумпетера и его последователей?
6. Как представлена модель «длинной» экономической волны в разработках Кондратьева, и какое методологическое значение эта модель имеет для изучения динамики культуры?
7. Какова связь между общей социокультурной ситуацией и фазой подъема экономических процессов?
8. Какова связь между общей социокультурной ситуацией и переломной фазой экономических процессов?
9. Какова связь между общей социокультурной ситуацией и депрессивной фазой экономических процессов?
10. Какими чертами характеризуется социокультурная ситуация соответствующая фазе перехода от одной «длинной» экономической волне к другой?
11. Каковы механизмы связи между экономическими и технологическими волнообразными изменениями?.
12. Чем различаются концепции экономических и технологических циклов?
13. Что такое технологическая парадигма?
14. Каковы направления изменений социальной структуры на разных фазах «длинных» экономических волн?
15. На какой стадии «длинной» экономической волны происходит интенсификация социокультурных процессов?
16. На какой стадии «длинной» экономической волны происходит укрепление социальной структуры?
17. Какими могут быть показатели фазы подъема культурного потенциала?
18. Какими могут быть показатели перелома в контексте волнообразной трактовки динамики культуры?
19. Какими могут быть показатели депрессивной фазы в динамике культуры?
20. Какими показателями можно охарактеризовать начало перехода к следующей волне социокультурной динамики, и каким образом можно описать процесс перехода?

21. Как с точки зрения общей теории систем можно представить полный цикл существования социальной и культурной систем?
22. Каковы познавательные перспективы обращения к волнообразным процессам при изучении динамики культуры?
23. Как можно использовать концепции эволюции, роста и волн в качестве форм процессов, характеризующих динамику культуры?

Раздел V

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Уже из того, что было сказано в предыдущих разделах, следует, что исследование динамики социальных и культурных процессов сегодня — это обширная область познания с широкими перспективами и богатейшими основаниями для их реализации. Начиная с 70-х гг. XX в. в социальнонаучной и гуманитарной среде много говорится о смене парадигмы познания человека, общества и культуры. Действительно, те общие концепции социокультурной жизни, которые были популярными и казались исчерпывающими в первые полтора десятилетия после Второй мировой войны, сейчас представляются лишь частными случаями в более широком познавательном контексте. Таковыми являются практически все представленные выше направления, каждое из которых в течение определенного периода времени объявлялось в качестве универсального средства познания социокультурной реальности.

Одна из характерных черт современного социальнонаучного мировоззрения — радикальное сомнение относительно возможности построения общей универсальной антропологической теории, с помощью которой можно было бы генерализовать и объяснить все многообразие человеческих проявлений. Кроме того, стало совершенно очевидным, что социально- и культурно-антропологические теоретические построения не являются изоморфными (однозначно соответствующими) описываемой ими реальности, но суть ее модели и инструменты ее познания. Соответственно значительное место в современном изучении человека, общества и культуры занимают вопросы о том, как происходит познание того, частью чего является сам исследователь. Иными словами, надежность применяемых в прошлом и сейчас методов получения, обработки, интерпретации и презентации информации также подвергается радикальному сомнению.

В настоящее время в социальной и культурной антропологии уже не ставится задача описать существование и движение человечества в целом в глобальном масштабе и исчерпывающим образом понять путь его становления от момента зарождения до сегодняшнего дня. Стало очевидным, что при изучении и локальных, и глобальных процессов происходит исследовательский отбор: изучаются не все (что, разумеется, невозможно), но те, которые исследователи считают, но не всегда обосновывают как наиболее значимые с точки зрения репрезентативности для общества и культуры «в целом». Таковы хозяйственные и экологические процессы в «культурном материализме», эволюционные универсалии в эволюционизме, способность человека упорядочивать свой опыт в структурализме и т.п. В соответствии с классической концепцией познания вполне правоммерным считалось построение универсальных теорий на этих частичных основах. Сейчас неполнота таких построений стала заметной, но не менее очевидна и их эвристичность для изучения людьми самих себя. Поэтому современная познавательная ситуация характеризуется проблемной ориентированностью. Речь идет о том, что научная деятельность концентрируется вокруг социально значимых проблем, и для их решения используются наборы существующих теорий или, в случае необходимости, разрабатываются новые концептуальные модели.

В рамках классической парадигмы основное внимание уделялось устойчивым характеристикам социокультурной жизни, таким как социальная стратификация, социокультурные институты, стереотипные формы поведения и отношений и т.п. Они рассматривались как «несущие конструкции» социокультурных порядков и служили теми отправными точками, относительно которых интерпретировались динамика и многообразие социокультурной жизни. Однако парадоксальность познавательной ситуации заключалась в том, что эти социокультурные образования были устойчивыми лишь в относительном, идеально-типическом смысле. По мере накопления исследовательских данных становилось очевидным, что менялись их содержание, структура, место в социокультурной жизни. Поэтому при использовании их в качестве точек отсчета или оснований для интерпретации при исследовании других феноменов предварительно следует доказать, что они могут выполнять такую познавательную функцию. Так, сегодня ясно, что объяснение социокультурной жизни на основе функционирования экономических или религиозных институтов и норм неадекватно. Соответственно образ исследовательского поля изменился: не внутренние движения социокультурных событий в пределах устойчивой структуры, но процессы человеческой активности в порождаемой ею среде с подвижными границами и структурными компонентами.

Таким образом, в настоящее время в социальной и культурной антропологии при сохранении ее предметной области — человеческие взаимодействия и коммуникации, существование искусственного мира — изменился ракурс ее рассмотрения. Теперь не человек, общество, культура в их имманентных свойствах, но динамические связи человека с его природным и искусственным окружением стали центром исследовательского внимания. Соответственно интерес вызывают не социокультурные порядки, как

таковые, но причины их порождения, факторы и механизмы их становлений и распадов. В этой связи областями специального исследования становятся такие совокупности феноменов, которые ранее оставались за его пределами: процессы порождения и декомпозиции, зоны структурной неопределенности, нестационарные социокультурные объекты, нерациональные аспекты человеческого мировосприятия и реакций на императивы окружения и т.п. Как уже говорилось, все это повлекло за собой изменение объекта социально- и культурно-антропологических исследований. Не общество и культура в целом, как они есть, но социальные и культурные проблемы в контексте их порождения и существования — вот что сегодня находится в центре изучения общества и культуры.

Сказанное отнюдь не означает, что культурная и социальная антропология находятся в кризисном состоянии, что «классические» для них основания и подходы безнадежно устарели и потеряли свою познавательную ценность. В предыдущих разделах было показано, что ведущие направления этих наук не утратили эвристического потенциала. Разумеется, обнаружение новых областей исследования ведет к разработке новых гипотез, теорий, методологических моделей. Ниже речь пойдет о тех проблемных полях, которые открываются сегодня перед исследователями общества и культуры. Будут намечены также некоторые новые парадигматические основания, складывающиеся в соответствии с изменившимися акцентами в изучении социокультурных процессов.

В результате освоения темы «Современные проблемы изучения динамики культуры» студент должен:

знать

- теоретические основания постмодернистских концептуализаций культуры;
- теоретические основания современных типологий культур;

уметь

- обосновывать правомерность концепции социокультурного пространства как многомерного и неоднородного образования;
- определять познавательную значимость работы с символическими объектами в рамках постмодернистских теоретических построений;
- определять познавательную значимость постмодернистской концепции личности;
- обосновывать правомерность различных оснований для типологии культур и выявлять познавательную значимость каждой из них;
- выделять в постмодернистских построениях позитивные познавательные начала, а не ограничиваться их критикой;
- выбирать основания для типологии культур, соответствующие изучаемой проблеме;

владеть

- приемами дополнения классических направлений исследования общества и культуры постмодернистскими элементами;
 - эвристическим потенциалом постмодерна.
-

Глава 9

ПОГРАНИЧНЫЕ ОБЛАСТИ ПОЗНАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ПОСТМОДЕРН

Динамика социокультурной жизни, как было показано в предыдущих разделах, может быть представлена через дифференциальные разноуровневые процессы. Одни из них непрерывны и историчны, другие дискретны и имеют микровременное измерение; одни носят повторяющийся, обратимый, другие уникальный, необратимый характер. Было показано также, что периоды равновесия социокультурных систем и их составляющих сменяются менее жесткой структурной упорядоченностью, постоянно возникают и разрушаются более или менее устойчивые культурные образования. Их существование обусловлено открытостью, незавершенностью, интенсивным информационным обменом с окружением, постоянно происходит их трансформация, изменение траектории движения. Раньше в социальных науках они не вызывали особого интереса. Теперь этот доморфологический, доструктурный слой социокультурной жизни стал специальным предметом изучения. И хотя исторические процессы продолжают определять профиль наук о человеке, обществе и культуре, микровременные изменения становятся тем полем анализа, которое позволит прояснить многие явления, не вписывающиеся в существующие макромоделли (эволюционистские, волнообразные и т.п.). Естественно, что для каждой из позиций характерны свои «гипотезы о мире» и методология.

В западной истории науки можно обнаружить две фундаментальные познавательные парадигмы. Одна основана на рационализме, на доверии к информации, обеспечиваемой экспериментальной логикой, на монистическом представлении о мире. Другая — на ощущениях, на признании значимости тех явлений и процессов, которые не поддаются рациональному упорядочению и потому остаются за пределами контролируемых наблюдений. В период модерна научное познание предполагало изучение мира с помощью искусственных исследовательских языков, единственный тип правомерных суждений — соответствующих установленным правилам верификации и фальсификации.

На самом деле оба типа мировоззрения постоянно сосуществуют, только определяют неодинаковую «позицию наблюдателя». Для первого действительным считается мир устойчивых структур и процессов. Для второго — мир наблюдаемого, такой, каким он воспринимается. В науках о человеке, обществе, культуре преобладание первого утвердило идеологию социокультурного порядка, его рациональности, технологической экспансии.

Со временем это привело к исчерпанию эвристического потенциала такой познавательной парадигмы, и актуализировалась идеология, где предпочтение отдается непосредственному восприятию перед априорным рациональным утверждением, переживанию перед законченной логической схемой. Такая идеология характерна для культурного течения, сформировавшегося в середине 1960-х гг. и получившего название постмодерна.

9.1. Постмодерн как интеллектуальное течение

Постмодерн принято связывать с основательной ревизией познавательных принципов, характерных для западной культуры XIX—XX вв., а иногда о нем говорят как об оригинальной эпистеме. Он сложился на основах модерна как культурного стиля, таких его составляющих, как символизм, структурализм, авангард, конструктивизм. Его специфика определяется исключительным вниманием к движению, ускорению, неопределенности, переходности.

Наиболее ярко это интеллектуальное течение проявилось в сфере искусства и стало источником идей и образов, рабочего материала и информации для философов, социологов, теоретиков культуры. Как философско-культурное направление оно определилось благодаря работам таких французских философов, как Ж. Делёз, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида. Швейцарский исследователь М. Франк предложил для него термин «неоструктурализм», сложившийся, по его мнению, к 1968 г.¹ Другие исследователи относят время появления названия «постмодерн» к 1975—1976 гг., связывая воедино такие его синонимы, как «постструктурализм», «неоструктурализм», «исторический номинализм» и др., а также отмечая возникновение особого «гибридного поля» социологической теории, литературоведения, философии и теорий культуры². К середине 70-х гг. XX в. постмодерн как культурная ориентация широко распространяется в Европе и Америке. К началу 1980-х гг. он приобретает заметное место в рамках социологии и теории культуры, а Ф. Джеймиссон и Ж. Ф. Лиотар вообще назвали условия современной жизни постмодернистскими. Явления, обобщаемые понятием «постмодерн», стали предметом особенно оживленных дискуссий среди философов, теоретиков культуры, искусствоведов во всем мире в период 1980-х гг. Соответственно откристаллизовалось и представление о нем как о совокупности «экспериментальных тенденций в современной западной культуре, которая во многом ассоциируется с понятием постиндустриального общества»³. С этой идеологией принято связывать такие имена, как Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делёз (философия), М. Фуко, Х. Уайт (история), Ж. Лакан, Р. Лэнг, Н. Браун (психоанализ), Г. Маркузе, Ж. Бодрийар, Ю. Хабермас (политическая философия),

¹ *Frank M.* Was ist Neostukturalismus. Frankfurt ; München, 1984.

² *Райхман Дж.* Постмодернизм в номиналистской системе координат // Флэшарт. 1989. № 1. С. 50.

³ *The Fontana Dictionary of Modern Thought.* Glasgo, 1981. P. 671.

Т. Кун, П. Фейерабенд (философия науки), Р. Барт, Ю. Кристева, В. Изер, «Йельские критики» (теория литературы), а также целый ряд искусствоведов и литераторов.

Существует точка зрения, что постмодерн — это интернациональное стилистическое направление в культуре. Основные формирующие его принципы заложены в идеях европейского экзистенциализма, особенно Хайдеггера; основоположниками движения были европейцы — Ж.-П. Сартр, С. Беккет, Э. Ионеско, Ж. Жене, М. Фриш, Н. Саррот и др. Выразитель эстетических принципов постмодерна У. Эко относит его к метаисторическим категориям, характеризующим любую эпоху, когда понятия такого же порядка — «модернизм» или «авангард», — исчерпывают свои эвристические возможности и происходит разрушение традиционной образной парадигмы. «Ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить, ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть иронично, без наивности»¹.

Обобщая сложившееся мнение о сути направления, один из известных его теоретиков пишет: «Ситуация постмодерна характеризуется тем, что мы противостоящим возрастающему многообразию самых различных форм жизни, концепций знания, способов ориентации, что мы обнаружили законность и неоспоримость этой плюральности и что мы безоговорочно все более признаем и оцениваем это многообразие... В этой плюральности и согласии с ней лежит фокус постмодерна»².

Здесь важно признание множественности не только сосуществующих и неустранимых культурных и личностных идентичностей, но также принципов и ритмов самоорганизации социокультурной жизни. Плюральность как одно из исходных допущений, характерных для постмодерна — это указание на субстанциональную множественность, присущую культуре, пронизывающую ее снизу доверху³. В более вульгарной форме эту же мысль высказывает Ж. Ф. Лиотар: «Эклектизм является отличительной чертой всей современной культуры: человек слушает рэг, смотрит вестерн, ест завтрак у Макдональда и обедает в ресторане с национальной кухней, пользуется парижскими духами в Токио и носит одежду стиля “ретро” в Гонконге; знание становится элементом телевизионных игр. Публика для эклектических произведений находится легко... Однако этот реализм “все возможно” на самом деле базируется на деньгах; при отсутствии эстетических критериев остается возможность — и не бесполезная — оценивать произведения искусства согласно той прибыли, которую они обеспечивают. Такой реализм примиряет все тенденции... подразумевая, что направления и запросы имеют покупательную способность»⁴.

Сложность однозначного определения постмодерна как культурного явления побудила одного из известных его последователей И. Хассана по-

¹ Эко У. Из заметок к роману «Имя розы» // Называть вещи своими. М., 1986. С. 227.

² Welsch W. Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Wert. Köln, 1988. S. 23.

³ Welsch W. Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Wert. S. 38.

⁴ Lyotard J. F. Answering the question: «What is postmodernism» // Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities / I. Hassan, S. Hassan (eds). Madison, 1983. P. 334—335.

строить таблицу, где характеристики модерна сравниваются с отличительными чертами постмодерна, благодаря чему более четко определяется его культурное поле (табл. 9.1)¹.

Таблица 9.1

Культурное поле модерна и постмодерна (по И. Хассану)

Модерн	Постмодерн
Позиция наблюдателя	
Код мастерства	Индивидуальные особенности
Мастерство / логос	Исчерпанность / молчание
Паранойя	Шизофрения
Генитальность / фалличность	Полиморфизм / андрогенность
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Дисперсия
Дистанция	Участие
Интенция	
Цель, намерение	Игра
План	Случай
Созидание / порождение целостности	Деструкция / деконструкция
Синтез	Антитезис
Определенность	Неопределенность
Трансцендентность	Имманентность
Операциональные единицы	
Тип	Мутация
Симптом	Желание
Означаемое	Означающий (субъект)
Читаемое	Написуемое
Гипотаксия (основания порядка)	Паратаксия (маргинальность)
Способ действия	
Парадигма	Синтагма
Романтизм / символизм	Патофизика / дадаизм
Жанр / границы	Текст / интертекст
Отбор	Комбинация
Метафора	Метонимия
Семантика	Риторика

¹ *Hassan I. Toward a concept of postmodernism // Pastmodernism. An International Anthology / Wook-Dong Kirn (ed.). Seoul, 1991. P. 65–66.*

Модерн	Постмодерн
Интерпретация / прочитывание	Контринтерпретация / неверное прочтение
Нарратив / большая история	Антинарратив / малая история
Порождение / причина	Отличие – различие / след
Метафизика	Ирония
Результат	
Форма (конъюнктивная, закрытая)	Антиформа (дизъюнктивная, открытая)
Произведение искусства / завершённая работа	Процесс / перформанс / хэппенинг
Бог-отец	Святой дух
Иерархия	Анархия
Корни / глубина	Ризома / поверхность

Приведенная таблица основана на данных из многих областей познания — риторика, лингвистика, теория литературы, философия, антропология, психология, политология, теология — и многих авторов — европейских и американских, — принадлежащих к различным течениям и группам.

9.2. Плюральность жизненного мира человека

Характеризуя среду существования человека, сторонники постмодерна часто обращаются к идее контекста, который одновременно понимается как источник факторов формирования личности, поле ее самореализации и материал для преобразований. Это понятие с самого начала концептуально соединяет индивида с чем-то отличным от него, с содержаниями и формами, возникшими раньше него, над которыми он не властен, с «историзмом», запечатленным в следах прошлых последовательностей событий, сменявшихся структур взаимодействий, сдвигов в оценках окружения. Во временном отношении здесь не содержится намеков на время происхождения человека или на содержание его архаического опыта, но контекст связывает его со следами иных времен, возвращает к представлению о том, что культурные образования устойчивы во времени и предпочтительнее их осваивать, а не ломать. В то же время, согласно К. Леви-Строссу, «всякая культура может рассматриваться как ансамбль символических систем», которые «всегда остаются в известной степени несоизмеримыми, и именно эта неравномерность измерения различных символических систем и определяет скольжение социальной структуры, переход от одного состояния общества к другому»¹. Иными словами, устойчивость культурных образований не означает их однородности. Это разные измерения.

¹ Цит. по: Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977. С. 112–113.

Отказ от идеи целостности человеческого мира. Следовательно, в историческом плане для постмодерна не существует единого целостного порядка, в терминах которого можно представить мир культуры, мир человека. Здесь изначально утверждается идея множественности несводимых друг к другу порядков. Однако ценой за такую «гетеротопию», или децентрирование, становится разрушение самой возможности изучения общества и культуры как «единого целого». Соответственно меняются познавательные ориентации. И. Хассан выделяет две центральные конститутивные тенденции: редукцию к неопределенности и к имманентности. Они ни диалектичны, ни антитетичны, ни синтетичны. Каждая содержит свои собственные внутренние свойства и аллюзии друг на друга. Их взаимодействие позволяет описать характерный для постмодерна эклектизм в построении отношений человека с миром.

Под неопределенностью автор понимает сложную категорию, содержание которой помогает очертить такие различные понятия, как двусмысленность, непоследовательность, множественность, плюрализм, случайность, переворот, перверсия, деформация. Один последний термин включает в себя с десятков других понятий, разрушение, дезинтеграция, деконструкция, децентрализация, смещение, различие, разъединение, исчезновение, декомпозиция и т.п. Через все эти признаки автор стремится передать представление о воле к несозданию, способствующее формированию постмодернистского дискурса.

Категорию «имманентность» автор использует без религиозных аллюзий и для того, чтобы обозначить способность психики генерализовывать себя в символах, вмешиваться в природу, воздействовать на себя через свои же собственные абстракции и таким образом становиться — все более и все непосредственнее — своим собственным окружением. Эта тенденция может быть выражена через такие понятия, как диффузия, растворение, взаимодействие, коммуникация, взаимозависимость, которые считаются производными от способности человека пользоваться языком, строить изображения, обозначать, от его способности к познанию и конструированию себя, к тому, чтобы детерминировать свой универсум символами собственного изготовления. Имманентность указывает на порождение множества культурных миров со своими собственными реальностями, единицами, языками.

Хассан фактически представил постмодерн как сложившуюся эпистему, связав ее главным образом с концептом деконструкции—децентрализации мира, т.е. с радикальным эпистемологическим и онтологическим сомнением. В то время как последователи классической парадигмы познания ищут, как защитить ее от собственного знания о «реальности» хаоса, о неустойчивости любого воспринимаемого порядка и «центра», сторонники постмодерна принимают хаос и ищут способы изучения взаимодействия с ним.

Из названных выше категорий неопределенность считается первичной с точки зрения указания на децентрированность, полный отказ от онтологии порядка. Имманентность же изначально предполагает, что человек в условиях децентрированности соотносит всю реальность с собой. «Религия и наука, миф и технология, интуиция и разум, популярная и высокая

культура, мужские и женские архетипы... начинают модифицировать и информационно насыщать друг друга... Зарождается новый тип сознания»¹. В этом случае считается, что ни одна интеллектуальная или моральная система, ни один способ восприятия реальности не могут быть окончательно легитимизированы, ничто не может претендовать на онтологическое превосходство. Соответственно возможным становится изучение плодотворных взаимообменов между единицами культурного контекста.

По сравнению с подлежащими предшествовавшей познавательной парадигме монизмом или дуализмом, когда в качестве исходного допущения принимается разрыв между двумя несопоставимыми видами реальности — материальной и идеальной, земной и небесной и т.п., плюрализм постмодерна представляется инновативным. Здесь изначально считается, что существует много нередуцируемых принципов интерпретации реальности и, следовательно, конструирования множества миров, которые можно соотносить друг с другом. Такой плюрализм предполагает новую интерпретацию категории «связь», «отношение». «Будучи освобожденной от неизбежно линейного разворачивания времени, как это было в рамках модернизма, равно как и от естественной попытки избежать такой линейности (принимавшей форму различных философских или научных абстрактных схем полностью обратимого и идеально контролируемого времени), историческая относительность представляется как обширная сеть взаимных детерминаций, где необратимость определенных значимых выборов порождает новые образцы обратимости; она представляется как процесс «креативной эволюции» без какой бы то ни было предустановленной цели и преднамеренности. Наше сознание существует во множественности (актуальных и возможных) миров, в постоянном «хронотопическом» изменении»².

Децентрированность динамического жизненного пространства. Соответственно на смену представлению о четко структурированных динамических формах: линейной, эволюционной, цикличной — приходит совершенно иное. Оно выражено метафорой «ризомы», которая впервые была использована Ж. Делёзом и Ф. Гуаттари³. Термин заимствован из ботаники, где обозначает определенный способ роста корня растения, который не является ни одиночным, ни пучкообразным ответвлением от единого стебля, но представляет собой раздробленное множество разнородных образований, обеспечивающих жизнь растения. В рамках постструктурализма это понятие указывает на беспорядочное возникновение множественности, на движение, не имеющее преобладающего направления, но распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее его направление.

В рамках структурализма при осмыслении процессов, происходящих в обществе и культуре, большое значение придается оппозиции «центр — периферия». По сути дела ей приписывается роль принципов: организу-

¹ *Hassan I.* Ideas of cultural change // *Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities* / I. Hassan, S. Hassan (eds). Madison, 1983. P. 27–28.

² *Calinescu M.* From the one the many: pluralism in today's thought // *Innovation/Renovation* / I. Hassan, S. Hassan (eds). Madison, 1983. P. 284.

³ *Deleuze G., Guattari F.* Capitalisme et schizophrénie. Vol. II. Mille Plateaux. P. 1980.

ющего, сохраняющего целостность системы, и ограничивающего, регулирующего ее подвижность. Понятие «центра системы» редуцирует ее становление к какой-то ограниченной форме. Представление о «ризоме» предполагает, что подобное ему образование следует считать «неструктурированным» и в некотором смысле существующим и внутри, и вне системы, определять через различия с другими элементами ее и контекста. Соответственно концепция центра как такового утрачивает свое абсолютное организующее значение. Вследствие этого теряется смысл столь значимой для структурализма оппозиции «ортодоксия — ересь». Это происходит благодаря процедуре деконструкции канона, при которой значение полюсов оппозиции становится расплывчатым и неопределенным.

Такому состоянию неопределенности, дезориентации, хаоса сторонники постмодернизма не стремятся противопоставить новые организационные принципы. Вводятся понятия коллажа и полистилистики, в соответствии с которыми все исторические стили, парадигмы познания, элементы художественной культуры считаются равноправными. Соответственно применительно к трактовке современного состояния культуры утрачивает классическое значение понятие «стиль».

Изменение в концептуализации реальности повлекло за собой переосмотр методологических оснований ее изучения. На смену классическим познавательным моделям, предполагающим единые основания системы представлений о социокультурной жизни и критерии оценки их истинности пришли плюрализм исходных принципов организации познавательного опыта («программный эклектизм»), отсутствие универсального основания для суждения о достоверности высказываний, множественность возможных эквивалентных интерпретаций одного и того же события. Эти характеристики относятся к исследованиям в областях социальных наук, искусства, массовой культуры. Считается, что в плюральном, бесформенном, «ризомном» пространстве культуры постмодерна выявление ее структуры и границ как устойчивой гомеостатической целостности теряет смысл.

Совместная жизнь людей предстает здесь не как организованная стационарная система, а как социально и пространственно сегментированное и фрагментарное динамическое поле. В нем выделяются микро- и макродинамический уровни в соответствии с двумя типами единиц анализа — «молярным» и «молекулярным». Так, «масса», «популяция» — это молекулярное понятие, указывающее на свойства социокультурных образований со слабыми внутренними функциональными связями. Тогда как термины «класс», «общность», «сообщество» характеризуют внутреннюю организованность объекта и относятся к молярному уровню. Считается, что вторые типы образований формируются из первых путем последовательной кристаллизации. Между этими двумя модальностями социальности проводятся различия контуров размещения в социокультурном пространстве, внутренних характеристик и динамических особенностей.

Концепция «общности», «сообщества» занимает в построениях постмодерна такое же значимое место, как категория «общество», «социальная система» в структурно-функциональных теориях. Сосуществование сообществ в порождаемом их соприсутствием социокультурном простран-

стве — эта идея отрицает обязательное наличие синхронизированности их активности и соподчинения в рамках общественного разделения функций.

Концепция децентрализации упраздняет исходное допущение о доминировании государства и авторитета в обществе и обуславливает представление о неиерархизованном существовании различных сообществ. Считается, что в этом случае индивида можно рассматривать как способного к освобождению от влияния любых групп принадлежности, но одновременно подчеркивается, что, лишаясь их поддержки, он маргинализуется. Если этот процесс ширится, то все более напряженными становятся отношения между теми, кто продолжает быть интегрированным в локальные («молярные») общности, и теми, кто благодаря детерриториализации перешел в статус неорганизованной («молекулярной») «массы».

При концептуализации современной культуры предполагается, что многообразие типов рациональности, ценностный релятивизм, плюральность жизненных миров, философий, культурных идентичностей, их динамическая смесь порождают ситуацию, где возрастает ненадежность культурных ориентиров при выборе жизненного пути. Люди живут в атмосфере постоянного столкновения с фрагментами разновременного исторического и личностного прошлого, что в рамках постмодернистского дискурса обозначается как « мозаично-цитатное » или « интертекстуальное » аналитическое пространство. В его пределах человек трактуется как плюралистичный, не сводимый ни к какому объединяющему принципу, состоящий из множества компонент, не объединенных ни синхронно, ни диахронно. Такая ситуация считается не освоенной людьми, поскольку здесь культурные формы еще не сложились, культурный стиль « еще не задан, участники процесса должны находить его самостоятельно, им неоткуда его перенять »¹.

При теоретическом обесмысливании представлений о структурной упорядоченности опыта в рамках культурной дихотомии « центр — периферия » единственной феноменальной реальностью человека сторонники постмодерна считают движение фрагментов ощущений. Значимое место в процессах самоопределения людей в плюралистичной и подвижной социокультурной реальности придается их эстетическому началу, особенно способности к восприятию различий, отклонений и расхождений, вниманию к гетерогенности. Такой опыт может сделать неопределенность приемлемой на уровнях как обыденного, так и социальнаучного познания. Он считается важнейшей компонентой культурной компетентности, необходимой каждому в повседневной жизни и характеризующейся такими чертами, как подвижность восприятия, внимание, готовность к встрече с неизвестным, умение преодолеть ориентацию на стереотипы.

9.3. Неоднородность социокультурного пространства

Попытки выделить универсальные принципы, определяющие упорядочение людьми их отношений с окружением во времени, привели к обнаружению значительного количества структурных форм, которые оказались

¹ *Welsch W.* Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Wert. S. 26.

относительными. Более того, когда структуры были более или менее отграничены друг от друга, между ними обнаружилось свободное концептуально выделенное пространство с неопределенными формой и внутренними характеристиками, названное «маргинальным»¹. Оно стало предметом рассмотрения на социетально-институциональном и индивидуальном, дискурсивном и образном уровнях в качестве пустот между структурами, освобождающих место для проявления культурно «не связанных» импульсов и желаний людей.

Детерриториализация, маргинализация пространства. Примером метафорического осмысления этой темы могут служить идеи, разработанные Делёзом и Гуаттари. Предметом их интереса является пространственная организация человеком своего мира, основывающаяся на двух исходных допущениях. Во-первых, на представлении о том, что явление территориальности исторически вторично по отношению к первично неразграниченному, «детерриторIALIZED» пространству. Во-вторых, на трактовке желания и его символизации (Лакан) как динамического начала, раскалывающего, децентрирующего целостного индивида. В таком контексте знаку приписывается функция, ограничивающая такое побуждение: он выделяет из безграничного пространства определенную территорию и вытесняет отсюда желание.

Понятие территориальности было заимствовано из этологии. Оно, как уже говорилось ранее, «обозначает совокупность процессов и разного рода механизмов, посредством которых живые существа провозглашают, маркируют и защищают территорию своего общения, для того, чтобы не допустить на нее посторонних»². В применении к человеку сюда добавляются «мотивированные познавательные структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он пользуется по преимуществу частным образом»³.

Предполагается, что на первой, дотерриториальной, стадии индивида можно считать представителем общественных желаний, намерений, движений и потому его поведение не ограничено индивидуальной идентичностью. Территориальная стадия характеризуется началом кодификации социальной жизни, ограничением свободного сканирования пространства, выделением в нем границ и структур. Популяция разделяется на индивидов, подчиняющихся такому порядку, и субъектов желания, которым в его рамках не остается места. Считается, что они добровольно перемещаются в маргинальные области, дистанцируясь от других, подчиняющихся процессу детерриториализации.

Эту метафорическую модель Ж. Делёз и Ф. Гуаттари применяют для рассмотрения современной социокультурной ситуации, полагая, что для нее характерна детерриториализация. Такое состояние обусловлено высоким уровнем множественности и динамизма событий современной жизни,

¹ Heller Th., Wellbery D. Introduction // *Reconstructing Individualism*. Standford, 1986. P. 1–15.

² Гелд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 98.

³ Гелд Дж. Основы поведенческой географии. С. 99.

которые не могут контролироваться существующими ныне культурными кодами. Результатом становится фрагментация социокультурного пространства постмодерна, где сосуществуют самые разные типы опыта, переживаний, представлений, элементы прошлого и настоящего. В этих условиях значительная часть людей вынужденно оказывается не в состоянии определить свое место в рамках разрушающегося прошлого культурного порядка. Детерриториализация вызывает маргинализацию целых социокультурных групп, теряющих свою позицию в разлагающейся иерархии социальных институтов. Соответственно складывается и определенная идеология, оправдывающая ценностный релятивизм, фрагментированность мира и личности, подвижность, незакрепленность переживаний и представлений, «маргинальность», децентрированность совместного существования людей.

Форма маргинального пространства. Другая метафора — номады (ведущие кочевой образ жизни) — обозначает социальные единицы, которые имеют территорию и определяют ее характеристики. Предполагается, что они всегда передвигаются привычными путями, которые соединяют подчиненные им точки и имеют самодовлеющую значимость, обладая внутренней последовательностью, собственным направлением, автономией. Номадическая «территория» наделяется пределами: она размещается между неосвоенной и структурированной модальностями пространства. Эти два фланга трактуются как механизмы контроля, ограничивающие ее рост и экспансивные тенденции. Таким образом, речь идет о людях, для которых подвижность, процесс оказывался способом существования.

Эта концепция отличается от социально- и культурно-антропологических представлений как об организованной («оседлой») социокультурной жизни, так и о миграционных процессах. Во-первых, различия связаны с ролью понятия «путь» (траектория движения) в определении характеристик пространства. В случаях оседлых обществ и миграционных процессов оно указывает всего лишь на переход из одного пункта в другой, даже если последний, как в случае миграции, оказывается неопределенным, непредсказуемым, нечетко локализованным. Движение номадов от точки к точке считается следствием и фактической необходимостью самого способа их существования. Соответственно жизнь современных «культурных номадов» трактуется как «интермеццо», где остановки в перемещениях по социокультурному пространству характеризуют всего лишь промежутки, а не начала или окончания «пути».

Оседлое пространство в отличие от номадического принято характеризовать наличием закрытых областей. Они определяются через фиксированные границы, внутреннюю структуру, и связываются с функциональной значимостью для поддержания стабильных социокультурных единиц. Считается, что такие образования состоят друг с другом в коммуникативных связях с помощью «дорог», «каналов», которые регулируют частоту, интенсивность, содержание обменов информацией. Номадические траектории распределяют людей в открытом пространстве, где необходимость в закрытых областях и регулировании связей между ними не предполагается. Соответственно оседлое пространство характеризуется структурированностью, и «дороги»

пролегают между огороженными территориями, а номадическое считается «гладким», не имеющим внутренней формы. Его внутренняя подвижность не приводит к изменениям. Оно определяется как ризомное, и для его динамической характеристики вводится понятие «поток».

Представление о «гладком пространстве» относится к неоднородному полю, которое считается состоящим из нецентрированных неупорядоченных множеств; оно немерно, к нему не применимы представления о скорости и расстоянии; именно оно является необходимым условием для ризомного роста. Ему соответствует концепция «маргинального» субъекта, находящегося в околоструктурной зоне. В совокупности это позволяет переосмыслить категорию структуры. Она перестает обозначать неизменную целостность; вводится допущение о возможности деконструкции устойчивых связей между компонентами системы и перехода их в плюралистичное состояние, при котором они «прорастают» в ранее неосвоенное пространство, которое перестает быть таковым, поскольку приобретает своеобразные условные формы и границы, характерные для номадного движения.

Итак, классической концепции структурированного пространства с четкими динамическими траекториями идеологи постмодерна противопоставляют иную его модальность — бесструктурную. Она оставалась вне сферы интереса в рамках предшествующей познавательной парадигмы, но всегда имела имплицитную значимость. Это неорганизованные области социокультурной жизни, о феноменологичности важности которых в свое время говорил еще П. А. Сорокин. Применительно к современной культуре такая концепция подразумевает право свободного выхода за пределы установленных порядков.

Механизмы самоорганизации в условиях децентрализованности и плюральности пространства. Механизмы самоорганизации таких пространств становятся предметом изучения при разведении концептов социальной и культурной реальности. Представленность их в виде относительно автономных друг от друга модальностей совместной жизни людей имеет познавательную важность, поскольку позволяет дать теоретический ответ на вопрос, как люди продолжают существовать при деструкции социальных систем.

Если структурные порядки, созданные для решения общественно значимых проблем, больше не выполняют своих функций и разрушаются, то люди совсем не обязательно исчезают вместе с ними. Нередко в этом случае социальная система дедифференцируется на более простые компоненты, на мелкие маргинальные первичные группы, способные к выживанию. С точки зрения теории социальных систем, это представляется периодом беспорядка и аномического кризиса. С точки зрения теории культуры, можно говорить о разрыве связей, которые люди по каким-то причинам не смогли или не захотели поддерживать, чтобы попробовать что-то другое, более подходящее. Тогда аномический беспорядок рассматривается как условие, позволяющее освободить энергию, ранее связанную бесплодными, неэффективными видами социально санкционированной активности, и активизировать фермент инноваций, спасительных для индивидов, для новых форм социальности, для их культурного утверждения.

Когда социальная система исчерпывает свой функциональный потенциал, существование в маргинальном пространстве может быть полезнее для индивидов и культуры, чем упорядоченное воспроизведение устаревших структур. С позиции постмодернистской социальной и культурной антропологии «номадическая» личность не должна априори рассматриваться как неконтролируемое социальное зло. Следует проанализировать, чем и как обусловлен ее выход за пределы теряющих свою эффективность норм, в каком направлении обнаруживаются эти отклонения и почему, каков их шанс на воспроизведение. Соответственно деструкция социальной системы не означает разрушения культуры. Поскольку ее элементы, такие как знания, навыки, принципы построения отношений с окружением, оценочные критерии и т.п., сохраняются индивидами в их активности и представлениях, то дезинтегрированность социетально-институциональной структуры не уничтожает поисковой культурной активности, а иногда и способствует ее интенсификации.

В этом смысле особый интерес представляет концепция Ж. Деррида, в работах которого можно увидеть путь к отысканию опорных представлений в условиях социокультурной неопределенности. Он предлагает аналитическое расчленение, деконструкцию культурных текстов, направленные не на свободную их интерпретацию, но на выявление «слоя метафор», запечатлевших в них следы предыдущих культурных эпох и исходных намерений авторов. Соответственно появляется возможность выйти сквозь череду таких следов к непосредственному побуждению и проследить его вне символических коннотаций и различных социальных структур.

В центре внимания Ж. Деррида находятся тексты, которые можно понимать как любые культурные целостности, зафиксированные в знаковой форме, обозначаемой как «письмо». Это ключевое понятие он определяет в терминах разрыва между метафизическими, абстрактно понимаемыми понятиями присутствия, пространства (внутреннее — внешнее) и времени (прежде — теперь). «Письмо», хотя и фиксирует их «следы» особым образом, но не подчиняется принципу бытия как присутствия. Оно представляет собой способ дистанцирования от реальности и в то же время ее объективации и презентации, позволяющим абстрагировать какие-то ее черты, ее образ от контекста непосредственного существования в первую очередь социально-институционального. Использование принципа различий такого рода способствует формированию концептуального поля для выяснения «назначения», «послания», «корреспонденции», т.е. исходных интенций, составляющих основу построения культурных текстов. Понимание запечатленных в них побуждений помогает сохранять и воспроизводить элементы культуры в «маргинальных пространствах» при разрушении социокультурных систем.

9.4. Многослойность символических объектов

«Языки культуры» и составляющие их знаки принято рассматривать как искусственные образования, не имеющие прямой, непосредственной связи с реальностью как таковой. Чтобы функционировать как механизмы

выделения, интеграции и коммуникации чего-то значимого из окружения, каждая такая система строится и действует по определенным правилам. Во-первых, она должна представлять реальность, с которой имеет дело, в ее наиболее простых элементах. Во-вторых, она должна содержать правила комбинирования этих элементов в воображаемые целостности. В-третьих, в ней должны содержаться правила, запрещающие определенные операции со знаками, как противоречащие «природе вещей».

Таким образом, считается, что система формируется как аналитическая решетка, определяющая и ограничивающая пространство для комбинаторики тех исходных впечатлений, с помощью которых природа обнаруживает свою сущность на уровне человеческих ощущений и восприятий. Она используется как инструмент анализа той части реальности, которую ограничивает и в то же время позволяет исследовать происхождение составляющих ее элементов, исчислять и классифицировать их, фиксировать их возможные сочетания. В качестве языка она представляет все охватываемые ею элементы реальности совокупностью искусственных символов и логических операций. Однако на уровне означающих здесь находят отражение не один, но несколько типов реальности, с которыми имеет дело человек. Логика постмодерна позволяет выделить пространство для рассмотрения вероятности, случая, произвола, свободного комбинирования

Указание на отсутствие. Ж. Деррида видит в знаке указание не на присутствующую мысль, но на различие, т.е. обращенность к тому, что постоянно отсутствует и от чего отличается означаемое. Для этого он вводит понятие «след», которое выражает такое условие возникновения опыта и мысли, при котором они не укоренены в настоящем и формируются на пересечении следов прошлых переживаний. Соответственно, по мнению Ж. Деррида, знак не следует соотносить с текущими переживаниями, о которых сообщается другим, поскольку в коммуникативных процессах происходят гораздо более сложные вещи.

Прояснение значений предполагает процедуру особого смыслового «оборачивания», остранения¹ — бриколлага, — примером которого может служить метафора. Считается, что это обусловлено природой порождения знаков. Еще Ф. Ницше отмечал, что при восприятии окружения и реакции на него человек интегрирует всего лишь нервные импульсы. Только потом он описывает их в фигуративных категориях, используя свою способность «отождествлять неэквивалентное»². Соответственно знак всегда будет содержать гетерогенные элементы, поскольку трактуется как набор различных признаков, которые человек связывает с устойчивой конфигурацией своих нервных импульсов. С этой точки зрения знак всегда содержит в себе метафору.

Такая позиция позволяет более глубоко проникнуть в природу коммуникации. Здесь всегда сохраняется место, специально отведенное для «игры шанса с необходимостью, случайности с законом»³, обусловленное

¹ Термин В. Шкловского, означающий восприятие привычного как «странного» (отсюда — остранение), необычного.

² *Nietzsche F. Werke.* Berlin ; N. Y., 1973 V. III. P. 2. S. 381.

³ *Derrida J. La dessemination.* P., 1972. P. 309.

важностью «остранения» при попытке понять значение знака, никогда не передающего однозначное представление о переживании, которое человек пытается передать другому с его помощью. В пределе «бриколлаж» может принять форму самодовлеющей эстетической игры, связанной с построением метафор, которое Ф. Ницше считал «фундаментальным импульсом человека»¹. Здесь подчеркивается борьба волевого начала и не связанных с ним языковых компонент за отклонение от нормативных правил употребления знаков, от стереотипных представлений об их значениях. Цель такой игры — выделить из значения его случайные компоненты, чтобы понять, как происходит ускользание смысла при использовании знака в определенном контексте. Обращаясь к категории письма и выделяя «следы различения», Ж. Деррида полагает, что таким образом он получает возможность принудить язык к совершению «усилия», подчиняющего разнородные элементы метафоре, знаку как целостности.

Указание на инобытие. Рационалистические модели реальности и ее символической представленности в их классическом варианте в значительной степени утратили свою эвристическую силу, когда в сфере внимания оказалось бессознательное, т.е. тот аспект человеческого существования, который никогда не мог быть данным субъекту в рефлексии: скрытые механизмы, безликие причинности, обуславливающие его активность.

Тем не менее, философское и научное познание после обнаружения этого факта не прекращались в различного рода попытках понять, как можно иметь с ним дело. Внутри и вне процессов мышления, на их границах с другими психическими процессами, в их переплетениях постепенно обозначилась целая предметная область, выделившая своего рода «инертную плотность» (М. Фуко), в контексте которой стали рассматриваться названные процессы. Это область немыслимого, невыразимого. Первоначальные столкновения с инобытием оборачивались попытками различных мыслителей интегрировать его в классические познавательные рамки. Его не рассматривали как самодовлеющий феномен, но лишь в качестве постоянного двойника объективированной, рационализованной культурной реальности. Оно выражалось как «в себе» в противоположность «для себя» в работах Канта и Гегеля, как «бессознательное», начиная с Шопенгауэра; как «отчужденный человек» у Маркса; как «скрытое», «недействительное», «осадочное», «несвершившееся» у Гуссерля. Во всех этих попытках инобытие представлялось рефлексивному знанию нечеткой проекцией самого человека с его способностью к развивающемуся истинному познанию. Вне отнесенности к божественному началу такое Иное было лишено права на самостоятельное существование.

В настоящее время его самодовлеющая значимость в порождении символических объектов полностью признана. И оно не считается недоразвитой природой или напластованиями древней истории. По отношению к человеку немыслимое трактуется как Иное, не освоенное и неосваиваемое в принципе, порожденное не им и не в нем, но существующее рядом и одновременно с ним, в постоянной новизне и необратимой действительности.

¹ Nietzsche F. Werke. S. 381.

Указание на несуществующее. В теоретических построениях постмодерна значительная роль отводится воображению как свойству человека. Эта антропологическая универсалия определяется как способность представлять вещи, которые не даны в ощущениях (которых нет) в символической форме, и подчеркивается ее конституирующая значимость для социокультурного пространства. Считается, что на этом уровне описываются разные состояния общества и его частей, определяются проблемные ситуации и обыгрываются их возможные решения, строятся проективные картины альтернатив будущего. И все эти представления, будучи обозначенными и объективированными, существуют в культуре наряду с другими. В концептуальном отношении они образуют область сигнификаций, относительно независимых от означающих, однако влияющих на их выбор и организацию. Для исследователя сложность заключается в том, что при изучении воображаемого как принципа организации культурных феноменов означаемое, к которому относится означающее, обнаруживается с трудом, поскольку его «способ существования» является, по определению, способом небытия¹.

На основе фрейдовской триады «оно — я — сверх-я» Ж. Лакан строит производную модель соответствующих полей ее актуализации: «реальное — воображаемое — символическое». Уровень «воображаемого» рассматривается как источник субъективного, иллюзорного синтезирования представлений, а уровень «символического» — как совокупность объективированных механизмов языка и культуры, как структурированное и, следовательно, упорядоченное аналитическое пространство. Подчеркивается, что воображаемые культурные объекты (сигнификации) не существуют в форме репрезентаций, поскольку им не соответствует никакая социокультурная реальность, никакой чувственный опыт. Воображаемые социокультурные сигнификации не несут в себе никакого реального значения (денотата); но их коннотативные возможности чрезвычайно многообразны, поскольку под ними можно подразумевать множество самых различных вещей. Они не имеют культурного места, подобного тому, что занимают представления о реальных событиях, действиях, отношениях, и тем не менее, создают в культуре некоторое «силовое поле», влияющее на траекторию реальных явлений.

Указание на невидимые порядки. Под влиянием структурной лингвистики Б. Уорфа ряд исследователей обратился от изучения социальных институтов и структур к анализу представлений, знаний об окружении, а также форм их лексической организации. Это направление носит название «этнонаука». Ее немногочисленные сторонники видят цель своей работы в том, «чтобы лучше понять, каким образом люди воспринимают свою окружающую среду и как они организуют подобное восприятие» в лексиконе². Об этой цели Г. Фрейк сказал: «Этнограф не может быть удовлетворен всего лишь фиксацией компонент культурных экосистем в категориях западной науки. Он должен также описать окружающую среду таким об-

¹ Постмодернизм и культура. М., 1991. С. 117.

² Moran E. F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. North Scituate, 1979. P. 58—59.

разом, как ее воспринимают местные жители, и используя понятия, употребляемые ими, выявить правила организации соответствующих представлений и поведения»¹.

В рамках этого направления развиваются специальные методы сбора и анализа информации о том, как носители определенной культуры описывают природную среду (этноэкология), ее флору (этноботаника) и фауну (этнозоология), как они взаимодействуют друг с другом (этнометодология). Таким образом, принятое в социальной и культурной антропологии понятие «этнонаука» обозначает «народные» модели организации представлений об окружении и объяснения связей между событиями и явлениями. Такого рода «этнознания» принято считать областью культуры, порождающей движение к специализированному научному познанию.

Предмет этнометодологии — социологического аналога этнонауки — составляют процедуры повседневных взаимодействий и коммуникаций людей в контексте обыденной жизни. Исследователь «пытается трактовать практические действия, практические обстоятельства и практическое социологическое мышление как темы эмпирического исследования, уделяя самым заурядным действиям повседневной жизни внимание, которое уделяется обычно экстравагантным событиям, стремится познать их как феномены, сами по себе заслуживающие изучения»². В качестве исходного допущения принимается, что существуют неотрефлексированные, но достаточно жестко сформировавшиеся схемы поведения, благодаря которым оно становится взаимоприемлемым и объяснимым.

Соответственно объектом изучения оказывается скрытая, неочевидная систематичность обыденной жизни, порождаемая и конституируемая людьми в ходе повседневного взаимодействия. Такая упорядоченность позволяет им ориентироваться в жизненных ситуациях и надлежащим образом строить свое поведение. Исследователь может понять смысл и значение повседневных событий только изнутри ситуации, находясь в равной позиции с другими ее участниками. По отношению друг к другу они исполняют роли, предполагающие «взаимность перспектив»: актер становится «повседневным социологом», а исследователь вынужден осуществлять «этнометодологическую редукцию», «вынося за скобки собственную субъективность»³.

Следует еще раз подчеркнуть, что сторонники этнонауки имеют дело со скрытыми, нерелефлексированными механизмами взаимодействия людей с окружением на уровне повседневной жизни, в том числе обыденной речи.

Итак, адепты постмодерна в разных предметных областях познания считают необходимым преодолеть накопленные культурные стереотипы, «вновь обрести способность воспринимать и выражать, ибо только так можно сохранить подлинную культуру в недрах цивилизации»⁴. При этом подчеркивается, что новые правила познания выстраиваются и символи-

¹ Frake G. O. Cultural ecology and anthropology // *American Anthropologist*. 1962. Vol. 64. № 1. P. 55, 58.

² Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 333.

³ Zimmerman D. Ethnomethodology // *American Sociologist*. 1978. V. 13. P. 9.

⁴ XXXIII Festival internationale des Teatro: Biennale die Venezia. 1985. S. 79.

зируются по мере работы с культурным материалом. Оценивая ситуацию в искусстве, Ж. Ф. Лиотар пишет: «Писатель и художник постмодерна находится в позиции философа: текст, который он пишет, произведение искусства, которое он создает, в принципе не управляются никакими предустановленными правилами, и соответственно не могут быть судимыми в соответствии с общепринятыми критериями и категориями. Само произведение искусства есть средство отыскания таких критериев и категорий. Художник и писатель, таким образом, работают без правил, чтобы сформулировать правила того, что следовало бы делать»¹. Так же сегодня в рамках постмодерна могут быть представлены и символические языки социальных наук.

9.5. Концепция децентрированной (расщепленной) личности

Из сказанного следует, что современное «постмодернистское» отношение к культуре отличается от классического. По-иному рассматриваются здесь вопросы, связанные с характером и формами социокультурной жизни, ее динамикой; с содержанием и взаимосвязями искусственных, в особенности символических объектов, составляющих среду совместного существования людей; с возможностями «расшифровки истинных значений» этих артефактов. Не удивительно, что пересмотру подверглись и представления о месте личности в их порождении, поддержании и изменении.

Индивид как первоначало социокультурных процессов. В современной познавательной ситуации проблематичной стала идея антропогенеза. Старые модели происхождения человека, общества, культуры утратили эвристичный смысл — будь то идеи божественного дара или эволюционной мутации. Новые модели, по-видимому, невозможны, поскольку, по крайней мере, сейчас, после периода длительных поисков эмпирических доказательств стало очевидным, что генезис человека и культуры непознаваем. Его нельзя достоверно реконструировать из-за ограниченности как материалов, которыми может располагать исследователь, так и существующих в социальных науках познавательных возможностей. Любые попытки построить концепцию первоначала («герма») как истинного, полного знания об этом остаются фантазмами, имеющими большую или меньшую ценность в качестве идеальной точки отсчета для изучения культурных сходств и различий, инвариант и изменений.

Соответственно идея антропо- и культурогенеза утрачивает свой классический смысл. Теперь совершенно очевидными стали связь людей с их историчностью, разрыв между существующим и его порождением. «Стремясь самоопределиться в качестве живого существа, человек обнаруживает свое собственное начало лишь в глубине жизни, начавшейся раньше него; стремясь понять себя как трудящееся существо, он выявляет зачаточные формы труда лишь внутри такого человеческого времени и пространства, которое уже подчинено обществу и его институтам, наконец, стремясь определить сущность самого себя в качестве говорящего субъекта по ту

¹ *Lyotard J. F. Answering the question: What is postmodernism? // Innovation/Renovation / I. Hassan, S. Hassan (eds). Madison, 1983. P. 340.*

сторону всякого уже сложившегося языка, он всегда сталкивается лишь с возможностями уже развернувшегося языка, а совсем не с тем лепетом, тем первословом, на основе которого стали возможны все языки и вообще язык как таковой»¹. Соответственно «герм» перестает обозначать исходную точку филогенеза человеческого вида, но относится к отысканию истоков и импульсов, порождающих вполне конкретные и наблюдаемые социокультурные процессы, начала и концы которых могут быть обозначены, а траектории отслежены по надежным эмпирическим показателям. Можно представить себе, как резко изменились характер и направление поисков.

При изучении порождения искусственных объектов центром внимания становится воплощенный социализированный индивид. Он рассматривается как наиболее эмпирически очевидная и одновременно наиболее сложная и интегрированная из всех человеческих систем. В нем биологическое, психическое, социальное и культурное начала сопрягаются теснее, чем в любой другой социокультурной единице. Он выделяется не просто как часть, элемент общества и культуры; но как переплетение всех антропологических уровней и систем, модальность, в которой и через которую осуществляются концентрация и высвобождение энергии популяции. В этом смысле можно говорить об истоках, об уровне анализа, на котором прослеживаются возникновение, поддержание и изменения социокультурных феноменов.

Такой исследовательской позиции соответствует исходное допущение, что объем энергии, которым располагает воплощенный индивид, всегда больше, чем тот, что является необходимым для участия или оказании сопротивления в любом из секторов любой из социальных систем. Из этого выводятся следствия: нет ни одного из типов социального контроля, от которого людям не удалось бы ускользнуть; не существует такой социокультурной системы, чьих требований они не смогли бы избежать, пошатнуть или разрушить.

Внешняя (социокультурная) обусловленность многомерности личности. В рамках классических монистических представлений об обществе и культуре как единой целостности концепция социализации/инкультурации однозначно предполагала обязательное институционализированное освоение каждым членом общества знаний и навыков, необходимых для его воспроизведения. Считалось, что социализированный индивид становится тем саморегулирующимся элементом социокультурной системы, который автоматически будет поддерживать ее целостность, минимизировать в ней уровень напряжений и конфликтов.

Современный взгляд на эти процессы изменился. Вернувшись к истокам социокультурной жизни — людям, признав, что это существа, строящие свою искусственную среду и использующие ее элементы, современные мыслители по-иному видят и процессы освоения человеком окружения.

Прежде всего, люди перестали рассматриваться только как социальные существа; равноправным стало признаваться и индивидуальное человеческое начало. Соответственно контрбалансом их социальности, склонности к объединению стала идея эгоцентричности и стремления к автономии.

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 423–424.

В ходе взросления и личностного становления люди приобретают социальные и культурные различия, а не только сходства. И поиск индивидом своей идентичности обуславливает его личностную многомерность, расщепленность, порожденные по ходу накопления такого опыта в ситуациях коопераций и конфронтаций.

Формирование личности предполагает развитие у нее способность к различению. Не похожесть, а несходство считается ключевым в сопоставлении индивида с другими. Но не все различия между людьми признаются одинаково значимы для их положения в обществе. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в большинстве культур преобладает склонность придавать большую значимость тем дифференцирующим признакам, которые связаны с вознаграждениями, депривациями, с конкурентными или конфликтными последствиями. Становление «я», конечно, считается зависимым от вовлеченности в системы взаимных конформностей с другими. Однако не меньшая роль приписывается преднамеренному или случайному нарушению конвенциональных обязательств и ожиданий. Накопление опыта индивидуальных особенностей и их организация в культурно значимую систему самоидентификации способствуют формированию и концептуализации личностных пределов. Подчеркивается, что свои потенции человек способен оценить, не только кооперируясь с другими, но и в конфронтациях с ними, с их ожиданиями и принуждениями, с их демонстрируемыми границами собственных «я». Механизм формирования самоидентификации был выделен Э. Гоулднером как соотношение самоуважения и самооценки.

Личность может испытывать самоуважение, когда проявляет вознаграждаемую конформность по отношению к ожиданиям других, к групповым ценностям, моральным нормам. Эта черта формируется на основе отношения других. Самооценка возникает из ощущения собственных потенций и в отличие от самоуважения переживается и развивается, когда личность нарушает ожидания других, проявляет способность к дистанцированию и автономии по отношению к ним и к их требованиям может реализовать свои намерения вопреки внешнему сопротивлению. Самоуважение проверяется консенсусом; самооценка — конфронтацией.

Консенсус выявляет в личности то, что объединяет ее с другими, делает похожей на них, отесняет на задний план идентифицируемую индивидуальность. Конфронтация обостряет ощущение персональных границ, индивидуальной специфичности, выдвигает на передний план личностную идентичность. В децентрализованной, ризомной, многомерной социокультурной среде действие этого механизма обеспечивает индивиду прямую, без символического опосредования связь с реальностью при формировании жизненного пути. «Воплощенная социализированная личность, сочетающая в себе черты биологического, психологического, культурного и социального уровней систем, движется внутри, сквозь и между ними, участвует в их создании и разрушении на всем протяжении своего жизненного цикла и карьеры»¹.

¹ Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970. P. 223.

Из сказанного следует, что именно индивидам приписывается способность менять социокультурные системы в случаях, когда культурные образцы перестают обеспечивать им преимущества в отношениях с окружением. Каждый может отказаться от стереотипных представлений, критериев оценки, традиционных технологий. Люди, объединившись на базе нового опыта, путем «организованного» отклонения создают в маргинальных пространствах культуры параллельные сообщества, и внутри них могут защищать себя как от претензий традиционных культурных ценностей и норм, так и от хаоса, экспериментировать с изобретаемыми и заимствуемыми артефактами и утверждать их в качестве конститутивных элементов жизненной среды.

Сохранение культурной ткани, следовательно, считается обусловленным тем, что индивиды никогда не бывают специализированы только для нужд какой-либо частной социальной системы. В этом смысле они в большей степени семя, герм, нежели часть или орган системы. Внутри них содержатся потенции и энергия, которые воспроизводят культуру в образцах поведения и связывают их в социальные системы. Такая концептуализация личности высвечивает иную, чем классическая, область порождений и изменений социокультурных феноменов.

Формула здесь такова. Если широкая социализация/инкультурация обеспечивает индивида определенной мерой функциональной автономии по отношению к социальным системам, то его способность создавать и поддерживать социальные системы позволяет ему автономизироваться от специфичных культурных систем. Каждый из этих типов наделяет его рычагами по отношению к другому; он же использует оба¹. В этом и видится ключ к пониманию динамики общества и культуры.

Внутренняя (психическая) обусловленность многомерности личности. В то же время в символическом мире культуры личность трактуется как децентрированная. Причина заключается в том, что каждый рожденный ребенок не творит язык культуры, но пользуется уже ранее созданными «означающими» — символами, суррогатами вещей. Движущей силой в этом поле, согласно Ж. Лакану, становится желание, которое всегда является отражением нехватки чего-либо, потребностью, нуждой, которые человек стремится восполнить. Язык, считает Лакан, трансформирует нужду (побуждение, импульс) в желание, которое обусловлено отсутствием желаемого объекта и становится фактором децентрирования, ризомного становления личности.

Другой такой фактор выводится из допущения, что «культурный субъект» принадлежит одновременно двум областям жизненной среды: «реальной» и семантической. Реальные процессы связываются с непосредственным переживанием человеком значимости того, что с ним происходит. Семантические — с выражением реакции на это в системе установленных знаков и процедур действия. Участвуя в этих двух процессах одновременно, он подвержен расщеплению, которое усиливается благодаря одновременному протеканию интрасубъективных (внутриличностных) сознательных и бессознательных процессов.

¹ *Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. P. 225.*

Итак, плюрализация внутреннего мира индивида определяется его «расщеплением» под действием осознанных и бессознательных побуждений, возникающих при расхождениях между физиологическими, психическими и социокультурными процессами. Соответственно особый интерес в этой ситуации приобретает изучение направленности и результатов действий такой неинтегрированной личности.

Способ существования децентрированной личности в динамичном пространстве. Такого рода изначально предполагаемые зазоры между побуждением и его реализацией, между желанием и наличными средствами его воплощения обуславливают вероятностный характер порождения инноваций и комбинаторики в культуре. Соответственно усиливается значимость «субъективного» начала в этих процессах.

Подобного рода изменения были обнаружены в искусстве постмодерна. Здесь кризис личностного начала становится кардинальной проблемой исследователей. Концепции децентрации и фрагментации сводят на нет классическую концепцию целостной личности и ведут к тому, что она перестает рассматриваться как самотождественная. В литературе, например, «смерть автора» и «крах персонажа» (Р. Барт) означает уничтожение дистанции между автором и героем. Соответственно в литературу проникает авторская саморефлексия: писатели становятся теоретиками собственной деятельности, а рассуждения о ней превращаются в главную тему произведения. Таким образом размываются границы между эстетикой, критикой и литературой. «В этом случае структуралистская критика традиционного референта — либерального общества — и такой его неотъемлемой части, какой являются личности, оставляют литературу буквально без ее субъекта»¹. В рамках постмодерна распространено мнение, что децентрирование культурного и личностного мира и усилившаяся в этой связи саморефлексия художника повлияли на изменение роли искусства в культуре. Если раньше, например, литераторы претендовали на то, чтобы сообщать публике знание о ее возможных социальных и личностных идентичностях, то теперь они находятся в поисках опорных точек такого знания, утерянного ими общественного признания.

Далее, подчеркивается, что добровольное следование требованиям других — без принуждений и вознаграждений — в социокультурном смысле во многом зависит от индивидуального выбора и всегда носит вероятностный характер. И хотя в культуре поощрение морально побуждаемых действий имеет форму символического социального одобрения и составляет предмет особого внимания и озабоченности блюстителей морали, отмечается, что эта вероятность сохраняется. Она характеризует не только подчинение личности моральным нормам, но и реакцию других на такую конформность. Ситуации, связанные с моральной регуляцией, считаются достаточно неопределенными, поскольку каждый раз под сомнением оказываются как готовность индивида следовать требованиям морали, так и согласие других вознаграждать такое поведение. Иными словами, ни о каком равновесном состоянии системы отношений, базирующейся на разделяемом моральном

¹ *Heller Th., Wellbury D.* Introduction — Reconstructing Structuralism. Stanford, 1986. P. 7.

кодексе, больше не идет речи: она изначально считается неустойчивой, неопределенной и вероятностной по самой своей природе.

Поскольку предполагается, что в подобных ситуациях личность далеко не уверена в том, как следует вести себя, она нуждается в других, которые своими реакциями будут ситуативно одобрять или не одобрять ее действия. Из этого выводится следствие, что система отношений поддерживается не благодаря отсутствию, но благодаря наличию в ней нормативных или ценностных напряжений. Не только функциональная взаимозависимость, но и неопределенность взаимных вознаграждений удерживает людей в системе интеракции. Ее воспроизведение отчасти обеспечивается тем, что благодаря сопротивлению моральным нормам одна часть ее участников вынуждает другую повысить вознаграждение за подчинение им. Таким образом, доказывается, что поддержание системы социальных отношений зависит и от нежелания людей подчиняться моральным нормам, т.е. от неконформности к действующему моральному кодексу.

9.6. Неоднородность отношения членов общества к моральным нормам

Исследования отношений разных членов общества к моральным нормам в различных социокультурных ситуациях позволили сделать ряд выводов, ставящих под сомнение правомерность априорного утверждения, что разделяемые моральные (в том числе религиозные) ценности и нормы обуславливают единство и интеграцию в обществе.

Во-первых, сам факт, что общество функционально неоднородно, означает, что различные сообщества имеют неодинаковую степень причастности к официальному моральному кодексу. Одни связаны с ним теснее, — те, кто его обновляет, контролирует следование ему или сознательно нарушает его; другие лишь поверхностно соприкасаются с ним, — те, кому не приходится принимать социально значимых решений; члены некоторых не считают обязательным следование его установлениям, — те, кто принимает решения макросоциального уровня, включая решения о самой морали. Во-вторых, как уже было показано, не считается, что возможно подчинение правилам во имя них самих. Различные сообщества следуют или не следуют им в зависимости от результатов торгов с теми, кто выполняет роль хранителя морали, а также в зависимости от выгод, получаемых вследствие этического (или неэтического) поведения. В-третьих, подчеркивается, что подчинение правилам нравственности не одинаково в разное время и зависит от степени функциональной автономности сообщества или слоя внутри социальной системы. Результаты исследований свидетельствуют о том, что люди склонны более поддерживать норму, когда она расширяет, а не ограничивает сферу их возможностей. В-четвертых, в моральном кодексе обычно существует не одно, но несколько правил, которые могут быть обоснованно использованы при решении какой-либо социально значимой проблемы. Центральным критерием выбора одного из них является оценка ожидаемых последствий с точки зрения благополучия не только системы как таковой, но и тех, от кого зависит выбор. Подчеркивается, что эти оценки часто не совпадают.

Из сказанного следует, что если все члены социокультурной системы признают один и тот же моральный кодекс, то это отнюдь не означает, что их связи взаимодополнительны, отношения гармоничны, а конфликтные ситуации легко разрешимы. Следование ему имеет неодинаковые последствия для благополучия различных социокультурных групп. Напряжения, возникающие при этом между сообществами, ищущими легитимный способ увеличения степени собственного благополучия, отражаются в различиях интерпретации нормы или в предложениях альтернативных норм для решения одной и той же проблемы. Таким образом, обосновывается, что это не столько организующее начало, гармонизирующее ситуацию, сколько проводник, через который напряжения выражаются, фокус, вокруг которого разворачивается конфликт определения ситуации.

Язык морали связывается не с конкретными случаями, но с типичным поведением определенной категории людей в некотором классе ситуаций (например, «дети не должны обманывать родителей»). Предполагается, что такое поведение не связано с ожиданием вознаграждения или наказания, что оно самоценно. Иными словами, на символическом уровне моральный кодекс включает в себе претензии на то, чтобы остановить конкуренцию за распределение преимуществ, разрешить неопределенность между действием и бездействием, помочь преодолеть внутренний конфликт при принятии решения. Но именно это обуславливает и заключенную в нем неопределенность, поскольку всегда существуют пункты, в которых проявляется напряжение между соответствующим поведением и вознаграждением. Из этого выводится следствие, что каждый моральный кодекс содержит негласные обещания, из которых одни члены общества извлекают больше выгоды, чем другие, и подчиняются ему охотнее. Однако в целом все и всегда готовы к тому, чтобы делать меньше, чем подразумевают и даже требуют нормы. И это не из-за плохой социализации. Такова природа самого кодекса как системы негласных взаимных обещаний.

Кроме того, относительная важность моральных и неморальных поощрений за солидарность в обществе варьируется в различных условиях. Так, она считается зависимой от уровня развития технологии: чем выше этот уровень, тем меньшее значение имеет мораль. Этот фактор ослабляет традиционные нормы, поскольку предполагает изменение сложившихся форм социальных организации и контроля. Например, солидарность поддерживается повышением вознаграждения, обеспечиваемым сокращением дефицита благ за счет внедрения инноваций. Однако преимущества от этого не составляют постоянную величину. Существуют короткие и длинные экономические волны, при которых люди ощущают уменьшение количества благ. В эти периоды апелляция к моральным нормам усиливается.

Поскольку преимущества от технологических изменений распределяются в обществе неравномерно, его члены по-разному относятся к нормам. В привилегированных группах считают сложившийся порядок моральным. Те, кто не получает достаточных благ, считают его несправедливым. Таким образом, представители обеих групп апеллируют к одному кодексу, но с различными целями, и извлекают из него те компоненты, которые оправдывают их претензии. Ущемленные подчеркивают значимость справед-

ливости, равенства и той свободы, которая позволяет им увеличить свои преимущества. Привилегированные имеют тенденцию настаивать на сохранении существующего порядка. Первые акцентируют свое право расширенного доступа к материальным благам. Вторые призывают их к духовному совершенствованию.

Утверждается, что в этих условиях моральный кодекс не обеспечивает достаточных оснований для удержания социальной солидарности даже при условии, что он принимается обеими сторонами. Взаимные переговоры не могут стать тем механизмом, который снимает напряжение. Соответственно возникает необходимость в посреднике, регулирующем конфликтные ситуации, и им становится власть. Она может быть либо репрессивной, либо связанной со стимулированием технологического развития. Но в любом случае ее значимость сохраняется, а не убывает.

Отклонения от нормы и власть. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в современной культуре с ее расширенной зоной массовых процессов и аномии главными объектами надзора и интереса со стороны всех уровней власти стали те, чье поведение не соответствует легитимной (узаконенной) морали. При этом отклонения подробно описаны, классифицированы и негативно оцениваются по сравнению с «нормой». Осуждение девиаций при ценностном предпочтении нормы (без уточнения ее содержания) представляет собой, согласно М. Фуко, оправдание широкого спектра репрессий, осуществляемых теми, кто относит себя к ее защитникам, по отношению к тем, кого они считают носителями отклонений. Однако наказания существуют не сами по себе, но как продукт власти признанных установлений. Девиантность в культуре не просто запрещена или подавляется; она всегда еще и вызывается, и репродуцируется апелляцией к норме, которая как бы сама порождает (или подразумевает) отклонение от нее.

В рамках постмодернистской интерпретации социокультурных процессов проявляется особый интерес к способам категоризации и социального контролирования различных классов социальных девиантов: больных, психически неуравновешенных, преступников. Эти группы людей рассматриваются как неотъемлемая составляющая общества. Однако подчеркивается, что представление о поведении, которое считается отклоняющимся и, следовательно, подвергаемым необходимому социальному контролю, является исторически изменчивым. Соответственно некоторые из таких групп со временем могут перейти в категорию социально приемлемых. В этой связи показательной становится тема смены власти, связанная с порождением и организацией нового динамического социокультурного нормативного пространства. Его структурирование вокруг меняющегося лидерства строится на дихотомиях «доминирующий — подчиняющийся» и «большинство — меньшинство». Новые высшие полномочия, признанные большинством, согласно логике постмодерна, не принадлежат ему. Обладающие ими группы обычно формируются как некоторое неудовлетворенное, маргинальное по отношению к имеющемуся режиму, по сути дела «отклоняющееся», меньшинство, путем борьбы присваивающее себе высокое общественное положение и начинающее представлять себя в ка-

честве выразителя интересов большинства. Так трактуется трансформация отклонений в норму на этом уровне.

Механизмами удержания и реализации власти М. Фуко считает дисциплину и знание. Дисциплина представляется как морально санкционированный способ социализации/инкультурации подчиняющихся и отклоняющихся в соответствии с требованием доминирующих. Она с необходимостью предполагает узаконивание инспекции, надзора, контроля над телом и поведением тех, кого подвергают соответствующим процедурам. И чем заметнее индивидуальность, тем больше ее контролируют. В этой связи девиация рассматривается как производная от представления о законной необходимости подводить под нормативные рамки вариации и многообразие проявлений личностной активности. Властные структуры, согласно таким представлениям, способствуют социализации/инкультурации дисциплинированных индивидов, не только действующих согласно как предписанным законом, так и морально санкционированным правилам, но и приученных осуждать тех, кто выходит за их пределы.

Другим важным механизмом реализации власти считается знание как средство, используемое его носителями для установления и сохранения господства, над теми, кого они познают. Однако, согласно результатам исследований, социальным субъектам, располагающим высшими полномочиями, нужна преимущественно такая компетентность, которая помогает воспроизведению установленного ими порядка. Из этого делается вывод о причинах напряжений, возникающих в обществе между ними и интеллектуалами. Согласно М. Фуко, процесс продуцирования знания носит инновационный характер. Этим определяется особое положение его участников в обществе. Их опыт выходит за рамки общепринятых стандартов, т.е. маргинален сам по себе; он является «частичным», «промежуточным» и в качестве такового не может быть вписанным внутрь существующих институциональных стратегий. Но представители власти поощряют лишь тех интеллектуалов, которые своей компетентностью, переведенной в технологии, помогают поддерживать и расширять сферу их полномочий. Знания другого рода вытесняются на периферию господствующей культурной парадигмы; их порождение и распространение по меньшей мере не поощряется, если не подавляется. Таким образом, согласно М.Фуко, и здесь власть устанавливает свои нормы, мораль, представления о девиации.

Власть и мораль. Постмодернистская трактовка их соотношения отличается от распространенной в социальных науках прежде. Нередким было исходное допущение, что власти изначально присущ авторитет. Но в рамках постмодерна эта связь становится объектом специального рассмотрения. Показывается, что она обусловлена особыми факторами. Во-первых, полномочные субъекты с помощью дисциплины регулируют на всех доступных им уровнях соответствие поведения требованиям морального кодекса. Во-вторых, сила позволяет им достаточно произвольно определять, что есть соблюдение, а что отклонение по отношению к нормам. Предполагается, что в обществе, особенно при ситуации неопределенности, соответствие морали в каждом конкретном случае оказывается неопределенным, оспариваемым. И потому арбитром часто становится власть: более могуще-

ственные выбирают определение того, какое правило следует применить, и что оно означает в данной ситуации.

Из сказанного следует, что в логике постмодерна разделяемый моральный кодекс более не рассматривается как средство предотвращения социокультурных напряжений и конфликтов. Считается, что в лучшем случае он ограничивает присущие системе напряжения, обеспечивая в проблемных и неопределенных ситуациях основания для их первоначального определения. По меньшей мере он предлагает язык, в котором напряжение может получить публичное выражение. В худшем случае его элементы становятся фокусами социальных конфликтов. А вообще он используется различными индивидами в своих целях и в тех ситуациях, где им это выгодно. Ни одна социальная система, согласно логике постмодерна, не подчиняется всем требованиям официального морального кодекса хотя бы потому, что это всего лишь часть ее культурного универсума. Как уже говорилось, члены общества никогда полностью не интегрированы ни в одну социальную роль или культурную идентичность, в том числе и в те, что нормативно предписаны.

Важно запомнить!

Осознавая условность моральных норм и ценностей, люди не испытывают ни вины, ни замешательства, делая меньше требуемого, поскольку не ощущают полной причастности к ним. Такие образования постоянно находятся под угрозой нарушения, поскольку многие часто вынуждены давать обещания, которые не хотят и не намереваются выполнять. Расхождения между моралью и желаниями лежат в основе принятых в культуре несоответствий между принципами и практикой, идеальными представлениями и привычками. Это подразумевается в процессах социализации/инкультурации, когда молодое поколение постигает наивность и непрактичность следования идеалам.

Как подчеркивает Э. Гоулднер, власть и ее моральная компонента — авторитет — это различные измерения, связанные с регулированием социального взаимодействия. Полномочия существуют как фактор, формирующий поведение подчиненных в ситуациях, находящихся под контролем вышестоящих. В распоряжении последних находится право предписывать дисциплинарные нормы, лишать вознаграждения в случае невыполнения предписанных функций. Но само могущество есть достаточное основание для такого контроля даже без наличия прав у тех, кто им располагает. Следовательно, сила без авторитета постоянно присутствует в обществе и влияет на динамику распределения функций и поощрений. Предполагается, что не существует реалистичных форм социокультурного контроля, которые бы полностью ослабили действие этого фактора.

Соответственно распределение власти в социальной системе, по мнению Гоулднера, обуславливает конфигурацию существующих здесь моральных предпочтений. Обладание полномочиями побуждает одних нарушать свои обязательства, тогда как недостаток этого ресурса вынуждает других довольствоваться меньшим, чем полагается по закону. Принуждение, насилие, сила — все формы могущества суть механизмы, позволяющие тем, кто располагает ими, создавать собственную легитимность и свои право-

вые установления. Но они поддерживаются и теми, кто в социокультурном пространстве, создаваемом властью, находится в сфере наибольшего ее влияния. Те, кто подчиняется силе из страха или в надежде на выгоду, обычно не сознают в истинных причинах своих действий и из сохранения самоуважения готовы признать легитимными предъявляемые к ним требования. Те же, кто применяет насилие, стремятся получить доказательства хоть какой-то видимости, что следование этим требованиям осуществляется добровольно. В таких случаях санкционирование установленных отношений порождается тайной сделкой между насильником и его жертвой. Из всего этого Гоулднер делает вывод, что таким образом несовпадение власти и авторитета может легитимизироваться и стать обычаем.

9.7. Идеология постмодерна

Обобщая социокультурную практику постмодерна, Х. Бертенс выделяет некоторые существенно общие черты мировоззрения, на котором она основывается¹.

- Наиболее значимым, центральным допущением, обнаруживающимся во всех концепциях постмодерна, он считает признание онтологической неопределенности, децентрированности, отрицание привилегированных языков культуры, высших дискурсов.

- Взаимодействие «продукта» практики постмодерна с его «пользователем» оказывается сходным с отношениями, складывающимися в рамках психоанализа между аналитиком и пациентом. «И я, и вы — оба мы фикции, как герой постмодернистского романа. Самое личное, центральное, что я имею, — моя идентичность — находится не во мне, но в нашем с вами взаимодействии, или в расщепленном “я”»². Иными словами, для постмодерна характерно размывание границ «эго», отказ признать индивидуальность врожденной.

- Мировоззрение постмодерна не представляет собой согласованной целостности, которая дает субъекту силу для наложения порядка — пусть субъективного — на свое окружение. И принципиальная неопределенность отношений «эго» с окружением побуждает движение субъекта в двух направлениях. Одно из них — нереперенциальное — это отказ от соотносительности и значения любого означающего с означаемым и принятие абсурдности мира как данности. Другое — реперенциальное — это попытка найти опорные точки и построить пусть локальные, временные, относительные, но истины, так называемые маленькие истины.

- Нереперенциальное направление включает в себя саморефлексию, метадеятельность и перформативность, не имеющие целью соотношение и поиск значения в отношениях между означающим (произведения, отношения, символы) и означаемым (реальности). Такая ориентация не по-

¹ Bertens H. The postmodern Weltanschauung and its relation with modernism // Postmodernism. Wook — Dong Kirn (ed.). Seoul, 1991. P. 245–247.

² Holland N. N. Postmodern psychoanalysis // Innovation/ Renovation / I. Hassan, S. Hassan (eds). Madison, 1983. P. 304.

могает установить никаких иных значений, помимо тех, что заключены в рамках культурного текста или процесса его становления, отображенного в переживании.

- Референциальное направление связано с активным стремлением индивида — в том числе и через «перформанс» — освоить феноменально данный мир. Оно объединяет в себе все попытки позитивного опыта: установление значений, схватывание непосредственного переживания без наложения на него априорных сигнификаций, представление о существовании чего-то другого, наконец, порождение временных значений.

- В рамках постмодерна меняется отношение к отчуждению и расщеплению личности, которое было столь негативным в модерне. Здесь нет сожаления о потере «объективного» порядка ценностей, в том числе моральных; более того, о нем говорится в релятивистском тоне. Его относительность рассматривается как освобождение, как «прелюдия» к новым идентичностям.

Многие идеологи постмодерна считают, что это не художественное или культурное движение, но что-то вроде геологического сдвига в способе мышления и видения мира, новая эпистема, которая включает и превосходит общее онтологическое сомнение, порождаемое традицией рациональной западной философии. За счет объединения экзистенциализма, экологизма, антропологизма сторонники постмодерна надеются на преодоление кризиса западного рационализма, который в классическом варианте исчерпал свой эвристический и объяснительный потенциал.

Важно запомнить!

Характерные черты постмодернистского мировидения в сравнении с классической парадигмой познания можно представить в обобщенном виде следующим образом: признание плюралистичности мира как конгломерата сосуществующих универсумов, а не монистический, системный взгляд на него; ризоматичный принцип динамики социокультурной жизни, а не четко структурированная эволюция; напряжения между культурной территориальностью и маргинальностью расщепленной личности, а не ее структурная целостность и однородность. Постмодерн следует рассматривать как культурную доминанту, которая указывает на присутствие и сосуществование в социокультурном мире совершенно различных уровней реальности.

В процессах упорядочения человеком своих отношений с окружением принято выделять по крайней мере три конституирующих, но функционально относительно автономных уровня. Во-первых, эмпирическая данность, воспринимаемая в качестве индивидуальных переживаний и представлений. Это та непосредственная реальность, в которой индивид существует и ориентируется. Во-вторых, абстрактные теоретические концепции, обеспечиваемые научными и философскими построениями, объясняющими принципы формирования, существования и обоснования предлагаемых ими порядков как реальных, надежных и достоверных. В-третьих, промежуточная область, находящаяся между эмпирически переживаемым и теоретически установленным, и относящаяся к правилам построения

и использования кодов, позволяющих делать интрасубъективный и теоретический опыт проверяемым и коммуницируемым. Наличие этого уровня релятивизирует истинность как непосредственного восприятия, так и традиционной научной или философской доктрины. Здесь культурные коды дистанцируются от онтологических допущений, высвечивается их операциональная механика и становится понятным, что любой кодифицированный эмпирический порядок не дан априори, но построен в процессе решения каких-то интересующих людей задач. Постмодернистское мировидение очерчивает область познания и конструирования отношений с окружением, в рамках которой обосновываются критерии для оценки близости между вещами, их общих и специфических черт, выделяются детерминанты их упорядочения и интерпретации. Таким образом, на смену предустановленным дистанциям, тождествам и различиям в структурированном мире, принимаемом как данность в рамках классического типа познания, приходит попытка выявить и описать процессы ассоциации и диссоциации, отождествления и различения в динамическом контексте, каковым представляется окружение человека в постмодернистской картине мира. Процессуальность становится заметной при обращении к дихотомиям «отступления и возврата, мысли и немислимого, эмпирического и трансцендентального, того, что относится к порядку позитивности, и того, что принадлежит к порядку обоснований. Отстранение тождества от самого себя, появление зазора, который в каком-то смысле находится внутри тождества, а в каком-то сам создает его... лежит в основе того современного мышления, которому так поспешно приписывают открытие времени»¹.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что в задачи социальной и культурной антропологии, связанной с идеологией постмодерна, входит изучение не столько вещественных, структурированных аспектов культуры, сколько межличностных процессов, порождающих устойчивые и мимолетные артефакты — вещи, идеи, образы, оценки. Соответственно акцент переместился на те незамечаемые, но действенные свойства человека, которые определяют отношения с окружением, делают их автономными по отношению к разного рода институциональным (политическим, экономическим, познавательным) структурам. Речь идет о неотрефлексированных механизмах, восстанавливающих ткань культуры в повседневных контактах людей, воспроизводящих микропорядки в динамичной жизненной среде. Именно они стали основным предметом исследования в рамках постмодернистской социальной и культурной антропологии (табл. 9.2).

Таблица 9.2

**Концепции отношений человека с окружением
при различных исходных основаниях**

Основания	Модерн	Постмодерн	Новое направление
Позиция человека в отношениях с миром	Активный индивидуальный субъект (демиург, герой)	Активный индивидуальный субъект (экзистенциальная «заброшенность»)	Участие в качестве одной из сторон взаимодействия

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 435.

Основания	Модерн	Постмодерн	Новое направление
Цель активности	Преобразование и совершенствование окружения (творчество) во имя прогресса	Проверка на прочность существующих порядков (деконструкция)	Упорядочение отношений с окружением, формирование микросреды
Среда активности	Мир как целостное единство	Неоднородное социокультурное пространство, неопределенный интертекст	Неоднородное социокультурное пространство, признание значимости как актуальной, так и виртуальной реальности
Средства решения проблем	Полностью контролируемое законами природы изменение	Пробы и ошибки при отказе от универсальных методов	Рефлексивное взаимодействие с окружением, конструктивные отношения с ним
Результаты активности	Социокультурный системный объект	Виртуальная реальность с ненаправленным движением (ризом)	Формирование социокультурных порядков, соразмерных человеку; микродинамика жизненного мира
Последствия активности	Нарастание неопределенности из-за непреднамеренных последствий целенаправленных изменений	Дальнейшее нарастание неопределенности, аномия при осознании разнокачественности социокультурной реальности	Организованная мелкоструктурная динамическая реальность, антропный жизненный мир

9.8. Новые акценты в изучении социокультурной динамики

Представленные выше теоретические позиции в познании социокультурных процессов не следует рассматривать как сложившиеся исследовательские направления, подобные структурализму, структурному функционализму, эволюционизму и т.п. Это не более чем показательные примеры возможных ориентаций в изучении неструктурированных, подвижных, неопределенных областей социокультурной реальности, концептуальные «места» которых пока не зафиксированы. Например, идея децентрированного пространства представлена здесь метафорой номадической его детерриториализованности и ризомной динамики. Эти концепции обращены к тем проблемным зонам, которые обнаруживаются между установившимися культурными порядками, либо между освоенным и неосвоенным

людьми. Представление о вероятностной природе моральных норм указывает на неопределенность внутри культурных порядков. Важность тематики такого рода особенно велика в связи с традиционным отношением к устойчивым культурным образованиям как к инвариантам.

Из всего сказанного в этой главе следует, что на самом деле в постмодернистской среде уже сложились некоторые общие обновленные представления о характере социокультурной реальности. Правда, пока они более гипотетичны и спекулятивны, нежели эмпирически верифицированы или фальсифицированы и представляют собой скорее попытки выделить и обосновать проблемные области в современном познании человека, общества и культуры, а не продукты научно-рациональной рефлексии. Именно поэтому здесь метафора и образ преобладают над категорией и теоретической моделью. Именно поэтому здесь четко обозначено авторство и язык изложения индивидуализирован. Иными словами, существует некоторое общее для ряда ученых представление о новой познавательной ориентации, но пока не сложился общий язык для ее описания и не выработана конвенция относительно ее границ и внутренней формы.

И все же за многообразием выразительных средств, предлагаемых различными авторами, проглядывают некоторые общие очертания предметной области и намечаются основные направления ее изучения. Показать их и было целью данной главы. Познавательные задачи, формирующиеся в представленных поисковых рамках, были сформулированы при изложении материала. Следует подчеркнуть, что методология их решения только складывается, причем пока лишь на гипотетическом уровне. Тем не менее, следует еще раз обозначить эти задачи.

Во-первых, исследователей, отказавшихся от идей классического монизма, интересует, как возможно «нормальное» существование плюрального, не системного, не целостного человеческого мира. Совершенно очевидно, что для этого нужны новые исходные допущения о природе социокультурной реальности, часть которых будет сочетаться с прежними по принципу дополнительности (например, относительность понятий «структура» и «процесс»), а часть вытеснит некоторые из предшествующих (например, представление о тотальной системности социокультурной жизни). Необходима также разработка нового понятийного языка, описывающего представление, для которых в предыдущей парадигме не было места. Примерами могут служить заимствование термина «ризомы» для обозначения динамических процессов вероятностного, многомерного, разнонаправленного характера; или же понятие маргинального социокультурного пространства, выделяемого между определенными культурными порядками, на границах освоенного и неосвоенного. Следует также ожидать широкого заимствования терминологии из других наук и их интерпретации применительно к социально- и культурно-антропологическим задачам. Примерами могут служить понятие маргинальной полезности, заимствованное из экономики, или социокультурных сетей, перенесенное из области технических наук.

Во-вторых, возникла настоятельная необходимость построения моделей многомерного анализа социокультурных процессов. Как было показано

на примере символических объектов, каждый из них не может рассматриваться как «единое целое», если поместить его в пространство социокультурной коммуникации. Символ оказывается в этом случае многослойным объектом, и каждый слой выполняет свою специфичную функцию. При более детальном рассмотрении практически любой артефакт, социокультурный порядок, любое социальное взаимодействие начинают представляться как неоднородные. Формируется также концепция разноплановости человеческой личности, поскольку ее трактовка как единой целостности утратила эвристическую ценность. Соответственно перед исследователями, принадлежащими к нетрадиционному направлению социально- и культурно-антропологических исследований, стоит задача построения теоретических моделей существования сложных подвижных единиц (личность, группа, область культуры) в многомерном динамичном окружении.

В-третьих, особую важность сегодня приобретает детальное изучение микроизменений, происходящих в обществе и культуре, а также нестационарных объектов. Долгое время в исследованиях такого рода доминировал интерес к истории человеческого рода и выявлению в нем «традиционных процессов и выдающихся событий». Динамика повседневной жизни и неустойчивые социокультурные феномены оставались за пределами специального внимания исследователей. Тем не менее, постепенно в социальной и культурной антропологии начало формироваться представление о том, что обращение к микродинамике культуры позволяет изучить процессы порождения и распада социокультурных единиц различного масштаба и судить о них более достоверно, чем на основе спекулятивных исторических реконструкций. Иными словами, сейчас меняется временная шкала в таком направлении исследования, и историческая перспектива дополняется изучением изменений в тех пределах, которые до сих пор относятся к области «синхронных» событий, т.е. измеряемых годами и десятилетиями.

Обобщая сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что постмодерн предполагает поворот в изучении общества и культуры, характеризующийся иными по сравнению с классической парадигмой основаниями в изучении социокультурной реальности.

Выводы

1. В настоящее время в социальной и культурной антропологии при сохранении ее предметной области — человеческие взаимодействия и коммуникации, динамика искусственного мира — изменился ракурс ее рассмотрения. Теперь областями специального исследования становятся такие совокупности феноменов, которые ранее оставались за его пределами: процессы порождения и декомпозиции, зоны структурной неопределенности, нестационарные социокультурные образования, внерациональные аспекты отношений человека с окружением и т.д. В этой связи изменился и объект изучения: не общество и культура в целом, но культурные проблемы в контексте их порождения и существования — вот что сегодня находится в зоне особого внимания исследователей общества и культуры.

2. Смена познавательных парадигм в социальных науках нашла выражение в рамках культурного течения, которое принято называть постмодерном. Его принято связывать с существенной ревизией гносеологических принципов, свойственных западной культуре XIX—XX вв. Он сложился на основах модерна как культурного стиля: структурализма, символизма, конструктивизма, авангарда. Его специфика определяется исключительным вниманием к движению, ускорению, неопределенности, переходности. Можно выделить ряд исходных допущений постмодерна, определяющих дальнейшие направления изучения общества и культуры.

3. *Плюрализм жизненного мира людей*, который отличается от механицизма и дуализма предшествующей познавательной парадигмы. В рамках постмодерна как факт принимается то, что существует много нередуцируемых принципов миропонимания и, следовательно, много миров, которые могут вступать в отношения друг с другом. В такой реальности время нелинейно; необратимые процессы сочетаются с обратимыми; социокультурная динамика не имеет предустановленной цели и направления и связывается с представлением о ризоме;

4. *Неоднородность социокультурного пространства*, где различным образом структурированные области сосуществуют с бесструктурными. Последние рассматриваются как детерриториализованные зоны между структурами, освобождающие место для проявления культурно «не связанных» импульсов и желаний людей. Такое разделение открывает возможность для ответа на вопрос, как люди продолжают существовать в условиях, когда разрушаются социальные системы, структурные порядки;

5. *Многослойность символических объектов* при таком понимании социокультурного пространства и времени становится предметом особого внимания, и на уровне означающего в языке находят выражение сразу несколько типов реальности, с которыми имеет дело человек. Это указание на отсутствие, связанное с областью немислимого, невыразимого; указание на невидимые порядки, обнаруживаемые в ткани повседневной реальности.

6. *Децентрированность личности*, которая порождает такой мир и существует в нем. Здесь первостепенное внимание, как и в классической европейской философии, продолжает уделяться индивиду. Однако его картезианская модель сменилась феноменологической концепцией. Подчеркивается, что «культурный субъект» принадлежит одновременно двум мирам: реальному и семантическому. Это и обуславливает его расчлененность, поскольку действие и его переживание, их интерпретация и неосознаваемые коннотации не тождественны друг другу.

7. *Неоднородность отношения членов общества к моральным нормам* предполагает, что ни один моральный кодекс не обеспечивает достаточных оснований для удержания социальной солидарности даже при условии, что он является общепринятым. Переосмыляется также представление о соотношении морали и власти. Гипотеза, что сила без авторитета — постоянно присутствующий фактор в распределении функций и вознаграждений в обществе, ставит под сомнение классический императив моральности власти.

8. Конструктивные начала постмодерна открывают новые возможности в изучении социокультурной динамики, акцентируя те аспекты связей лю-

дей с окружающим, которые в классических моделях считались либо несущественными, либо отклонениями.

Контрольные вопросы

1. Какие новые проблемы появились в изучении культуры во второй половине XX в.?
2. Почему можно говорить о пограничных областях познания культуры, появившихся в конце 1960-х гг., по сравнению с предметной областью ее изучения, характерной для большинства теорий культуры XX в.?
3. Каковы социокультурные факторы, обусловившие возникновение постмодерна как особого интеллектуального течения?
4. Каковы внутринаучные факторы, обусловившие формирование постмодерна как особой области теоретико-методологических идей?
5. Каково представление о жизненном мире человека, характерное для теоретических построений постмодерна?
6. Чем различаются представления о человеческом мире в классической и постмодернистской трактовках?
7. Что вносит концепция децентрированности социокультурного пространства в изучение общества и культуры?
8. Какими признаками и показателями определяется неоднородность социокультурного пространства?
9. Что такое «детерриоториализация» и как это понятие влияет на представление о социокультурном пространстве?
10. Как можно представить форму маргинального социокультурного пространства?
11. Каковы механизмы самоорганизации людей в условиях децентрированности и плюральности социокультурного пространства?
12. Как представлены культурные объекты (артефакты) в концепциях, характерных для постмодерна?
13. Какова значимость понятия «отсутствие» для изучения культурных процессов?
14. Как используется понятие «инобытие» в изучении культуры?
15. Для чего нужны понятия «фантазм» и «симулякр» при изучении культуры?
16. Что такое «невидимые ряды» применительно к обществу и культуре?
17. Почему в ответ на классическое понимание личности как целостной системы в рамках постмодерна появилась концепция децентрированной (расщепленной) личности?
18. Можно ли считать личность первоначалом или производной социокультурных процессов?
19. Какими внешними факторами обусловлена многомерность личности?
20. Каковы внутренние (психические) факторы, обуславливающие многомерность личности?
21. Как следует рассматривать существование многомерной личности в децентрированном и плюральном социокультурном пространстве?
22. Чем определяются различия в отношениях членов общества к моральным нормам?
23. От чего зависят различия между содержанием моральных норм, их трактовкой разными членами общества и реальным следованием им?
24. Как используется власть для поддержания социальных порядков?
25. Каково соотношение между понятиями «власть» и «мораль»?
26. В чем состоит значение постмодернистских построений для современного изучения общества и культуры?

Глава 10

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ

Признание исследователями множественности, неоднородности социокультурного мира предполагает изменение взгляда на построение типологии культур. Ушла в прошлое столь популярная в классическом эволюционизме триада «дикость — варварство — цивилизация». Постепенно сходит со сцены еще недавно общепринятая в западных социальных науках диада «традиционализм — модернизация».

Важно запомнить!

В настоящее время существует целый ряд оснований для типологии культур, которые в научном сообществе принимаются как более или менее равноправные и равноценные. Их различия не предполагают, что одни из них более «правильные», более «научные», чем другие. Просто речь идет о выборе совокупности показателей, которые представляются наиболее значимыми для характеристики рассматриваемых культур или субкультур в связи с решаемой проблемой. Это следует принимать во внимание и при оценке такого рода работ, и при построении программы исследования. В сегодняшней ситуации смены социальнонаучных парадигм намерения познающего рассматриваются как значимый фактор, влияющий на весь ход научной работы, включая получаемые данные и их интерпретацию. Поэтому невозможна «объективная» классификация культур «самих по себе», каковыми они являются «на самом деле». Исследователь всегда выбирает основания для сравнения, и таких оснований может быть несколько. Тем более, что, как уже неоднократно подчеркивалось ранее, сегодня преодолена иллюзия о возможности представить культуру «как целое». При сравнении культур и субкультур всегда выбираются какие-то характеристики или их совокупности, которые обосновываются как значимые при типологии объектов в связи с определенной целью.

Ниже будут представлены некоторые из оснований таких типологий, наиболее часто применяющиеся в мировой практике сравнительно-культурных исследований¹. Для каждой типологической группы будут даваться пояснения относительно тех задач, для решения которых она наиболее уместна.

¹ *Gudikunst W. B., Ting Toomy S., Chua E. Culture and Interpersonal Communication. Newbury Park (Calif.) ; L. ; New Delhi, 1990.*

10.1. Типология по антрополого-философским основаниям

Для понимания культурных различий и изменений значимым показателем считается характер ценностных ориентации людей в отношении своего бытия в мире. Они определяются как «сложные, но хорошо организованные... принципы... которые упорядочивают и направляют непрерывающийся поток человеческих действий и мыслей в соответствии с необходимостью решать “обычные” человеческие проблемы»¹. Их принято рассматривать как пусковые механизмы и направляющие импульсы, векторные детерминанты социальных действий и взаимодействий. Однако здесь они будут рассматриваться как оправдание уже сложившихся зон повышенной социокультурной активности. Ф. Клакхон и Ф. Стродбек выделили основные универсальные проблемы, с которыми сталкиваются все люди, в соответствии с решением которых формируются существенные отличительные характеристики культур, субкультур и культурных ситуаций, оправдываемые на ценностном уровне.

- Какова природа человека? Ответ на этот вопрос определяет человеческую сущность и связан с исходными допущениями о ней: несет в себе человек начала добра, зла, их сочетания или нейтрален по отношению к ним; изменчива или неизменна его натура. Считается, что выбор из этих альтернатив и определяет отношение людей к себе и друг к другу в изучаемой культуре или субкультуре.

- Какова связь человека с природой и сверхъестественным? Ответ на этот вопрос определяет вектор активности по отношению к окружению: господство над природой, гармония или подчинение ей. Ценность господства над природой подразумевает бесконтрольное использование людьми ее сил и ресурсов на пользу только себе. За ценностью гармонии с природой стоит представление о нераздельности человека с ней и со сверхъестественным. Подчиненность природе означает веру в то, что контролировать ее невозможно.

- Каков временной фокус человеческой жизни? Ответ на этот вопрос определяет временную ориентацию людей. Она может проявляться в формах ценности прошлого, настоящего или будущего. Культурная система, где высока ценность традиционных ее характеристик, определяется как ориентированная в прошлое. Приоритетность настоящего характеризует системы, где решения принимаются на основе оценки текущих нужд и не обосновываются традицией или идеей грядущего блага. Обращенность в будущее доминирует в системах с высокой ценностью изменений.

- Какова модальность человеческой активности? Ответ на этот вопрос определяет доминирующую оценку типа активности, самовыражения в действии. Бытие предполагает относительно пассивное пребывание в окружении. Становление означает ориентированность на личностное развитие. Преобразование связано со стремлением изменить окружение с целью достичь определенного результата.

¹ Kluckhohn F., Strodtbeck F. Valuations in Value Orientations. N. Y., 1961.

• Какова модальность отношений между людьми? Ответ на этот вопрос определяет ценностную ориентацию людей на тип отношений друг с другом. Предпочтение согласия предполагает стремление к дружественности, социальности. Акцент на нейтральных отношениях подразумевает слабые социальные связи, носящие в основном функциональный, ролевой характер. Высокая оценка соперничества означает поддержку напряженности в отношениях между людьми, высокую вероятность агрессивных импульсов и их проявлений.

Авторы считают, что эти вопросы являются общими для всех культур. Ответы же на них зависят от жизненных обстоятельств, от интересов и запросов различных членов общества, от природных и социокультурных ресурсов¹. Соответственно содержание перечисленных ориентаций позволит исследователю понять ценностные основания морального кодекса исследуемого сообщества, характер и направленность наиболее активных зон социокультурного взаимодействия, а также то, как и чем люди оправдывают эту активность.

10.2. Типология по основанию социального действия

В свое время Т. Парсонс выделил измерения, которые, по его мнению, в необходимой полноте позволяли определить конфигурацию социального действия. Они были названы «переменными формами взаимодействия» и определялись как «дихотомия, одно из значений которой актор (субъект действия) выбирает, перед тем как определить ситуацию и начать действовать в ней»².

«Эмоциональность — эмоциональная нейтральность» определяет нормативные рамки, либо позволяющие индивиду стремиться к непосредственному вознаграждению, либо ограничивающие это стремление.

«Предписанность — достижение» определяет то, как актор будет относиться к другой стороне взаимодействия. Следование предписанным культурным образцам означает, что человек должен более ценить качества, которыми обладает другой человек или объект, чем результативность их функционирования. Ориентация на достижение, напротив, требует от человека отдавать приоритет эффективности действий другого по сравнению с его свойствами.

«Универсализм — партикуляризм» относится к способу категоризации людей и объектов. Первая ориентация побуждает актора соотносить элементы окружения с обобщенными категориями, стандартизировать их. Вторая означает, что люди рассматривают события и явления как ситуативные, своеобразные, уникальные.

«Специфичность — диффузность» определяет характер реакции людей на контекст существования. Когда основное внимание уделяется выделению и оценке элементов ситуации без их соотнесения с целым, можно

¹ Kluckhohn F., Strodtbeck F. Valuations in Value Orientations. P. 11.

² Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Cambridge (Mass.), 1951. P. 77.

говорить, что превалирует специфичность реакций. Нерасчлененное восприятие окружения связывается со следованием диффузному образцу отношения к реальности.

Оценка культур и социокультурных ситуаций в этих терминах позволяет исследователю выявить, какой направленности социальных взаимодействий здесь принято отдавать приоритет: на решение задачи, связанной с улучшением качества жизни, или на воспроизведение существующих отношений. Можно также определить, основаны технологии совместной активности на рациональных принципах или действия участников ситуативно обуславливают друг друга.

10.3. Типология по основанию форм построения суждений

Культуры, субкультуры, культурные ситуации можно различать по используемым в них преимущественным формам построения суждений. В этом отношении принято выделять две основные шкалы: «абстрактность — ассоциативность» и «универсализм — партикуляризм».

Когда знание приобретает в непосредственном опыте взаимодействия с окружением, оно носит ассоциативный характер. Когда мысль кодифицирована в точные значения, речь идет об абстракции. Ассоциативные формы обычно синкретичны, диффузны, неопределенны и ригидны, тогда как абстрактные характеризуются дискретностью, артикулированностью, определенностью и подвижностью. «Ассоциативные рассуждения отличаются «спорностью» отношений между информационными единицами. Абстрактные отмечены: (1) определением информации, имеющей отношение к данной ситуации, и (2) определением связей между информационными единицами... Первоначальная стадия познания характеризуется ассоциативностью. Абстрагирование появляется на первой стадии организации знания»¹. При ассоциативных построениях новая информация интегрируется в имеющееся знание с большим трудом. Универсализм позволяет видеть мир через концептуализации, отражающиеся в определениях слов. При такой переработке информации значимы обобщения и генерализованные категории, абстракции. Партикуляризм, напротив, акцентирует специфичное; ему свойственна ассоциативность, внимание к индивидуальным характеристикам. Партикуляристская переработка информации начинается с непосредственных наблюдений, из которых затем извлекаются обобщения, тогда как универсалистская начинается с широких категорий и связана с определением того, в какой степени наблюдения соответствуют им.

Универсалистские формы рассуждений доминируют в культурах, где толерантность к неопределенности низка; партикуляристские — там, где проявляется терпимость к неопределенности. Партикуляризм тесно связан с вероятностью, а универсализм — с тенденцией к абсолютизации. Эти типы переработки информации зафиксированы в категориях индуктивного и дедуктивного способов познания. Обычно универсализм и абстрагиро-

¹ Glenn E. Man and Mankind. Norwood (N. Y.), 1981. P. 57.

вание, с одной стороны, и партикуляризм и ассоциативность — с другой, встречаются попарно.

Такая типология используется для выявления в рамках культуры характерных для нее оснований выработки решений. В результате становится понятным, как происходит определение ситуации, как отбирается информация и какого качества, какой характер будет носить принимаемое решение.

10.4. Типология по шкале «индивидуализм — коллективизм»

По этому измерению культуры различаются следующим образом. В отношении самоопределения в индивидуалистических культурах принято полагаться на себя и заботиться только о себе и своей семье; акцентировать индивидуальные достижения и инициативу; пользоваться универсалистскими (приложимыми ко всем) критериями оценки; иными словами, в стандартных ситуациях опираться на «я»-идентичность. В коллективистских культурах приоритет отдается принадлежности к группам, поддержке со стороны других в обмен на лояльность; люди подчиняют социальным стандартам индивидуальную инициативу; используют различные оценочные критерии по отношению к членам своего и чужих сообществ; иными словами, здесь активно используется «мы»-идентификация. При формировании отношений с другими люди с коллективистскими ориентациями предпочитают участвовать в минимальном количестве сообществ и существенно образом зависят от своей включенности во внутригрупповые связи. В индивидуалистических культурах этого не наблюдается. И хотя в их рамках индивиды, как правило, принадлежат ко многим различным объединениям, они зависят от них в значительно меньшей мере, чем члены коллективистских культур. Соответственно в коллективистских культурах межгрупповые различия воспринимаются и проявляются острее, чем в индивидуалистических.

Рассмотрение культур или субкультур с этой точки зрения позволяет выявить характерные для них основания социальных связей, источники, возможности и последствия проявления динамических импульсов. В этом случае становятся также понятными причины возникающих здесь напряжений и конфликтов.

10.5. Зависимость от контекста как основание типологии

На таком основании выстраивается шкала, на одном полюсе которой высокая, а на другом низкая контекстуальная зависимость. Высокая степень зависимости характеризует культуры, субкультуры, ситуации, в которых большая часть информации, которую используют люди, содержится в предметно-физических и интраиндивидуальных (внутриличностных) формах. И совсем небольшая ее часть представлена в виде закодированных, эксплицитных (явно сформулированных), транслируемых сообще-

ний¹. Низкая степень зависимости характеризует культуры и культурные ситуации, в которых основная часть информации представлена в кодифицированном виде. «В высококонтекстуальных культурах проводится более жесткое различие между “своими” и “чужими”, чем в низкоконтекстуальных. В первых люди склонны больше ожидать друг от друга, чем во вторых. При разговоре на волнующую тему представитель высококонтекстуальной культуры ожидает от собеседника полного понимания и поэтому считает ненужными разъяснения и детали. В результате он «ходит кругами», нагромождая детали, но не называя основного предмета разговора. Определение этого ключевого элемента относится к роли его собеседника»². Низкоконтекстуальный тип культуры или коммуникативной ситуации оставляет весьма незначительное место для неопределенности и предполагает четкие и прямые высказывания. Для него характерны требования «пояснить, что имеется в виду», «не ходить вокруг да около», «приступить прямо к делу»³.

При таком основании типологии исследовательский акцент помещается на формах и качестве информационного обмена между людьми. Появляется возможность определить культурно ценные источники сведений об окружении, способы их использования, структурные и содержательные аспекты коммуникативных процессов.

Следующие три измерения предложены Дж. Хофстедом⁴.

10.6. Толерантность к неопределенности

По сравнению с культурами с высокой толерантностью к неопределенности, культуры с низким соответствующим показателем характеризуются нетерпимостью к двусмысленности, подтекстам, намекам, что проявляется в повышенной тревожности и активности в ответ на них, большей приверженности правилам и «абсолютной истине»⁵. Здесь люди предпочитают избегать агрессивных проявлений и конфликтов, хотя правомерность такого поведения признается. Большое значение придается консенсусу, и соответственно отклоняющееся поведение считается недопустимым. В культурах с высокой толерантностью к неопределенности уровни стресса и действительности «суперэго» (идеологических норм) ниже, а терпимость к расхождению во мнениях и стремление к риску выше, чем в культурах другого типа. Эмоциональные проявления более характерны для вторых, чем для первых.

Рассмотрение культурных единиц с этой точки зрения позволяет проследить наиболее распространенные здесь точки психических напряжений

¹ Hall E. T. *Beyond Culture*. N. Y., 1976. P. 79.

² Hall E. T. *Beyond Culture*. P. 98

³ Levine D. *The Flight from Ambiguity*. Chicago, 1985. P. 25.

⁴ См.: Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills (Cal.), 1980; *Idem*. *Dimensions of national Cultures in fifty countries and three regions // Explications in Cross-Cultural Psychology / X. Derogowski, S. Dzuierawiec, R. Annis (eds)*. Lisse, 1983.

⁵ Hofstede G. *Value systems in forty countries // Cross-Cultural Contributions to Psychology*. L. Eckensberger, W. Lonner, Y. Poortinea (eds). Lisse, 1979. P. 395.

и их культурно установленных регуляторов. Становятся доступными для анализа основные побуждения к действию в ситуациях принятия решения и риска, направление и характер ожидаемой активности.

10.7. Дистанция власти

Эта переменная определяется «степенью, в какой наименее могущественные члены институтов и организаций считают, что власть распределена несправедливо»¹. В культурах с большой дистанцией власти последняя рассматривается как фундаментальная, принудительная и референтная составляющая общества, тогда как в единицах другого типа полномочия признаются только в легитимизированной форме и используются в экспертной функции. В первом случае конформность и авторитарность представляют большую ценность, чем во втором. В первом типе культур основой свободы считается уважение к индивиду и равенство; во втором — такт, услужливость и богатство. В первом — с идеей богатства ассоциируются счастье, благополучие, любовь; во втором — источниками богатства считаются наследство, хитрость, воровство.

Изучение культурной единицы в терминах этой переменной наиболее отвечает задачам, связанным с политической жизнью людей. В этом случае проясняются культурные аспекты формирования «политий» (единиц политической активности) и направления их деятельности. Становятся доступными для наблюдения и интерпретации опасения и поведение представителей высших правящих кругов. Более понятными оказываются структуры массовой политической активности и стоящие за ними побуждения.

10.8. Мужественность — женственность

Высокая степень мужественности в культуре предполагает приоритетную ценность вещей, власти, уверенности, тогда как с женственностью ассоциируются ценности человечности, качества жизни, заботливости. В первом типе культур подчеркивается дифференциация гендерных ролей, представительность, амбиции, независимость. Во втором — различия в гендерных ролях размыты, ценятся услуги и взаимозависимость.

При таком основании культурной типологии выявляется потенциал активности культурной единицы по отношению к окружению. Оценивается мера экспансионистских устремлений ее лидеров и вероятность того, что они будут поддержаны большинством. Становится возможным определить выраженность ориентации на поиски и создание нового в культуре, выявить ее области, где такие тенденции могут проявляться в наибольшей степени (табл. 10.1).

¹ Hofstede G., Wond M. Horstede's culture dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1984. № 15. P. 419.

Основания типологии культур

Основание типологии	Базовые характеристики
Антрополого-фило-софские ценности	Универсальные проблемы, в соответствии с решением которых формируются существенные отличительные характеристики культур, субкультур, культурных ситуаций, оправдываемые на ценностном уровне
Социальное действие	Основные измерения, определяющие конфигурацию социального взаимодействия, представленные дихотомиями (например, эмоциональность — эмоциональная нейтральность, универсализм-партикуляризм и т.п.), одно из значений актор выбирает перед тем, как определить ситуацию и начать действовать в ней
Формы построения суждений	Дихотомии «абстрактность — ассоциативность»; «универсализм — партикуляризм»
Индивидуализм — коллективизм	Опора либо на «Я-идентичность», либо на «Мы-идентичность» при построении социальных отношений
Зависимость от контекста	При высокой степени зависимости от контекста информация представлена предметными элементами окружения и внутриличностными переживаниями. При низкой степени зависимости от контекста информация представлена в кодифицированном виде
Толерантность к неопределенности	Культуры с низкой степенью толерантности к неопределенности характеризуются нетерпимостью к двусмысленности, подтекстам, намекам и в ответ на это приверженностью к нормам и правилам, к консенсусу. Отклоняющееся поведение здесь считается недопустимым. В культурах с высокой толерантностью к неопределенности действенность социальных норм ниже, а терпимость к расхождению во мнениях и стремление к риску выше, чем в культурах другого типа
Дистанция власти	В культурах с большей дистанцией власти последняя считается фундаментальной принудительной и референтной составляющей общественных отношений, тогда как при меньшей дистанции власть признается только в легитимизированной форме и используется в экспертной функции
Мужественность — женственность	Высокая мужественность предполагает приоритет материальных благ, власти, высокую степень дифференцированности гендерных ролей; высокая женственность предполагает ценности человечности, качества жизни, заботливость, размытость гендерных ролей

Разумеется, представленные выше основания для типологии культур, социокультурных единиц, не являются исчерпывающими. Возможны и другие. В данном случае хотелось показать взаимосвязь между типом решаемой исследовательской задачи и основными параметрами, выбирае-

мыми для характеристики объекта. Совершенно очевидно, что в исследовании социокультурных процессов можно использовать не один, а несколько наборов типологических оснований. Это, безусловно, будет способствовать углублению формулируемых гипотез и уточнению интерпретации полученных данных. В то же время добавление каждого нового параметра делает исследование более громоздким, поскольку любой из них состоит не из одного, но из совокупности показателей, которые не так-то просто отследить, особенно, если помнить, что речь идет о динамических, т.е. имеющих временное измерение наблюдениях. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что ни одна из предложенных и широко используемых в мировой научной практике типологий культур не является ни абсолютной, ни характеризующей культуру «в целом». Речь идет об относительных, отдельных, хотя и важных устойчивых наборах характеристик, значимость которых для динамики социокультурной жизни может быть выявлена и оценена в сопоставлении с другими единицами.

10.9. Познавательные возможности типологии культур

Не случайно краткая глава, касающаяся типологии культур помещена в разделе, посвященном постмодерну как особой познавательной ориентации. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в настоящее время эта процедура существенным образом отличается от используемой в рамках предшествующей познавательной парадигмы. В этом отношении хотелось бы отметить два основных момента.

Во-первых, беглое, достаточно поверхностное перечисление оснований для типологий культур и субкультур свидетельствует о том, что здесь отсутствуют классические претензии на представленность единиц классификации в их полноте и онтологичности. Краткие пояснения указывают, для решения каких исследовательских задач выбирается каждая из них. Приведенные в тексте концептуальные порядки в принципе неочечны. Это не только не «дикость — варварство — цивилизация» классического эволюционизма, но даже и не «традиционализм — модернизированность» структурного функционализма и неоэволюционизма 1960-х гг. Каждый из наборов оснований представляет характерную для определенного типа культуры совокупность черт, совершенно осознанно относимую к выделенному аспекту ее рассмотрения без всякой претензии на то, чтобы представить ее как «единое целое».

Более того, каждая из изучаемых культур, как видно из сказанного, может классифицироваться не по одному, а по нескольким наборам оснований. И если речь идет о сравнении культур, то возможно, что в зависимости от этого они могут подходить и к разным, и к одному и тому же типу. Такая позиция освобождает исследователя от необходимости оценивать культуры в целом по шкале «лучше — хуже», «выше — ниже», «более развитая — менее развитая». Шкалируется представленность определенных черт, которые нередацируемы друг к другу и являются независимыми измерениями. Поэтому в соответствии с решаемой задачей можно состав-

лять большие или меньшие наборы параметров и представлять каждую культуру с разной степенью подробности. А поскольку цель представить ее «как целое» и «как она есть» в данном случае не ставится, критерием оценки качества исследования становится не полнота ее представленности, но точное соответствие выбранного основания типологии и эмпирических показателей характеру решаемой задачи.

Во-вторых, предполагается обращение не к одной, но к нескольким теориям. Так, типология по антрополого-философским основаниям содержит в себе функционалистские начала. Зависимость от контекста определяется совокупностью социобиологических, психоантропологических и функционалистских идей. То же можно сказать о любом из приведенных измерений.

Совершенно очевидно, что в данном случае доминирует проблемная ориентация (о ней уже говорилось ранее), при которой в качестве познавательного инструмента принимается не какое-то одно теоретическое направление, но набор оснований, заимствованных сразу из нескольких. Такая исследовательская позиция иногда называется «программным эклектизмом», и в современной познавательной ситуации она имеет большой смысл.

Выводы

1. Смена познавательных парадигм в социальных науках предполагает изменение взгляда на построение типологии культур. Отказ от идеи изоморфизма при трактовке отношений между теорией и реальностью меняет точку зрения на основания процедуры: она используется для оценки различий с точки зрения содержания исследовательской проблемы. Далее, признание значимости «позиции наблюдателя» в отношении выбора предметной области и объекта исследования снимает вопрос о классификации культур «самих по себе», каковыми они являются «на самом деле». Исследователь всегда выбирает основания для сравнения сходств и различий, и таких оснований может быть несколько. Наконец, преодоление реификации категорий рассеяло иллюзию о возможности представить культуру «как целое». Типологии всегда осуществляются по набору показателей, соответствующих предпочтению исследователя.

В главе представлены наиболее часто встречающиеся сегодня основания типологии культур:

2. Антрополого-философские идеи: предполагается выявление универсальных проблем, с которыми сталкиваются люди, и их трактовок в различных социокультурных группах и субкультурах. Соответственно, эти данные характеризуют ценностные основания морального кодекса сравниваемых сообществ, способы оправдания их членами своих привычек и поступков.

3. Социальное действие: изучаются принципы организации взаимодействия и коммуникации в сообществах. При таком подходе их сравнение выявляет экономическую ориентированность этих процессов и типы технологий, используемых при их осуществлении.

4. Формы построения суждений: расположение и сравнение высказываний в системе координат, образуемой осями «абстрактность — ассоциатив-

ность» и «универсальность — партикуляризм». Такая типология используется для сравнения принципов определения ситуации, отбора информации и ее организации в случаях принятия решений в различных обществах.

5. «Индивидуализм — коллективизм»: используется при сравнении оснований построения социальных отношений в сообществе и имеет целью определение источников напряжений и конфликтов, характерных для разных сообществ.

6. Зависимость от контекста: принимается в качестве основания для типологии в случаях, когда речь идет о степени определенности информации в типичных коммуникативных ситуациях. В этом случае сообщества сравниваются по предпочитаемым источникам сведений об окружении, способам их использования, структурным и содержательным аспектам коммуникативных процессов.

7. Толерантность к неопределенности: используется при сравнении культурных единиц с целью выявления побудительных мотивов поведения в ситуациях принятия решений и риска.

8. «Дистанция власти»: позволяет сравнивать общества с точки зрения политической культуры: меры участия членов общества в принятии социально значимых решений и влияния государства на социокультурные процессы. Соответственно, становятся доступными для наблюдения структуры поведения представителей властных структур и социальных движений и стоящих за ними побуждений.

9. «Мужественность — женственность»: позволяет рассматривать социокультурные единицы с точки зрения форм и интенсивности их активности по отношению к окружению. При этом появляется возможность определить выраженность ориентации на инновационность и на те области культуры, где она проявляется наиболее интенсивно.

10. Изучаемые единицы могут быть типологизированы по этим или иным основаниям, по каждому в отдельности или по всем вместе — в зависимости от характера исследовательской задачи. Однако следует подчеркнуть, что ни одна из типологий не является ни абсолютной, ни характеризующей культуру «в целом»

Контрольные вопросы

1. Для чего нужна типология культур?
2. В каких случаях при изучении культуры следует обращаться к философско-антропологическим основаниям типологии?
3. В каких случаях при изучении культуры целесообразно обращаться к основаниям типологии, связанным с социальным действием, а в каких — с формами построения суждений?
4. Для чего осуществляется типология культур по основанию «индивидуализм-коллективизм»?
5. Что означает концепция зависимости от контекста при определении типа культуры?
6. Чем различаются культуры в зависимости от параметра «толерантность к неопределенности»?

7. Что такое «дистанция власти» и какое значение этот параметр имеет для типологии культур?

8. Для чего типология культур осуществляется по основанию «мужественность — женственность»?

9. Какие изменения в рамках предметной области изучения общества и культуры произошли с появлением постмодернистских идей по сравнению с ее предыдущим состоянием?

Заключение

Когда теоретические средства применяются к решению какой-либо социокультурной проблемы (например, почему во всем мире уменьшается популяция, почему рост преступности приобрел глобальные масштабы, почему межкультурные контакты в одних ситуациях ведут к увеличению степени взаимной толерантности, а в других — взаимной неприязни и т.п.), ее нельзя решить в рамках какой-то отдельной теории. Выделение и формулирование такого рода проблем всегда многоаспектны, поскольку при описании каждой из них необходимо выделить: внешние условия ее возникновения, т.е. дать ее историко-культурное определение; внутреннее распределение функций участников ситуации и структуры их взаимодействия, т.е. описать ее в структурно-функциональных терминах; определение ситуации ее участниками и внешними влиятельными агентами, т.е. определить ее семантику и т.п. Иными словами, необходимо представить ее с различных теоретических позиций, отражающих основные, важные для исследования измерения.

Многомерность необходима не только при описании, но и при анализе соответствующих процессов. Как известно, социально значимые проблемные ситуации представляют собой локусы наибольшей вероятности изменений в обществе и культуре: на символическом уровне, когда старые культурные формы обозначаются по-новому или новые — по-старому, когда переоцениваются ценности или вводится в оборот новая лексика и т.п. Речь может идти о функциональных изменениях, означающих, что в рамках относительно устойчивой структуры происходит либо формирование функций, дополнительных к уже существующим, либо их вариативное расширение, либо сворачивание тех, что по каким-то причинам утрачивают свою «жизнеспособность». Наконец, возможны структурные изменения, которые могут привести к смене состояний, к кризису и даже к деконструкции социокультурной системы.

Совершенно очевидно, что каждый из уровней изменений предполагает соответствующую аналитическую модель. Так, в первом случае набор исходных теоретических допущений может быть составлен из психоантропологических (когнитивистских), структуралистских и теоретико-коммуникативных компонент. Во втором случае наиболее полезными становятся структурно-функционалистские модели (особенно модель социального действия), а также коммуникационные построения (в частности, модель социального обмена). Наконец, третий случай предполагает обращение к эволюционистским концепциям масштабного социокультурного изменения, структурно-функциональным идеям социокультурной дифференциации и описанию структур обмена информацией с позиций теории социальной коммуникации. Разумеется, речь идет всего лишь о схемах достижения

выделенных целей. По ходу исследования набор теоретических инструментов может расширяться. Просто хотелось подчеркнуть, что сегодня вряд ли возможно решение какой-либо проблемы социально- или культурно-антропологическими средствами в рамках единого теоретического направления. Соответственно следует владеть всеми, дабы комбинировать их в целостные модели, отвечающие содержанию работы.

В связи с этим необходимо обратить внимание на важный вопрос методологического характера. Каждому из представленных здесь социально- и культурно-антропологических направлений, как следует из всего сказанного выше, присущ не только свой ракурс рассмотрения общества и культуры, но и специфичный терминологический аппарат. Речь идет отнюдь не о том, что одни и те же вещи называются по-разному. Совершенно очевидно, что в рамках каждого из них находит отражение особый уровень социально-культурной реальности. Так, структуралистские и психоантропологические когнитивистские модели описывают процессы порождения артефактов. Структурный функционализм и теория коммуникации предназначены для описания того, что происходит с ними в ходе социальных взаимодействий членов общества, институтов, социальных классов и других культурных единиц. Наконец, теории культурной эволюции и волнообразных социокультурных изменений описывают интегральные изменения исторического характера, относящиеся к целым классам артефактов в обществе и культуре, а то и в глобальных масштабах.

Если речь идет о полном динамическом исследовании, где необходимо проследить весь путь изменения или весь ход процесса от зарождения до какого-то определенного момента времени, исследователю необходимо рассмотреть изучаемые феномены на всех трех уровнях: зарождение — взаимодействие с окружением; распространение — коммуникативные сети; динамика — механизмы традиции и структурной трансформации (при определенной форме процесса). Следует четко отразить точки перехода от одного уровня анализа к другому и обозначить происходящую в них смену предметной области и соответствующего ей концептуального «языка» (включая терминологию). В противном случае задача окажется неразрешимой или ее решение будет ложным, поскольку, как показывает исследовательский опыт, закономерности, полученные на одном уровне рассмотрения социокультурных процессов (например, структуралистская концепция порождения знаков и символов), не могут быть прямо перенесены на другой (движение этих артефактов в коммуникативных процессах). Следовательно, адекватное исследование социокультурной динамики предполагает владение навыками разноуровневого анализа и перехода от одной теоретической модели к другой.

Современное изучение социокультурных процессов — это новая, интересная и перспективная область научного познания. Она только складывается, и потому человек, стремящийся к новому, необычному взгляду на мир; обладающий пытливым умом и обостренной чувствительностью к изменчивому; желающий сам участвовать в преобразованиях искусственного мира, найдет в этой области обширное поле для применения своих усилий.

Тесты

1. Социальная и культурная антропология как наука:
 - а) существует со времен античности;
 - б) сформировалась в эпоху Просвещения;
 - в) начала формироваться на рубеже XIX и XX вв.
2. Социальная и культурная антропология представляет собой область познания:
 - а) междисциплинарную;
 - б) узкоспециальную;
 - в) гуманитарную.
3. Артефакт в рамках социальной и культурной антропологии — это:
 - а) культурный объект;
 - б) природный объект;
 - в) объект только археологического изучения.
4. Этология — это наука:
 - а) о социальных отношениях людей;
 - б) о связях социальных и культурных процессах;
 - в) о поведении животных.
5. Концепция социальной стратификации считается:
 - а) культурологической категорией;
 - б) узкосоциологической категорией;
 - в) социобиологической универсалией.
6. Концепция социального взаимодействия основывается на концепции:
 - а) экономического обмена;
 - б) индивидуального действия;
 - в) совместной активности людей.
7. Понятие функции означает:
 - а) причину человеческого поведения;
 - б) результат адаптации человека в окружении;
 - в) определенный тип человеческих отношений.
8. Понятие структуры социальной системы означает:
 - а) устойчивые связи между функциональными единицами;

- б) границы социальной системы;
- в) детерминанты изменчивости социальной системы.

9. Понятие социального института означает:

- а) сообщество людей;
- б) систему норм действий и взаимодействий, направленных на адаптацию людей к значимым для них элементам окружения;
- в) производственную единицу.

10. Социокультурная система (единица) — это:

- а) произвольное скопление людей и вещей;
- б) набор однородных независимых друг от друга элементов;
- в) совокупность взаимосвязанных функциональных единиц, устойчивая во времени и поддерживающая свою самотождественность по отношению к окружению.

11. Социокультурную дифференциацию в рамках эволюционной теории следует рассматривать:

- а) как нарушение нормального состояния социокультурной системы;
- б) как процесс, характеризующий экстремальные состояния социокультурной системы;
- в) как закономерная составляющая эволюции социокультурной системы.

12. Функционализм как теоретическое направление используется для изучения:

- а) устойчивого состояния социокультурной системы;
- б) исторических процессов;
- в) динамики межличностных отношений.

13. Отклонение от нормы в рамках функционализма рассматривается:

- а) только как негативное явление;
- б) как обычная составляющая функционирования социокультурной системы;
- в) как явление, которое может иметь для системы как позитивные, так и негативные последствия.

14. Структурализм — это теоретическое направление в культурной антропологии, в рамках которого изучается:

- а) поведение людей;
- б) социальные отношения между людьми;
- в) символический уровень культуры.

15. Постструктурализм по отношению к структурализму следует рассматривать:

- а) как полностью отличное от структурализма исследовательское направление;

- б) как непосредственное продолжение структурализма;
- в) как построенное на исходных основаниях структурализма, но связанное с пересмотром его некоторых положений.

16. Понятие знака и символа, согласно структуралистским представлениям, означает:

- а) присущее человеку врожденное свойство;
- б) характеристики внешнего природного окружения человека;
- в) результат социальных взаимодействий и коммуникаций.

17. Понятия означаемого и означающего в рамках структурализма связываются между собой понятием:

- а) значение;
- б) практика;
- в) индивидуальное действие.

18. Бинарные оппозиции в рамках структурализма:

- а) представляют собой природное явление;
- б) составляют видовое свойство человека;
- в) представляют собой познавательный инструмент в контексте отношений человека с окружением.

19. Понятие «языки культуры» используется:

- а) только в лингвистическом смысле;
- б) в расширительном толковании применительно к смыслам и значениям различных совокупностей артефактов и жестов, участвующих в социальных взаимодействиях и коммуникациях;
- в) как метафора, не имеющая научного содержания.

20. Соотношение понятий «социальное взаимодействие» и «коммуникация»:

- а) Это одно и то же;
- б) Они характеризуются взаимно-однозначным соответствием;
- в) Они различаются по своим познавательным функциям.

21. С точки зрения изучения культуры социальное взаимодействие и коммуникация формируют:

- а) социальные институты;
- б) социокультурное пространство интерсубъективности;
- в) социальную солидарность.

22. В рамках социальной и культурной антропологии концепция идентичности используется:

- а) для изучения структуры личности;
- б) для изучения того, как люди распознают друг друга и определяют себя в процессах социального взаимодействия и коммуникации;
- в) для изучения знаковых систем в культуре.

23. Коммуникативные нормы и правила нужны для того, чтобы:
- а) обмениваться сообщениями в строгом соответствии с ними;
 - б) строить сообщения строго в соответствии с ними;
 - в) регулировать и ограничивать свободный обмен сообщениями.

24. Социальная драматургия — это:

- а) одна из теорий социального взаимодействия;
- б) метафора, не несущая строгого научного смысла;
- в) один из жанров театрального представления.

25. Понятие дискурса означает:

- а) речь;
- б) процесс коммуникации;
- в) тезаурус, код его использования и совокупность речевых практик, характерные для определенных культурно маркированных коммуникативных ситуаций.

26. В рамках коммуникативных ситуациях интерпретация обеспечивает:

- а) полное взаимопонимание субъектов коммуникации;
- б) объяснение того, что происходит в процессе социального взаимодействия;
- в) представление каждого из участников о том, что происходит в ситуации социального взаимодействия.

27. В рамках социальной и культурной антропологии коммуникация определяется:

- а) только вербальными сообщениями каждого из участников;
- б) только обменом вербальными сообщениями;
- в) сочетанием вербальных и невербальных проявлений участников.

28. В рамках современной психологической антропологии тема «личность и культура» представлена как связанная:

- а) с изучением структуры личности;
- б) с представлением о личности в культуре;
- в) с освоением личностью культурного окружения.

29. В рамках психологической антропологии считается, что процесс социализации:

- а) продолжается на протяжении всего индивидуального жизненного цикла;
- б) заканчивается в детстве;
- в) заканчивается в подростковом возрасте.

30. С точки зрения соотношения рутинных и проблемных ситуаций индивидуальный жизненный цикл представляет собой:

- а) непрерывный рутинный процесс;

- б) процесс, представляющий собой постоянное решение проблем, порождаемых отношением с окружением;
- в) чередование установившихся процессов и проблемных ситуаций, связанных с возрастными кризисами.

31. С точки зрения современной психологической антропологии первичная социализация и полученный в ее ходе детский опыт:

- а) определяет характер всего индивидуального жизненного цикла;
- б) не влияет на существование взрослой личности;
- в) является первоосновой для дальнейших личностных изменений.

32. Парадигма социального взаимодействия — это:

- а) культурно установленная форма этикета;
- б) социокультурная универсалия, организующая социальное взаимодействие и коммуникацию в адаптационно значимых (проблемных) ситуациях;
- в) схема обмена информацией.

33. Парадигма консолидации:

- а) имеет всегда позитивное значение для взаимодействия в проблемных ситуациях;
- б) всегда приводит к решению проблемы;
- в) уместна лишь на определенных стадиях взаимодействия, направленного на решение проблемы.

34. Парадигма конфликта характеризуется:

- а) открытым обменом информацией между участниками;
- б) сокрытием значимой для взаимодействия информации и дезинформацией;
- в) сдержанностью в обмене информацией.

35. Парадигма переговоров подразумевает акцент:

- а) на сходстве интересов участников;
- б) на противопоставлении интересов участников;
- в) на признании участниками взаимных сходств и различий интересов при решении проблемы.

36. В ходе решения проблемы парадигмы взаимодействия используются:

- а) каждая от начала и до конца решения проблемы;
- б) одновременно;
- в) учитывая возможность их взаимного перехода.

37. Эволюционный процесс рассматривается как:

- а) однолинейный и необратимый;
- б) многолинейный и обратимый;
- в) многолинейный и необратимый.

38. Эволюционные процессы в обществе и культуре обуславливаются:

- а) исключительно внутренними для них факторами;
- б) исключительно внешними для них факторами;
- в) сочетанием тех и других.

39. Классическая концепция эволюции применительно к социальным и культурным процессам считается:

- а) полностью применимой и в настоящее время;
- б) устаревшей;
- в) актуальной, но с определенными изменениями.

40. Понятие первобытности в современном эволюционизме является:

- а) объектом исторической реконструкции;
- б) стадией перехода человеческого вида от животного состояния к виду homo sapiens;
- в) объектом, сконструированным как исходный потенциал, свойства которого разворачиваются закономерным образом в определенном окружении.

41. Разделение понятий общей и локальной эволюции было нужно для того, чтобы:

- а) рассматривать оба процесса как независимые друг от друга;
- б) рассматривать локальную эволюцию как «материал» для общей эволюции;
- в) продемонстрировать, что эволюционная модель не работает.

42. Понятие этноса:

- а) связано с концепцией расовой специфичности этнической группы;
- б) с концепцией общих предков у конкретной этнической группы;
- в) с историко-культурными особенностями этнической группы.

43. Концепция роста применительно к социокультурной динамике подразумевает:

- а) непрерывность и продолженность во времени количественного приращения качественно различных артефактов;
- б) периодическую смену приращения и уменьшения этого многообразия;
- в) необходимость установления пределов роста.

44. Для изучения динамики культуры представление о ритмичности изменений:

- а) не имеет никакого значения;
- б) констатирует периодичность изменений без конкретизации их формы;
- в) позволяет ставить вопрос о своего рода обратимости культурных процессов.

45. Современная концепция волнообразной (циклической) формы культурных процессов предполагает:

- а) описание исторического процесса в целом;
- б) следование познавательной традиции, родоначальником которой в философии был Платон;
- в) прогнозирование подъемов и спадов в тех зонах культуры, где об этом имеет смысл говорить.

46. Гуманитарная трактовка циклических процессов связана с понятиями:

- а) человек;
- б) общество;
- в) цивилизация.

47. Социокультурная система в настоящее время рассматривается как:

- а) аналог механической целостности;
- б) аналог живого организма;
- в) теоретический конструкт, объединяющий механистические и организмические компоненты.

48. Экономические и технологические «циклы» принято рассматривать как:

- а) совпадающие по подъемам и спадам;
- б) противоположные по подъемам и спадам;
- в) безотносительные по отношению одни к другим.

49. Циклическую концепцию социокультурных изменений можно:

- а) сопоставить с представлением о осевом времени социальных и культурных процессов;
- б) сопоставить с представлением об условной обратимости социального и культурного времени;
- в) трактовать безотносительно к понятиям социального и культурного времени.

50. Постмодерн в данной книге определяется:

- а) как культурный стиль;
- б) как интеллектуальное течение, завершающее познавательную парадигму модерна;
- в) как социальнонаучное теоретическое направление.

51. В рамках постмодерна представления о Мире предполагают:

- а) его единство и целостность;
- б) его плюральность и неоднородность;
- в) его закономерное строение.

52. В рамках постмодерна представления о личности предполагают:

- а) ее как врожденную единую целостность;

б) ее как единую целостность, складывающуюся в процессах социализации/инкультурации;

в) ее как совокупность идентичностей, которые актуализуются ситуативно.

53. В рамках постмодерна социальность принято рассматривать:

а) как врожденное общевидовое свойство человека;

б) как характеристику, приобретаемую в процессах социализации / инкультурации;

в) как синоним коллективизма.

54. Социокультурное пространство рассматривается сторонниками постмодерна:

а) как организованное исключительно по законам так называемого материального мира;

б) как организованное рациональным образом символическое пространство;

в) как изначальная неопределенность.

55. Моральные нормы в рамках постмодерна трактуются как:

а) идеалы, которые направляют развитие общества и культуры;

б) требования, которые полностью осуществляются в реальном поведении;

в) регуляторы социальных взаимодействий, определяющие рамки допустимого.

56. Представления о социальной и культурной динамике в рамках постмодерна предполагают:

а) однолинейную закономерную последовательность событий;

б) многолинейную закономерную последовательность событий;

в) разнонаправленные множественные изменения, часть которых можно рассматривать как закономерные, часть — как ситуативные, а часть — как случайные.

57. Понятие ризомного движения в концептуальных рамках постмодерна связаны с представлениями:

а) об эволюционной формой движения;

б) о волнообразной формой движения;

в) с метафорой движения номадов в «гладком» пространстве.

58. Понятие деконструкции подразумевает:

а) полное разрушение реальной социокультурной системы;

б) структурное изменение реальной социокультурной системы;

в) познавательную процедуру редукции (сведения) концепции социокультурной системы к исходным основаниям (допущениям, на которых она построена).

59. По мнению сторонников постмодерна, моральные нормы в обществе:

- а) разделяются всеми его членами;
- б) одними членами общества соблюдаются, а другими нет;
- в) различны для различных социальных слоев и сообществ.

60. Типология культур осуществляется:

- а) по единому основанию для любых исследований социокультурных явлений и процессов;
- б) по множеству оснований в зависимости от желания исследователя;
- в) по определенным основаниям, связанным с проблемой, которую решает исследователь.

61. При изучении социокультурной динамики в рамках постмодерна акцент делается:

- а) на макроисторических процессах;
- б) на устойчивых характеристиках общества и культуры;
- в) на микродинамических (в пределах столетия и меньше) социокультурных процессах и явлениях.

62. Социальная и культурная антропология — это наука:

- а) о природных объектах и процессах;
- б) об общественных отношениях;
- в) об искусственном мире и заученном поведении.

63. Социальная и культурная антропология — это область познания, основу которой составляют:

- а) социальная география и демография;
- б) история, социология, лингвистика, семиотика;
- в) экономика.

64. Понятие «культурные универсалии» относится:

- а) к особенностям отдельных культур;
- б) к общим чертам определенных историко-культурных регионов;
- в) к общим характеристикам человеческой культуры в целом.

65. В современной культурологии понятие «культура» означает:

- а) высшие достижения человечества;
- б) искусственный, созданный человеком мир и заученное поведение в его пределах;
- в) совокупность представлений о ценностях и идеалах.

66. Понятие «артефакт» как элементарная единица в культурологии означает:

- а) любой искусственный (созданный людьми) объект;
- б) объекты археологических раскопок;
- в) произведения искусства.

67. Понятия «обычаи» и «нравы» используются при изучении:

- а) человеческой культуры в целом;
- б) особенностей отдельной культуры или субкультуры;
- в) индивидуального поведения.

68. Понятие «культурный паттерн» означает:

- а) отдельный вещественный объект;
- б) отдельный символический объект;
- в) совокупность действий, взаимодействий и коммуникаций, составляющих
- г) привычку.

69. Понятие «адаптация» предполагает:

- а) пассивное приспособление человека к окружению;
- б) преобразование людьми окружения по собственному произволу;
- в) процесс взаимодействия с окружением, благоприятный как для людей, так и для их окружения.

70. Для культурологии как науки характерна ориентация:

- а) на изучение только макроисторических процессов;
- б) на изучение только отдельных культурных явлений;
- в) на движение от изучения макроисторических процессов к рассмотрению механизмов культурной динамики в пределах доступных наблюдению явлений и процессов.

71. Эволюционное теоретическое направление в культурологии характеризует:

- а) любые совокупности культурных изменений;
- б) движение от нерасчлененных простых культурных форм к сложным и упорядоченным;
- в) то, что принято называть культурным прогрессом.

72. Факторами, определяющими эволюционную форму культурных процессов, принято считать:

- а) только влияние природного окружения;
- б) только характерные для человека «врожденные идеи»;
- в) взаимодействие врожденных свойств человека и значимых для него элементов окружения.

73. В настоящее время эволюционные теоретические положения:

- а) остаются эвристичными при изучении динамики культуры;
- б) полностью устарели;
- в) более не составляют общей теоретической модели.

74. Историко-культурное теоретическое направление в изучении культуры предполагает:

- а) общее для всего человечества непрерывное развитие искусственного создаваемого человечеством) мира;

- б) различное во времени и пространстве происхождение и существование несходных друг с другом культур («культурных кругов»);
- в) культурные различия как сосуществование культур, находящихся на разных стадиях общего развития.

75. Современная значимость историко-культурного направления определяется трактовкой в его рамках:

- а) расовых различий людей;
- б) процессов культурной диффузии;
- в) различий между «культурными кругами» как принципиально непреодолимых.

76. Волнообразные процессы в современной культурологии рассматриваются:

- а) как универсальная форма исторического процесса;
- б) как характеристика динамики культурной системы;
- в) как одна из форм культурных процессов.

77. Функциональная теория в культурологии применима:

- а) к любому культурному феномену;
- б) к культурной системе;
- в) к индивиду.

78. Понятие «функция» относится:

- а) к любому проявлению человеческой активности;
- б) только к рациональным действиям человека;
- в) к действиям, совершаемым людьми в процессе совместной целенаправленной активности.

79. Социальный институт понимается в культурологии:

- а) как любая упорядоченная совместная активность людей;
- б) как совокупность привычек;
- в) как система нормированных форм социального взаимодействия, необходимая для осуществления целенаправленных взаимодействий и коммуникаций.

80. Культурная система — это:

- а) любая совокупность культурных объектов (артефактов);
- б) совокупность структурно и функционально связанных культурных объектов (артефактов);
- в) культура «в целом».

81. Теоретическое направление «культура и личность» направлено на изучение:

- а) развития отдельной личности;
- б) освоения людьми культурного окружения и использования полученных навыков для его поддержания;
- в) культурных изменений.

82. В рамках теоретического направления «культура и личность» связь между этими двумя концептами устанавливается через понятия:

- а) «культурная конфигурация» и «структура личности»;
- б) «индивид» и «личность»;
- в) «общество» и «культура».

83. В рамках теоретического направления «культура и личность» понятие «социализация» относится:

- а) к периоду раннего детства индивида;
- б) к периоду от рождения до конца подросткового возраста;
- в) ко всему периоду индивидуального жизненного цикла.

84. Предметной областью структурализма считается:

- а) совместная активность людей;
- б) познавательная активность людей в целом;
- в) формы упорядочения людьми символического уровня культурного пространства.

85. Структуралистская модель коммуникации описывает:

- а) формы обмена сообщениями в лингвистической и экстралингвистической репрезентации;
- б) дискурсивные практики;
- в) конкретное содержание обмена сообщениями.

86. Постмодерн — это:

- а) культурологическая теория;
- б) направление в художественной области культуры;
- в) интеллектуальное течение, связанное с пересмотром теоретических оснований модерна и движением к построению новой познавательной парадигмы.

87. Концепция интеракции предполагает изучение:

- а) содержания индивидуального сознания;
- б) процессов обмена сообщениями;
- в) области порождения и поддержания интерсубъективного пространства социальных взаимодействий и коммуникаций.

88. Концепция интерпретации с точки зрения культурологии предполагает:

- а) исключительно субъективное толкование событий;
- б) полное соответствие трактовки события «объективной реальности»;
- в) подведение события под определенную культурную категорию применительно к стандартной социокультурной ситуации.

89. В настоящее время между социологией и социальной и культурной антропологией:

- а) различия в предметной области практически отсутствуют;

б) происходит концептуальное сближение между представлениями о социальной структуре и содержании процессов, осуществляющихся в ее пределах;

в) нет никаких теоретических связей.

90. Социальная структура — это:

а) отношения между людьми;

б) государственное устройство страны;

в) связи между институтами, осуществляющими функции, направленные на поддержание общества как социального целого.

Темы для рефератов и эссе

1. Социальная и культурная антропология как область социальнаучного познания: этапы становления, стимулы развития. Отличие социальной и культурной антропологии от других социальных наук
2. Предметная область, объекты и направления культурно-антропологических исследований.
3. Определение понятия «культура», основные классы искусственных объектов (артефактов).
4. Значимость социобиологии и этологии в познании культуры.
5. Причины возникновения функционализма, его теоретические основания, предмет, объект изучения, исследовательские проблемы, решаемые с его помощью.
6. Познавательная значимость понятия «функция»; связь между категориями «функция», «социальное действие», «структура», «социальная система».
7. Модели изучения социальных систем; познавательные преимущества и недостатки каждой из них.
8. Структуралистский анализ: предметное поле, направления его изучения и объекты исследования.
9. Теоретическое описание связи между понятиями представления, знака и символа; концепции означаемого и означающего.
10. Формирование символического пространства в культуре.
11. Концепция символических порядков.
12. Представления о культурной коммуникации и факторы, которыми она определяется.
13. Теоретическая трактовка субъектов культурной коммуникации и форм их представленности в рамках этих процессах.
14. Теоретическая концепция языков культуры как средства упорядочения пространств социального взаимодействия. Понятие культурного кода.
15. Функции вербального и невербального аспектов коммуникации в построении дискурса.
16. Психологической антропологии (личность и культура): предметное поле, основные проблемы, решаемые в этих рамках.
17. Понятия социализации/инкультурации; периодизация процессов социализации/инкультурации, агенты и факторы, определяющие эти процессы на каждой стадии этих процессов.
18. парадигмы взаимодействия людей в напряженных ситуациях: основные формы, структуры, социокультурные последствия реализации каждой из них.

19. Основные характеристики процесса эволюции в рамках классического эволюционизма.
20. Имманентные и внешние для человека детерминанты процесса эволюции, выделяемые в рамках классического эволюционизма
21. Общие направления неэволюционизма; их сходство и различия с классическими эволюционистскими теориями.
22. Различие между гуманитарной концепцией исторических циклов и социальнонаучной трактовкой волнообразных процессов.
23. Модель «длинной экономической волны» в применении к социальным и культурным процессам.
24. Постмодерн как феномен культуры XX в.
25. Представления о социокультурной реальности в рамках философии постмодерна.
26. Познавательная значимость постмодернистских принципов деконструкции и децентрирования.
27. Новые познавательные возможности идей постмодерна по сравнению с классической социальнонаучной парадигмой.
28. Основания типологий культур и познавательные задачи, на решение которых направлен каждый из типов.
29. Основные направления изучения динамики общества и культуры с позиций постмодерна.
30. Построить программу социально- (культурно-) антропологического исследования любой из приведенных тем.

Глоссарий

Автономия функциональная — мера независимости компоненты социальной системы от нормативно предписанных функций; в отношении индивида обусловлена его принадлежностью к различным социокультурным группам с неодинаковыми нормами, с одной стороны, и зонами свободного выбора, остающимися в рамках любого нормативного установления, — с другой.

Агрессивность — тип поведения, обычно проявляющийся в ситуациях конкуренции, который связан с возможным нанесением повреждений сопернику, а также с установлением определенного иерархического статуса, превосходства, получением доступа или права в отношении определенной территории. Может принимать форму насилия.

Адаптация социокультурная — активный способ взаимодействия человека с окружением, в ходе которого человек как приспосабливается к нему, так и приспосабливает его элементы к своим нуждам; в результате формируется жизненная среда, характеризующаяся относительно высокой степенью устойчивости и предсказуемости.

Актор — обозначение активных сторон взаимодействия; человек, совершающий действия в процессе взаимодействия.

Альтруизм — тип поведения, не столько удовлетворяющий интересы особи, сколько способствующий поддержанию целостности группы. Оно не приносит пользы своему обладателю и даже может быть ему во вред. Альтруистическое поведение приводит к росту приспособленности другого индивида или группы за счет того, кто его проявляет.

Антропология социальная и культурная, этнология — область социальнонаучного познания, связанная с изучением содержания совместной жизни людей с точки зрения обусловленности их взаимодействия и коммуникаций, порождения артефактов и их использования в этих процессах. Первоначально относилась к бесписьменным обществам и макроисторическим реконструкциям; в настоящее время используется при изучении современной социокультурной жизни, и в этом контексте происходит ее сближение с социологией.

Антропология психологическая — область антропологии, в рамках которой изучается, каким образом индивидуум приобретает культурные навыки, культурную компетентность и как происходит обмен информацией в процессах социального взаимодействия. Поскольку психологическая антропология связана с исследованием специфики именно человеческих взаимодействия и коммуникации, она объединяет элементы биологии, психологии, психиатрии, социологии, лингвистики, а также этологии. На этой базе осуществляется как отбор, так и интерпретация данных.

Антропология экологическая — направление постэволюционизма, для которого характерно комплексное, системное изучение механизмов, структур, результатов и последствий взаимодействий людей с их природным и искусственным окружением, закономерных связей между физическими и социокультурными переменными. Основное внимание в исследованиях уделяется адапционным механизмам в отношениях людей с окружением; энергетическому обмену между обществом и средой; сравнительно-культурному анализу эволюционных универсалий.

Артефакт (искусственный объект) — искусственная единица, создаваемая людьми в процессах взаимодействия и коммуникации для целей социокультурной адаптации (удовлетворения потребностей, интересов, запросов; установления и поддержания отношений с окружением; формирования и изменения жизненной среды). Артефакты можно разделить на следующие категории: вещи, объективированные идеи и образы, технологии, нормативные образования, ценностные критерии.

Вариация культурная — тип изменчивости культурных феноменов, не затрагивающий основных принятых в обществе принципов формообразования, предусматриваемых такими организационными началами, как художественный стиль, познавательная парадигма.

Взаимность (взаимодополнительность) — отношения между сторонами взаимодействия, при которой права одной из них составляют обязанности другой.

Взаимодействие социальное — объединение усилий, совместная активность, специально организованные для изменений в физическом или социальном окружении.

Волны (циклы) социокультурные — представления о волнообразных (повторяющихся или обратимых) процессах в исследованиях общества и культуры можно разделить на два типа. Во-первых, гуманитарные, где под циклом подразумевается констатация того, что определенные крупномасштабные социокультурные единицы имеют фиксированную последовательность стадий или состояний без указания на время или обязательность их повторения. Во-вторых, социальнонаучные, где волнообразная форма применяется для описания смены общих подъемов и спадов, ускорений и замедлений, усложнений и упрощений значений определенных переменных, составляющих социальную систему.

Действие — элементарная единица активности, представленная через цели, средства и условия их осуществления. В рамках функционализма ее целесообразно рассматривать в качестве производной типичных ситуаций социального взаимодействия.

Деконструкция — процедура разъятия на части того, что представлялось как единая целостность; рефлексия к парадигматическим основаниям с целью проверить их на взаимную совместимость.

Децентрирование — представление о множественности культурных порядков в обществе, не имеющих иерархической соподчиненности, рассматриваемых как равнозначные.

Деятельность — систематическим образом организованная активность, направленная на выполнение определенной функции, получение заранее

известного результата. Процесс, составляемый из соединения последовательных действий.

Динамика социокультурная — категория, обозначающая совокупность разнородных изменений и процессов, происходящих в обществе и культуре с выделением их тенденций и движущих сил.

Дистанция межличностная — в процессах взаимодействия и коммуникации мера интенсивности контактов участников. Определяется взаимосвязью измерений индивидуальности / коллективности и доступности / недоступности. Она контролируется механизмами регулирования приватности, межличностного пространства и тактильных контактов.

Дифференциация социокультурная — понятие, которое в статическом смысле означает внутреннюю расчлененность социальной системы, а в динамическом — процесс формирования в рамках системы новых структурных и функциональных единиц.

Диффузия культурная — распространение культурных черт от одной культуры к другой путем добровольного заимствования или принуждения.

Дополнительность — отношения между сторонами взаимодействия, при которых каждая имеет свои права и обязанности.

Знак — конвенционально принятый артефакт, используемый в качестве заместителя реального объекта, модель, обозначающая его функциональные характеристики, репрезентирующая этот объект и задающая программу действий и поведения его истолкователю. Согласно Ч. Моррису, знак следует рассматривать в трех аспектах: прагматика (отношение знака к интерпретатору), семантика (отношение знака к означаемому), синтактика (формальные отношения знаков между собой).

Значение — социально кодифицированная, социально функциональная связь между означаемым и означающим, знаком и референтом, устанавливаемая в процессах коммуникации и сохраняющаяся относительно постоянной в сходных социокультурных ситуациях. Ч. Моррис выделяет атрибутивные свойства значения знака: десигнативное (указывающее на предмет, несущее чисто информативную нагрузку), оценочное (указывающее на рейтинг означаемого среди других, ему подобных), прескриптивное (предписывающее направление действий в ситуации). По функциональным характеристикам значения принято относить к одной из следующих категорий: сигнификативные (отношение знака к сигнификатам, или «содержанию понятий»), денотативные (отношение знака к обозначаемой вещи, референту); ситуативные (относящиеся к интерпретации информации в зависимости от контекста употребления знака).

Игра — в социобиологическом смысле особая форма поведения, включающая в себя движения, значимые для других форм поведения (агрессия, перемещения, секс и т.д.), но не вызывающая у наблюдателя впечатления, что действия совершаются «всерьез» и для реализации соответствующих базовых функций.

Идентичность — представление индивида о себе и представление о нем других, определяющее его самоидентичность в различных социокультурных ситуациях и группах.

Изменения эволюционные — изменения, обуславливающие эволюционную форму исторического процесса. Их можно разделить на два основных типа. Во-первых, вариации, под которыми понимается тип динамических процессов, не выходящих за границы установившихся параметров системы и не меняющих их конфигурации. Во-вторых, структурные изменения, предполагающие смену конфигурации параметров или порождение новых переменных, определяющих установившиеся связи социокультурной системы с окружением.

Инкультурация — освоение индивидом традиционных способов мышления и действий, характерных для культуры, приобретение навыков овладения своим телом и элементами непосредственной жизненной среды. Продолжается всю жизнь.

Институт социальный (культурный) — устойчивая социокультурная форма, с помощью которой люди включаются в социальную жизнь, адаптируются в ее рамках и поддерживают ее. Каждая такая форма — институт — связывается с решением определенной социальной значимой задачи, удовлетворением конкретной базовой потребности, с осуществлением групповых интересов. Институт имеет структуру, т.е. упорядоченность функционирования, зафиксированную в нормах.

Интеграция социокультурная — понятие, которое в статическом смысле означает отношения между компонентами системы, построенные по принципу дополнительности или взаимодополнительности, а в динамическом — процесс объединения отдельных единиц в целостную систему.

Коммуникация — обмен информацией, значимой для контроля над изменениями социального взаимодействия или обсуждения на символическом уровне возможных направлений активности, связанных с изменением, сохранением или компенсацией действия значимых ситуативных факторов

Компетентность культурная — владение языком, знаниями и навыками, необходимыми для адаптации в рамках определенной культуры. Приобретается и меняется в процессах социализации и инкультурации.

Компетентность лингвистическая — владение родным или чужим языком; определяется, с одной стороны, способностями человека, с другой — приобретенными лингвистическими знаниями и навыками.

Компетенция лингвистическая — коммуникативная характеристика, определяющая меру владения языком в процессах обмена информацией, согласно следующим параметрам: правильность — соответствие высказывания признанным в культуре грамматическим правилам; реализуемость — способность контролировать размер и смысловую глубину грамматически правильных высказываний; приемлемость — соответствие высказывания конкретной социокультурной ситуации; встречаемость — частота, вероятность употребления языковой единицы.

Контекст культурный — по отношению к событию или факту определяется совокупностью условий их реализации — институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных — с одной стороны, и совокупностями выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах, — с другой.

Культура — категория, обозначающая содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты — артефакты, а также заученное поведение. Она относится к организованным совокупностям вещей, идей и образов; технологий их изготовления и освоения, оперирования ими; способов регулирования устойчивых связей между людьми; оценочных критериев, используемых в обществе. Это созданный самими людьми искусственный жизненный мир, среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и коммуникации.

«**Культура и личность**» — теоретическое направление психологической антропологии, которое связано с изучением корреляции между психическими и социокультурными закономерностями; процессов освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекции.

Макродинамика социокультурная — уровень изучения социокультурных изменений и процессов, соответствующий масштабам исторического времени, применяется к таким единицам изучения как панкультура (человеческая культура в целом) и цивилизация.

Маргинальность — модальность существования на периферии структурных образований, предполагающая немерное, неструктурированное пространство, состоящее из нецентрированных ризоматичных множеств.

Микродинамика социокультурная — уровень изучения социокультурных процессов, сопоставимых по времени с продолжительностью жизни одного-трех поколений, где прослеживаются их непосредственные сетевые связи; единицами изучения являются субкультуры, а также отдельные культурные черты и темы.

Направление научное — совокупность теорий, имеющих общие основания; предметную область изучения; принципы сбора, анализа и интерпретации информации, границы применимости.

Норма социокультурная — культурный механизм закрепления и контроля в отношении реализации определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных нужд людей или поддержания совместности их существования. Норма налагает ограничения на желания и претензии людей, делая их социально приемлемыми. Границы определяются представлениями о требованиях и запросах, допустимом и недопустимом, одобряемом и порицаемом поведении. Однако в рамках между одобрениями и порицаниями находится область свободного индивидуального выбора.

Область культуры специализированная — культурная единица микродинамики культуры, характеризующаяся особым культурным кодом, социальным уровнем институционализации, необходимостью специальной подготовки и профессиональной деятельности.

Обучение — в социобиологическом смысле освоение и использование индивидом адаптационно полезного опыта, которые нельзя объяснить ни процессами развития организма, ни сенсорной адаптацией. Обучение принято подразделять на следующие виды: кратковременное и долговременное запоминание, классическая и инструментальная обусловленность, развитие способностей.

Организация социальная — совокупность функциональных связей между элементами социальной системы, определяющих их соподчиненность, контроль над эффективностью взаимодействий и коммуникаций между ними, обеспечивающих достижение определенной цели, решение определенной задачи.

Организация социальная — упорядоченные взаимодействия и коммуникации людей, направленные на достижение общей цели.

Парадигма научно-познавательная — устойчивый набор оснований, принципов и методов исследования, изучаемых процессов и явлений, результирующих построений, критериев их оценки, выделяющих научный способ познания от всех остальных.

Парадигма взаимодействия — совокупность оснований, определяющих форму, стратегию, тактику взаимодействия, а также обуславливающих их факторов и механизмов. К ним относятся: нормативные ориентации участников по отношению друг к другу; общие намерения относительно целей взаимодействия; ожидания участников по отношению друг к другу и результатам взаимодействия; особенности организации информационного обмена. Выделяется три фундаментальных парадигмы взаимодействия: консолидация, конфликт, переговоры.

Партикуляризм — рассмотрение людей, элементов окружения, событий в качестве ситуативных, уникальных, специфичных.

Позиция социальная — общественное положение индивида, определяемое двумя параметрами: местом в системах разделения труда и социальной стратификации.

Порядок социокультурный — то, что задается людьми в вещах и ситуациях как их внутренний закон, как скрытая сеть отношений между ними и человеком, как ее устойчивое структурное выражение, представленное в символической форме.

Постмодерн — интернациональное направление в познании человека, общества и культуры, знаменующее исчерпанность эвристических возможностей и разрушение предыдущей познавательной, парадигмы. Сложилось на принципах модерна: структурализма, символизма, конструктивизма, авангарда. Его характеризует особое внимание к движению, неопределенности, переходности.

Потребность — динамическая форма связи человека с окружением, характеризующая дефицитом жизненно важных ресурсов, которые можно пополнить за счет либо активизации внутренних резервов, либо обращения к внешним источникам. Служит побуждением к активности.

Представление — единица в описании отношений человека с окружением, занимающая промежуточное положение между переживанием и символом, презентующая связи между реальностью и символом, между означаемым и означающим; иногда представления отождествляются с образами и внутренними концептами. Представления работают как механизмы идентификации и оценки переживаний и внешних воздействий с точки зрения их индивидуальной и социальной значимости.

Протокультура — любая система социально заученного поведения и символов, биологически ненаследуемая и транслируемая от одного поко-

ления популяции к другому в процессах взаимодействия и коммуникации. Относится прежде всего к видам животных, отличным от человека.

Регион культурно-исторический — социокультурная единица макродинамики культуры, характеризующаяся общностью черт, тем, паттернов, удерживающихся в историческом масштабе времени и на значительной территории проживания нескольких соответствующих этносов. Общность объясняется процессом межкультурного обмена, культурной диффузией.

Реификация — отношение к категории, к понятию как к реально существующему объекту.

Ризома — в рамках постмодерна беспорядочное возникновение множественности, движение, не имеющее превалирующего направления, распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение.

Ритуал — в социобиологическом смысле серия наследственно обусловленных и закрепленных в генотипе стандартных телодвижений, повторяющихся последовательностей двигательных реакций, их формы и скорости. Это модели поведения, которые выполняют сигнальную коммуникативную функцию. В человеческом обществе ритуализация подразумевает превращение в символические церемонии определенных социокультурных образцов, которые утрачивают свои первоначальные прагматические функции и направлены на поддержание целостности определенной социокультурной единицы.

Роль социальная — совокупность функций, которые предписано выполнять индивиду, занимающему определенное место в социальной группе или организации.

Символ — объект, стереотип поведения, слово, указывающие на некоторую значимую для людей область реальности — природную, социальную, психическую, — представленную собственными признаками. Символы указывают на существование культурных порядков, т.е. специально выделенных организованных культурных форм, объединяющих условия, процессы и оценки соответствующих этим формам действий и взаимодействий. Символы порождаются и существуют в процессах взаимодействия и коммуникации как культурные единицы, ставшие одновременно указанием и явлением. Они обнаруживают себя как культурный феномен, лишь выражая свою связь, свое отношение с обозначаемым порядком.

Система социальная — аналитический объект, представляющий собой совокупность функций, организованную в устойчивую целеориентированную целостность. Система определяется такими параметрами, как границы, входы — выходы, составляющие элементы, структура связей между ними, содержание процессов обмена между элементами и способы преобразования входов в выходы.

Слой (страта) социокультурный — социокультурная единица, характеризующая объединение людей, сходных по социальному положению, образу, качеству, стилю жизни, объединенных социально-сетевыми связями.

Смысл — контекстуальная окрашенность значения определенного знака; роль, функция значения в конституировании содержания сообщения.

Социализация — освоение людьми элементов социокультурного окружения: социального и культурного пространства и времени, функциональных объектов, технологий деятельности, взаимодействия, коммуникации, символических структур, нормативных образований. Продолжается всю жизнь.

Социальность. — врожденное свойство животных, в т.ч. и человека, находится в отношениях взаимодействия и коммуникации с представителями своего и других видов, базирующееся на фундаментальных метаболических связях организма со средой существования.

Социобиология — область социальнанаучного познания, связанная с изучением биологической обусловленности социальных и символических форм существования популяций животных.

Статус социальный — социальная позиция индивида, оцениваемая с точки зрения характерных для нее объемов власти и авторитета.

Стереотип социальный — устойчивое, принимаемое без доказательств представление о какой-либо категории людей, формирующееся благодаря типологизации в соответствии с индивидуализирующими элементами (раса, этническая и конфессиональная принадлежность, возраст, пол). Они складываются в процессах коммуникации в качестве символических обобщений и становятся социальными, когда разделяются большинством членов сообщества.

Стиль речи — метасообщение, определяющее контекст, в котором следует принимать и интерпретировать вербальное сообщение. Он несет в себе тональную окраску сообщения и выражается через оттенки выразительности, в том числе невербальной, через последовательность разработки темы в дискурсивном процессе.

Стратификация — расслоение животной популяции, разделение ее на группы, под которыми понимаются любые совокупности особей, непосредственно взаимодействующих друг с другом. Группы обусловлены распределением популяции по признакам пола, возраста, функциональных ролей, характеристик поведения. Группы могут быть различными по количеству особей, длительности существования, структурной сложности, интенсивности контактов и т.д. Стратификация имеет физическое, пространственное воплощение и является неотъемлемым свойством животной популяции. У людей социальная стратификация определяется расслоением общества по признакам социальных позиций и статусов, характеризующим сходства и различия в образе, качестве, стиле жизни. Члены групп, составляющих социальные слои, связаны сетевыми межличностными отношениями.

Структура социальная — категория, обозначающая установления отношений между людьми в процессе их совместной жизни. Согласно А. Радклиф-Брауну, это постоянно действующая организация общественных отношений, определяемых и контролируемых с помощью институтов, т.е. социально установленных норм и паттернов поведения.

Структурализм — направление в культурной антропологии, искусствоведении, лингвистике, связанное с рассмотрением культуры как организации представлений, знаний, упорядочения знаков, значений в символиче-

ской форме. Оно сформировалось под влиянием идей структурной лингвистики, семиотики. В его рамках осуществляется анализ семантических культурных порядков, знаковых и символических систем как на специализированном, так и на обыденном уровнях культуры.

Структурный функционализм — теоретическое направление в социологии и культурной антропологии, относящееся к изучению социокультурных систем. Основывается на допущениях о реальности, целостности, единстве таких систем. Каждая из них рассматривается в концептуальном пространстве, определяемом четырьмя измерениями: биологическим, психологическим, социальным, культурным. Предполагается, что все компоненты системы находятся в отношениях взаимозависимости, взаимоподдержания, взаимобмена услугами и вознаграждениями. Этому отвечает концепция функции: решение задач, связанных с поддержанием системы как целого. Структурный функционализм предназначен для установления фундаментальной соотнесенности условий и процессов совместной жизни людей в ее социальном качестве. Этому отвечает понятие структуры, т.е. институциональных способов объяснения и механизмов поддержания взаимодействий и коммуникаций социокультурных групп, составляющих общество.

Тема культурная — совокупность представлений, оценок, выраженных в символической форме, относящихся к осмыслению членами общества определенной социально значимой проблемы, к оправданию стандартных способов поведения в проблемной ситуации.

Территориальность — активный механизм разобщения особей и групп популяции, обуславливающий выделенность занимаемого ими участка жизненного пространства, неприкосновенность его защищаемых границ. Она не является диагностическим видовым признаком: способность индивида переходить от территориального к нетерриториальному поведению позволяет рассматривать ее как механизм быстрого приспособления к непосредственному окружению.

Технология социальная — система взаимосвязанных обменов действиями и информацией, предназначенная для достижения определенной цели в сфере человеческих отношений.

Трансакция — принцип изучения взаимодействий и коммуникаций, при котором подразумевается, во-первых, внешняя и внутриличностная обусловленность отбора и использования информации; во-вторых, взаимовлияние участников друг на друга, обмен определениями ситуации. С этой точки зрения особое внимание уделяется тому, что происходит между участниками, а не к их внутренним состояниям и механизмам социального взаимодействия.

Универсализм — способ категоризации людей и объектов, при котором они соотносятся с общими категориями, стандартизируются.

Универсалия культурная — культурная черта, структурная единица, форма активности, встречающаяся во всех культурах.

Универсалия эволюционная — структурно-функциональное образование, складывающееся в процессах взаимодействия людей с окружением и увеличивающее степень их адаптированности, повышающее уровень ор-

ганизации общества. Находит широкое распространение в других культурах благодаря действию диффузионных механизмов.

Фантазм — представление, порождаемое внутренними состояниями организма, переживаниями, не соотносимыми ни с какими внешними стимулами, реальными событиями.

Функционализм — теоретическое направление в социальной и культурной антропологии, в рамках которого основное внимание уделяется способам удовлетворения потребностей, интересов, запросов людей. Его проблемное поле определяется поиском ответов на вопросы: как существуют и поддерживаются устойчивые формы социальных отношений; каковы механизмы их сохранения; как работают эти механизмы.

Функция социальная — система действий, взаимодействий, коммуникаций, направленная на решение определенной социальной задачи (удовлетворение потребности, интереса, запроса; поддержание социальных отношений; сохранение жизненной среды).

Черта культурная — структурно-функциональная единица, паттерн социокультурных отношений, символическое образование, носящее культурообразующий характер.

Эволюционизм — философское и социальное научное направление в изучении макродинамики общества и культуры, основывающееся на концепции эволюции, предполагающей, что необратимые социальные и культурные изменения осуществляются в направлении количественного приращения разнокачественных элементов с последующей интеграцией и повышением уровня организации сложившейся в результате целостности. Человеческая культура рассматривается как совокупность процессов адаптации людей, организованных в сообщество, к их природному окружению.

Эволюция общая — эволюционные универсалии и процессы, рассматриваемые на уровне культуры всего человечества, или панкультуры. Складывается в результате межкультурных взаимодействий и обменов, в процессе которых происходит отбор и распространение адаптационных культурных черт.

Эволюция специфическая — изменения в культуре, происходящие благодаря повышению уровня адаптации ее носителей к особенностям непосредственного окружения. Порождают культурно-специфические черты, из которых могут сформироваться эволюционные универсалии.

Этнос — культурная единица, характеризующаяся общностью языка, нравов и обычаев, этноидентификации.

Этология — наука о поведении животных.

Язык — категория, обозначающая самое существенное из культурных образований, выражающих социальную природу человека. Язык принято рассматривать в двух основных аспектах: философо-феноменологическом и лингвистическом. В первом случае речь идет о символической реальности, имеющей собственное бытие, обусловленное необходимостью социального взаимодействия и коммуникации. С этой точки зрения, язык — это развертывающаяся во времени и пространстве активность языкового коллектива, объединенного общими социокультурными условиями, обусловленная со-

циальной природой людей, их потребностью и способностью обмениваться информацией в форме интерсубъективно разделяемых знаков и значений. Во втором случае язык рассматривается прежде всего как лингвистическая система, абстрагированная от процессов речевой коммуникации. Имеются в виду идеально-типические принципы организации вербальных единиц в коммуницируемые речевые или письменные тексты. С формальной позиции язык принято представлять в тех основных аспектах, которые отражают его интерсубъективность и стандартизованность: морфология (строение языковых форм), грамматика (способ организации языковых единиц), фонетика (способ звукового выражения языковых единиц).

Языки культуры — условное название искусственно созданных людьми систем выражения своих переживаний и отношений с окружением. Помимо вербального, можно выделить такие «языки», как жестовой, графический, образный, формализованный. Для них характерна возможность разными способами расчленять и объединять представления людей. В сфере социального взаимодействия языки культуры предстают в качестве медиаторов, проводников, средств и среды, позволяющих придавать интерсубъективную, культурную форму интрасубъективному опыту; транслировать социально значимые представления и придавать им общезначимый, разделяемый смысл. Несходство таких языков обусловлено не только необходимостью выражать разные представления, но и возможностью с нескольких сторон осветить одно и то же представление. Они позволяют людям объединять многообразные и изменчивые события и элементы окружения в устойчивые и последовательные целостности, из которых складывается дифференцированный и в принципе упорядоченный жизненный мир.

Я-концепция — представление индивида о себе, основанное на допущении о наличии внутриличностного ядра — «я» — отбирающего и интегрирующего значимую и отвергающего незначимую для него информацию. Под понятием «я» подразумевается системообразующее начало в отношениях индивида с окружением.

Список литературы

Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы : сб. ст. / под ред. Г. В. Осипова. — М. : Прогресс, 1972.

Баньковская, С. П. Инвайронментальная социология / С. П. Баньковская. — Рига : Зинатне, 1991.

Беспалов, В. Е. Введение в функционалистику / В. Е. Беспалов, Л. В. Сальников. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991.

Белик, А. А. Культурология. Антропологические теории культур : учебное пособие / А. А. Белик. — М.: РГГУ, 2000.

Бивин, Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Д. Бивин, Д. Джексон ; пер. с англ. А. Суворовой. — М. : Апрель-Пресс. 2000.

Болотова, А. К. Социальные коммуникации : учебное пособие / А. К. Болотова, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская. — М. : Гардарики, 2008.

Бродель, Ф. Очерки истории / Ф. Бродель ; пер. с фр. Э. А. Орловой. — М. : Академический проект, 2015.

Ван Дейк, Т. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1998.

Волновые процессы в общественном развитии : монография / В. В. Василькова и др. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.

Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации / Д. П. Гавра. — СПб. : Питер, 2011.

Гириц К. Интерпретация культур. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php (дата обращения: 28.08.2015).

Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Динамика культурных и социальных связей : сб. ст. — М., 1992.

Динамика культуры: Теоретико-методологические аспекты : сб. ст. / отв. ред. Э. А. Орлова, А. И. Арнольдов. — М. : АН СССР, Ин-т философии, Филос. об-во СССР, 1989.

Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. — М. : Наука, 1984.

Зорина, З. А. Основы этологии и генетики поведения / З. А. Зорина, И. М. Полетаева. — М. : МГУ, 1999.

Карпинская, Р. С. Социобиология: Критический анализ / Р. С. Карпинская, С. Л. Никольский. — М. : Мысль, 1988.

Коган, В. З. Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки / В. З. Коган. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1991.

- Коноваленко, М. Ю.* Теория коммуникации : учебник для бакалавров / М. Ю. Коваленко, В. А. Коваленко. — М. : Издательство Юрайт, 2012.
- Кристева, Ю.* Семиотика. Исследования по семанализу / Ю. Кристева ; пер. с фр. Э. А. Орловой. — М. : Академический проект, 2013.
- Леви-Стросс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Наука, 1985.
- Маркарян, Э. С.* Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ) / Э. С. Маркарян. — М. : Мысль, 1983.
- Мацумото, Д.* Психология и культура : пер. с англ. / Д. Мацумото. — СПб. ; М. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; Олма-Пресс, 2002.
- Мид, М.* Культура и мир детства: Избранные произведения : пер. с англ. / М. Мид. — М. : Наука, 1988.
- Моль, А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль ; вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова и С. Н. Плотникова. — М. : Прогресс, 1973.
- Монсон, П.* Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы / П. Монсон ; пер. со шв. А. Н. Ливановой. — СПб. : Нотабене, 1992.
- Новое в лингвистике : сб. ст. — Вып. 1—25. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1960—1989.
- Новые направления в социологической теории / под ред. Г. В. Осипова. — М. : Прогресс, 1978.
- Орлова, Э. А.* История антропологических учений : учебное пособие для вузов / Э. А. Орлова. — М. : Академический проект, 2010.
- Орлова, Э. А.* Социальное взаимодействие как процесс : монография / Э. А. Орлова, Е. Н. Шапинская, И. А. Урмина, А. В. Каменец ; отв. ред. и ред.-сост. Э. А. Орлова. — М. : ГАСК, 2013.
- Орлова, Э. А.* Социология культуры : учебное пособие для вузов / Э. А. Орлова. — М. : Академический проект, 2012.
- Панов, Е. Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций / Е. Н. Панов. — М. : Наука, 1983.
- Постмодернизм и культура : сб. ст. — М., 1991.
- Пригожин, А. И.* Перестройка: Переходные процессы и механизмы / А. И. Пригожин. — М. : Наука, 1990.
- Проблемы культурного наследования в философской теории и практике современного Запада : сб. ст. / отв. ред. И. К. Кучмаева. — М. : АН СССР, Ин-т философии, 1989.
- Рикёр, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр ; пер. с фр. и вступ. ст. И. С. Вдовиной. — М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2002.
- Современная зарубежная социальная психология: Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. — М. : МГУ, 1984.
- Социальная структура и социальная стратификация : сб. ст. / под ред. С. А. Белановского. — М. : ИНХП РАН, 1992.
- Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — Вып. 1—5. — М., 1992—1993.

Социодинамика культуры. Вып. 1. Концептуальные основы социологического анализа культурных изменений / отв. ред. Л. Г. Ионин. — М., 1991.

Социокультурная антропология. История. Теория. Методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. — М. : Академический проект, 2012.

Тёрнер, Д. Структура социологической теории : пер. с англ. / Д. Тёрнер ; под ред. Г. В. Осипова. — М. : Прогресс, 1985.

Усовская, Э. А. Постмодернизм в культуре XX века : учебное пособие для вузов / Э. А. Усовская. — Минск : БГУ, 2003.

Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. — М. : Прогресс, 1977.

Черри, К. Человек и информация (Критика и обзор) / К. Черри ; пер. с англ. В. И. Кули и В. Я. Фридмана. — М. : Связь, 1972.

Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения : сб. ст. / отв. ред. С. Я. Козлов и П. И. Пучков. — М. : Наука, 1971.

Этнология в США и Канаде / отв. ред. Е. А. Весёлкин и В. А. Тишков. — М. : Наука, 1989.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

Орлова Эльна Александровна

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебник и практикум для академического бакалавриата

Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 000.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru